

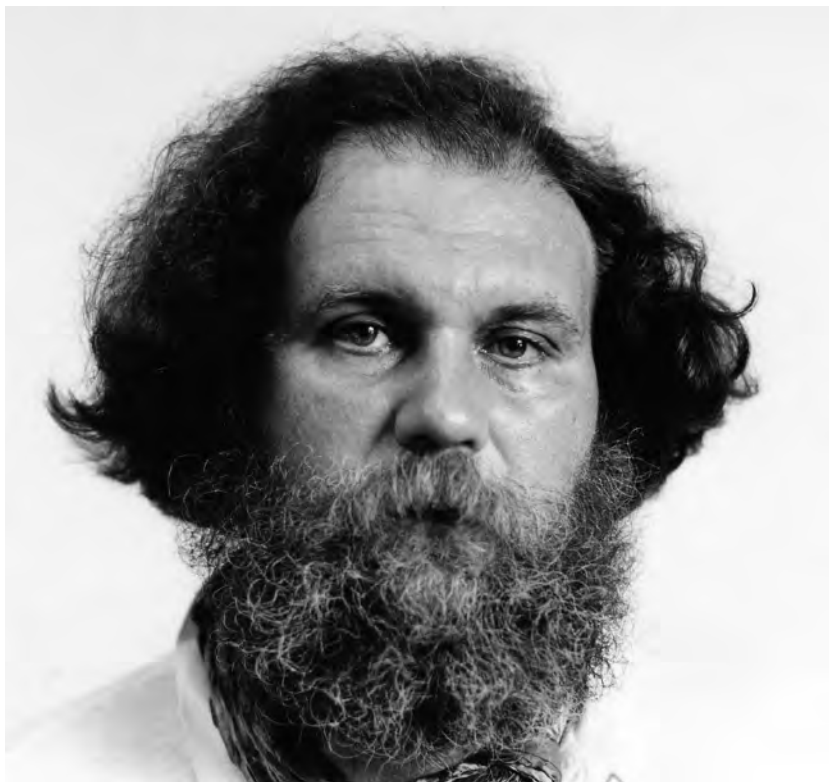
ЗАПИСКИ ИИМК ДАХ

26

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Памяти Сергея Васильевича Белецкого (1953–2022)

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS

No. 26

St. Petersburg
2022

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 26

Санкт-Петербург
2022

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2022. № 26. 216 с.
ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg: IHMC RAS, 2022.
No. 26. 216 p.

Редакционная коллегия: В. А. Лапшин (главный редактор), В. А. Алёкшин, М. Ю. Вахтина,
Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора),
А. К. Очередной

Editorial board: V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, M. Yu. Vachtina, Yu. A. Vinogradov,
L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, Е. В. Новгородских, В. Я. Стеганцева

Publishing group: L. B. Kircho, E. V. Novgorodskikh, V. Ya. Stegantseva

«Записки ИИМК» № 26 открываются разделом, посвященным памяти выдающегося исследователя древней и средневековой Руси С. В. Белецкого (1953–2022). В разделе «Новые исследования и разработки» представлены как публикации результатов новых полевых исследований, так и анализ археологических материалов от нижнего палеолита до позднего средневековья. В разделе «Из истории науки» особый интерес представляют работы, основанные на архивных источниках и открывающие подчас новые, неожиданные аспекты изучения ранее уже опубликованных материалов.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейоведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 26th issue of the “Transactions of IHMC RAS” opens with a section dedicated to the memory of the outstanding researcher of Old Rus, S. V. Beletsky (1953–2022). The next section, entitled “New studies and developments”, presents both the results of new field works and analyses of different kinds of archaeological materials ranging from the Paleolithic to the late medieval period. The section “From the history of science” features works based on archive sources which shed a new and sometimes unexpected light on the earlier published materials.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БЕЛЕЦКОГО

<i>В. А. Лапшин, Н. И. Платонова</i> Сергей Васильевич Белецкий (21.08.1953–19.02.2022)	9
<i>М. Ю. Вахтина</i> Сквозь дымку лет: оглядываясь на студенческие годы	12
<i>Б. А. Раев</i> Мало избранных. Псков	15
<i>Л. В. Столярова</i> В квадратике неба. Памяти Сергея Васильевича Белецкого	20
<i>А. В. Курбатов</i> Реквием С. В. Белецкому.....	30
Список печатных работ С. В. Белецкого (2013–2021) (<i>составитель Л. М. Всевиов</i>)	34

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ

<i>Н. К. Анисюткин</i> Итоги и перспективы изучения раннего палеолита Русской равнины	38
<i>Е. М. Колтаков, А. И. Мурашкин, А. Ю. Тарасов, А. А. Малютина, К. Н. Степанова</i> Петроглифы Канозера: раскопки	52
<i>Д. Г. Савинов</i> Курганы с захоронениями сосудов в Центральной Туве как отдельный вид археологических памятников	64
<i>Е. В. Вильданова</i> Железные стилизованные налобники в комплексах ранних кочевников Южного Урала	79
<i>О. В. Кладченко, Б. А. Раев, Д. Ф. Бабенко</i> Селище Куафо 6 — новый памятник аборигенного населения Северо-Западного Кавказа эпохи средневековья (по результатам исследований в 2019 году)	100
<i>С. С. Бортников</i> Опыт технологического изучения кольцевидных фибул с орнаментом в стиле Борре из Гнёздова	109
<i>И. В. Стасюк</i> Появление курганного обряда на Ижорском плато и древнерусская колонизация ...	126

<i>Ю. В. Степанова</i>	
Булавки в костюме населения Верхневолжья XI–XVII веков	139
<i>В. В. Миненко, К. В. Горлов, И. Н. Разумов</i>	
Мастерская костореза-бронника XVI–XVII веков из Смоленска	147

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>Р. У. Мамац-ица</i>	
Становление археологии в Абхазии (1920–1930-е годы)	165
<i>Ю. А. Виноградов, Е. Г. Застрожнова, М. В. Медведева</i>	
Таманская экспедиция ГАИМК: начало конца	172
<i>М. В. Медведева</i>	
Издание ноин-улинской коллекции и фотограф И. Н. Александров: неизвестные факты биографии ленинградского периода	188
<i>А. Ю. Кононович, Д. А. Кукина</i>	
Гочевский могильник в исследовании Д. Я. Самоквасова (по материалам архива ИИМК РАН)	199

РЕЦЕНЗИИ

<i>А. В. Курбатов</i>	
Новое исследование по ранней Ладоге. Рецензия на книгу: О. В. Орфинская, К. А. Михайлов. «Текстиль Старой Ладоги эпохи викингов» / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: ARS longa, 2020 (Тр. ИИМК РАН. Т. LVI). 372 с.: ил. ISBN 978-5-6041742-8-9	207
Список сокращений	212

CONTENTS

TO THE MEMORY OF SERGEY VASILYEVICH BELETSKY

<i>V. A. Lapshin, N. I. Platonova</i> Sergey Vasilyevich Beletsky (21.08.1953–19.02.2022)	9
<i>M. Yu. Vakhtina</i> Through the haze of time: looking back to the years of studentship	12
<i>B. A. Raev</i> Few are chosen. Pskov	15
<i>L. V. Stolyarova</i> In a small square of sky. To the memory of Sergey Vasilyevich Beletsky	20
<i>A. V. Kurbatov</i> Requiem to S. V. Beletsky	30
Bibliography of S. V. Beletsky's works published in 2013–2021 (comp. <i>L. M. Vsevirov</i>)	34

NEW STUDIES AND DEVELOPMENTS

<i>N. K. Anisyutkin</i> Results and perspectives in the study of the Early Paleolithic of the Russian Plain	38
<i>E. M. Kolpakov, A. I. Murashkin, A. Yu. Tarasov, A. A. Malyutina, K. N. Stepanova</i> Petroglyphs of Kanozero: excavations	52
<i>D. G. Savinov</i> Barrows with burials of vessels in Central Tuva as a distinct kind of archaeological sites	64
<i>E. V. Vildanova</i> Iron stylized headstalls from the early nomadic sites of South Ural	79
<i>O. V. Kladchenko, B. A. Raev, D. F. Babenko</i> Kuafo 6 settlement — a new medieval site of the indigenous inhabitants of the Northwestern Caucasus (based on the results of the 2019 excavations)	100
<i>S. S. Bortnikov</i> A technological study of the Borre-style ringed-pins from Gnezdovo	109
<i>I. V. Stasyuk</i> Appearance of the barrow rite on the Izhora plateau and the Old Russian colonization	126

<i>Yu. V. Stepanova</i>	
Pins in the Upper Volga costume of the XI–XVII cc.	139
<i>V. V. Minenko, K. V. Gorlov, I. N. Razumov</i>	
Bone carver-armorer's workshop of the XVI–XVII cc. from Smolensk	147

HISTORY OF SCIENCE

<i>R. U. Mamatz-ipa</i>	
Formation of archaeology in Abkhazia (1920s–1930s)	165
<i>Yu. A. Vinogradov, E. G. Zastrozhnova, M. V. Medvedeva</i>	
Taman Expedition of the State Academy of the History of Material Culture: the beginning of the end	172
<i>M. V. Medvedeva</i>	
Publication of the Noin-Ula collection and the photographer I. N. Alexandrov: unknown facts of the Leningrad period of his biography	188
<i>A. Yu. Kononovich, D. A. Kukina</i>	
Gochevo cemetery as studied by D. Ya. Samokvasov (based on the materials from the Scholarly Archive of IHMC RAS)	199

REVIEWS

<i>A. V. Kurbatov</i>	
A new study on Staraya Ladoga. Review of: O. V. Orfinskaya, K. A. Mikhailov. “The Viking Age Textiles of Staraya Ladoga” / Ed. by N. I. Platonova. St. Petersburg: ARS longa, 2020 (Proceedings of IHMC RAS. Vol. LVI). 372 p.: ills. ISBN 978-5-6041742-8-9	207
List of abbreviations	212

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БЕЛЕЦКОГО

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БЕЛЕЦКИЙ (21.08.1953–19.02.2022)

В. А. ЛАПШИН, Н. И. ПЛАТОНОВА¹

19 февраля 2022 г. на 69-м году жизни после тяжелой болезни скончался Сергей Васильевич Белецкий, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, один из крупнейших и международно признанных специалистов в области славяно-русской археологии, средневековой сфрагистики и геральдики.

Сергей Васильевич родился 21 августа 1953 г. в семье археолога Василия Дмитриевича Белецкого и искусствоведа Александры Семеновны Косцовой. Родители были сотрудниками Отдела русской культуры Государственного Эрмитажа, так что жизнь мальчика с восьми лет оказалась связана с археологическими экспедициями. Отец, Василий Дмитриевич, более 30 лет руководил исследованиями Довмонта города в центре современного Пскова. Именно ему город обязан тем, что вместо безликого сквера с фонтаном, запланированного в этом историческом месте в 1956 г., там возник музей под открытым небом с остатками 11 средневековых храмов... Сергей Васильевич с детства прикипел душой к древней Псковской земле. Его последующая научная деятельность в значительной степени оказалась связанной именно с нею.

В 1970 г. С. В. Белецкий поступил на кафедру археологии исторического факультета ЛГУ. Конкурс в том году составлял 68 человек на место (при общем конкурсе на факультет 15 человек на место). Поступить удалось только на вечернее отделение. Став активным участником славяно-варяжского семинара, созданного Л. С. Клейном, Сергей Васильевич сполна ощутил присущую ему атмосферу — задорной, свежей, бьющей через край научной мысли. Участники семинара быстро выросли. Уже на студенческой скамье многие из них получали открытые листы, становились начальниками отдельных отрядов. Работали взахлеб, в непогрешимой уверенности, что им, а не кому-то еще, суждено сказать новое слово в славяно-русской проблематике.

Эта ранняя самостоятельность не всегда способствовала учебе. Нам, ровесникам и друзьям С. В. Белецкого, памятен его рассказ, как, будучи четверокурсником, он задержался в поле до ноябрьских праздников. После чего позвонил заведующему кафедрой А. Д. Столяру — нет, не с извинениями, с просьбой позволить задержаться еще немного — докопать сопку... Ответная реакция интеллигентного и мягкого в общении Абрама Давыдовича не поддавалась описанию. Такого богатства лексики профессор не обнаруживал никогда — разве что в далекие фронтовые годы... Студенту пришлось вернуться в Ленинград максимально срочно.

¹ Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Сергей Васильевич Белецкий.
Санкт-Петербург, 2008 г.
(фото Н. Ю. Вахтиной)
Sergey Vasilyevich Beletsky.
St. Petersburg, 2008
(photo by N. Yu. Vakhtina)

Серьезная научная работа началась для С. В. Белецкого уже на студенческой скамье. В университете его занятиями руководили Г. С. Лебедев и В. В. Седов. В 1976–1978 гг. он продолжил обучение в аспирантуре ИА АН СССР и в 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию «Керамика Псковской земли второй половины I — начала II тыс. н. э. как исторический источник» (рук. В. В. Седов). Позднее на ее основе была написана полемически заостренная книга «Начало Пскова» (1996). Предпринятая в этой работе реконструкция культурной стратиграфии Труворова городища в Старом Изборске привела автора к выводу об отсутствии на площадке городища достоверного слоя X в. Позднее автор пришел к заключению, что Изборск, упомянутый в летописном рассказе о призвании варягов, — это не Труворово городище, а поселение конца IX — начала XI в. на месте современного Пскова.

С 1979 по 1989 г. С. В. Белецкий работал в Отделе археологических сводов ИА АН СССР под руководством В. В. Седова. В этот период он проводил обширные раскопки в Изборске и

Пскове, а в 1980 г. принял участие в организации научного семинара «Археология и история Пскова и Псковской земли». Годы, проведенные им в Москве по окончании аспирантуры, оказались достаточно трудными из-за отсутствия постоянного жилья и вечной бытовой неустроенности. В ту пору наиболее комфортно он чувствовал себя на археологической базе Псковской экспедиции, где и старался задерживаться как можно дольше, хоть до снегов. Наблюдения за стратиграфией городского слоя Пскова в различных частях города и постепенное накопление данных о памятниках сфрагистики Северо-Запада принесли ученому неоценимый опыт. Они превратили недавнего «керамиста» в специалиста очень широкого профиля, способного аккумулировать огромные массивы археологических данных и выстраивать собственные хроностратиграфические схемы ключевых памятников региона.

В 1989 г. С. В. Белецкий был переведен новым директором ИА АН СССР академиком В. П. Алексеевым в Ленинградское отделение того же института (ныне ИИМК РАН). Здесь, в Отделе славяно-финской археологии, он и проработал до последних дней своей жизни. В 1995 г. успешно защитил докторскую диссертацию «Сфрагистика Пскова XIV–XV вв. (материалы для истории властных структур в средневековом городе)». В основу работы легла уникальная находка — «архив» из 564 свинцовых печатей, обнаруженный при раскопках Довмонтава города в 1960–1962 гг. Тогда он впервые был введен в научный оборот.

Приступив к изучению «знаков Рюриковичей», С. В. Белецкий собрал и каталогизировал несколько тысяч предметов с изображением древнерусских княжеских знаков. Ему удалось выявить правила наследования сыновьями отцовского знака и благодаря

этому аргументировать персональную принадлежность всех известных в настоящее время знаков X–XI вв. и многих знаков XII–XIII вв.

Очень важным делом, успешно завершённым С. В. Белецким в 2018 г., стал исчерпывающий анализ сфрагистических материалов Старой Ладogi XI–XV вв., включавший на тот момент 234 памятника сфрагистики — вислых печатей и пломб. Наблюдения и открытия, сделанные в ходе анализа этого материала, позволили выяснить ряд ключевых моментов истории города в XI–XIII вв.

Преподавательская деятельность С. В. Белецкого длилась более четверти века. На базе кафедры музееведения Санкт-Петербургского государственного института культуры он подготовил несколько поколений студентов-историков и культурологов. Общаться со студентами он любил. Любил и самих студентов.

Работоспособность не покидала его до конца. Накануне своего ухода С. В. Белецкий все-таки успел подготовить к печати книгу «„Архив“ актовых печатей из раскопок в Довмонтовом городе Пскова» за двумя подписями — отца и своей. Эта рукопись представляет собой итоговый труд двух поколений семьи археологов Белецких.

В последние годы здоровье все больше подводило Сергея Васильевича. Он был одинок. Старая собака умерла, а завести новую он не мог — уже не было сил часто и подолгу выгуливать пса. Тем не менее жалоб от него никто не слышал. Приезжать в институт становилось ему все труднее, но когда он там все-таки появлялся — огромный, веселый, неизменно что-то балагурящий — всем начинало казаться, что никаких проблем у него нет...

Прощай, дорогой, незабвенный наш Сергей Васильевич! В науке твое имя вряд ли скоро забудется. А в памяти нашей ты и так живой...

СКВОЗЬ ДЫМКУ ЛЕТ: ОГЛЯДЫВАЯСЬ НА СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

М. Ю. ВАХТИНА¹

Очень часто, вспоминая своих учителей и старших коллег, встреченных в юные годы, которых, взрослея, мы теряли, поражаешься и испытываешь восхищение, понимая, какие яркие, необычные и талантливые личности окружали нас в те времена, когда мы только вступали во взрослую жизнь. Как водится, это осознание приходит позже, в зрелые годы. Не то чтобы мы изначально не могли ценить людей, которых нам посчастливилось узнать. Мы ими восхищались, тянулись к ним, но, как правило, в полной мере масштаб их личности и вклад в наше собственное становление раскрывались перед нами далеко не сразу, обычно лишь после того, как непосредственное общение становилось невозможным.

А теперь и для моего поколения уже начался театральный разъезд... И понимаешь, какое тепло унесли с собой наши ушедшие друзья. И наступает суровая пора оценки этих потерь.

С Сергеем Белецким мы учились в одной группе (рис. 1), вместе защитили дипломы². Сергей попал к нам не сразу, он начинал учиться курсом старше, в его группу тогда входили В. Я. Стёганцева (в студенческие годы Зельдина), Н. А. Боковенко. Он появился на нашем курсе в 1972/73 учебном году, после академического отпуска. Серёжа был во всех отношениях видным студентом — крупным, высоким, громко говорил и смеялся, не боялся задавать вопросы преподавателям (к месту и не очень)... Не заметить его было невозможно. Реакция преподавателей на него была разная. Некоторых он раздражал, и им приходилось сдерживаться изо всех сил. Так, например, Серёжа частенько опаздывал на лекции по энеолиту, которые читал А. Д. Столяр. Вскоре после начала он подобно вихрю врывался в аудиторию (иногда по дороге натыкаясь на стулья) и громко кричал, бия себя в грудь: «Mea culpa!» Это выглядело слегка пародийно, и мы, затаив дыхание, ждали взрыва. Но Абрам Давидович, которого, несомненно, шумное и картинное появление Серёжи не могло не выводить из себя (о чем тот, без всякого сомнения, нимало не задумывался), оставался на высоте и, как правило, не позволял себе язвительных замечаний...

При встречах в факультетском коридоре (и позже, когда мы виделись в коридорах ИИМК) он кричал: «Привет, дружище!» Так он приветствовал всех. Я обычно с достоинством ответствовала: «Я тебе не дружище, а прекрасная дама!» И мы смеялись.

¹ Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

² По окончании Университета из нашей группы на работу в ИИМК РАН (тогда ЛОИА АН СССР) были приняты Ю. А. Виноградов и В. А. Горончаровский.

Рис. 1. Среди выпускников кафедры археологии ЛГУ (июнь 1976 г.). Слева направо: первый ряд (сидят) — В. С. Бузин, С. В. Белецкий; второй ряд — Т. И. Шевчук (в замужестве Щербакова), М. Ю. Вахтина, Л. И. Кучугура; третий ряд — А. Якимов, Г. П. Иванов, Ю. А. Виноградов, В. Я. Конецкий, А. А. Александров

Fig. 1. Among the graduates of the Department of Archaeology of the Leningrad State University (June 1976). From left to right: first row (sitting) — V. S. Buzin, S. V. Beletsky; second row — T. I. Shevchuk (married Shcherbakova), M. Yu. Vakhtina, L. I. Kuchugura; third row — A. Yakimov, G. P. Ivanov, Yu. A. Vinogradov, V. Ya. Konetsky, A. A. Aleksandrov

По субботам после занятий мы с Серёжей иногда (если позволяли дела и погода) шли пешком из Университета до Финляндского вокзала. В те годы пройти этот путь не составляло труда... Он лежал через прекрасные и знакомые с детства места — по Дворцовой набережной, через Марсово поле, мимо Летнего сада по Моховой улице, вдоль Литейного проспекта и через Литейный мост. На Финляндском каждый садился в свой автобус: я на 75-м ехала домой, на Институтский, а Сергей на 107-м — к себе, на проспект Энергетиков. Родители Серёжи, Василий Дмитриевич Белецкий и Александра Семёновна Косцова, работали в Эрмитаже. Они занимались русскими древностями, были авторитетнейшими специалистами — каждый в своей области. А. Н. Кирпичников когда-то сказал, что Сергей превзошел своего отца как археолог-исследователь и что это естественно и закономерно. Несомненно, родители сыграли огромную роль в становлении Сергея как ученого. Мы же, его сокурсники, прежде всего ценили их за гостеприимство, неподдельный и благожелательный интерес к студенческому окружению сына. В их доме мы собрались всей группой после защиты дипломов и в благоприятной обстановке с размахом и радостно отметили это событие.

Сергей был очень добрым и широким человеком. Его жизненный и профессиональный путь часто складывался непросто. Но он оставался тем же отзывчивым и незлопамятным, каким был в юности. Для друзей ему вообще было ничего не жалко — ни денег, ни книг, ни времени, ни внимания... Он никогда не жаловался, даже в самых трудных ситуациях. Его бодрое восклицание «Пробьёмся!», наверное, помнят и будут помнить многие. Но, несмотря на уверенный вид и внешнюю «непробиваемость», Сережа был чутким и ранимым.

На церемонии прощания в петербургском крематории С. А. Васильев в своем выступлении сказал, что Сергей Белецкий был очень смелым человеком. Прежде всего, конечно, он имел в виду его гражданскую позицию, политические взгляды и убеждения, которые Сергей никогда не боялся отстаивать. Хочется добавить, что Сергей Васильевич Белецкий был очень смелым и в более широком, метафизическом смысле этого слова. Он в высшей степени не боялся быть собой. Даже в юности он не боялся показаться смешным, сказать что-либо неуместное, публично проявлять искренние чувства, чего обычно опасается большинство людей. Он не боялся думать и поступать, как он считал нужным, не опасаясь того, что скажут другие, какими могут быть последствия. Это касалось как его научных трудов и выступлений, так и повседневной жизни. Складывается впечатление, что он прошел именно свой жизненный путь, тот, который был ему предназначен.

Многое в научной и личной судьбе Сергея Белецкого было связано с Псковской землей. Его отец, Василий Дмитриевич, много лет руководил Псковской археологической экспедицией, занимавшейся раскопками этого древнего русского города, с ним на раскопки Серёжа ездил с детства. Повзрослев, многие годы работал во Пскове и Псковской области, изучал памятники, проводил разведки, сотрудничал с музеями. Для меня, как, наверное, для многих своих друзей, Серёжа «открыл» мир средневекового Пскова. Он водил меня по Кремлю, по городу, показывал Изборск и Пушкинские Горы... Когда я в студенческие, аспирантские и (уже реже) в последующие годы выбиралась во Псков в периоды, когда он там работал, Сергей всегда встречал меня на вокзале. Поезда, следовавшие с Варшавского вокзала, были в те годы почему-то очень неудобными — они прибывали в пункт назначения в ранние зябкие утренние часы, что-то около пяти утра. Общественный транспорт в такую рань еще не работал. Серёжа ставил будильник часа на четыре (или ранее, в зависимости от места дислокации) и шел пешком через город к вокзалу... Состав, замедляя ход, приближался, медленно полз вдоль платформы. Из окна я быстро выхватывала взглядом Сергея, ожидающего прибытия поезда на полупустом перроне. В сереньком весеннем рассвете, в первых лучах летнего солнца, в осеннем сумраке или тумане его высокая фигура была прекрасно различима. Оглядываясь на те годы, я мысленно вижу его таким, каким он был в моменты наших встреч — молодым, веселым, полным энергии и планов. И иногда мне кажется, что когда-нибудь я еще увижу его таким...

Сергей Васильевич Белецкий был талантливым ученым, интересным, самобытным исследователем. Он был прекрасным, необычным и ярким человеком. И хорошим, надежным другом — на протяжении многих лет.

МАЛО ИЗБРАННЫХ. ПСКОВ

Б. А. РАЕВ¹

*...вместе с нами из памяти уйдет целый пласт бытовой культуры,
тех источников, без которых будущие историки науки
вряд ли сумеют адекватно воссоздать <...>
историю повседневного быта археологических экспедиций...*

Белецкий 2000: 12

Представить себе Серёжу Белецкого не в археологии, а в какой-то другой профессии просто невозможно. И не только по факту рождения в семье, где отец был признанным специалистом по древнерусской архитектуре, а мама — хранителем икон Русского Севера в собрании Эрмитажа. Это, безусловно, сыграло свою роль в выборе рода занятий, но главным было то, что Сергей был гуманитарием, что называется, от бога и избрать иную специальность просто не мог.

Мы, конечно, были знакомы и общались во времена студенчества: не заметить и не прореагировать на Серёжу, излучающего вокруг себя полную искренней доброжелательности энергию в истфаковском коридоре, было просто невозможно! Но подружились и стали тесно общаться уже тогда, когда по разным причинам оказались в чужой и мало знакомой нам Москве. Встречались мы по большей части на заседаниях сектора археологических сводов, которым в то время заведовал В. В. Седов, на неформальных чаепитиях после заседаний (они иногда затягивались до глубокого вечера), гуляли по старым переулкам и дворам Арбата, сравнивая их с ленинградскими, как правило, не в пользу первых.

Как-то весной 1982 г. Серёжа предложил мне, зная мою страсть к перемене мест и любовь к природе, архитектуре, людям Северо-Запада, отправиться с ним на Псковщину, чтобы поучаствовать в разведках в составе одного из отрядов Псковско-Изборской экспедиции Института археологии. В «свои», южные, экспедиции я обычно уезжал ближе к осени, поэтому предложение Серёжи было принято. В Изборске, где работал головной отряд, Валентин Васильевич Седов выделил нам в помощь двух девочек-студенток Ивановского пединститута, чьи имена, к сожалению, память не сохранила. Для них это была обязательная для первокурсников археологическая практика, и нас, серьезных, частью бородатых, обогащенных знаниями, навыками и опытом, они воспринимали как образцовых профессионалов (рис. 1).

Задача была достаточно простой: на территории Новоржевского района мы проверяли данные старых, дореволюционных сведений о городищах и могильниках,

¹ Лаборатория археологии, Южный научный центр РАН; г. Ростов-на-Дону, 340006, Россия.

Рис. 1. С. В. Белецкий и участница разведки, Новоржев, 1982 г. (фото Б. А. Раева)

Fig. 1. S. V. Beletsky with a participant of the archaeological reconnaissance, Novorzhev, 1982 (photo by B. A. Raev)

а заодно в ходе пеших маршрутов должны были, опрашивая местных жителей, находить новые археологические памятники. С каким-то минимальным количеством денег утром на автобусе мы отправились в Новоржев. Ежедневные маршруты как человек, ориентирующийся в этом районе Псковской области, разрабатывал Серёжа, сверяясь со списком и картами-трехверстками 1908 г.

Не обремененные большим багажом, а иногда и вовсе оставляя его в месте ночлега, чтобы туда же вернуться, мы ходили по территории района, нанося на карту новые или уже известные памятники. Опросы местных жителей позволили нам нанести на карту два новых городища у погоста Гривно. К слову, опрос доярок, вышедших в поле на дневную дойку, об уже отмеченном нами городище превратился в своеобразную фольклорную практику для наших спутниц. Мы-то вполне сносно владели специфическим лексиконом местных жителей, а вот студентки Ивановского пединститута мало сказать покраснели, у них еще и рты от неожиданности раскрылись! Зато вечером они уже спокойно наблюдали за тем, как мы из разрезанного пополам огурца, выбрав мякоть, соорудили стаканчики и эффективно их использовали. Практикантки, кажется, даже приняли в этом некоторое участие.

Стратегия размещения на ночлег была проста. Мы «запускали» в деревню уставших на маршруте девочек, и, когда через полчаса появлялись мы с Серёжей, они встречали нас с дарами огородов и пирожками от местных хозяек. К этому времени проблема ночлега обычно уже была решена: нас разбирали по домам на постой по гендерному принципу, а чаще девочек забирали в дом, а нас пристраивали в доме для приезжих. Хорошо, если там были две свободные кровати, а то ведь нам и на одной односпальной железной койке спать пришлось! Укладка «валетом» не спасала: руки-ноги постоянно свешивались, и спать становилось совершенно невозможно, особенно когда с ранним северным рассветом активизировались мухи...

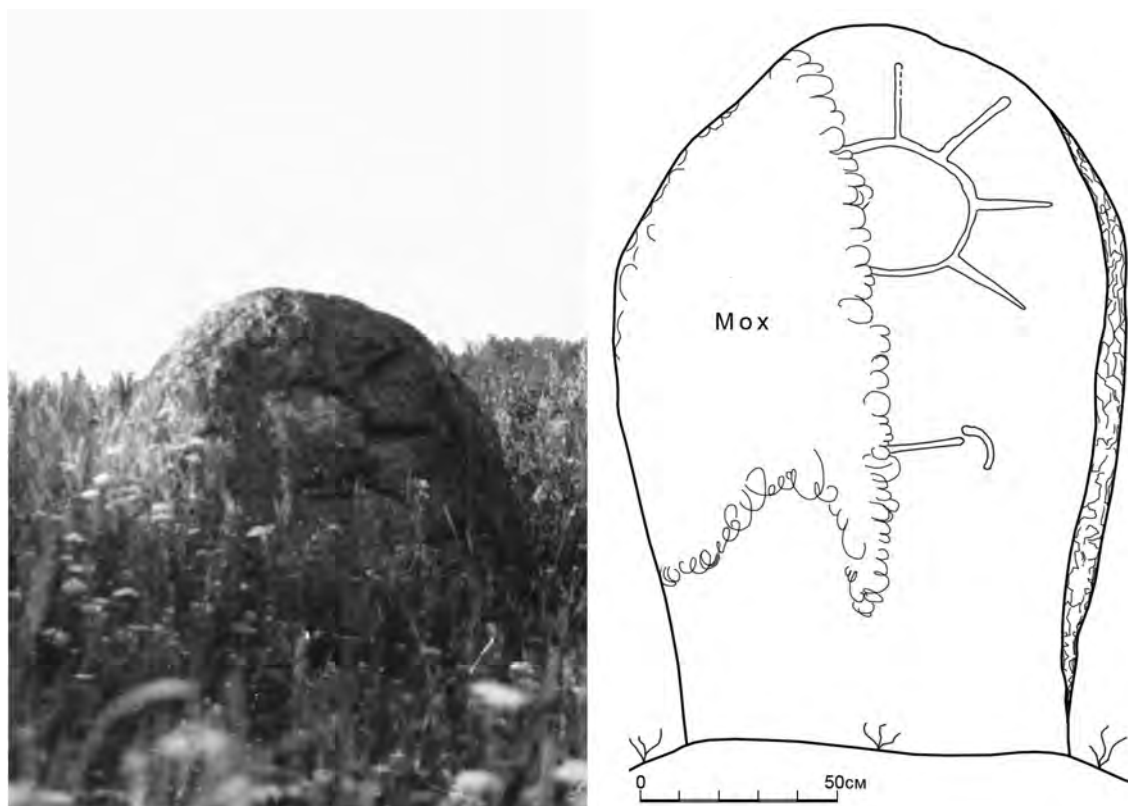

Рис. 2. Культовый камень № 2 у д. Коростовец, 1982 г. (фото и рисунок С. В. Белецкого)
 Fig. 2. Cultic stone No. 2 near the village of Korostovetz, 1982 (photo and drawing by S. V. Beletsky)

Самой интересной находкой были зафиксированные нами три культовых камня у д. Коростовец. Два из них — обычный «чашечный» и камень-следовик, а на третьем выбито изображение солнца и ниже — какие-то желобки. К сожалению, большая часть изображения разрушена лишайником (рис. 2). Не сказать, чтобы наши разведки принесли сенсационные результаты, но определенных успехов мы добились, проверив состояние уже известных памятников и найдя несколько новых интересных объектов (Белецкий и др. 1983: 15–25, рис. 26, 2в; 60–88; Александров и др. 1984: 3, 4).

Уже на второй день наши помощники поняли, что мы не великие и ужасные профессионалы. Человек живого характера и веселой наблюдательности, Серёжа, например, в первый же день по приезде в Новоржев обнаружил в парке аттракционов забавную вывеску. «Боренька, — закричал он, — ты посмотри на названия аттракционов! Это же типичные названия пивных!» (рис. 3). Впрочем, аттракционы не работали, и осмотреть и оценить их нам не удалось.

Рис. 3. Названия аттракционов в парке г. Новоржева, 1982 г. (фото С. В. Белецкого)
 Fig. 3. Amusement park of Novorzhev, 1982 (photo by S. V. Beletsky)

Рис. 4. С. В. Белецкий и Б. А. Раев в номере гостиницы в г. Иваново, 1982 г.
 Fig. 4. S. V. Beletsky and B. A. Raev in a hotel room, Ivanovo, 1982

А каким прекрасным рассказчиком был Серёжа! Даже когда им выдумывались, что случалось часто, какие-то эпизоды — из вежливости считалось, что он просто «приукрашивал» их, — они были исключительно веселыми. Бывали и грустно-поучительные, как история с заданным ему академиком Б. А. Рыбаковым при приеме в аспирантуру вопросом: не родственник ли он киевского Белецкого? Подразумевалось, что за этим скрывается известная нелюбовь академика к племени Сиона. Может быть, такой вопрос Серёже в Москве и задавали, но вряд ли это был Б. А. Рыбаков, прекрасно знавший его родителей!

Зимой 1983 г. Серёжа должен был ехать в Иваново читать в пединституте спецкурс, но ехать одному ему было скучно, и он каким-то образом сделал так, чтобы меня тоже пригласили со спецкурсом по археологии номадов раннего железного века. В Иваново я свалился с жестокой простудой, плохо помню весь процесс чтения лекций, но подозреваю, что удовольствия от него студенты не получили. Всю неделю, которую мы прожили в Иваново, Серёжа заботливо отпаивал меня теплым молоком (иногда глинтвейном), приносил таблетки, сбивающие температуру, так что в Москву мы оба вернулись в добром здравии (рис. 4).

Наш московский анабазис завершился тем, что через пару лет я окончательно перебрался на юг, а Серёжа в 1989 г. вернулся в Ленинград. Но еще до своего возвращения он приезжал ко мне в экспедицию на Нижний Дон, в отряд, который работал у станицы Бессергеновская. И здесь неожиданно пригодился его опыт раскопок архитектурных памятников, полученный в экспедициях Василия Дмитриевича Белецкого, в которые Серёжа ездил сызмальства. На берегу р. Аксай он заложил раскоп и исследовал часть культурного слоя городища Золотые Горки. Помню, с каким воодушевлением, если не восторгом, Серёжа сообщил мне, что удалось расчистить захаб оборонительной стены городища!

В последние годы мы постоянно перезванивались, во время моих частых приездов в Петербург встречались в ИИМК или у него дома, когда были живы родители,

да и позже. В последние годы мы чаще стали встречаться по печальным поводам, провожая ушедших от нас учителей и коллег, вспоминая связанные с ними события и даты. Увы, сейчас нам приходится вспоминать все, что связано было с Серёжей Белецким — добрым и отзывчивым человеком, остроумным собеседником, веселым рассказчиком и прекрасным другом.

Мне трудно судить о значении Серёжиных археологических штудий: наши интересы лежали в разных, довольно далеких областях археологии, но, судя по замечаниям и отзывам коллег, они были заметными и достойно оцененными.

Литература

- Александров и др. 1984 — Александров А. А., Белецкий С. В., Раев Б. А., Розова В. Д., Седов В. В., Сергеева Л. Е., Смирнова Л. И., Фролов В. П., Харлашов Б. Н. Разведки в Псковской земле // Археологические открытия 1982 года. М.: Наука, 1984. С. 3–5.
- Белецкий 2000 — Белецкий С. В. От составителя // Белецкий С. В. (ред.-сост.). Песенный фольклор археологических экспедиций. СПб.: ИИМК РАН, 2000. С. 3–11 (Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 6).
- Белецкий и др. 1983 — Белецкий С. В., Раев Б. А., Фролов В. П. Охранные раскопки в Пскове и разведки в Псковской земле (отчет за 1982 г.). М., 1983 // НОА ИА РАН. Р-1. № 9652, 9652а.

В КВАДРАТИКЕ НЕБА. ПАМЯТИ СЕРГЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БЕЛЕЦКОГО

Л. В. СТОЛЯРОВА¹

*Помнишь этот город, вписанный в квадратик неба,
Как белый островок на синем,
И странные углы косые?
Жаль одно — что я там был тогда, как будто не был...*

Е. Клячкин. Песня о Пскове

Невозможно поверить, что его нет. Он из числа тех редких людей, которые воспринимаются другими как константа, как нечто постоянное, озарившее своим присутствием судьбы многих, с кем они соприкасаются своей орбитой. Их уход всегда означает пустоту и потерю опоры в жизни. Их место в душе невозможно восполнить, это кровоточащая рана, которая вечно теперь будет ныть и болеть, отдаваясь какой-то светлой тоской по чему-то огромному, безвозвратно утраченному и ослепительно яркому. Сергей Васильевич Белецкий — и моя константа, опора и ориентир. И утрата, которую я не имею сил ни принять, ни хотя бы осознать (рис. 1).

Для него я всегда была «Любка», и только в последние годы — «Любушка». Он называл себя моим почему-то «крокодилком» — тем, кому я всегда могу довериться, поплакать в жилетку. Так повелось с моего студенчества. Когда что-то не получалось, я бежала к нему. Сначала на Арбат, потом, когда его, как он говорил, «московская эмиграция» кончилась, моталась в Питер. С годами это случалось все реже, в последнее время мы общались только по телефону и лишь иногда — в Скайпе. Но он был необходим мне — старший товарищ, учитель, друг на всю жизнь. 38 лет моей жизни — это он. Первая услышанная лекция по археологии — он. Первая экспедиция и Псков — он. Первый визит в Академию наук, к нему в сектор — тоже он. Чаепития на Арбате, песни глубоко за полночь, первая научная конференция и первая научная работа — это все он. Как первая любовь. Забыть невозможно.

С его уходом навсегда оборвалась связь с чем-то большим, бесшабашным, временами нелепым, чаще все-таки прекрасным, — тем, что и есть жизнь и что было моей студенческой юностью. Я так и не посмела обращаться к нему на «ты» и только по имени, хоть он и настаивал. Но, оказывается, ближе него мало кто был. И вот он сейчас сидит, наверное, на очень большом, огромном облаке. Смотрит на нас сверху. Я знаю, что смеется. Раньше бы курил свой «Беломор», теперь нельзя. И глаза

¹ Центр «Восточная Европа в античном и средневековом мире», Институт всеобщей истории РАН; Москва, 119334, Россия.

Рис. 1. С. В. Белецкий. СПб., 2008 г. (фото Е. В. Сеницыной)

Fig. 1. S. V. Beletsky. St. Petersburg, 2008 (photo by E. V. Sinitsyna)

у него все равно чуть-чуть грустные, и в них, как всегда: «Ну ты чего? Не дъейфь, Йубка. Пъяййвёмся...» Я люблю Вас, Сергей Васильевич! Я так Вас люблю...

20 ноября 1984 г. на Кружке истории древнего мира и средних веков (КИДИС) в Историко-архивном институте произошло из ряда вон выходящее событие. Руководитель КИДИС и одна из любимейших преподавателей нашего института Н. И. Басовская пригласила выступить археолога и русиста Сергея Васильевича Белецкого. Его появление на нашем кружке было необычным: КИДИС, поддерживавший антиковедческие и медиевистические исследования студентов, обычно не вступался в вотчину А. И. Комиссаренко и С. О. Шмидта. Кружки истории СССР и источниковедения отечественной истории конкурировали с КИДИС по степени популярности, но никогда — по тематике. Это было непреложным законом, которому следовали всегда. Кроме того, в МГИАИ, ориентированном в то время на подготовку исследователей медиевистического профиля, но специализирующихся на изучении исключительно письменных источников, никакой археологии отродясь не бывало. Впрочем, вру. В прежние времена Н. И. Басовская вывозила студентов на раскопки в Фанагорию. В 1973 г. настоящий пифос, добытый истарховцами, даже был привезен в Москву и установлен возле чугунной лестницы в холле 1-го этажа старого здания на Никольской. Затем, насколько я знаю, археология в историко-пыльном вузе сошла на нет. По крайней мере ее нам не преподавали до появления здесь Сергея Васильевича. Высокий, шумный, усатый, с пышной гривой вьющихся волос, несомненно щеголь (Белецкий явился на встречу с нами в безукоризненном костюме, ослепительной рубашке, под воротом которой

Рис. 2. 1 — С. В. Белецкий на раскопе, лекция для детей, Псков, 1988 г.; 2 — С. В. Белецкий во время обзорной экскурсии по Пскову с участниками экспедиции, 1988 г. (фото Е. В. Синицыной)
Fig. 2. 1 — S. V. Beletsky giving a lecture for children at the excavation, Pskov, 1988; 2 — S. V. Beletsky with the participants of the expedition during a sightseeing tour, Pskov, 1988 (photos by E. V. Sinitsyna)

скрывался артистически повязанный шейный платок), он казался провозвестником чего-то нового под застывшими сводами зданий бывшего Печатного двора.

Гигантская переносная доска с грохотом покинула свое место, оказавшись в центре аудитории. Белецкий решительно рисовал план средневекового Пскова. Мел, не выдерживая напора, крошился и разлетался в разные стороны, а под рукой С. В. появлялись

реки Великая и Пскова, Кром, Довмонтов город, Перси, Троицкий собор, Запсковье и Завеличье... Все эти названия звучали, как музыка, но были для нас неизведанной далью, которой только предстояло обрести очертания реального города. Белецкий обрушил на наши неподготовленные головы массу информации, ошеломил датами, событиями, терминами, именами, свободным цитированием летописей, фотографиями, схемами, прорисиями. Мне казалось, что этот большой и шумный человек с горящими глазами, весь обсыпанный мелом, то засовывающий руки в карманы, то что-то очень быстро пишущий красивыми круглыми буквами на доске и (когда ее не хватало) прямо на стене, дергающий себя за ус и то посмеивающийся, то хмурящий брови, задающий вопросы и сам же на них отвечающий, — фехтовальщик, идущий в наступление и поражающий невидимого противника бешеным натиском и точным ударом. При этом он внимательно следил за реакцией аудитории и особенно — девушек. Девушки же сидели, восторженно разинув рты.

Я не знаю, у кого и как появилась идея рекрутировать студентов 1-го курса факультета архивного дела на раскопки в Пскове. Вероятно, она все-таки исходила не от Историко-архивного института, а от археологов. Думаю, что наше более чем скромное участие в археологическом изучении Пскова было связано с созданием в 1983 г. Объединенной Псковской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Псковского государственного музея-заповедника под руководством В. В. Седова, когда рабочая сила студентов-историков оказалась востребована. Во всяком случае, вскоре (в декабре) группа моих сокурсников, выразивших желание летом отправиться в археологическую экспедицию в Псков, была представлена Валентину Васильевичу Седову (рис. 2; 3).

И вот Белецкий начал заниматься с нами. Мы — это шестеро: Е. Синицына, Т. Дмитриева, Д. Сатырева, Н. Погорелова, О. Скляр и я. Уже тогда Басовская предупредила нас: мы должны понимать, что С. В. занимается с нами по личной с ней договоренности, то есть без оформления на работу и, стало быть, на безвозмездной основе. В те времена в этом не было ничего необычного, но авторитета и уважения нашему новому преподавателю, безусловно, добавило. Минимум раз в неделю Белецкий приезжал в Историко-архивный институт или вызывал нас в Отдел археологических сводов ИА АН СССР, где в то время работал, и читал нам лекции. Я написала «минимум раз в неделю», так как время от времени, а потом все чаще и чаще мы (правда, в разном составе) оказывались в квартире его сестры на Старом Арбате, где С. В. в то время жил. Мы заходили на чашку чая, для чего, как правило, было достаточно позвонить по телефону. «Йубка, ядъёна шишка! Пйивет! Чем поядуешь? Гъею чайник!» — кричал он, попыхивая беломориной, а я уже неслась к метро: быстрее, быстрее, быстрее, не теряя ни минуты. «Чашка чая» или «кофею» растягивалась до позднего вечера и сопровождалась беседами о псковской археологии. Впрочем, говорить мы могли о чем угодно, но все равно — о Пскове в первую очередь. С. В. был влюблен в Псков и со всей безоглядной щедростью своей натуры делил эту свою любовь с нами. Ему вообще было свойственно разделять свой восторг с другими.

Страстно увлекаясь людьми, научными концепциями, книгами, кино, авторской песней, поэзией — всем, до чего он касался душой, Белецкий вербовал себе союзников и единомышленников. И, Боже, как же он расстраивался, негодовал, обижался и даже рвал отношения, если единомыслия не случалось! Я и сейчас как будто слышу его восторженное «Вкусно!», которым он выражал свое удовольствие от прочитанной статьи, чьей-то новой книги, коньяка (обязательно с лимоном), чашки хорошо сваренного кофе, интересного кино и удачного анекдота. Помню, с каким вдохновением он

Рис. 3. На раскопках ул. Школьная в Пскове (фото Е. В. Синецкой): 1 — студентки МГИАИ Л. Столярова (справа) и Т. Дмитриева (1988 г.); 2 — С. В. Белецкий на раскопе со студентами (1985 г.)
Fig. 3. At the excavations in Pskov, Shkolnaya Street excavation area (photo by E. V. Sinitsyna): 1 — of Moscow State History and Archives Institute L. Stolyarova (right) and T. Dmitrieva (1988); 2 — S. V. Beletsky at the excavation with students (1985)

читал нам наизусть «Поэму без героя» А. А. Ахматовой. Именно его прочтение и его комментарии были первыми в постижении этого произведения для меня. Откровением. Восторгом. Ужасом... Он наизусть помнил огромное количество литературы. Чтение стихов признавал только по памяти. Помню, ему очень понравилось, что я, как и он, могла цитировать «Евгения Онегина» с любого места, и мы иногда составлялись в том, кто кого «перечитает». Впрочем, прозы это тоже касалось. Обычно он

начинал воспроизводить прочитанное и тронувшее его душу произведение огромными фрагментами, радуясь точной фразе, меткой мысли, изящной литературной форме. Так началось для меня (в интерпретации и цитировании Белецкого) знакомство с творчеством Фазиля Искандера. С. В. был в восторге от его повести «Кролики и удавы» и потребовал от меня немедленного прочтения ее, вручив журнал «Юность», где она была опубликована.

Теперь я думаю: когда он успевал столько читать? Только сейчас я осознаю, что он был ненамного старше меня, всего на 13 лет. Но эти 13 лет были целым океаном, который мне было не переплыть. Так много он знал, понимал, читал, чувствовал. И... заблуждался, обжигался, разочаровывался. Так же страстно, как и все, что он делал. Он не претендовал на роль Учителя или Мессии. Он был слишком живым, слишком человеком. Немного мальчишкой. Он, оказывается, просто вел за собой, и все... И еще он был очень смешным и добрым. Со сногшибательным чувством юмора.

Наши занятия археологией в основном проходили в виде лекций, иногда — свободной беседы. С. В. являлся в МГИАИ всегда подготовленным, с планом очередного занятия и огромным количеством демонстрационного материала. Вне зависимости от темы, любое занятие начиналось с того, что Белецкий рисовал на доске схему Пскова. Мы должны были помнить, к работе в какой экспедиции мы готовились и в археологическом изучении какого древнерусского города должны были принять посильное участие. Лекции начались с введения в полевую археологию, и мы все срочно купили томик «Полевой археологии» Д. А. Авдусина. Роскошные костюмы Белецкого скоро закончились и сменились видавшими виды джинсами с потертыми коленками и безразмерными свитерами. Неизменными оставались только лихо повязанный шейный платок, пачка папирос «Беломорканал» на столе и толстый слой осыпавшегося с доски мела на Белецком и везде вокруг него.

Преподавательская манера С. В. ошеломляла. Это было феерическое упоминание имен, терминов и событий, которые удивительным образом к концу занятия складывались в цельную картину развития важнейшей области исторической науки с ее предметом, задачами и методами исследования. Помня о специфике нашего вуза, Белецкий особое внимание уделял взаимодействию вещественных и письменных источников, а также приемам фиксации находок и полевой документации. Делал он это очень увлекательно. Говоря о формировании техники археологических разведок и раскопок, о принципах систематизации вещественных источников, вопросах реконструкции найденных памятников, он открыл нам имена В. Дерпфельда и А. Эванса, Б. Ф. Фармаковского и А. А. Спицына, В. А. Городцова и Г. П. Гроздилова. Именно из уст С. В. Белецкого я впервые узнала о процессе образования и интенсивности нарастания культурного слоя, о значении его мощности, структуры и цвета, стратиграфии напластований, вероятных нарушениях целостности культурного слоя, о расчистке сооружений, консервации раскопанных объектов. Столько лет прошло, а я помню. И по мере необходимости могу пользоваться специальной археологической литературой, хотя вся моя жизнь связана с исследованием не вещественных, а письменных памятников — рукописных книг и грамот.

Большая часть лекций, прочитанных С. В. Белецким, была посвящена истории и археологии средневекового Пскова. Археологическое изучение Пскова предстало перед нами в именах его открывателей — К. К. Романова, Н. Н. Черныгина, С. А. Таракановой, Г. П. Гроздилова, В. Д. Белецкого, В. В. Седова, И. К. Лабутиной и др. Для С. В. это вообще всегда было очень важно — человек в науке. История в его изложении всегда обретала лицо ученого, о находках и концепциях которого С. В. рассказывал.

Особое место в его лекциях занимали вопросы исследования архитектурного ансамбля Довмонтова города и сохранившейся фресковой живописи этого уникального комплекса. И надо было видеть, с какою любовью, гордостью и с каким величайшим почтением говорил С. В. о Василии Дмитриевиче Белецком — своем отце — и его коллегам Е. Г. Шейниной, Л. Н. Зимаревой и др., совершивших подвиг открытия и спасения этих шедевров древнерусской живописи! Фотографии законсервированных фундаментов небольших храмовых построек, открытых, казалось, совсем недавно, потрясли мое воображение. И чудом, невероятным чудом расцвели на слайдах сохранные археологами и реставраторами фрески разрушенной церковью Николы над Греблей и Покрова. Это казалось удивительным — открытие около 150 м² произведений псковской монументальной живописи XIV в.! Мы любовались «Неясытью», фрагментами орнаментов, композициями «Царь славы» и «Усекновение главы Иоанна Предтечи», а профессия историка, археолога, реставратора и искусствоведа впервые в жизни показалась мне настоящим подвигом. Я вдруг увидела Дело, служить которому было мечтой всей моей жизни! Я в тот день даже уснуть не смогла, так меня потряс сам факт открытия живописи разрушенных храмов, с последующими консервацией, демонтажем и вывозом ее в Ленинград для реставрации и хранения!

Одной из первых лекций, которые были прочитаны нам уже в Пскове, в ходе экспедиции, была лекция В. Д. Белецкого об атрибуции храмового комплекса Довмонтова города и об особенностях псковской живописи XIV в. Помню, как В. Д. обратил наше внимание на специфические носы псковских ликов, заканчивавшиеся выразительным кружочком. Затаив дыхание, мы рассматривали фрагменты фресок с ангелами, святыми под нимбами, со складками одежд... Помню эти фрагменты живописных глаз, носов, рук, бород и кудрей XIV в. как какое-то невероятное чудо. Слезы текли по моим щекам, я ничего не могла сделать с собой, не знала, как пережить это потрясение, этот восторг от вдруг прочувствованной всем моим существом вечности. Спустя несколько лет на выставке в Эрмитаже я имела счастье и честь вживую посмотреть на возрожденный из миллионов фрагментов комплекс псковской фресковой живописи храмов Довмонтова города. На этой выставке я впервые была представлена незабвенной Александре Семеновне Косцовой — маме Сергея Васильевича. Тогда я даже вообразить себе не могла, какое место в моих собственных исследованиях будет занимать Псков, его книжная и письменная культура.

— Дёвка! Мать твою так! Из-под бульдозера вылез! — орал дядька в широченном комбинезоне из окна своей землеройной машины откуда-то сверху. Начался мой первый день в псковской археологической экспедиции. Наш раскоп на ул. Школьной возник с целью проведения опережающих охранных археологических исследований на месте будущей стройки для Псковского общества слепых. Три бульдозера на сравнительно небольшом участке, ревя и едва не сталкиваясь лбами, грубо попрали мои представления о белых перчатках, кисточках и скальпелях, которыми работают археологи. Шла расчистка площади под раскоп, и я, вообразив, что драгоценный культурный слой под угрозой, ринулась его спасать.

— Назад! Так-перетак, ядрить твою налево, — вопил бульдозерист, потрясая кулачком одной руки, а другой лихо управляя своей машиной.

— Йубка, ядъёна шишка, уши заткни! — орал Белецкий, обращаясь ко мне.

— Убери свою дёвку бешеную! Раздавлю ить, — не унимался бульдозерист, перемежая свою речь трехэтажным матом.

— Она не дёвка! — кричал в ответ Белецкий, за шиворот вытягивая меня из-под бульдозера.

— Жону тогда свою убери! — орал бульдозерист, с трудом перекрикивая рев своей машины.

— Она не жена, — настаивал Белецкий, держа меня на весу и стряхивая с меня налипшие комья грязи.

— Ну дочь свою убери, говорю! Чаво она, дурища, под гусеницу-то лезет! Намотаю ить на колесо!

— Она не дочь! Она студентка, — шипел Белецкий, отчески отвесив мне подзатыльник.

Так за первый рабочий день в качестве археолога я чуть не рассталась с жизнью (как мне представлялось — во имя науки), а также последовательно выступила в роли девки, жены, дочери и студентки С. В. Белецкого.

Наш скромный экспедиционный быт и свободное время также регулировались Сергеем Васильевичем. Жили мы в непосредственной близости от раскопа, в бывшем здании Военкомата, который недавно переехал по другому адресу. Однако табличка на фасаде, возвещавшая о присутствии здесь Военного комиссариата г. Пскова, по-прежнему притягивала к себе мирных граждан.

— Сынок, — стучала заскоружлым пальцем по спине Т. Дмитриевой, расчесывающей утром свои роскошные косы в уборной, какая-то старушка. — И где твой генерал?

Наш «генералитет» в лице отца и сына Белецких располагался на двух возвышенностях, образованных горой матрацев, сложенных прямо на полу комнаты с табличкой «Военный комиссар». Рядовые, то есть мы, ютились на раскладушках в зале под названием «Отделение связи и АСУ». Из деревянной двери военкома, видимо, в ходе отступления в новое помещение, был с корнем выдран замок. В результате в двери образовалась гигантская зияющая ярким светом дыра, в которой время от времени появлялось всевидящее око С. В. Не вставая с матраца, С. В. осуществлял надзор над нашими внеурочными перемещениями по военкомату. Между комнатами Белецких и нашей помещалась рекреация, в которой мы щебетали и шумели, силясь привлечь к себе внимание нашего начальства, когда оно иной раз запаздывало по утрам. Однажды мы позволили себе по очереди заглянуть в дырку, дабы убедиться, что С. В. уже покинул объятия Морфея. В ответ отверстие немедленно было заткнуто пробкой из вчерашней «Псковской правды», предотвращавшей наше токсичное присутствие. Пришлось плестись на раскоп самостоятельно. С. В., весьма недовольный нами, появился там буквально через пять минут.

Каждый наш день начинался с того, что с отвала на раскоп скатывалась лавина в виде местных пэтэушников, работавших «на лопате». Сдержатъ эту стихию, желавшую в поисках «золота» перекопать наш раскоп вдоль и поперек, мы не имели физической возможности. Это было тем более невероятно, что во второй половине дня на раскоп тучей надвигались зрячие сотрудники Общества слепых (ВОС), которым также не терпелось вырыть ямы поглубже. Вторая смена уж близилась, а наши силы были растрочены еще в первую. Тем не менее мы свято помнили завет С. В. относиться к культурному слою как к памятнику культуры и готовы были защищать его до последней капли крови. Мы, 18-летние девчонки, считались начальниками участков, и в нашем подчинении были все те, кто работал «на лопате». Понимая всю сложность нашего положения, С. В. требовал со стороны пэтэушников и дяденек из ВОС уважительного к нам отношения, запрещая при нас материться и веля торжественно именовать нас по имени-отчеству. «Никакого панибъятства!» — провозгласил Белецкий торжественно.

— Любовь Викторовна, а можно вас просто по имени называть? — переспросил меня один из пэтэушников, по виду старше меня года на два.

— Д-да, конечно, — ответила я, еще не очень привыкшая к формальностям.

— Люба, а меня Юрий Иваныч зовут, — произнес он, очень довольный собой.

— Люба, Люба... Какая она тебе Люба?! Она тебе в матери годится, а ты ей — Люба? — тут же вступился за меня его однокашник. После этого случая Белецкий меня иначе как «бабушка русской педагогики» не называл.

Так мы и работали. В конце дня С. В. разбирал находки и прочитывал наши полевые дневники. Разбор находок происходил под эпическое «Из-за острова на стрежень», исполняемое Белецким на мотив песенки Б. Потемкина «Наш сосед» (разумеется, в неповторимой манере Эдиты Пьехи). Свое пение С. В. прерывал, чтобы показать нам что-то интересное из новонайденного. Он вообще старался все время нам что-то объяснить и показать. Я же вела две тетради: обычный полевой дневник и свою собственную, в которой постоянно что-то зарисовывала и записывала. Особенно много записей касалось прогулок по Пскову, которые Белецкий постоянно организовывал для нас. Он сам вел экскурсии, которые поражали глубиной его погружения в историю, историческую топографию, архитектуру и археологию средневекового Пскова. Помню интереснейшую прогулку по Крому и рассказ С. В. о Троицком соборе, наше путешествие по псковским церквям и монастырям, лекцию о Псковской республике, привязанную к топографии Пскова. Однажды к нашему походу (в тот день мы посетили Псковский музей) присоединился неожиданно приехавший из Ленинграда Г. С. Лебедев.

Вечера наши заканчивались глубоко за полночь. Мы собирались за огромным столом, что-то ели (помню знаменитый псковский колбасный сыр и ведро с кипятком, в котором щедро заваривался чай «Бодрость»), пели восхитительные песни под гитару, смеялись над археологическими байками, которых С. В. помнил бесконечное множество, спорили и обсуждали что-то важное и не очень. Когда в нашу компанию влились приехавшие из Москвы девочки-выпускницы Суриковской художественной школы, стало и вовсе замечательно. Обладательница редкого по красоте меццо-сопрано Слава Кузнецова пела романсы, украинские и русские народные песни, и голос ее звучал над вечерним Псковом то возвышенно и свободно, то тревожно, то радостно — как у птицы. Время от времени к нам заходили коллеги С. В., которые либо просто принимали участие в нашей нехитрой трапезе, либо читали нам лекции или беседовали с нами — В. И. Кильдюшевский, К. М. Плоткин и даже сам В. В. Седов. Никогда не забуду остроумные рассказы А. А. Александрова, написанные им на тему русской истории и варяжского вопроса. С. В. Белецкий цитировал их по памяти при каждом удобном случае. В результате нам страшно захотелось познакомиться с их автором. Помню свое удивление от появления у нас на раскопе очень скромного, почему-то сильно смущающегося бородача-археолога. В нем даже предположить было невозможно создателя тех самых ослепительно смешных рассказов, слушая которые мы хохотали так, что стены нашего военкомата ходили ходуном.

Особое место в исследованиях В. Д. и С. В. Белецких занимало изучение сфрагматического комплекса из 564 печатей XIV — начала XVI в., открытого в 1960–1962 гг. при раскопках в Довмонтовом городе. Значимая часть печатей этого комплекса датируется второй половиной XV — началом XVI в. и содержит изображение Троицы Ветхозаветной на аверсе и имена новгородских архиепископов на реверсе. Сенсационная находка не только подтвердила факт использования владычными заместителями печатей в практике церковного управления Псковом, но и открывала новые возможности

для изучения вопроса о функционировании канцелярий (точнее — протоканцелярий) в средневековой Руси. С. В. Белецкий последовательно проводил мысль об «актовом» характере использования печатей, а остатки найденного комплекса именовал «архивом», полагая, что все найденные буллы ранее скрепляли какие-то ныне утраченные документы. Меня же захватила идея о внеактовом характере раннего сфрагистического материала (печать как способ вызова в суд или способ удостоверения личности и полномочий), и мы много говорили об этом. В результате С. В. нашел во мне благодарного слушателя, чьи робкие занятия дипломатикой и сфрагистикой позволяли ему «обкатывать» на мне (тогда и потом) все то, что им делалось в процессе подготовки к изданию свода псковских печатей XIV — начала XVI в. Тогда же он увлек меня проблемами сфрагистической палеографии, предложив заняться созданием эталонной псковской сфрагистической азбуки, позволившей атрибутировать и идентифицировать печати светских и церковных властей Псковской республики. К сожалению, эта работа не была закончена, но определенные ее результаты нашли отражение в подготовленном мною палеографическом комментарии к печатям 6933 г.

Близилась осень, новый учебный год и неизбежное расставание с Псковом. Впереди была студенческая «картошка» и новые горизонты. Было грустно покидать наш раскоп на ул. Школьной, тем более что полевой сезон все еще продолжался. Попытки С. В. Белецкого договориться с руководством нашего института, чтобы вместо «картошки» нас снова отпустили в Псков, успехом не увенчались. Тогдашний наш декан В. И. Дурновцев стоял на позициях приоритета сельского хозяйства и в археологическую экспедицию нас больше не пустил. Приехавший для переговоров с ним Белецкий вернулся в Псков один, а мы очень переживали, что раскопки завершатся без нашего участия.

С тех пор прошла целая жизнь. И не было случая, чтобы наша встреча с С. В. или телефонный разговор с ним не завершились бы его знаменитым: «Ну, пьщай, Йубка! Считай себя поцеёванной!»

Я и считаю.

Прощайте, мой дорогой...

РЕКВИЕМ С. В. БЕЛЕЦКОМУ

А. В. КУРБАТОВ¹

Я с 1-го курса учебы на историческом факультете Ленинградского университета много слышал о талантливом молодом ученом Сергее Васильевиче Белецком. Его статьи ежегодно публиковались в разных сборниках, и в них отчетливо проявлялись необычайная широта и глубина знаний, научная эрудиция и искрометный полет мысли.

На одной из научных конференций я с ним и познакомился. В 1985 г. я вместе с несколькими нашими студентами поехал во Псков на конференцию, организатором и бесменным руководителем которой был Валентин Васильевич Седов, один из самых авторитетных ученых того времени. По причине студенческой бедности все поселились в трех- или четырехместных номерах. В моем номере не было к тому моменту никого, но регистратор (тогда так называлась должность на современном ресепшене) предупредила, что одна койка заказана по телефону и постоялец появится ночью, по прибытии поезда из Москвы. Примерно во втором часу ночи, когда я мирно спал, в комнату буквально влетел, пыхая на ходу, как мне показалось, здоровенный детина с бородой и черной вьющейся шевелюрой, колыхавшейся во все стороны. За спиной у него был очень объемный рюкзак советского покроя в виде мешка из брезента, затягивавшегося по верху шнурком, как кисет для махорки. А дверь открывалась только наполовину, и детина сначала боком вошел сам, предварительно сняв рюкзак, а потом уже втянул его, непринужденно крякая.

Вот это и был Сергей Васильевич Белецкий, о чем он мне сразу же сообщил, предварительно извинившись за невольную побудку. И завел очень учтивый разговор о том, не буду ли я против его компании. Получив благожелательный ответ, в чем он и не сомневался, Сергей предложил мне откусать с ним чаю и начал раскладывать свой рюкзак. Увидев открытую форточку и пепельницу на подоконнике, учтиво спросил, не буду ли я возражать против его курения в комнате. Услышав: «Конечно, не буду, я сам курю», он тут же с наслаждением затянулся «Беломором».

При этом меня удивило небрежно оброненное замечание, что он приехал всего на один день и после своего выступления на конференции «утром» сразу же уезжает обратно в Москву. Сразу возник вопрос: а зачем было тащить для такого краткого путешествия огромный рюкзак, полностью забитый вещами и явно нелегкий? Ответ выяснился скоро.

В рюкзаке оказалась хорошо сложенная парадная «тройка», в которой он собирался выступить на конференции, портативная пишущая машинка югославского производства «Юнис» и пачка писчей бумаги в 500 листов. Кроме того, из рюкзака появились две немаленькие стопки книг, занявшие свое место на столе. На этом фоне умилительно

¹ Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

выглядели домашние тапки и две пачки печенья, а также большая (литровая) металлическая кружка, кипятильник, пачка чая и сахар. Заметив мой недоуменный взгляд на такое богатство, Сергей доверительно сообщил, что поесть он вечером не успевал. А также поинтересовался, как я отношусь к стуку пишущей машинки. После моего заверения, что я засыпаю под него легко и быстро, Сергей поделился и другим своим упущением — он не успел написать в Москве доклад, дел очень много, и хочет сделать это сейчас. Такая неумность, трудолюбие и выносливость мне очень понравились, и я тут же завалился опять спать.

Январь. Утро. Псков. Гостиница. Я проснулся от стука клавиш «Юниса», извинений за раннюю пробудку и признания Сергея в том, что он не ложился и «уже заканчивает доклад». Но особое внимание привлекали разбросанные везде исписанные листы, лежавшие на столе и на полу в большом количестве. Тут зародился еще один вопрос: а зачем для доклада в 15 минут, когда текст не может быть более пяти страниц (на чтение одной страницы уходит не менее трех минут), нужен такой объем написанного? Железный регламент Валентина Васильевича был всем хорошо известен: он просил выступающих не превышать отведенного времени и ровно за минуту до контрольного срока вставал со стула и молча смотрел на выступавшего. Стало понятно, что Сергея не удовлетворяли его первые варианты и он искал нужную логику изложения и правомерную аргументацию. Эта особенность творчества Сергея Васильевича Белецкого поразила меня тогда — и на всю жизнь.

После его переезда в Санкт-Петербург (тогда еще Ленинград) в начале 1991 г. и зачисления в ИИМК (рис. 1) наши с ним встречи и обсуждения научных дел стали постоянными. И именно в то время мне крайне был необходим «научный советник» и консультант. Таким человеком и стал для меня Сергей Белецкий. И я не ошибусь, если замечу, то таким же консультантом он стал и для многих наших общих знакомых. Неизменная доброжелательность и искреннее желание помочь в работе и даже в личных сложностях, выраженные не просто в сочувственных словах, а в конкретных делах, были визитной карточкой Сергея Васильевича.

С самых первых дней нашего постоянного общения я понял природу такого отношения Сергея к окружавшим его студентам и коллегам. Он перенял это у своих родителей — Василия Дмитриевича Белецкого и Александры Семеновны Косцовой. В этом я убедился лично и очень быстро.

В одном из разговоров в Отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН я рассказал Сергею о работе над своей, уже утвержденной Ученым советом, диссертацией по кожевенному ремеслу в городах Северо-Запада России XV–XVII вв. И посетовал на незнание коллекций Пскова из раскопок 1950-х гг. Сергей тут же сказал, что «сосватает» меня своему отцу и сразу же позвонил ему. Удивление мое возросло, когда выяснилось, что Василий Дмитриевич готов меня принять со следующего понедельника и сам выпишет мне пропуск на две недели. Это молниеносное предложение и его исполнение немало меня удивило. Но еще больше я был поражен в дальнейшем.

Ранее я неоднократно бродил по Эрмитажу, ещё будучи школьником, но ничего не знал о входе в рабочие помещения и хранилища. Поэтому в назначенный день Василий Дмитриевич лично встретил меня на лестнице и проводил в свое хранилище. Он принес первый лоток с находками и стал внимательно смотреть, как я раскладываю бумагу, ручку и карандаши. А потом так же пристально наблюдал, как я рассматриваю кожаные предметы, записываю инвентарные номера, рисую вещи, описываю их особенности, свои наблюдения и предположения. При этом он работал в соседней

Рис. 1. Сотрудники Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН на парадном крыльце Новомихайловского дворца, весна 1992 г. Слева направо стоят: Р. А. Рабинович, Е. Н. Носов, О. В. Овсянников, Д. И. Фonyaков, В. А. Назаренко, Н. В. Хвощинская, А. А. Пескова, О. А. Щеглова, К. В. Павлова, О. И. Богуславский, С. Н. Травкин, ниже А. Н. Кирпичников, за ним — В. М. Горюнова, В. И. Кильдюшевский, С. В. Белецкий, сидят: А. В. Плохов, А. В. Курбатов

Fig. 1. Members of the Department of Slavic and Finnish Archaeology of IHMC RAS on the front stairs of Novomikhailovsky Palace, spring of 1992. Standing from left to right: R. A. Rabinovich, E. N. Nosov, O. V. Ovsyannikov, D. I. Fonyakov, V. A. Nazarenko, N. V. Khvoshchinskaya, A. A. Peskova, O. A. Shcheglova, K. V. Pavlova, O. I. Boguslavsky, S. N. Travkin, below A. N. Kirpichnikov, followed by V. M. Goryunova, V. I. Kil'dyushevsky, S. V. Beletsky, sitting: A. V. Plokhov, A. V. Kurbatov

комнате, и я постоянно ощущал на себе его оценивающий взгляд. Мне было крайне неудобно, что такой известный ученый и занятой человек часто отвлекается от своих дел, чтобы узнать, не надо ли мне чего-то еще. И с несколько извиняющимся видом сообщил, что ему надо пойти на какое-то «музейное совещание» и его не будет некоторое время. Я попросил его показать, где можно взять следующие лотки с находками, и больше не беспокоиться обо мне. Через некоторое время Василий Дмитриевич вернулся и сразу же спросил, не нужно ли мне еще чего-нибудь.

Этот первый день меня полностью изнурил. Я чувствовал себя очень неуютно оттого, что отвлекаю от работы известного и уважаемого человека. В дальнейшем, когда мы выяснили алгоритм действий друг друга, стало значительно спокойнее и удобнее. После работы в Эрмитаже с псковской коллекцией я на всю жизнь оценил красоту и чистоту личности Василия Дмитриевича Белецкого.

Второй эпизод моей жизни связан с Александрой Семеновной Косцовой. В 1992 г. я приехал в Тверь по приглашению Игоря Николаевича Черныха, заместителя директора Тверского музея и руководителя его археологического отдела, и включился в охранные археологические раскопки по городу и области, которые тогда только набирали обороты. Мне предложили раскоп на ул. Радищева, на историческом Загородском посаде, где была выделена земля для строительства здания тверского филиала Сбербанка. Все материалы здесь были XIX и XX вв., что тогда казалось малоинтересным с научной точки зрения. В заполнении одной из построек конца XIX — начала XX в. мы нашли фрагмент бронзового оклада небольшой иконки.

По возвращении из этой командировки я показал прорисовку оклада Сергею Белецкому с вопросом, к кому можно обратиться для атрибуции вещи. Сергей сразу сказал, что это может быть Казанская икона Богоматери, но тут же предложил мне проконсультироваться у своей матушки. Мне уже тогда показалось это неудобным, но Сергей настаивал, что это ерунда и он сегодня же договорится о времени. Вечером он позвонил и сказал, что его матушка ждет меня в субботу в 14-00 дома, и попросил не опаздывать. Но сколь велико было мое удивление, когда я увидел на столе в комнате, где Александра Семеновна предложила мне располагаться, две немаленькие стопки книг, специально приготовленные для моей работы. И в каждой (!) книге были вставлены закладки на страницах с нужной мне информацией. Я представил, сколько времени провела Александра Семеновна за всей этой подготовкой, и мне сделалось очень неловко.

Изложение эпизодов моей жизни ярко характеризует отношение к людям и своему ДЕЛУ не только двух достойнейших сотрудников Государственного Эрмитажа — Василия Дмитриевича Белецкого и Александры Семеновны Косцовой, но и их сына, Сергея Васильевича Белецкого. Его энтузиазм, полное бескорыстие и небрежение к потраченным силам и времени очень многие испытывали на себе. Это не обошло и меня и, главное, случилось в самое нужное время.

В 1997 г. я готовился к защите своей кандидатской диссертации и почти в круглосуточном режиме перепечатывал варианты текста диссертации и автореферата, пытаюсь найти приемлемый вариант. Первым читателем и критиком был Сергей Белецкий, бывший уже тогда хорошим редактором с большим стажем работы в журнале «Советская археология». После критики моего третьего варианта Сергей понял безнадежность самостоятельного доведения мною этой работы до логического завершения и предложил два своих свободных вечера, когда ему на следующий день не надо было читать лекции в Институте культуры, посвятить редактированию моего текста. И две ночи, с восьми часов вечера и до восьми часов утра, мы вдвоем сидели перед его компьютером, и он учил меня смотреть на текст поочередно то взглядом критически настроенного рецензента, то дотошного и въедливого редактора, то несогласного оппонента.

Через пару дней, хорошо отославшись, я понял, что эти двое суток интенсивной «научной терапии» помогли мне понять и впитать то, что я самостоятельно пытался понять и чему хотел научиться уже много лет.

О Сергее Васильевиче Белецком нельзя говорить общими выпренными и значительными словами. Его характер, знания, преподавательский талант и высокие человеческие качества видны в самых простых и обыденных поступках. И таких дел и поступков было очень много. Можно говорить, что вся его жизнь состояла из них. И в этом он был ВЕЛИК.

Память о Сергее Васильевиче Белецком и его родителях — Василии Дмитриевиче Белецком и Александре Семеновне Косцовой — навсегда поселилась во мне.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ С. В. БЕЛЕЦКОГО (2013–2021)¹

Составитель Л. М. Всевиов²

2013

Древнерусская печать как текст // Алексеенко Н. А. (сост.). Сфрагистический меридиан: Международный colloquium по русско-византийской сфрагистике. Киев; Севастополь: СПД Арефьев. С. 33–35.

Известняковая плита с «сарматским знаком» у с. Корпач (Молдова) // *Stratum plus*. № 4. С. 43–49: ил., карт.

Княжеские знаки на новгородских деревянных цилиндрах // АИППЗ. № 58 (Вып. 28). С. 247–264: ил.

Памяти Юрия Михайловича Лесмана // *Acta Archaeologica Albaruthenica*. Мінск. Vol. 9. S. 9–12: ил.

Псковский пригород Воронич — город XII–XVI вв. на русско-литовском пограничье // Вайткявичюс Г. (ред. и сост.). Археология и история Литвы и северо-запада России в средневековье: Доклады русско-литовского семинара. Вильнюс: Ин-т истории Литвы. С. 43–58: ил., карт.

Scientifica vita Michel Kazanski // *Stratum plus*. № 4. С. 21–24 (в соавторстве с Б. А. Раевым, О. В. Шаровым).

2014

Анатолий Николаевич Кирпичников: Жизнь и труды // *Stratum plus*. № 6. С. 17–26: ил. (в соавторстве с Н. И. Платоновой).

Геральдическая подвеска № 101 и несколько замечаний о правовом статусе держателей подвесок // *Stratum plus*. № 5. С. 139–145: ил.

Геральдические подвески Древней Руси: география находок // Толочко П. П. (науч. ред.). Міста Давньої Русі. Київ: Стародавній світ. С. 85–88: ил.

Геральдические подвески Древней Руси: новые находки // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 4: ММК «Старая Ладога и Северная Русь в эпоху викингов и период славянского расселения» (Старая Ладога, 12–13 июля 2013 г.). СПб.: Социальная пропаганда. С. 12–54: ил.

Древнерусские княжеские знаки в гончарных клеймах // АИППЗ. № 59 (Вып. 29). С. 357–387: ил.

О знаке «на кирпичах из Киева», опубликованном Б. А. Рыбаковым // *Muinasaja Teadus*. Vol. 25. S. 205–210: ил.

¹ Список печатных работ С. В. Белецкого за 1972 — начало 2013 г. опубликован в журнале *Stratum plus*, 2013, № 5: 29–39.

² Отдел БАН при ИИМК РАН, Библиотека Российской академии наук; Санкт-Петербург, 199034, Россия.

Памятники сфрагистики из раскопок в Старой Ладоге в 2011 году // Степанова Е. В. (науч. ред.). Наследие Николая Петровича Лихачёва: интерпретация текста и образа: МНК, посвящённой 150-летию со дня рождения академика Н. П. Лихачёва (1862–1936). СПб.: Изд-во ГЭ. С. 297–318: ил. (Тр. ГЭ. Т. 71); (в соавторстве с А. Н. Кирпичниковым).

Печати владычных наместников Пскова XIV–XV вв. Ч. 1. Печати XIV — начала XV в. // Российский археологический ежегодник. СПб.: СПбГУ. № 4. С. 388–426: ил.

Слово о друге: [Ю. М. Лесмане] // АИППЗ. № 59 (Вып. 29). С. 461–472: ил.

Топорик из Суздальского Ополя // *Stratum plus*. № 6. С. 65–72: ил.

Уникальный сфрагистический комплекс из раскопок в Старой Ладоге // Лебедева Т. Е. (отв. ред.). Славянские языки и культура: История и современность. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина. С. 5–8 (в соавторстве с А. Н. Кирпичниковым).

2015

Ещё раз о геральдической подвеске из Чернигова // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 4. С. 28–32: ил.

Новые находки геральдических подвесок X–XI вв. // *Stratum plus*. № 6. С. 215–229: ил., карт.

Новые находки среднерусских геральдических подвесок: материалы к своду // Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. Вып. 5. С. 184–199: ил.

Печать Александра Невского // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. Вып. 6: ММК «Город Ладога и Северная Русь в первые века русской истории» (Старая Ладога, 13 июня 2015 г.). СПб.: Ленинградское обл. отд. ВООПИК, Социальная пропаганда. С. 22–28: ил.

«Печать Святого Спаса Красногородского» // Гайдуков П. Г. и др. (ред. кол.). Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: ТДС. М.: ГИМ. С. 139.

Предисловие // Ладога и Ладужская земля в эпоху средневековья. Вып. 5. С. 7–17: ил. (в соавторстве с А. Н. Кирпичниковым).

Rus' Seals as Text // Ivakin N., Khrapunov N., Seibt W. (eds.). *Byzantine and Rus' Seals*. Kyiv: The Sheremetievs' Family Museum of historical and Cultural Rarities. S. 235–244.

2016

Борису Раеву — 70 // *Tyrogætia*. Vol. 10, no. 1. S. 381–385: портр. (в соавторстве с Л. С. Клейном).

Еще раз о геральдической подвеске из раскопок в Пскове в 1976 г. // АИППЗ. № 61 (Вып. 31). С. 92–97: ил.

Новое исследование мечей викингов: Рецензия: Андрощук Ф. А. Мечи викингов / НАНУ, ИА. Киев: Простір, 2013. 712 с.: ил. // *Stratum plus*. № 5. С. 377–381 (в соавторстве с А. Н. Кирпичниковым).

О знаках Рюриковичей в граффити из Саркела-Белой Вежи // Кызласов И. Л. (отв. ред.). Степи Восточной Европы в средние века: Сб. памяти С. А. Плетневой. М.: Авторская книга. С. 288–303: ил.

О печати № 2 Корпуса печатей Древней Руси // ЗИИМК. № 13. С. 123–133: ил.

2017

Геральдическая подвеска № 136 и трезубец Владимира Святославича // Толочко О. П. (відп. ред.). Культурний шар: Зб. ст. Київ: Лаурис. С. 38–50: ил.

Геральдическая подвеска с территории Южной Псковщины // Мусин А. Е. (отв. ред.), Щеглова О. А. (ред.-сост.). В камне и в бронзе: Сб. ст. в честь А. Песковой. СПб.: ИИМК РАН; Невская Книжная Типография. С. 321–326: ил. (Тр. ИИМК РАН. Т. 48); (в соавторстве с А. В. Михайловым).

Геральдические подвески Древней Руси X–XI веков: изображения, группировка, хронология // Иоаннисян О. М. (отв. ред.). Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи Средневековья: Сб. ст. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 35–45: ил. (Тр. ГЭ. Т. 84).

Древнерусские княжеские знаки в памятниках архитектуры // Вилинбахов Г. В. (отв. ред.). Геральдика: исследования и практика: МНК, 19–20 февраля 2016 года. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 7–26: ил. Рез. англ. (Тр. ГЭ. Т. 86).

Заготовки для вислых печатей из Пскова // Гайдуков П. Г. и др. (ред. кол.). Девятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: ТДС. М.: ГИМ. С. 127–128.

О плинфе с клеймом из раскопок в Полоцке // АИППЗ. № 62 (Вып. 32). С. 350–357: ил. Размеры и вес актов печатей // Вишняцкий Л. Б. (отв. ред.). *Ex Ungue Leonem*. К 90-летию Л. С. Клейна. СПб.: Нестор-История. С. 334–342: ил.

Свинцовые пломбы из раскопок в Курске в 2015 г. // *Stratum plus*. № 6. С. 347–360: ил. (в соавторстве с Р. С. Веретюшкиным, К. В. Горловым).

Свинцовые пломбы из раскопок в Курске в 2016 г. // ЗИИМК. № 16. С. 146–159: ил. (в соавторстве с Р. С. Веретюшкиным, К. В. Горловым).

2018

Граффито из собора Юрьева монастыря близ Новгорода // ЗИИМК. № 19. С. 165–172: ил.

Древнерусские пломбы в публикации В. А. Анохина // *Stratum plus*. № 5. С. 311–332: ил.

Древнерусские пломбы из Старой Ладogi // ЗИИМК. № 18. С. 105–132: ил.

Загадки геральдической подвески № 88 // *Stratum plus*. № 6. С. 53–57: ил.

Изобразительные символы на древнерусских геральдических подвесках // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Культурное наследие Русского государства. Вып. 7. СПб.: ИИМК РАН; Ленинградское обл. отд. ВООПИК. С. 321–332: ил.

Ладога XI–XV вв. по данным сфрагистики // Платонова Н. И., Лапшин В. А. (отв. ред.). Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования. СПб.: ИИМК РАН; Невская Книжная Типография. С. 335–418: ил. (Тр. ИИМК РАН. Т. 53).

Неизвестные фотографии Пскова // Смирнов Н. Ю. (отв. ред.). Памятники археологии в исследованиях и фотографиях: Сб. ст. СПб.: ИИМК РАН. С. 280–284: ил.

О происхождении трезубца Владимира Святого // Вилинбахов Г. В., Трипольская А. А. (науч. ред.). Геральдика: исследования и практика: Конференция, посвящ. 25-летию воссоздания Геральдической службы в Российской Федерации (20–22 февраля 2017 г.). СПб.: Изд-во ГЭ. С. 57–63: ил. (Тр. ГЭ. Т. 92).

Псков в фотографиях П. С. Малевского-Малеви́ча (1946 г.) // АИППЗ. № 63 (Вып. 33). С. 48–52: ил.

2019

Геральдические подвески X–XI вв. // Белецкий С. В. (отв. ред.). Земля наша велика и обильна...: Сб. ст. к 90-летию А. Н. Кирпичникова. СПб.: Невская Типография. С. 3–49: ил.

Двузубец из могильника Бодзя (Польша) // Вилинбахов Г. В., Трипольская А. А. (науч. ред.). Геральдика: исследования и практика: МНК, посвящ. памяти С. Н. Троицкого (20–22 февраля 2018 г.). СПб.: Изд-во ГЭ. С. 16–22: ил. (Тр. ГЭ. Т. 98).

Древнерусские княжеские знаки на пломбах и печатях в публикациях В. А. Нечитайло // ЗИИМК. № 21. С. 97–124: ил.

Dynastic emblems of the Rurikids in East-Central and Eastern Europe: history of research // U źródeł Europy Środkowo-Wschodniej / Früzeit Ostmitteleuropas. Т. 6. Cz. 1. S. 443–478. На англ. и польском яз. (в соавторстве с А. Е. Мусиным).

Early Rus' small lead seals from Staraya Ladoga // Ibid. S. 827–873: ill. Англ., пол.

Rurikid emblems princely heraldic symbols of Eastern Europe in the 10th — 13th centuries // Ibid. S. 479–677: ill. На англ. и польском яз.

Small lead from the excavation at the detinets in Kursk: research and restoration // Ibid. S. 895–948: ill., map. На англ. и польском яз. (в соавторстве с Р. С. Веретюшкиным, К. В. Горловым, Н. С. Кургановым).

2020

Древнерусские пломбы с территории Украины: по материалам коллекции И. Н. Парусимова // ЗИИМК. № 23. С. 132–143: ил.

О знаках Рюриковичей и польских гербах // Вилинбахов Г. В., Трипольская А. А. (науч. ред.). Геральдика: исследования и практика. МНК 20–22 февраля 2020 года. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 166–170: ил. (Тр. ГЭ. Т. 102).

Памяти Анатолия Николаевича Кирпичникова: (25.06.1929–16.10.2020) // АВ. Вып. 30. С. 360–362: портр. (в соавторстве с В. А. Лапшиным).

Топор с изображением древнерусского княжеского знака из окрестностей Чернигова // Рабинович В. А., Тельнова Н. П. (ред.). «На одно крыло — серебряная, на другое — золотая»: Сб. ст. памяти С. Рябцевой. Кишинёв: Высшая антропологическая школа. С. 389–394 (Библиотека «Stratum»). С. 311–313: ил.

2021

Пломбы из Тверской, Новгородской и Смоленской областей в коллекции И. Н. Парусимова // АВ. Вып. 31. С. 286–289: ил.

Древнерусские пломбы из Курской области (по материалам коллекции И. Н. Парусимова) // ЗИИМК. № 25. С. 234–242: ил.

Древнерусские княжеские знаки на предметах вооружения // Геральдика: исследования и практика: МНК (20–22 февраля 2020 г.). СПб.: Изд-во ГЭ. С. 14–29: ил. (Тр. ГЭ. Т. 104).

Геральдическая подвеска № 115 // Плавинскі М. А. (наук. ред.). Экспедыцыя працягласцю ў жыццё: Зб. навуковых артыкулаў А. М. Плавінскага. Минск: Колорград. С. 441–445: ил.

Литература о С. В. Белецком

Кирпичников А. Н. Сергей Васильевич Белецкий: Жизнь и творчество // Stratum plus. 2013. № 5. С. 17–24: ил.

Наш Сергей Васильевич // Там же. С. 25–27: ил. (Дворникова Д. А. и др.).

Список научных трудов С. В. Белецкого // Там же. С. 29–39 (составитель Л. М. Всевиов).

Моисеенко Н. Сергей Васильевич Белецкий (21.VIII.1953–19.II.2022) // Петербургский коллекционер. 2022. № 10. С. 114: портр.

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА РУССКОЙ РАВНИНЫ¹

Н. К. АНИСЮТКИН²

Ключевые слова: *Русская равнина, ранний палеолит, олдован, галечно-отщеповый комплекс.*

В статье приведены данные об итогах исследований раннего палеолита на территории Русской равнины. Сейчас известно около 15 памятников разной сохранности, в их числе пять с надежной стратиграфией. Наиболее ранние из них — нижние слои стоянки Байраки — датируются концом палеомагнитной эпохи Матуяма (около 1 млн л. н.), а самые поздние — слой 4 грота Старые Дуруиторы и местонахождение Хрящи — концом среднего плейстоцена (400–300 тыс. л. н.). В целом, каменные индустрии раннего палеолита Русской равнины соответствуют галечно-отщеповому комплексу Евразии, а самые древние из них могут быть сопоставимы с поздним олдованом.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-26-38-51

Введение

Ранний палеолит Русской равнины до сих пор все еще слабо изучен. Это можно объяснить как огромным размером территории, так и рядом иных объективных причин, включая плохую сохранность объектов этого времени. В связи с отсутствием разработанной методики поисков почти все открытия делаются случайно. Встает вопрос: где нужно искать памятники раннего палеолита? В какой-то мере эта задача может успешно решаться лишь в пределах Нижнего Приднестровья, где важнейшие объекты связаны с высокими VII и VIII надпойменными («надканьонными») террасами р. Днестра. Здесь артефакты раннего палеолита были найдены как в субаэральных отложениях, так и в речном аллювии. На прочей территории Русской равнины эти признаки не являются показательными.

подавляющая часть ныне известных местонахождений представлена подъемными материалами, которые обычно происходят из разрушенных эрозионными процессами культурных слоев. Стратифицированные объекты единичны. Однако даже и в этом случае обнаруженные здесь артефакты чаще всего происходят из поврежденных, но не переотложенных слоев.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012).

² Отдел палеолита, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Если взять за точку отсчета конец XX в., то в итоговой публикации известного отечественного ученого Н. Д. Праслова, изданной в 1995 г. в одном из европейских научных журналов, вполне достоверных комплексов раннего палеолита было названо лишь четыре (Praslov 1995). Из них стратифицированным можно считать только местонахождение Хрящи, где небольшой, но выразительный комплекс каменных артефактов обнаружен в галечниках террасы Северского Донца в частично нарушенном состоянии. Эти галечники относятся к среднему плейстоцену. Найденные здесь каменные изделия соответствуют концу раннего палеолита, имея возраст около 400–300 тыс. л. н. (Праслов 1968).

Прочие местонахождения следует рассматривать лишь как частично стратифицированные. В качестве примера можно привести местонахождение Погребя с территории Нижнего Приднестровья (Молдавия), где несколько каменных изделий и обломки зубов трогонтериевого мамонта происходят из древней красноцветной ископаемой почвы раннеплейстоценового возраста, вскрытой в мелиоративной траншее на склоне VII надпойменной террасы р. Днестр (Анисюткин 1994). К частично стратифицированным объектам следует также отнести и местонахождение Герасимовку, чьи каменные орудия Н. Д. Праслов датировал переходным временем от среднего плейстоцена к раннему (Praslov 1995: 61).

Однако прежде чем приступить к обобщенной характеристике материала, следует определиться с понятием *ранний палеолит*. В данной ситуации, на мой взгляд, нет необходимости обращаться к истории появления самого понятия. Здесь много противоречивых суждений, рассмотрение которых существенно увеличит объем публикации, но мало прояснит суть дела. Остановлюсь на наиболее актуальном вопросе — на определении границы раннего и среднего палеолита. В этом случае особый интерес представляет популярная среди европейских ученых точка зрения, сформулированная известным немецким исследователем палеолита Герхардом Бозинским в публикации 1982 г. В соответствии с его представлениями ранний палеолит, включая галечную культуру и комплексы с ручными рубилами (ашель), отличается от среднего отсутствием серий стандартных форм орудий на отщепах, локальных различий, а также техники леваллуа. По мнению Герхарда Бозинского, все наблюдаемые различия не являются культурными, а связаны только со спецификой сырья или функциональными особенностями комплексов. Особое значение придается появлению техники леваллуа, знаменующей очевидный технологический прогресс (Bosinski 1982). К сожалению, наличие леваллуазской технологии, а тем самым выявление начала среднего палеолита, очень часто устанавливается лишь на основе единичных и часто весьма невыразительных форм (Junkmanns 1995). В данном случае, учитывая отсутствие единого понимания специфики этой техники, велика возможность ошибки, где легко можно принять случайные признаки за закономерные. При выделении этой технологии достаточно показательными и надежными являются не единичные формы, а серии отщепов и пластин леваллуа с хорошо выраженными признаками. В данной ситуации нет оснований использовать нуклеусы, которые в зависимости от степени их утилизации существенно меняют свои формы.

В анализируемых коллекциях раннего палеолита Русской равнины леваллуазская технология практически отсутствует. Она представлена единичными отщепами лишь в наиболее поздних комплексах Большого Фонтана и грота Старые Дуруиторы.

При крайней же необходимости определения границы раннего и среднего палеолита возможен учет данных геохронологии, которые часто надежнее абсолютных дат.

Хорошо известно, что все каменные индустрии дорисского времени, то есть древнее 300 тыс. л. н., могут рассматриваться как раннепалеолитические.

Краткий обзор материалов

Начало изучения раннего палеолита на Русской равнине связано с именем выдающегося отечественного ученого П. И. Борисковского, который первым обнаружил еще в 1946 г. комплекс каменных изделий весьма архаичного облика, сопоставимых с древним палеолитом (Борисковский 1953). Речь идет о местонахождении Лука-Врублевецкая на территории украинского Среднего Приднестровья, которое исследовалось им в течение двух лет (1946–1947). Здесь несколько десятков переотложенных кремневых изделий было собрано на поверхности бечевника левого берега Днестра. Их анализ позволил исследователю видеть здесь ранний ашель. Позднее данная датировка была частично поддержана группой выдающихся исследователей палеолита, включая П. П. Ефименко, Н. Д. Праслова и В. Н. Степанчука, относивших этот памятник к раннему палеолиту (Праслов 1968; Степанчук 2006).

Таким образом, историю изучения раннего палеолита на Русской равнине следует начинать с 1946 г., с момента открытия местонахождения Лука-Врублевецкая. За этот 75-летний отрезок времени было сделано, на первый взгляд, не так уж и много — обнаружено всего пять стратифицированных памятников. Однако среди них оказалась такой важнейший объект, как Байраки с надежной стратиграфией. Проведенные на этом памятнике междисциплинарные исследования показали, что предки ископаемых людей появились на Русской равнине более 1 млн л. н. В таком случае новые данные, полученные на основе исследований начала XXI в., значительно удревнили время первоначального заселения территории Восточной Европы. До этого времени считалось, что первые гоминины появились здесь лишь в ашельское время (Праслов 1984: 96, 97). Несколько позднее Н. Д. Праслов, используя предварительные результаты новых открытий и переосмыслив ранее известные данные, указывал на вероятность находок и более древних, относящихся даже к виллафранкскому времени (Праслов 2008). В дальнейшем этот прогноз получил полное подтверждение.

В конце XX в. на территории западной Украины был найден новый и весьма интересный стратифицированный памятник Меджибож, который давно рассматривался как обычное палеонтологическое местонахождение среднеплейстоценового возраста. Дальнейшее изучение этого объекта, проведенное украинскими учеными, позволило выявить *in situ* пока немногочисленные каменные изделия архаичного облика, которые залежали в двух горизонтах миндель-рисского и миндельского времени (Степанчук 2006). Артефакты, по мнению украинского исследователя палеолита В. Н. Степанчука, вполне соответствуют технологической модели Mode 1 (Степанчук и др. 2014). Архаичный облик этой каменной индустрии можно объяснить низким качеством использованного сырья, малочисленностью коллекции, а также возможной фациальностью. Следует предположить, что речь идет о кратковременных охотничьих стоянках, где туши убитых на охоте животных подвергались лишь первоначальной разделке.

На территории Донбасса недавно удалось обнаружить несколько новых местонахождений с подъемным материалом, где наибольший интерес представляют хорошо выраженные галечные орудия. Комплекс каменных орудий этих местонахождений справедливо отнесен к раннему палеолиту (Ветров 2014; Скориков 2014).

Наконец, в 2010 г. важное открытие было сделано на территории Нижнего Приднестровья. Здесь, на окраине молдавского города Дубоссары, в 1,5 км севернее

местонахождения раннего палеолита Большой Фонтан, российскими и молдавскими археологами был обнаружен и частично изучен памятник с надежной стратиграфией. Он расположен на VII надпойменной террасе в древнем овраге Байраки, на территории ныне заброшенного гравийно-песчаного карьера (Анисюткин и др. 2012). Раскопками было выявлено шесть слоев с находками каменных изделий раннего палеолита, отличавшихся разной сохранностью.

Палеомагнитные исследования, проведенные видным российским геофизиком В. М. Трубихиным (Институт геологии РАН), показали, что в двух верхних слоях, 1 и 2, была обнаружена положительная намагниченность. Тем самым стало очевидно, что эти отложения были сформированы во время палеомагнитной эпохи Брюнес. Как известно, начало данной эпохи датировано более 750 тыс. л. н. Верхняя граница этой толщи может совпадать с коричневым суглинком, в котором найдены артефакты разрушенного слоя 1. Данный суглинок перекрыт седиментом древней ископаемой почвы бурого цвета, датируемой лихвинским или миндель-рисским временем. Этот возраст был надежно подтвержден палинологическими исследованиями. Отсюда следует, что суглинок с каменными изделиями слоя 1 может соответствовать миндельскому времени. В этом случае он древнее 450 тыс. л. н. Лежащий ниже слой 2 из красноцветной ископаемой почвы имеет более ранний возраст. Следовательно, как показали междисциплинарные исследования, верхние слои 1 и 2 существовали во временном интервале 450–700 тыс. л. н. Эти недостаточно отчетливо выраженные слои с малочисленными находками каменных изделий могут являться остатками кратковременных стоянок или окраинами более значительных поселений, которые еще предстоит изучить.

В пределах раскопа обнаружены три ископаемые почвы, из них средняя и нижняя лежат непосредственно одна на другой, без стерильного горизонта. В геологической расчистке, расположенной в 30 м ниже по склону, выявлен горизонт слоистого суглинка палевого цвета, перекрывающего нижнюю гидроморфную ископаемую почву со слоем 3. В этом суглинке было найдено скребло на массивном кремневом отщепе. Оно было обнаружено геологами при отборе образца на палеомагнитный анализ. Анализ образца из этого слоя показал четкий минус, соответствуя эпохе Матуяма. Таким образом, данное чопперовидное скребло фиксирует самый поздний горизонт находок конца этой эпохи (около 800 тыс. л. н.) из уничтоженного древней эрозией культурного слоя.

Лежащий ниже этой прослойки со скреблом слой 3 связан с глеевой (гидроморфной) ископаемой почвой, сформированной на поверхности пойменного аллювия. В верхней части этой почвы были найдены немногочисленные каменные изделия и обломки мелких костей, включая фрагмент нижней челюсти зюссенборнской лошади. Образец из этой почвы указал на аномальную намагниченность, свидетельствуя о ее связи с одним из позднейших эпизодов палеомагнитной эпохи Матуяма возрастом около 850 тыс. л. н.

В нижней части пойменного аллювия был обнаружен слой 4 с единичными каменными изделиями, неопределимыми костями животных и четко локализованным скоплением плит известняка.

Палеомагнитные исследования показали, что самые нижние слои 5 и 6 залегают в отложениях, в которых был отчетливо выявлен палеомагнитный эпизод Харамильо (0,9–1,1 млн л. н.). Таким образом, слои 3–6 с находками каменных изделий существовали в течение палеомагнитной эпохи Матуяма, соответствуя временному отрезку 0,8–1,1 млн л. н. В этом случае стоянка Байраки является в настоящее время самым ранним стратифицированным памятником раннего палеолита Русской равнины.

Очень интересный объект с каменной индустрией олдованского облика, названный Крещты, открыт по соседству Н. К. Анисюткиным и В. Н. Степанчуком в 2013 г. Каменные артефакты обнаружены в галечниках руслового аллювия VII надпойменной террасы Днестра и с наибольшей вероятностью синхронны самому нижнему слою 6 стоянки Байраки (Анисюткин и др. 2013).

В настоящее время на территории Русской равнины известно пять стратифицированных памятников раннего палеолита, включая Байраки, Крещты, Меджибож, Хрящи и слой 4 грота Старые Дуруиторы. К ним можно добавить три находки единичных каменных изделий, происходящих из надежно датированных плейстоценовых отложений. Почти во всех случаях артефакты происходили из частично поврежденных слоев. На стоянке Байраки разрушенными и даже переотложенными следует считать слои 1 и 6. К сожалению, до сих пор на территории Русской равнины нет ни одной открытой стоянки раннего палеолита с хорошо сохранившимся культурным слоем.

Для общего представления о сохранности слоев имеющих памятников систематизируем наличные сейчас материалы, в число которых не вошли некоторые комплексы неясного происхождения (рис. 1). Обратимся к таблице.

Таблица 1. Пункты единичных находок, местонахождений и стоянок раннего палеолита на территории Русской равнины

Памятник	Комплекс		Единичные находки артефактов из геологически датированных отложений	Подъемные материалы
	С ясной стратиграфией	С частичной стратиграфией		
Байраки	+	–	–	–
Крещты	+	–	–	–
Меджибож	+	–	–	–
Хрящи	+	–	–	–
Герасимовка	–	+	–	–
Большой Фонтан	–	+	–	–
Погребя	–	+	–	–
Шипот (Хотин)	–	–	+	–
Грушево	–	–	+	–
Кошница	–	–	+	–
Маркоуцы	–	–	–	+
Мерсына	–	–	–	+
Лука-Врублевская	–	–	–	+
Непоротово	–	–	–	+
Старые Дуруиторы	+	–	–	–

Особое место занимают памятники, обнаруженные в отложениях высоких террас нижнего течения р. Днестр. Речь идет о высоких «надканьонных» террасах, которые были определены как VII и VIII надпойменные террасы. На территории Нижнего Приднестровья отложения таких террас отличаются относительно хорошей сохранностью. Они были детально изучены и описаны геологами еще во времена Советского Союза. В отложениях лессово-почвенной толщи и аллювия были выявлены находки ископаемой фауны крупных и мелких млекопитающих, а на ряде разрезов проведены

Рис. 1. Распространение основных памятников раннего палеолита на территории Русской равнины: 1 — Шипот (Хотин); 2 — Старые Дуруиторы, Мерсына; 3 — Меджибож; 4 — Грушево; Лука-Врублевская; 5 — Непоротово VI, Маркауцы; 6 — Дубоссарская группа: Байраки, Большой Фонтан, Погребя, Крецешты, Кошница; 7 — Герасимовка; 8 — Хрящи, Донбасс

Fig. 1. Map showing the location of the main Early Paleolithic sites in the Russian Plain: 1 — Shipot (Khotin); 2 — Duruitoarea Veche, Mersyna; 3 — Medzhybizh; 4 — Grushevo, Luka-Vrublevetskaya; 5 — Neperotovo VI, Mărcăuți; 6 — Dubossary group: Bairaki, Bolshoi Fontan, Pogrebya, Crezești, Coșnița; 7 — Gherasimovka; 8 — Khryashchi, Donbass

палинологические исследования (Адаменко и др. 1996). Имеются абсолютные даты, которые хорошо соответствуют геохронологии, установленной для нижних слоев стоянки Байраки (Антропоген и палеолит... 1986). Благодаря систематическим поискам раннего палеолита на этих террасах, начатым в 1982 г., были найдены важные местонахождения Большой Фонтан и Погребя с выразительной каменной индустрией раннего палеолита (Анисюткин 1987). Особо стоит отметить единичную находку кварцитового изделия из нижней части разреза IX террасы у с. Грушево. Она обнаружена в расчистке геологов в 1986 г. Артефакт связан с очень древними отложениями, которые по времени соответствовали палеомагнитной эпохе Матуяма. Это была первая находка столь раннего времени, значимость которой стала понятной спустя лишь четверть века, уже после открытия олдована на Тамани и в Дагестане (Анисюткин 2009).

Важные междисциплинарные исследования были проведены на разрезах стоянки Байраки и на местонахождении Меджибож, а также в гроте Старые Дуруиторы (Степанчук 2006; Анисюткин и др. 2015). Они дали очень ценную и полезную информацию о геохронологии палеолита и природной среде во время существования здесь популяций предков ископаемых людей в среднем и раннем плейстоцене.

Краткая характеристика слоев стоянки Байраки

Как уже отмечено, наиболее важным памятником раннего палеолита следует считать многослойную стоянку Байраки. Специально кратко охарактеризую особенности слоев (рис. 2).

В данном случае особо отмечу, что используемое в статье понятие «слой» является чисто условным и не тождественно понятию *культурный слой*. Во всех случаях, кроме слоев 2 и 4, речь идет о горизонтах находок каменных изделий и единичных обломков

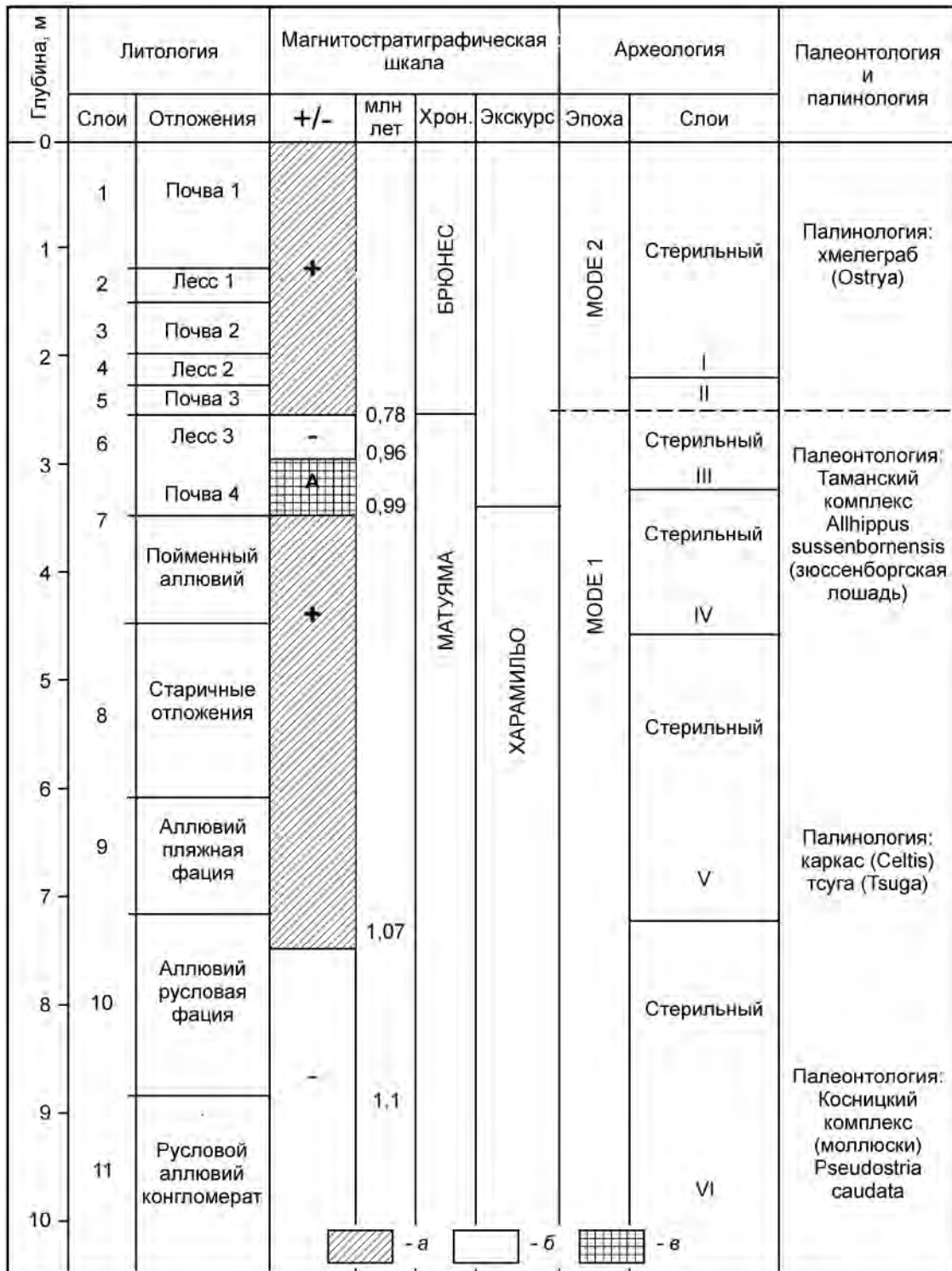

Рис. 2. Геохронологическое положение слоев стоянки Байраки в биостратиграфической и магнитостратиграфической шкалах раннего и начала среднего плейстоцена:

а-в — намагниченность (а — нормальная, б — обратная, в — аномальная)

Fig. 2. Position of the Bairaki site layers on the biostratigraphic and paleomagnetic scales of the Lower and early Middle Pleistocene: а-в — magnetization (а — normal, б — reverse, в — anomalous)

костей ископаемых животных, связанных с частично поврежденными эрозией отложениями.

В слое 1, залегавшем в коричневом суглинке между верхней и средней (красноцветной) ископаемыми почвами, найдено 14 кремневых изделий, в их числе два нуклеуса, четыре орудия, четыре отщепы и четыре чешуйки. Почти все артефакты изготовлены из кремня и имели интенсивную патину белого цвета, что отличало их от предметов из лежащего ниже слоя 2. Слой был разрушен древней эрозией и сохранился лишь на небольшом участке раскопа, а также в расчистке ниже по склону. Часть изделий была найдена в переотложенном состоянии в кровле слоя 2. Патина на всех предметах и следы десквамации на поверхности нуклеуса из расчистки указывают на то, что эти артефакты достаточно долго находились на дневной поверхности. Среди орудий наибольший интерес представляют два остроконечных скребла, которые изготовлены из расколотых галек, включая одно кремневое и одно из косуцкого песчаника. Их нижняя (вентральная) поверхность сохраняет галечную поверхность, а верхняя имеет интенсивную ретушь. Подобные признаки типичны для унифасов из местонахождения Большой Фонтан.

Слой 2 залегает в верхней части педоседимента средней красноцветной почвы. В слое найдено 19 изделий, изготовленных из кремня, в их числе один концевой чоппер, два нуклеуса, три скребла, один отщеп с ретушью, четыре отщепы и семь чешуек, а также галька песчаника со следами утилизации. Среди скребловидных форм следует отметить плоскую гальку небольших размеров, которая может быть определена как микрочоппер. Все артефакты имеют хорошую сохранность поверхностей. Они лишены патины и не окатаны. В слое также был найден обломок неопределимой кости животного средних размеров.

Слой 3, прослеженный в верхней части гидроморфной (нижней) ископаемой почвы, был деформирован делювиальными процессами. Он сформировался в кровле пойменного аллювия и обнаружен на небольшой площади раскопа. Слой местами был разбит вертикальными клиньями лежащей выше красноцветной почвы. Каменные изделия и мелкие обломки костей животных были частично связаны с песчано-гравийной линзой. Горизонт с находками уходит в глубину террасы и поэтому может быть весьма перспективен для дальнейших раскопок. Всего в коллекции имеется 16 кремневых предметов, включая три чоппера (один крупный и два мелких), одну кремневую гальку с острием, две гальки со следами ретуши, два нуклеуса, один из которых изготовлен из песчаника, выемчатое орудие на обломке кремня, два скребла на отщепках, четыре целых отщепы и обломок. Все изделия имеют незначительную окатанность и частичную бело-голубую патину. Значительный интерес представляет находка обломка нижней челюсти зюссенборнской лошади (*Equus (Allohippus) sussenbornensis*) с зубами характерной для позднего этапа таманского фаунистического комплекса Восточной Европы формы.

Слой 4, расположенный в основании толщи пойменного аллювия, был обнаружен лишь в 2013 г. В нем выявлена одногоризонтная выкладка из плит известняка площадью около 1 кв м. В слое 4, рядом со скоплением плит известняка, найдено два артефакта, включая рубящее орудие из желвака кремня и зубчатое орудие на расколотой гальке сланца. Еще одно кремневое орудие на обломке отщепы, обнаруженное в 8 м выше по склону, северо-западнее объекта с выкладкой из плит известняка, имеет выделенный скребковидной ретушью край. Рядом был найден обломок относительно крупной трубчатой кости неопределимого копытного животного. В слое, на том же уровне залегания и в тех же отложениях, были выявлены две гальки песчаника и два крупных

фрагмента известняка со следами сколов. Вопреки ожиданиям слой имеет хорошую сохранность. К сожалению, по разным причинам, прежде всего из-за недофинансирования, скопление так и осталось неизученным. Данное скопление было закрыто отложениями и законсервировано. Эти отложения были датированы эпизодом Харамилью.

Ниже слоя 4 прослеживается стерильная слоистая толща старичных отложений мощностью около 1 м. Далее вниз по склону эти старичные отложения резко падают, срезая нижележащие отложения руслового аллювия с нижними слоями 5 и 6.

Слой 5 залегает в песчано-гравийном слое руслового аллювия (пляжная фация). В слое были обнаружены многочисленные каменные изделия и единичные осколки костей, среди которых условно определен один обломок пяточной кости мелкого *Cervidae*. Значительная часть артефактов имела следы окатанности. Артефакты лежали плашмя, представляя три-четыре четко выраженных горизонта каменных изделий.

Этот слой дал обильные находки, основная часть которых (около 700 предметов) связана с участком площадью около 4 м². Всего в коллекции имеется 888 изделий. Из них непосредственно из слоя происходят 850 артефактов.

Сырье представлено местным сеноманским (черным) и туронским (серым) кремнем. Другие породы камня единичны. Песчаник, из которого сделаны многие галечные формы, представлен двумя типами — косоуцким и девонским, из которых первый отличается значительной прочностью.

В коллекции многочисленны мелкие отщепы и чешуйки. Отщепов из песчаника только пять. Поражает обилие чешуек (400 экз.), чьи размеры обычно менее 10 мм. Важно отметить, что чешуйки, как показывает практика, почти не сохраняются даже в пойменном аллювии и всегда отсутствуют в русловом.

Преобладают отщепы длиной от 21 до 40 мм, среди которых господствуют массивные. Более половины следует отнести к первичным и полупервичным. Подлинных пластин нет. Наиболее многочисленны гладкие ударные площадки, среди которых преобладают естественные (галечные). Много площадок точечных, линейные и подправленные — единичны, часть ударных площадок отщепов разбиты при раскалывании. Большинство отщепов имеют низкий, расплывчатый бугорок.

Нуклеусы в основном мелкие и имеют случайную форму, соответствуя размерам сырья. Выделено пять одноплощадочных, три двуплощадочных, шесть многоплощадочных, преимущественно шаровидных форм, четыре радиальных, 16 аморфных и шесть обломков. Полностью сработанных образцов нет.

Индустрия отличается весьма примитивной технологией раскалывания с предельно короткой операционной цепочкой, направленной на получение массивных мелких отщепов. Заметна отчетливая дихотомия, для которой типично сочетание относительно крупных галечных форм и мелких орудий на отщепах. Среди последних сериями представлены скребки на отщепах, проколки, но особенно выразительны клювовидные орудия. Обнаружены скребки типа каренэ, часто напоминающие рабо. Скребла вариабельны, но атипичны.

Из галечных форм выделено 20 чопперов, в основном с односторонней обработкой. Двусторонних и частично двусторонних чопперов найдено шесть.

В целом каменная индустрия слоя 5 сопоставима с поздним вариантом развитого олдована типа С, который исследователи африканского палеолита иногда рассматривают как функциональный вариант ашеля или даже как особый «африканский тайяк» (Schick, Toht 2006: 3, 4). Комплекс из слоя 5 стоянки Байраки относится к фации с преобладающими мелкими орудиями на отщепах и редкими галечными формами.

Слой 6 изучен на площади около 2–3 м², найден под стерильной прослойкой из линз гальки и гравия, которые сцементированы в конгломерат. Немногочисленные изделия из кремня сильно окатаны, залегают в галечнике в разных положениях. Они явно были переотложены. Всего в слое мощностью около 1 м найдено пять сильно окатанных кремневых предметов, включая односторонний чоппер, а также чопперовидное орудие, нуклеус и два отщепы, отличающихся несколько более крупными размерами. К слою 6 можно отнести крупный чоппер из косоуцкого песчаника, который был обнаружен в 2010 г. на поверхности карьера среди остатков конгломерата.

В целом нужно отметить, что отложения стоянки, с которыми связаны слои с находками артефактов, имеют разную сохранность. Из них слои 1 и 6 сильно разрушены, а находки в значительной мере переотложены. Наиболее хорошая сохранность отмечена для слоев 2 и 4. Что же касается обильных находок в слое 5, то они, без сомнения, не должны рассматриваться как переотложенные. Окатанность многих изделий объяснима незначительным перемещением их в пределах конкретных горизонтов во время нерегулярных паводков и может быть результатом обычной волновой абразии.

Общая тенденция развития каменных индустрий

Комплексы каменных изделий из слоев 1 и 2 стоянки Байраки аналогичны артефактам раннего палеолита из местонахождений Большой Фонтан и Погребя, а также каменной индустрии с территории Румынии из района Слатина (Анисюткин 2016). Что же касается более раннего материала из слоев 3–6, то он условно может быть сопоставим с древнейшими комплексами Дагестана и Тамани.

Если иметь в виду только стратифицированные памятники, то богатые коллекции происходят из слоя 5 стоянки Байраки и слоя 4 грота Старые Дуруиторы. Выразительные артефакты найдены на местонахождении Хрящи. Хорошие серии каменных орудий выявлены на местонахождениях Большой Фонтан и Погребя. Здесь выразительны галечные формы, включая чопперы, сопровождающиеся многочисленными сериями орудий на отщепах.

Стратифицированные памятники можно распределить на три группы: 1) «позднеолдованскую» — Байраки (слои 3–6); 2) «дубоссарскую» — Байраки (слои 1–2); 3) «клектоно-тайякскую» — Хрящи и Старые Дуруиторы. Все они образуют единый (*sensu lato*) галечно-отщеповый комплекс. Каменные изделия Меджибожа, учитывая наличие здесь грубых галечных форм и мелких отщепов, также можно отнести к этому же комплексу.

В данном случае образуется своеобразная цепочка из разновременных индустрий, которые существовали в течение очень длительного периода — от 1 млн до 300 тыс. л. н. К сожалению, из-за недостатка имеющихся фактов у нас нет оснований для установления преемственности и единой линии развития. Между комплексами существуют заметные лакуны (рис. 3).

Галечно-отщеповый комплекс на территории Русской равнины отчетливо характеризуется сочетанием орудий из галек и отщепов. В нем не представлена технология леваллуа. Количество галечных форм, включая чопперы, вариабельно. Дополнительно следует обратить внимание на наличие некоторых элементов, обычных для ашельского технокомплекса, включая, прежде всего, находки единичных ручных рубил и унифасов. Рубила имеют архаичный облик и могут быть сопоставимы с раннеашельскими. Здесь особое место занимает орудие из карьера у с. Кошницы (Коваленко, Пуцунтикэ 2005),

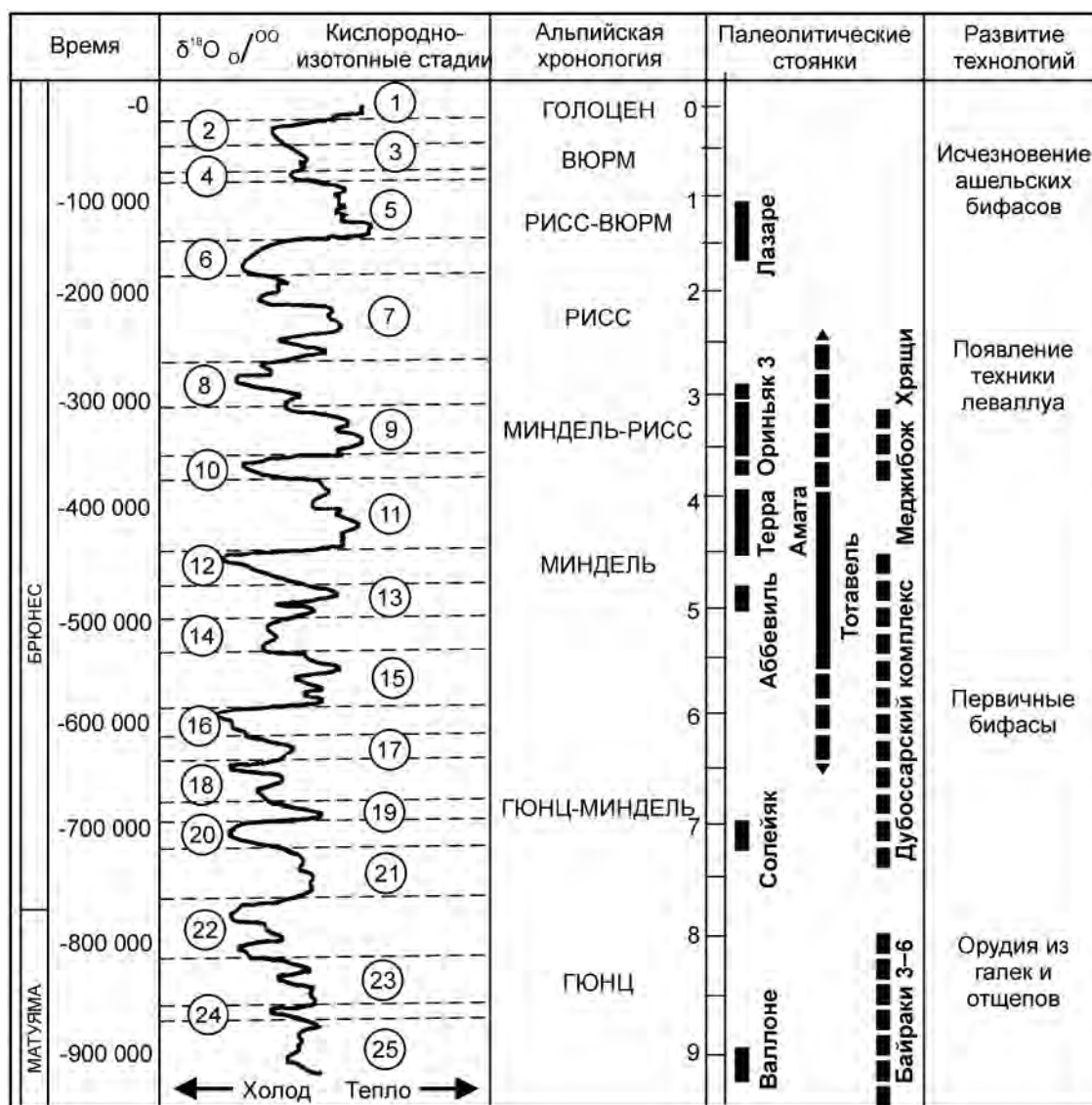

Рис. 3. Место памятников Русской равнины в системе раннего палеолита Франции (по: Combier 2005; с дополнениями)

Fig. 3. Place of the Russian Plain sites in the system of the Early Paleolithic of France (after Combier 2005; with additions)

которое, согласно классификации Франсуа Борда, должно рассматриваться как архаичный лиманд или протолиманд. Подобные формы рубил, как указывал этот ученый, наиболее типичны для раннего ашеля Франции (Bordes 1961). Единичные бифасы были также найдены и в коллекциях местонахождений Большой Фонтан, Погребя и Непоротово VI (Stepanchuk, Ridush 2009).

Заключение

В настоящее время на территории Русской равнины найдено пять стратифицированных местонахождений раннего палеолита. Проведенные междисциплинарные исследования отчетливо указывают на широкое временное распространение этих комплексов, начиная с палеомагнитной эпохи Матуяма. Они представлены каменными

индустриями из слоев 3–6 стоянки Байраки. Сюда же следует включить выразительную коллекцию каменных изделий местонахождения Крецешты. Особое место занимает единичная находка кварцитового изделия у с. Грушево, которая сейчас, возможно, является древнейшей. Эти материалы свидетельствуют о заселенности территории Русской равнины уже около 1 млн л. н.

Относительная датировка остальных памятников колеблется в пределах 700–300 тыс. л. н. Самым поздним является слой 4 грота Старые Дуруиторы, где найдены кости хазарского мамонта, существовавшего в конце среднего плейстоцена. Данный комплекс можно рассматривать так же как переходный от раннего палеолита к среднему (Анисюткин 2017).

Обнаружение в Приднестровье редких рубил раннеашельского облика и единичных унифасов достаточно остро ставит проблему существования ашеля в Восточной Европе. Однако для ее решения все еще не хватает необходимых данных. Так, согласно хроностратиграфической таблице Жана Комбье, посвященной раннему палеолиту Франции, время появления первичных ашельских бифасов в Приднестровье то же самое, что и на западе Европы (Combie 2005). Но этим сходство и ограничивается. Как известно, на территории Франции развитый и поздний ашель процветали в течение очень длительного времени, прослеживаясь даже до начала позднего плейстоцена (рис. 3). На Русской равнине следы раннеашельских индустрий появляются на короткое время около 600–500 тыс. л. н. и далее пропадают. Надежда на открытие подлинных ашельских памятников может быть связана с огромными размерами все еще неисследованной территории.

Напротив, галечно-отщеповый комплекс был широко распространен в Евразии во времени и пространстве. На территории Русской равнины его ранний этап представлен аналогом очень позднего олдована, а завершающий — каменными индустриями клетоно-тайякского типа, которые прослеживаются здесь до начальной поры позднего плейстоцена. В Европе галечные формы начинают исчезать уже в начале среднего палеолита, в то время как в некоторых регионах Азии они продолжали существовать в течение всего каменного века (Ранов 1988).

Опыт полевых работ в долине Днестра позволил выявить некоторые весьма характерные признаки расположения местонахождений раннего палеолита на высоких речных террасах, где местами сохранились фрагменты древних поверхностей раннеплейстоценового возраста. Они прослеживаются как в лессово-почвенных отложениях, так и в аллювиальных. В них иногда сохраняются следы частично разрушенных стоянок раннего палеолита, включая находки каменных изделий и обломки костей плейстоценовых животных. Самые древние из них происходят из аллювиальных толщ, где особую важность имеют отложения пляжной фации. Известно, что в олдованскую эпоху гоминины предпочитали обитать по берегам водоемов — озер и рек, располагаясь в пляжной зоне на песчаных косах и островах. Здесь каменные изделия нередко имеют относительно хорошую сохранность. С другой стороны, обнаруживаемые в галечниках русловой фации каменные артефакты почти всегда переотложены, окатаны и очень часто сильно повреждены.

Имеющиеся на настоящее время памятники раннего палеолита указывают на хорошую перспективу их дальнейших исследований. Особое значение имеют раскопки стоянки Байраки. Новые материалы помогут поставить новые вопросы и, возможно, позволят продвинуться в решении старых.

Литература

- Адаменко и др. 1996 — Адаменко О. М., Гольберт А. В., Осюк В. А., Матвишишина Ж. Н., Медяник С. И., Моток В. Е., Сиренко Н. А., Чернюк А. В. Экосистемы Нижнего и Среднего Днестра. Киев: Феникс, 1996. 200 с.
- Анисюткин 1987 — Анисюткин Н. К. Новое местонахождение раннего палеолита у с. Погреба на Нижнем Днестре // Борзьяк И. А. (отв. ред.). Молдавское Приднестровье в первобытную эпоху. Кишинев: Штиинца, 1987. С. 4–15.
- Анисюткин 1994 — Анисюткин Н. К. Древнейшие местонахождения раннего палеолита на юго-западе Русской равнины // АВ. 1994. Вып. 3. С. 6–16.
- Анисюткин 2009 — Анисюткин Н. К. О первоначальном заселении юго-запада Восточной Европы // Деревянко А. П., Шуньков М. В. (отв. ред.). Древнейшие миграции человека в Евразии: Мат-лы Междунар. симпозиума (6–12 сентября 2009 г., Махачкала). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 50–62.
- Анисюткин 2016 — Анисюткин Н. К. Дубоссарский раннепалеолитический комплекс на территории Приднестровья // Rivista Arheologica. Chisinau, 2016. SN. Vol. 1, nr. 1–2. P. 6–19.
- Анисюткин 2017 — Анисюткин Н. К. Новые данные о первоначальном заселении Восточно-Европейской равнины в раннем палеолите // Rivista Arheologica. Chisinau, 2017. SN. Vol. 13, nr. 1–2. P. 6–15.
- Анисюткин и др. 2012 — Анисюткин Н. К., Коваленко С. И., Бурлаку В. А., Очередной А. К., Чепалыга А. Л. Байраки — новая стоянка раннего палеолита на нижнем Днестре // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2012. № 1 (49). С. 2–10.
- Анисюткин и др. 2013 — Анисюткин Н. К., Степанчук В. Н., Чепалыга А. Л. Крецешты, новое местонахождение раннего палеолита с галечной индустрией на Днестре: каменные изделия, геологические условия, возраст // Васильев С. А., Ларионова А. В. (отв. ред.). Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии: Сб. ст. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 89–103.
- Анисюткин и др. 2015 — Анисюткин Н. К., Чепалыга А. Л., Коваленко С. И. Предварительные итоги пятилетних исследований (2010–2014 гг.) древнейшей на территории Восточно-Европейской равнины многослойной стоянки раннего палеолита Байраки (Приднестровье) // АВ. 2015. Вып. 21. С. 11–30.
- Антропоген и палеолит... 1986 — Антропоген и палеолит Молдавского Приднестровья: Путеводитель экскурсий VI Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. Кишинев: Штиинца, 1986. С. 76–78.
- Борисковский 1953 — Борисковский П. И. Палеолит Украины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 464 с. (МИА. № 40).
- Ветров 2014 — Ветров В. С. Раннепалеолитическое местонахождение с кварцитами Вишневый дол, Макарово, Пионерское, Красный Деркул в Среднем Подонцовье // Погорелец О. (ред.). Местонахождение Меджибож и проблемы изучения нижнего палеолита Восточноевропейской равнины: Сб. науч. ст. Меджибож; Тернополь; Киев: Терно-граф, 2014. С. 165–176.
- Коваленко, Пуцунтикэ 2005 — Коваленко С., Пуцунтикэ С. Раннепалеолитическая находка из Кошницы // Rivista Arheologica. Chisinau, 2005. SN. Vol. 1, nr. 1. P. 168–179.
- Праслов 1968 — Праслов Н. Д. Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Подонья. Л.: Наука, 1968. 156 с. (МИА. № 157).
- Праслов 1984 — Праслов Н. Д. Ранний палеолит Крыма и Русской равнины // Борисковский П. И. (отв. ред.). Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. С. 94–134 (Археология СССР).
- Праслов 2008 — Праслов Н. Д. Современное состояние и перспективы изучения раннего палеолита Русской равнины // Васильев С. А. и др. (ред.). Ранний палеолит Евразии: новые открытия: ММК (Краснодар–Темрюк, 1–6 сентября 2008 г.). Ростов н/Д.: Южный НЦ РАН, 2008. С. 92–95.

- Ранов 1988 — Ранов В. А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. докл.: 07.00.06. — археология. Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1988. 50 с.
- Скориков 2014 — Скориков В. А. Галечные орудия в раннепалеолитических местонахождениях Среднего Подонцовья // Погорелец О. (ред.). Местонахождение Меджибож и проблемы изучения нижнего палеолита Восточноевропейской равнины: Сб. науч. ст. Меджибож; Тернополь; Киев: Терно-граф, 2014. С. 177–189.
- Степанчук 2006 — Степанчук В. Н. Нижний и средний палеолит Украины. Черновцы: Зелена Буковина, 2006. 465 с.
- Степанчук и др. 2014 — Степанчук В. Н., Рыжов С. Н., Матвишишина Ж. Н., Кармазиненко С. П., Муань А. М. Первые итоги изучения нижнепалеолитических местонахождений Меджибожа // Погорелец О. (ред.). Местонахождение Меджибож и проблемы изучения нижнего палеолита Восточноевропейской равнины: Сб. науч. ст. Меджибож; Тернополь; Киев: Терно-граф, 2014. С. 22–47.
- Bordes 1961 — Bordes F. Typologie du Paléolithique Ancien et Moyen. Bordeaux: Université de Bordeaux, Institut de préhistoire, 1961. 85 p. (Mémoire. No. 1).
- Bosinski 1982 — Bosinski G. The transition from lower/middle Palaeolithic in North-western Germany // The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man. International Symposium to commemorate the 50th anniversary of excavations in the Mount Carmel caves by D. A. E. Garrod, University of Haifa, 6–14 October 1980. Oxford: BAR, 1982. S. 165–177 (BAR. IS. 151).
- Combiér 2005 — Combiér J. Quelle présence humaine dans l'espace rhodanien avant le stade 5 (135 ka)? // Extrait des Cahiers Scientifiques du Muséum de Lyon. 2005. No. 3. P. 71–99.
- Junkmanns 1995 — Junkmanns J. Les ensembles lithique d'Achenheim d'après la collection de Paul Wernert // Bulletin de la Société préhistorique française. 1995. T. 92, no. 1. P. 26–35.
- Praslov 1995 — Praslov N. D. The earliest occupation of the Russian Plain: a short note // The earliest occupation of Europe: Proceedings of the European Science Foundation Workshop at Tautavel (France), 1993. Leiden: University of Leiden, 1995. P. 61–66.
- Schick, Toht 2006 — Schick K., Toht N. An Overview of the Oldowan Industrial Complex: the sites and Nature of Their Evidence // Toht N., Schick K. (eds.). The Oldowan: Case Studies in to the Earliest Stone Age. Gosport: Stone Age Institute Press, 2006. P. 3–43 (Stone Age Institute publication series. No. 1).
- Stepanchuk, Ridush 2009 — Stepanchuk V., Ridush B. Neporotove VI: New Lower Palaeolithic Surface Locality at the Middle Dnister Area, Western Ukraine // Burdukiewicz J. M., Cierek K., Diczek P., Szymczak K. (eds.). Understanding the Past. Papers offered to Stefan K. Kozłowskiy. Warsaw: University of Warsaw, 2009. P. 321–330.

RESULTS AND PERSPECTIVES IN THE STUDY OF THE EARLY PALEOLITHIC OF THE RUSSIAN PLAIN

N. K. ANISYUTKIN

Keywords: *Russian plain, Early Paleolithic, Oldowan, pebble and flake complex.*

The paper summarizes the results of research of the Early Paleolithic on the territory of the Russian Plain. Currently, about 15 sites of varying preservation are known here, including five sites with reliable stratigraphy. The oldest among them are the lower layers of the Bairaki site dated to the end of the Matuyama chron (*ca.* 1 mya), whereas the latest are layer 4 of the *Duruitoarea Veche* grotto and the locality of Khryashchi which are believed to date from the end of the Middle Pleistocene (400–300 kya). On the whole, the lithic industries of the Early Paleolithic of the Russian Plain correspond to the pebble and flake complex of Eurasia, and the oldest of them can be comparable to the Late Oldowan.

ПЕТРОГЛИФЫ КАНОЗЕРА: РАСКОПКИ¹

Е. М. КОЛПАКОВ, А. И. МУРАШКИН, А. Ю. ТАРАСОВ,
А. А. МАЛЮТИНА, К. Н. СТЕПАНОВА²

Ключевые слова: *Кольский полуостров, Канозеро, артефакты у петроглифов.*

Петроглифы Канозера на Кольском п-ове исследуются Кольской археологической экспедицией ИИМК РАН с 1999 г. Кроме изучения самих наскальных изображений, в течение ряда лет проводились раскопки участков, непосредственно примыкающих к скалам с выбивками (рис. 1; 2). Некоторые уникальные артефакты на Канозере можно считать специальными приношениями. Это кремневый бифасиальный кинжал с естественным отверстием и четыре бифасиальных наконечника стрел у группы Каменный 7 (рис. 3, 1; 5, 1–4), а также топор (заготовка), обнаруженный в расщелине скалы с петроглифами группы Еловый 3 (рис. 6). Фрагменты керамики, обнаруженные у скалы с петроглифами Каменный 7 (рис. 3, 2; 4, 5–14), типологически датируются 4 тыс. до н. э. Типы кремневых и сланцевых орудий относятся к позднему неолиту — бронзовому веку (3–2 тыс. до н. э.). Таким образом, артефакты, найденные рядом с наскальными выбивками, косвенно свидетельствуют в пользу предлагавшейся нами датировки канозерских петроглифов 4–2 тыс. лет до н. э.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-26-52-63

Введение

Петроглифы Канозера на Кольском полуострове — выдающийся памятник древнего наскального искусства, который исследуется Кольской археологической экспедицией ИИМК РАН с 1999 г. (Kolpakov et al. 2008; Колпаков, Шумкин 2012; Колпаков, Киселева 2019; Колпаков 2020). Кроме исследований и документирования самих наскальных изображений, в течение ряда лет проводились раскопки участков, непосредственно примыкающих к скалам с выбивками или расположенных на самих скалах.

¹ Е. М. Колпаковым, К. Н. Степановой и А. А. Малютиной статья подготовлена в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZF-2022-0012), А. И. Мурашкиным — по теме «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (FMZF-2022-0017), А. Ю. Тарасовым — по госконтракту в рамках плановой научной темы сектора археологии ИЯЛИ Карельского НЦ РАН.

² Е. М. Колпаков, К. Н. Степанова — Отдел палеолита, А. И. Мурашкин — Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций, А. А. Малютина — Экспериментально-трассологическая лаборатория, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия; А. Ю. Тарасов — Сектор археологии, ИЯЛИ Карельского НЦ РАН; г. Петрозаводск, 185910, Россия.

В 2008 г. раскопаны участок вокруг группы Еловый 6 на о. Еловый (рис. 1) и участок на южном краю группы Каменный 7 (где обнаружен обломок скалы с антропоморфной фигурой и частью фигуры лося, которая является продолжением фигуры на примыкающем скальном массиве) (Колпаков, Шумкин 2012: 395), а также шурф к юго-западу от нее на о-ве Каменный (Скалистый) (Шумкин 2008). В 2011, 2014 и 2018 гг. проведены раскопки у группы Каменный 7 (рис. 2), связанные с проектированием, установкой и обслуживанием защитного сооружения над петроглифами (Колпаков 2011; 2014; 2018). Кроме того, в 2009 г. были выполнены зондажи на центральной скале с раздвоенной вершиной о-ва Каменный, которые не принесли результатов.

Цели раскопок

Научными целями этих работ являлись, прежде всего: 1) поиск остатков инструментов, применявшихся для выбивки изображений; 2) поиск артефактов, полезных в определении времени создания и функционирования канозерских петроглифов; 3) поиск артефактов, связанных не просто с пребыванием древних людей на островах Канозера (что очевидно), а имевших особое отношение к изображениям на скалах — включенных в сакральные действия у наскальных выбивок.

Как ни странно, но к достижению первой цели приблизиться не удалось. В материалах раскопок нет ничего, что можно было бы надежно связать с орудиями, употреблявшимися для создания выбивок на скалах. Вторая цель достигнута в известной степени: обнаружен ряд артефактов, в целом датируемых типологически 4–2 тыс. до н. э. Это соответствует типологической датировке самих петроглифов и таким образом косвенно ее подкрепляет. Что касается третьей цели, то лишь работы 2018 г., кажется, принесли предметы, которые обоснованно можно отнести к этой категории.

Отложения

Непосредственно примыкающие к скале с петроглифами слои, а также и перекрывающие ее отложения в целом характеризуются следующей стратиграфией:

- 1) дерн и верхний почвенный горизонт, пронизанный корнями растений, темно-серого и черного цветов;
- 2) песок белесый, светло-серый — подзол (фиксируется только с западной стороны);
- 3) песок или супесь серого цвета с гравием, галькой и валунами;
- 4) песок, от буровато-красного до черно-коричневого цвета, чрезвычайно плотный, с гравием, галькой и валунами — иллювиальный горизонт ожелезнения;
- 5) песок, супесь или суглинок серовато-коричневый, увлажненный.

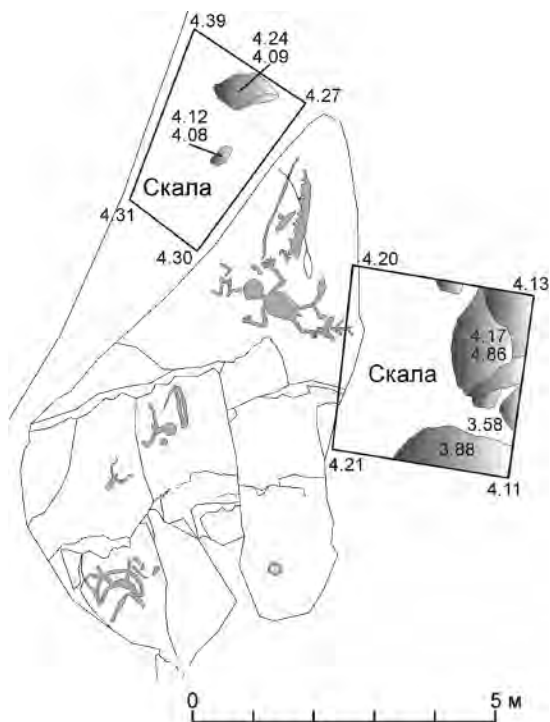

Рис. 1. План раскопок 2008 г. на о-ве Еловый у группы Еловый 6

Fig. 1. Plan of the 2008 excavations on Elovoyi island near the Elovoyi 6 group

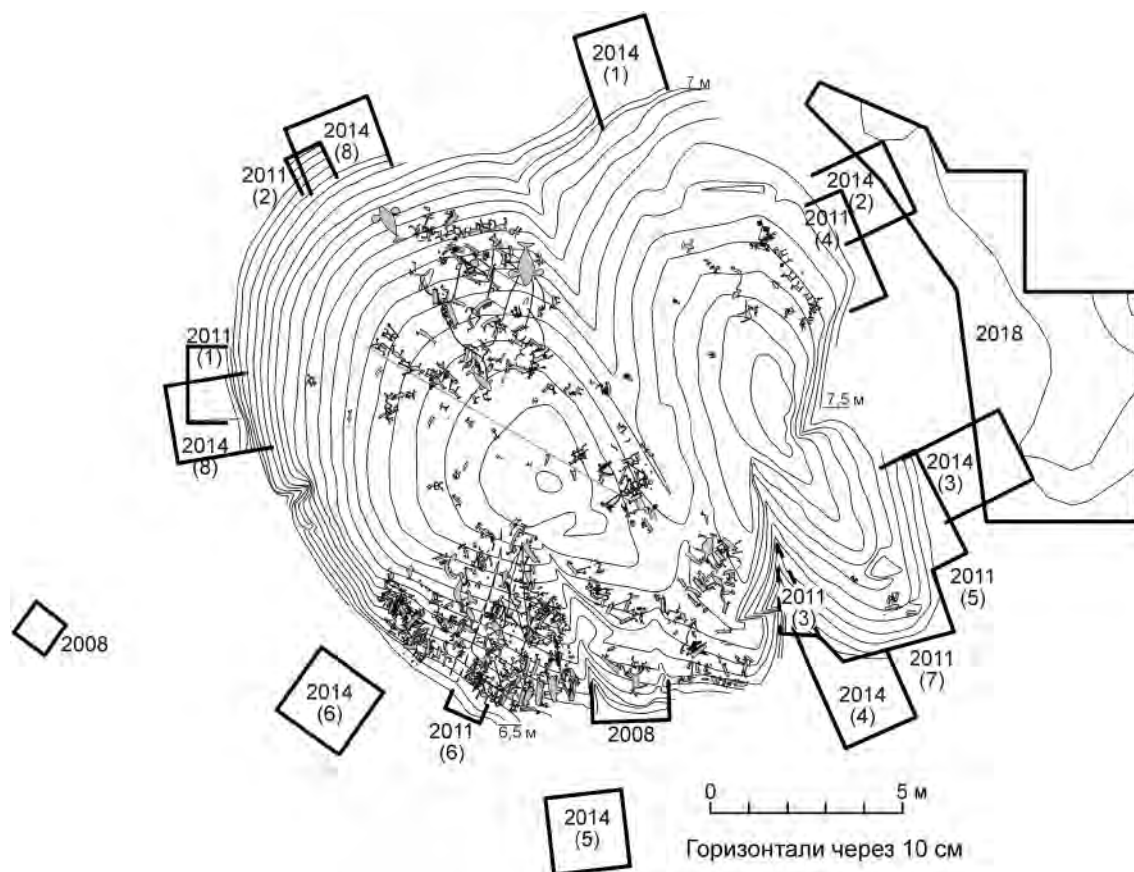

Рис. 2. План раскопок 2008, 2011, 2014, 2018 гг. на о-ве Каменный у группы Каменный 7
 Fig. 2. Plan of the 2008, 2011, 2014 and 2018 excavations on Kamennyi island near the Kamennyi 7 group

Артефакты залегают в дерне (единичные экземпляры), в сером песке (основная масса) и в верхней части буровато-красного песка, что является типичным для археологических памятников Кольского п-ова.

Раскопки 2008 г.

Большую часть находок 2008 г. составляют мельчайшие чешуйки (402 экз.), отщепы (79 экз.) и осколки (26 экз.) кварца. Кварцевых биполярных нуклеусов — 3 экз., скребков — 4 экз., один отщеп с ретушью. Из других материалов имеются два сланцевых отщепа, одна чешуйка из окремненного сланца, один кремневый скол утончения бифаса. Кроме того, присутствуют мелкие фрагменты кальцинированных костей. Фрагмент венчика керамического сосуда обнаружен в шурфе на о-ве Еловый, имеет в тесте примесь мелкоотточенной дресвы (размер зерен до 2–3 мм), тесто хорошо промешанное, обжиг однослойный, цвет черепка коричневый, внешняя поверхность отслоилась — типологически неопределим.

Раскопки 2011 г.

В шурфах и расчистках скалы от дерна 2011 г. обнаружено 370 артефактов из кварца (в основном отщепы и чешуйки, а также несколько скребков и нуклеусов), обломок сланцевой пилы, охра, фрагмент бифасиального наконечника стрелы из кремня (рис. 3, 1) и фрагмент керамики с гребенчатым орнаментом.

Рис. 3. Группа Каменный 7: 1 — шурф 2-2011, фрагмент бифасиального наконечника из кремня (инв. № 87); 2 — шурф 1-2011, керамика (инв. № 161)

Fig. 3. Kamennyi 7 group: 1 — test-pit 2-2011, fragment of a flint bifacial arrowhead (inv. no. 87); 2 — test-pit 1-2011, ceramics (inv. no. 161)

Фрагмент стенки сосуда, размерами 35 × 24 мм, толщиной 5–6 мм, светло-серого цвета, из хорошо отмученного теста с примесью органики, с орнаментом из рядов парных оттисков гребенчатого штампа, на внутренней поверхности — расчески (рис. 3, 2). Типологически такая керамика относится к позднему неолиту и датируется 3800–3100 calBC. Эта находка происходит не из слоя, перекрывающего петроглифы. Тем не менее она является косвенным аргументом в пользу предлагавшейся на основе типологии самих изображений датировки канозерских петроглифов 4–2 тыс. до н. э.

Раскопки 2014 г.

В шурфах 2014 г. обнаружено 509 каменных артефактов. В основном это отщепы и чешуйки, преимущественно из кварца, а также из сланца и кремня. Имеются сланцевое тесло (рис. 4, 15) и заготовка рубящего орудия, изготовленная из крупного сланцевого отщепа (рис. 4, 16).

Найдено 19 фрагментов керамики с гребенчато-ямочным орнаментом (табл. 1). 14 из них происходят из одного шурфа (№ 3) у восточного края скалы с петроглифами. Все они очень мелкие (до 44 × 35 мм), что не позволяет охарактеризовать форму сосудов и их орнаментацию. Все фрагменты имеют примесь мелкотолченой органики, в семи случаях в качестве примеси также использовалась мелкая дрсва. Сохранились два мелких фрагмента венчиков (рис. 4, 5, 7). Они прямые, один со срезанным краем, второй — с округлым. На первом поставлены оттиски мелкой короткой гребенки сразу под венчиком и по его срезу.

На восьми фрагментах стенок также есть орнаментация (рис. 4, 6, 8–14). Это глубокие ямки подквадратной в плане формы и с коническим в профиль дном (рис. 4, 8–10, 13). Несколько фрагментов стенок орнаментированы поверхностными оттисками короткой гребенки (рис. 4, 6, 11–14). Видимо, орнаментация состояла из зон, заполненных как минимум двумя-тремя горизонтальными рядами косо поставленной гребенки. Подобная керамика встречается в южной и центральной частях Кольского п-ова, в Северной Карелии и Северной Финляндии. А. М. Жульников атрибутирует ее как гребенчато-ямочную керамику с примесью органики типа Залавруга (Жульников 2005: 26–28). Время распространения посуды этого типа — конец 4 тыс. до н. э. (Мурашкин, Карпелан 2013: 200, 201).

Таблица 1. Группа Каменный 7, 2011 и 2014 гг., каменный инвентарь

Инвентарь		Материал					Всего
		Кварц	Кварцит	Кремень	Сланец	Песчаник	
Сколы	Отщеп	476	–	–	3	–	479
	Микродебитаж	326	–	–	–	–	326
Нуклеусы		38	1	–	–	–	39
Орудия на отщепах	Скребок	19	–	2	–	–	21
	Скребок-скобель	1	–	–	–	–	1
	Отщеп с ретушью	6	–	–	–	–	6
	Отщеп со следами утилизации	4	–	2	–	–	6
	Долотовидный клин	1	–	–	–	–	1
Бифасы	Заготовка бифаса	–	–	–	1	–	1
	Наконечник стрелы бифасиальный	–	–	2	–	–	2
	Чешуйка	–	–	1	–	–	1
Макроорудия	Заготовка макроорудия	–	–	–	1	–	1
	Тесло	–	–	–	1	–	1
Отбойник		1	–	–	–	–	1
Абразивы	Шлифовальная плита	–	–	–	–	1	1
	Пила	–	–	–	–	1	1
Всего		872	1	7	6	2	888

Орудийный набор небольшой, однако представляющий собой вполне обычный поселенческий комплекс неолита–бронзы, включающий не только мелкие орудия для различных бытовых нужд и отходы их производства, но также метательное вооружение (наконечник стрелы) и абразивные инструменты (рис. 4, 1–4). Каменный инвентарь свидетельствует, по крайней мере, об обитании на данном месте человеческих коллективов (очевидно, небольших) в течение какого-то времени, даже если каждый отдельный эпизод обитания был относительно непродолжительным.

Технико-типологические характеристики основного, кварцевого, комплекса очень сходны с исследованными жилищами на поселении Завалишина 5, относительно которых нет никаких сомнений в том, что их кварцевый комплекс получен в результате обычной бытовой активности на памятнике, являвшемся местом продолжительного обитания. Во всех жилищах этого поселения также абсолютно преобладает биполярное расщепление, а «площадочное» используется для раскалывания более крупных отдельностей сырья, вероятнее всего, только на начальном этапе их срабатывания. В целом совпадают и другие статистические показатели: доля микродебитажа среди сколов без вторичной обработки в разных жилищах колеблется от 25 до 60 % (среди находок из Канозеро она составляет 36,9 %); доля фрагментированных сколов колеблется от 30 до 50 % (среди материалов из Канозеро — 42,3 %); средний размер сколов (без учета микродебитажа) колеблется от 22 до 25 мм (в канозерской коллекции — 24 мм). Доля орудий среди всех изделий из группы на отщепах (включая нуклеусы и все сколы-отходы) в различных жилищах поселения Завалишина 5 составляет от 0,5 до 3,5 %, при этом в канозерском комплексе она даже больше — почти 5 %.

Таким образом, большинство особенностей кварцевого и иного инвентаря на рассматриваемом памятнике скорее свидетельствуют о том, что раскалывание кварца

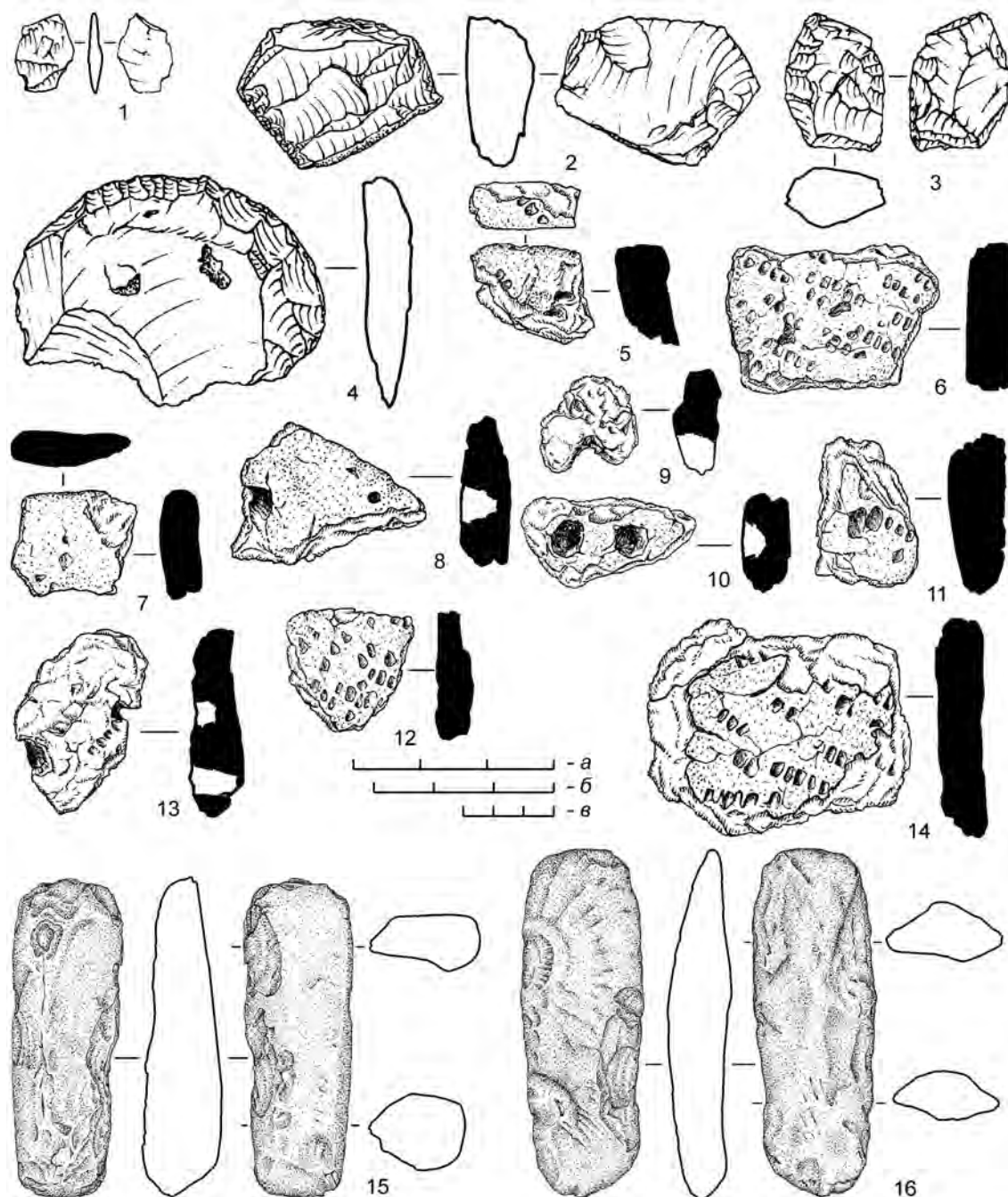

Рис. 4. Группа Каменный 7, находки из раскопов 2014 г. 1-4 — изделия из кремня: 1 — чешуйка (инв. № 768); 2, 4 — скребки (инв. № 1069, 753); 3 — фрагмент заготовки бифасиального наконечника стрелы (инв. № 261); 5-14 — керамика: 5, 7 — фрагменты венчиков (инв. № 247, 184); 6, 8-14 — фрагменты стенок (инв. № 781, 120, 313, 183, 217, 121, 407, 353); 15, 16 — изделия из сланца: 15 — тесло (инв. № 480); 16 — заготовка рубящего орудия (инв. № 314). Масштаб: а — для 1-4; б — для 5-14; в — для 15, 16

Fig. 4. Kamennyi 7 group, finds of 2014. 1-4 — flint objects: 1 — tiny flint flake (inv. no. 768); 2, 4 — endscrapers (inv. nos. 1069, 753); 3 — fragment of a half-finished bifacial arrowhead (inv. no. 261); 5-14 — ceramics: 5, 7 — fragments of vessel rims (inv. nos. 247, 184); 6, 8-14 — fragments of vessel walls (inv. nos. 781, 120, 313, 183, 217, 121, 407, 353); 15, 16 — slate objects: 15 — adze (inv. no. 480); 16 — half finished axe (inv. no. 314). Scale: a — for 1-4; b — for 5-14; v — for 15, 16

происходило с целью решения обычных бытовых задач. В то же время, учитывая расположение памятника в непосредственной близости от панно с петроглифами, есть основания ожидать, что по крайней мере часть коллекции должна быть связана с созданием петроглифов.

Эксперимент по пикетажу

Для определения специфических признаков, могущих свидетельствовать о такой активности, был проведен небольшой эксперимент. Поскольку основной техникой, в которой изготавливались петроглифы, был пикетаж, эксперимент заключался в попытке пикетажной обработки плоской каменной плиты с помощью кварцевого отбойника. Кварц — наиболее твердый минерал, который мог быть найден в окрестностях памятника, и поэтому наилучшим образом подходящий для создания выбивок. Пикетажная обработка плиты продолжалась в течение 1,5 часов, после чего были собраны все отходы.

Эксперимент показал, что острый конец кварцевого куска, выбранного в качестве отбойника, при аккуратном нанесении ударов с небольшой силой и ускорением постепенно скруглялся и начинал напоминать рабочий конец обычных отбойников, используемых для расщепления камня. Образующиеся в теле отбойника вблизи рабочего конца трещины чаще имеют небольшую длину и распространяются вблизи поверхности предмета, хотя возможно образование и более крупных трещин, способных отделить отщеп длиной 2–3 см. При нанесении более сильных ударов трещины распространяются глубже в тело отбойника и отщепы отделяются более интенсивно. После нескольких таких сколов рабочий конец отбойника начинает выглядеть, как вершина биполярного нуклеуса. В обоих случаях образуется мелкая крошка и микродебитаж, при этом при большей силе удара эти мелкие отходы также образуются более интенсивно. Все полученные отходы были просеяны через металлическую сеть с ячейками 4 × 4 мм, что исключило из выборки самые мелкие осколки и пыль. Поскольку они также очень многочисленны, возможно, при раскопках имеет смысл брать образцы почвы для гранулометрического анализа и т. п.

Образующиеся сколы, если они не фрагментируются, имеют признаки биполярных, что неудивительно, учитывая то, что импульс распространяется вертикально и удар наносится не по ровной площадке, а по острой или округлой, но узкой вершине, как и в случае биполярного расщепления. С целью сравнения результатов раскалывания кварца при использовании обеих техник был также проведен контрольный эксперимент по биполярному расщеплению. В течение 20 минут производилось раскалывание трех отдельных частей сырья размером около 10 см. Все отходы также были просеяны через металлическую сеть. Полученная коллекция эталонов позволила наметить основные признаки, по которым можно обнаружить различие между разрушением отбойника при пикетаже и целенаправленным биполярным расщеплением.

При сильных ударах рабочий конец отбойника становится идентичен вершине биполярного нуклеуса. Однако необходимо отметить, что при серии неудачных ударов, то есть слишком слабых и неспособных инициировать раскалывание ядрища, вершина биполярного нуклеуса также может напоминать рабочий конец отбойника для пикетажа.

Таким образом, характер рабочего конца (вершины) может свидетельствовать о той или иной деятельности, но это свидетельство не является абсолютным и неоспоримым. Дополнительным аргументом может быть количество таких вершин на ядрище и их расположение относительно друг друга. Наличие вершин, для которых не находится пары (второй вершины, расположенной на противоположном конце), повышает вероятность

того, что мы имеем дело с отбойником для пикетажа. Наконец, важным параметром является размер ядрища. Предмет размером не более 5–6 см является слишком легким и неудобным для держания в ладони. И то и другое сильно затрудняет нанесение ударов достаточной силы, необходимых для успешного пикетажа. В то же время для биполярного раскалывания с целью получения сколов-заготовок, предполагающего нанесение отвесных ударов отбойником по той вершине, которая противоположна установленной на наковальню, размер не является существенным ограничителем.

Наиболее важные характеристики сколов из обеих экспериментальных выборок представлены в таблице 2.

Во-первых, таблица показывает, что скалывание отщепов при пикетаже происходит в целом с гораздо меньшей интенсивностью, а значит коллекция, полученная только таким образом, будет менее многочисленной. В то же время вряд ли возможно предсказать какие-то конкретные значения, поскольку они могут зависеть от множества внешних факторов.

Во-вторых, процент микродебитажа в целом получился выше при пикетаже, чем при целенаправленном биполярном расщеплении. Также показательно, что этот процент в обоих случаях выше, чем в выборках, полученных в ходе раскопок. Очевидно, это связано с тем, что значительная часть этих предметов пропускается в ходе раскопок, даже при просеивании извлеченного грунта.

Таблица 2. Группа Каменный 7, эксперимент по пикетажу

Вид эксперимента	Всего целых сколов, шт.	Микродебитаж		Биполярные			Неопределимые		Площадочные, шт.	Фрагментированные		Средний размер, мм	
		Всего, шт.	Доля, %	Всего, шт.	С двумя вершинами		Всего, шт.	Доля, %		Всего, шт.	Доля, %		
					Всего, шт.	Доля от биполярных, %							Доля от сколов больше 15 мм, %
Биполярное расщепление	565	379	67,1	148	17	11,5	9,4	37	19,9	1	53	28,5	26
Пикетаж	203	176	86,7	14	0	0	0	13	48,1	0	14	51,6	23
Биполярный пикетаж	605	503	83,6	45	7	15,6	6,7	56	54,9	1	62	60,8	23

В-третьих, если при намеренном биполярном расщеплении основная часть коллекции имеет явные признаки именно такого раскалывания, то среди отщепов размером более 15 мм, полученных в результате пикетажа, такие признаки отмечены только у половины. Вторая половина при этом отнесена к неопределимым. Также более многочисленными в выборке из эксперимента по пикетажу получились фрагментированные сколы. Причина, как представляется, заключается в следующем. Поскольку отделение сколов от отбойника не является в данном случае целью, каждый конкретный удар наносится с меньшей силой, чем необходимо для их отделения. При этом образуется множество мелких трещин, и их больше, чем в случае быстрого биполярного раскалывания. Когда сколы все-таки отделяются, они распадаются по этим трещинам и значительная их доля уже не имеет проксимальных частей.

В-четвертых, среди сколов, полученных при намеренном биполярном расщеплении, имеется некоторое количество таких, у которых на обоих концах имеются участки

с биполярной забитостью. Это означает, что ударные импульсы от отбойника и наковаляни прошли через все тело нуклеуса навстречу друг другу и встретились, отделив данный отщеп. Их количество не слишком велико, однако заметно (11,5 % в экспериментальной выборке). Больше всего их среди сколов размером от 2 до 3 см (12 экз. из 17) — чем короче нуклеус, тем больше вероятность, что эти импульсы встретятся, при этом раскалывание более мелких ядрищ уже с меньшей вероятностью приводит к получению приемлемых сколов-заготовок (хотя также может производиться). Среди отщепов, образовавшихся при пикетаже в нашем эксперименте, такие сколы отсутствуют в принципе.

Итак, эксперимент показал, что некоторые особенности коллекций кварцевых продуктов расщепления, преимущественно выявляемые при статистическом анализе, могут свидетельствовать о намеренном биполярном расщеплении, позволяя отличить его от случайного получения кварцевых сколов при пикетаже с помощью кварцевых отбойников. Однако эти особенности не являются однозначными и не дают абсолютно надежного результата. Наиболее достоверным показателем, на наш взгляд, является процент биполярных сколов, у которых имеется биполярная забитость на обоих концах. Однако даже этот показатель не является полностью надежным, поскольку нельзя исключать, что при создании петроглифов в некоторых случаях по отбойнику могли наносить удары сверху еще одним, более крупным отбойником — совсем как и при намеренном биполярном раскалывании нуклеуса.

Раскопки 2018 г.

В раскопе 2018 г. обнаружено 88 каменных артефактов и один фрагмент керамики. Фрагмент керамики не орнаментирован и по технологическим признакам соответствует керамике, найденной в 2014 г. Среди каменных изделий представлены фрагмент бифасиального кинжала (наконечника дротика) и три бифасиальных наконечника стрел из кремня (рис. 5, 1–4), а также шлифованный наконечник стрелы, желобчатое тесло (рис. 5, 5, б) и заготовка макроорудия из сланца (табл. 3). Типологически эти предметы относятся к позднему неолиту — бронзовому веку (3–2 тыс. до н. э.).

Таблица 3. Группа Каменный 7, 2018 г., каменный инвентарь

Артефакты		Материал			Итого
Группа	Категория	Кварц	Кремень	Сланец	
Продукты расщепления	Нуклеус биполярный	3	–	–	3
	Отщеп	64	–	–	64
	Микродебитаж	7	–	–	7
Орудия	Отщеп с ретушью	2	–	–	2
	Проколка	1	–	–	1
	Скобель	1	–	–	1
	Скребок	3	–	–	3
	Кинжал бифасиальный	–	1	–	1
	Наконечник стрелы бифасиальный	–	3	–	3
	Наконечник стрелы шлифованный	–	–	1	1
	Тесло желобчатое	–	–	1	1
	Заготовка макроорудия	–	–	1	1
Итого		81	4	3	88

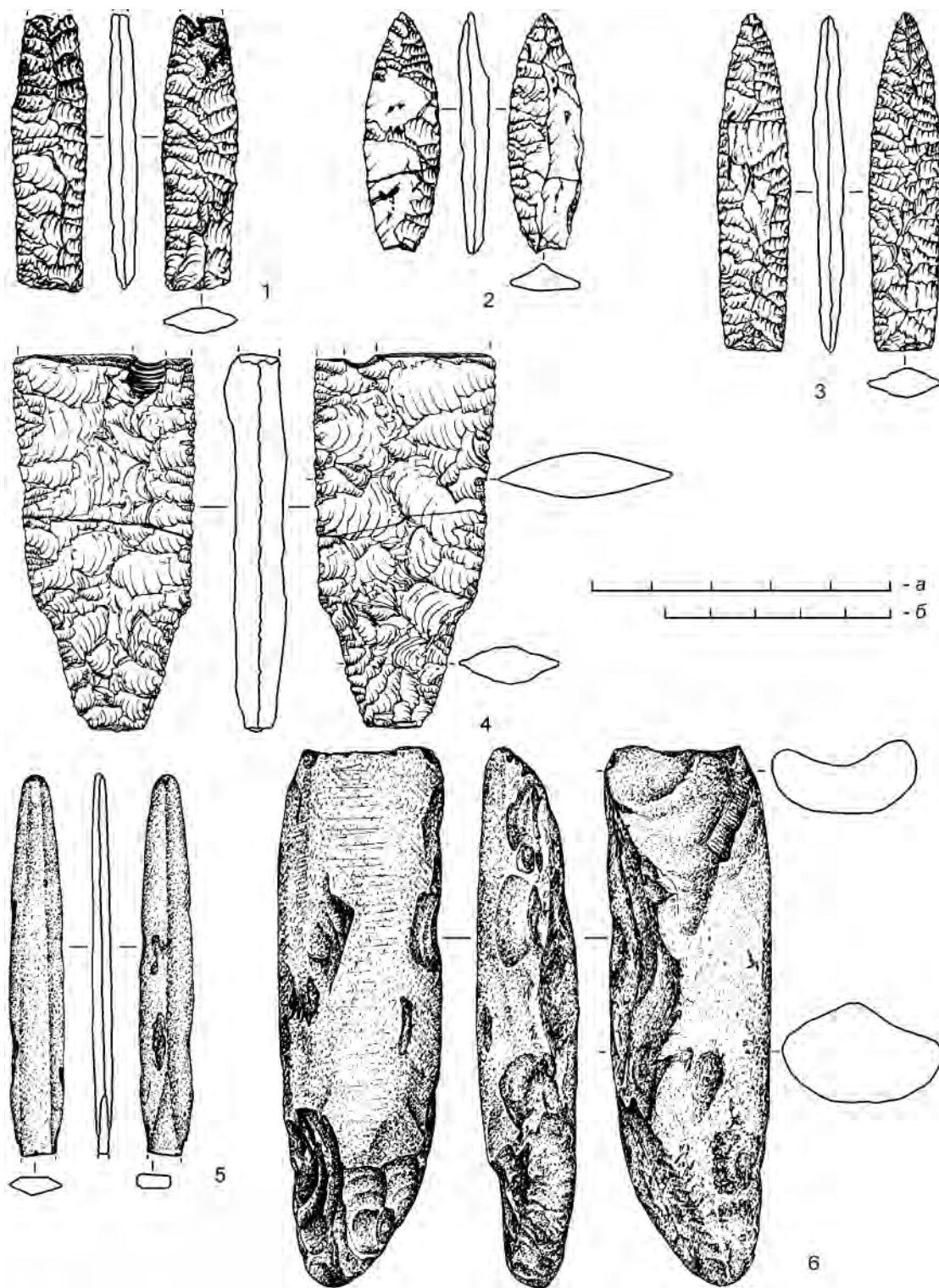

Рис. 5. Группа Каменный 7, находки из раскопов 2014 г. 1-4 — изделия из кремня: 1-3 — наконечники стрел (инв. № 97, 88, 41); 4 — фрагмент кинжала (инв. № 40); 5, 6 — изделия из сланца: 5 — наконечник стрелы (инв. № 128); 6 — желобчатое тесло (инв. № 39). Масштаб: а — для 1-3; б — для 4-6

Fig. 5. Kamennyi 7 group, finds of 2014. 1-4 — flint objects: 1-3 — arrowheads (inv. nos. 97, 88, 41); 4 — dagger fragment (inv. no. 40); 5, 6 — slate objects: 5 — arrowhead (inv. no. 128); 6 — fluted adze (inv. no. 39). Scale: a — for 1-3; b — for 4-6

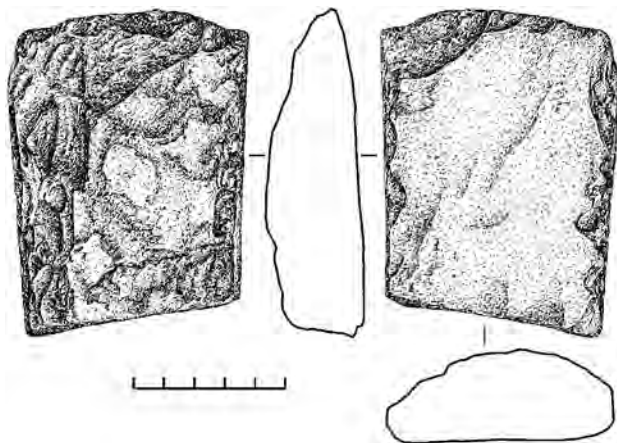

Рис. 6. Группа Еловый 3, заготовка каменного топора
Fig. 6. Elovyi 3 group, half-finished axe

определить как плотный песчаник. Подобный материал едва ли можно найти на Канозере. Видимо, топор (заготовка) был принесен и оставлен на петроглифах намеренно.

Выводы

Таким образом, к настоящему времени накопились артефакты и наблюдения, которые позволяют интерпретировать некоторые находки на Канозере как специальные приношения. К ним относятся, по крайней мере, кремневый кинжал и четыре наконечника стрел группы Каменный 7, а также топор (заготовка) группы Еловый 3.

О неутилитарном значении ряда предметов позволяют судить некоторые особенности распределения находок у группы Каменный 7. Вышеупомянутые уникальные артефакты найдены не совсем рядом со скалой с петроглифами, а на расстоянии 3–6 м от нее. В этом же интервале падает плотность кварцевых артефактов, составляющих основную массу находок. Это обстоятельство говорит в пользу того, что кварцевые отщепы и осколки все-таки связаны с инструментами, применявшимися для создания выбивок. Что-либо конкретное об этом пока сказать сложно, поскольку доминирующая биполярная техника раскалывания кварца дает такие же отходы производства, как и те, которые мы ожидаем найти как результат выбивания изображений.

Артефакты, найденные рядом с наскальными выбивками, косвенно свидетельствуют в пользу предлагавшейся нами типологической датировки канозерских петроглифов 4–2 тыс. до н. э. (Колпаков, Шумкин 2012: 350).

Литература

- Жульников 2005 — Жульников А. М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет, 2005. 310 с.
- Колпаков 2011 — Колпаков Е. М. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о работах в Мурманской области 2011 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 29898.
- Колпаков 2014 — Колпаков Е. М. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о раскопках у группы петроглифов Каменный-7 в Мурманской области в 2014 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 45520.
- Колпаков 2018 — Колпаков Е. М. Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о раскопках на Канозере в Мурманской области 2018 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 60792.

- Колпаков 2020 — *Колпаков Е. М.* Петроглифы Канозера 2020: новые фигуры и типология // Известия Самарского НЦ РАН. Исторические науки. 2020. Т. 2, № 4. С. 135–142. DOI: 10.37313/2658-4816-2020-2-4-135-142.
- Колпаков, Киселева 2019 — *Колпаков Е. М., Киселева А. М.* Петроглифы Канозера: открытия 2019 г. // Первобытная археология: журнал междисциплинарных исследований. 2019. № 2. С. 149–158.
- Колпаков, Шумкин 2012 — *Колпаков Е. М., Шумкин В. Я.* Петроглифы Канозера = Rock Carvings of Kanozero. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с., рус., англ., ил.
- Мурашкин, Карпелан 2013 — *Мурашкин А. И., Карпелан К.* Периодизация эпохи раннего металла Кольского полуострова на основании изучения керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Мат-лы тематической науч. конф. (Санкт-Петербург, 4–6 декабря 2013 г.) СПб.: СПбГУ, 2013. С. 200–207.
- Шумкин 2008 — *Шумкин В. Я.* Отчет Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН о работах на наскальном комплексе «Петроглифы Канозера» в Мурманской области в 2008 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 44250.
- Kolpakov et al. 2008 — *Kolpakov E. M., Murashkin A. I., Shumkin V. Ya.* The Rock Carvings of Kanozero // Fennoscandia Archaeologica. 2008. Vol. 25. P. 86–96.

PETROGLYPHS OF KANOZERO: EXCAVATIONS

Е. М. KOLPAKOV, А. И. MURASHKIN, А. YU. TARASOV,
А. А. MALYUTINA, К. N. STEPANOVA

Keywords: *Kola peninsula, Kanozero, artifacts found near petroglyphs.*

The petroglyphs of Kanozero on the Kola peninsula have been studied by the Kola Expedition of ИИМК RAS since 1999. In addition to studying the rock carvings themselves, the areas directly adjacent to the rocks with petroglyphs have been excavated over the years (Fig. 1; 2). Some of the unique artifacts found at Kanozero may represent special offerings. They include a flint bifacially worked dagger with a natural hole and four bifacial arrowheads found near the Kamennyi 7 group (Fig. 3, 1; 5, 1–4), and a half-finished axe from a split in the rock with petroglyphs of the Elovyi 3 (Fig. 6). Pottery fragments found near the rock of Kamennyi 7 (Fig. 3, 2; 4, 5–14) can be typologically dated to the 4th millennium BC. The types of flint and slate tools are characteristic of the Late Neolithic and Bronze Age (3rd–2nd millennia BC). Therefore, the artifacts found near the rock carvings imply, though indirectly, that the Kanozero petroglyphs can be dated to the 4th–2nd millennia BC as had been proposed by us earlier.

КУРГАНЫ С ЗАХОРОНЕНИЯМИ СОСУДОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТУВЕ КАК ОТДЕЛЬНЫЙ ВИД АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Д. Г. САВИНОВ¹

Ключевые слова: Тува, первая половина I тыс. н. э., курган, сосуд, захоронение, арочный орнамент, интерпретация, представление о душе, обряд, реинкарнация.

В статье кратко характеризуется один из основных видов археологических памятников первой половины I тыс. н. э. в Туве — отдельные подкурганые захоронения глиняных сосудов с арочным орнаментом, а также случаи их нахождения в пределах одного комплекса с погребениями человека, но обычно отдельно от них. Подобные захоронения сосудов условно определяются как «поминальники», хотя характер стоящих за этим действий остается невыясненным. На основании этнографических данных сделан вывод о сакральном значении сосудов из таких захоронений, предназначенных для временного содержания (сохранения) одной из душ умерших с целью возвращения хранящейся в них души в качестве начала новой жизни, то есть реинкарнации. Приведены данные об истоках этой традиции, начиная с хуннского времени, а также краткие сведения о ритуальных сооружениях позднего этапа таштыкской культуры Минусинской котловины, также называемых «поминальниками».

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-26-64-78

Эта статья посвящается 95-летию со дня рождения замечательного исследователя Саяно-Алтая, этнографа и археолога Веры Павловны Дьяконовой (рис. 1).

Ритуальные памятники, создававшиеся во все археологические эпохи, исследованы значительно меньше, чем погребальные. Между тем именно они являются одним из основополагающих источников изучения обрядовой сферы культуры и мировоззрения древних обществ. Особый мир представлений народов Центральной Азии и Южной Сибири, соответствующих скотоводческому укладу, отражен в широко распространенных здесь «внекурганых» сооружениях (различного рода оградки, выкладки, остатки жертвоприношений, стелы и пр.). Характер производимых в них ритуальных действий обычно определяется, исходя из состава вещественных остатков или других следов человеческой деятельности, а также на основании сравнительных этнографических материалов.

В Туве для первой половины I тыс. н. э. (хуннско-сянбийское время и период господства жуань-жуаней) такими ритуальными памятниками, в первую очередь,

¹ Кафедра археологии, Институт истории, СПбГУ; Санкт-Петербург, 199034, Россия.

Рис. 1. Заседание, посвященное 30-летию Саяно-Тувинской экспедиции. Кызыл, 1995 г. Слева направо: Г. В. Длужневская, В. П. Дьяконова, Д. Г. Савинов, С. Н. Астахов

Fig. 1. Session dedicated to the 30th anniversary of the Sayan-Tuva Expedition, Kyzyl, 1995. From left to right: G. V. Dluzhnevskaya, V. P. Diakonova, D. G. Savinov, S. N. Astakhov

являются отдельные захоронения сосудов (так называемые поминальники), исследованные в основном на территории Центральной Тувы. Несмотря на большое количество известных здесь объектов и сложившуюся интерпретацию как мест поминания умерших, понимание их истинного назначения до сих пор носит самый общий характер. Имеющиеся материалы позволяют несколько иначе представить семантику этих во многом пока еще загадочных объектов.

Открытие отдельно захороненных сосудов в Туве имеет, с одной стороны, короткую, с другой — достаточно длительную историю. По данным Л. Р. Кызласова, первые сведения о них относятся еще к началу XX в., когда в Минусинский музей был передан характерный сосуд с арочным орнаментом. Несколько таких сооружений в 1926 г. были раскопаны С. А. Теплоуховым (Кызласов 1958: 94, 95). Но по-настоящему изучение этих памятников началось в середине 1960-х гг., причем практически одновременно двумя исследователями, создателями первых периодизаций тувинских древностей: Л. Р. Кызласовым и С. И. Вайнштейном. В их культурно-хронологических схемах такие объекты были интерпретированы как особый вид ритуальных памятников гунно-сарматского времени (первая половина I тыс. н. э.). Ритуальные сооружения с отдельными захоронениями сосудов С. И. Вайнштейн открыл на могильниках Черби, Ак-Туруг и Сыын-Чюрек (Центрально-Тувинская котловина), а Л. Р. Кызласов — на могильниках Черби и Шанчиг. Первая информация об этих открытиях была опубликована исследователями в один и тот же год (Кызласов 1958; Вайнштейн 1958).

В работе С. И. Вайнштейна было отмечено, что «этот тип курганов (без погребений) мы называем поминальным. По всей вероятности, такие курганы сооружались в память об умершем. Устанавливавшиеся в курганах сосуды и разжигавшиеся до сооружения насыпи костры <...> имели, несомненно, ритуальное значение» (Вайнштейн 1958: 220, 221). Оставалось невыясненным, каков был характер отношений между

поминальными и находившимися здесь же погребальными сооружениями. На могильнике Сыын-Чюрек было раскопано 12 курганов — семь поминальных и пять погребальных. При этом «различия в характере насыпей между поминальными курганами и курганами с погребениями обнаружено не было» (Там же). Более кратко и определенно о том же говорится в написанном С. И. Вайнштейном разделе для «Истории Тувы»: «С погребением умершего члена рода были связаны проводившиеся, вероятно, через какое-то время после похорон поминальные обряды, включавшие тризну и разжигание огня. Для поминаемого на месте тризны оставляли сосуды с пищей, а поверх них сооружался курган» (Вайнштейн 1964: 51).

Подробные сведения о раскопанных им курганах с сосудами приводит Л. Р. Кызласов в книге 1979 г. Так, на могильнике Кара-Даш в юго-западной части одного из курганов (на горизонте, в ямке глубиной 23 см) находился глиняный сосуд с арочным орнаментом, покрытый каменной плиткой со следами какого-то молочного напитка. Здесь же располагались две могилы: одна с захоронением взрослого мужчины в типичном для хунну деревянном гробу с декорированными стенками; другая — с захоронением женщины с ребенком. В северном направлении от кургана с отклонением на запад отходил ряд из 12 вертикально вкопанных камней. По находившемуся на первом из них изображению бегущего марала Л. Р. Кызласов образно определил этот памятник как «могильник родовой группы „Марал“» (Кызласов 1979: 85–92).

На могильнике Шанчиг также был раскопан комплекс с отдельным подкурганым захоронением сосуда на горизонте, рядом с которым находился другой курган с остатками нескольких нарушенных (взрослых и детских) захоронений. По мнению Л. Р. Кызласова, «в таких поминальных курганах хоронили в сосуде жидкую пищу для погребенного <...> (при этом) поминальные курганы нередко располагаются вплотную к погребальным курганам <...> [что] позволяет сделать вывод, что эти памятники сооружались во взаимной связи <...> [но] чаще поминальные курганы не связаны непосредственно с погребениями» (Там же: 94).

Однако основной корпус источников по рассматриваемым памятникам был получен в 1965–1980 гг. в результате полевых исследований Саяно-Тувинской экспедиции (СТЭАН) в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС. Территориально они расположены в Центральной Туве по обоим берегам Енисея (Улуг-Хема — отсюда название Улуг-Хемская котловина), а также в Саянском каньоне Енисея вплоть до впадения в него р. Хемчик. В разные годы раскопки комплексов с отдельными захоронениями сосудов здесь провели А. Д. Грач, Ю. И. Трифионов, И. У. Самбу, Г. В. Длужневская, Б. Б. Овчинникова, А. М. Мандельштам и др. В общей сложности они были открыты в составе 20 и более могильников, если учесть внутреннее деление последних, например Кара-Тал I, II, III и т. д.

Всего здесь было открыто более 250 сооружений гунно-сарматского времени, из которых основную часть (около 150) составляли отдельные захоронения сосудов. К этому следует добавить совместные находения под одной курганной насыпью погребальных и поминальных объектов (несколько десятков комплексов), названных погребально-поминальными или поминально-погребальными. В целом это огромный и еще до конца не освоенный фонд источников. Основные сведения о них, помимо кратких сообщений в сборнике «Археологические открытия» тех лет, собраны в двух монографиях Г. В. Длужневской и Д. Г. Савинова (Длужневская, Савинов 2007; Памятники кокельской культуры Тувы 2010).

Наиболее подробный системный анализ всех материалов, связанных с отдельными захоронениями сосудов в Центральной Туве по результатам работ Саяно-Тувинской

экспедиции, в своей работе 2010 г. привела Г. В. Длужневская. Согласно ее данным, из общего количества раскопанных в 1965 — начале 1980-х гг. памятников кокельской культуры (250 сооружений гунно-сарматского времени) 115 — это отдельные подкурганые захоронения сосудов, около 40 — погребальные сооружения (из них 16 — на могильнике Даг-Аразы), остальные — сочетание погребальных и поминальных объектов в пределах одного сооружения (Длужневская 2010: 97–99). Кроме того, выделяются немногочисленные курганы с ритуальными дополнениями (находки отдельных железных предметов), очевидно более позднего времени, а также так называемые курганы-кладбища в Саянском каньоне Енисея, которые, по мнению Г. В. Длужневской, представляли собой упрощенные подобию эпонимного могильника Кокэль (Длужневская 1982; 2010: 100–104). Она составила также полный перечень всех раскопанных памятников, дала их краткую характеристику и карту распространения по трем основным районам. Наибольшее их количество (включая могильник Даг-Аразы) находилось в левобережной части Улуг-Хемской котловины; 31 был расположен по правому берегу Улуг-Хема; в Саянском каньоне Енисея открыто 21 сооружение (Там же: 100). Между ними имеются определенные локальные различия: размеры курганных насыпей, сочетание погребальных и поминальных сооружений в пределах одного комплекса, способы захоронения сосудов, — но основная суть всех рассматриваемых памятников от этого не меняется.

Обычно поминальные сооружения располагались в одном ряду с погребальными, но встречаются и цепочки курганов, состоящие только из «поминальников». Семантическим центром всех таких сооружений является глиняный сосуд, чаще всего расположенный посередине кургана и покрытый каменной плиткой. Все сосуды из «поминальников» — вазообразной формы, украшены арочным или арочно-лопастным орнаментом с различными вариациями составляющих его элементов. По форме и характеру орнаментации они не отличаются от сосудов из погребений. Способы размещения сосуда различны: на уровне древней поверхности, иногда в обкладке из камней; в специальных ямках, выкопанных на высоту сосуда; в ямках, перекрытых в несколько слоев каменными плитками; в каменных ящичках, помещенных в такие же ямки, и т. д. Случаи нахождения вещей в таких сооружениях крайне редки; иногда встречаются проквал, угли, кости животных. Назначение курганов с отдельными захоронениями сосудов как ритуальных памятников сомнения не вызывает, но кому именно были «адресованы» эти сосуды — остается неизвестным.

Наиболее показательный пример из рассматриваемой серии памятников — могильник Даг-Аразы, полностью исследованный Б. Б. Овчинниковой. Здесь на одной террасе открыто большое количество подобных сооружений, а также других, связанных с ними сопроводительных объектов: стел и расположенных рядами камней-«стояков» (Овчинникова 2010). Всего здесь было открыто 30 сооружений этого времени; из них около половины могут быть отнесены к рассматриваемому виду памятников. Некоторые из них представляли слившиеся друг с другом насыпи и имели вытянутую форму: «Их высота достигает 1–2 м, а длина — до 30–40 м при ширине 17–19 м... Такие курганы, как правило, не содержат захоронений и являются поминальными» (Там же: 121, 122). Размеры обычных («круглых») сооружений (погребальных и поминальных) варьируют от 2,5 до 14 м при высоте 0,5–1,5 м. Объяснение их назначения традиционно: «В настоящее время, — заключает Б. Б. Овчинникова, — очевидно, что внутрикурганые поминальные сооружения в подавляющем большинстве случаев служили местом, где „хоронили“ в сосуде пищу, предназначенную для погребенного... Захоронения

сосудов в поминальных сооружениях являются основным элементом поминального обряда местных племен Тувы гунно-сарматской эпохи» (Там же: 133).

Другим компонентом того же ритуального комплекса являются ряды вертикально вкопанных камней (в данном случае — нескольких камней), идущих в северном направлении. Чаще всего они зафиксированы на площади курганов с захоронениями сосудов и вкопаны на глубину 0,2–0,3 м. Поэтому следует полагать, что сама насыпь возводилась после завершения всех ритуальных действий на площади кургана, в центре которого находился сосуд. Более крупные отдельно стоящие камни (так называемые стояки), или уже стелы, были подработаны («с зависанием») и по внешнему виду напоминали человеческую фигуру (Там же: фото на с. 140, 142). Все это вместе определенно предвосхищает особенности оформления древнетюркских ритуальных памятников — с оградками, отходящими от них рядами камней-балбалов и обязательным изображением сосуда на груди стоящих во главе этого ряда каменных изваяний (см.: Савинов 1995).

В последние годы несколько подобных сооружений с отдельными захоронениями сосудов были открыты уже вне пределов Улуг-Хемской котловины в районе поселка Усть-Элегест (Килуновская и др. 2017: 175, рис. 55). К их изучению обратился Т. Р. Садыков, который предложил новое наименование для подобного рода памятников — «надсосудные насыпи» (Садыков 2018: 99). В принципе, оно лучше названия «поминальники», но также не совсем точно отражает их основное предназначение, поскольку определяющим семантическим центром всех подобных сооружений является не насыпь, а заключенный под ней сосуд.

Вышеизложенное дает возможность проследить изучение таких комплексов по двум не затронутым ранее направлениям: 1) предварительная классификация, исходя из места размещения сосудов; в первую очередь, соотнесение отдельных захоронений сосудов с расположенными здесь же погребениями; 2) выяснение возможных мотивов создания подобных сооружений, получивших столь широкое распространение в Центральной Туве. Наряду с этим имеются определенные данные о предполагаемых истоках обычая отдельного захоронения сосудов в Центральной Азии и возможных параллелях им на соседних территориях Саяно-Алтайской культурно-исторической области.

В русле первого направления и продолжая исследование Г. В. Длужневской (по материалам СТЭАН), на основании местонахождения захоронения сосуда и характера его расположения относительно находящихся здесь (в пределах того же сооружения) погребений, выделяются *шесть ситуационных групп*, каждая из которых подразделяется на несколько (от одного до трех) типологических вариантов (рис. 2).

Группа А. Отдельные захоронения сосудов под специально сделанной для этого насыпью. Составляют большинство таких комплексов (не менее 2/3). Обычно посередине находится один сосуд, но встречаются вкопанные рядом или в непосредственной близости друг от друга два сосуда (как правило, без погребения).

Группа Б. Сосуды под одной насыпью с погребением. Характер их расположения разный: рядом посередине длинной стороны, справа или слева (по основной оси погребенного); в заполнении могильной ямы непосредственно над погребением. Как правило, в этой ситуации находится по одному сосуду (очень редко — два сосуда, в случае, если под одной курганной насыпью находятся два погребения).

Группа В. Сосуд в центре курганной насыпи, по краям которой с двух сторон симметрично располагаются захоронения людей. Представлены всего двумя-тремя случаями, но они особенно интересны, так как наиболее ярко демонстрируют значение

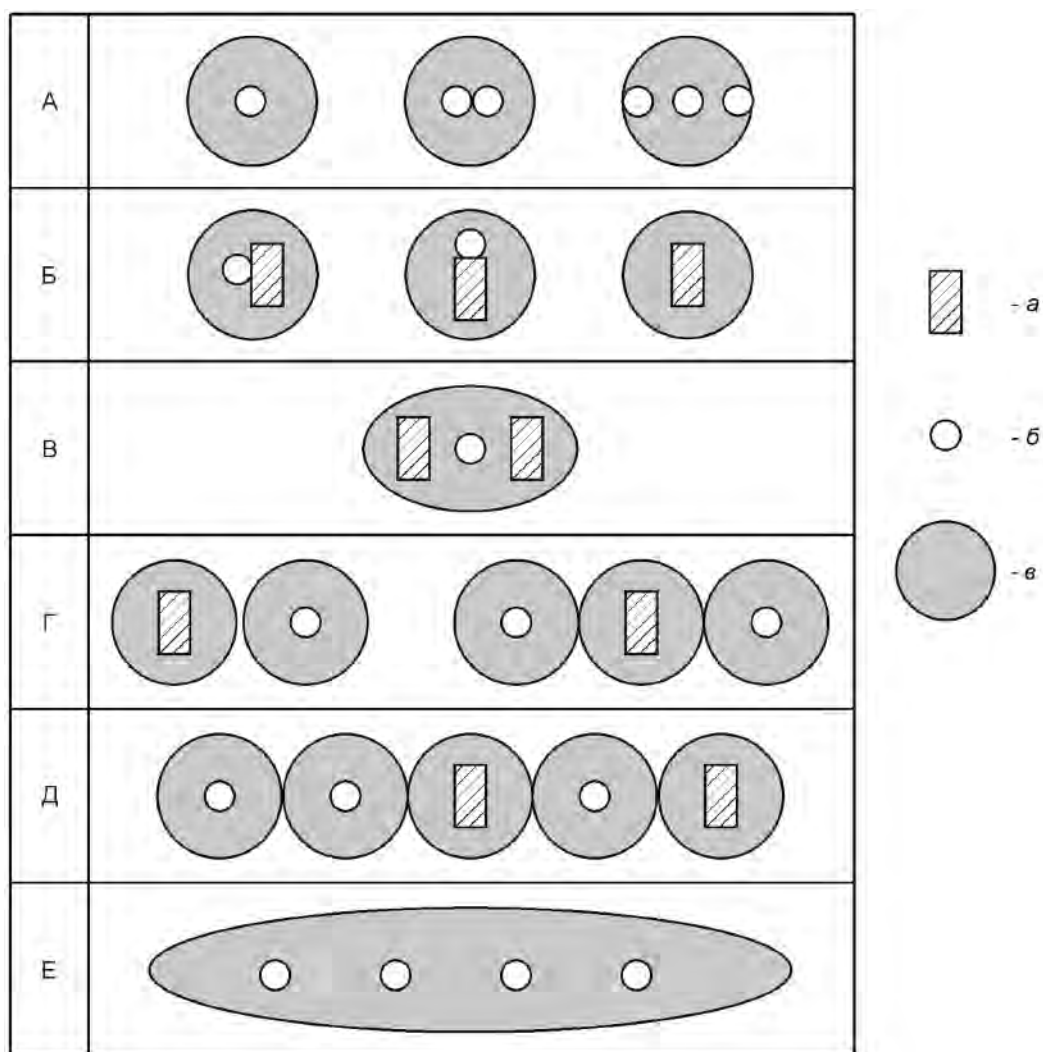

Рис. 2. Распределение условий нахождения сосудов по группам (А–Е) как основа их классификации (*a* — захоронение; *б* — сосуд с арочным орнаментом; *в* — курганный насыпь)
Fig. 2. Distribution of the vessels according to the conditions in which they were found (A–E) as the basis for their classification (*a* — burial; *б* — vessel with arched ornamentation; *в* — barrow mound)

сосуда как сакрального центра всего сооружения, по отношению к которому находящиеся здесь же погребения занимают как бы подчиненное положение.

Группа Г. Смежные курганные сооружения, в одном из которых находится отдельное захоронение сосуда, под другим — погребение. Сооружение с захоронением сосуда может располагаться как справа, так и слева от погребенного или в двух отдельных сооружениях по обеим сторонам от кургана с погребенным.

Группа Д. Расположенные в ряд по одной линии отдельные захоронения сосудов и погребений в смежных курганных насыпях. Слившиеся насыпи таких сооружений чем-то напоминают так называемые курганы-кладбища, хотя в самом могильнике Кокэль отдельных захоронений сосудов не обнаружено.

Группа Е. Расположенные в ряд под одной сплошной вымосткой, скорее всего образовавшейся из слившихся более мелких насыпей (?) четырех и более вкопанных по одной линии сосудов (в отличие от группы Д — без погребений).

Абсолютное большинство сосудов относится к одному типу — вазообразные формы, украшенные арочным или арочно-лопастным орнаментом, аналогичные найденным в погребениях образцам. Факт однородности этой серии говорит об их семантической значимости (в обряде, системе ценностей и пр.).

Обращаясь к проблеме интерпретации рассматриваемых памятников, следует, прежде всего, обратить внимание на условность используемого для них наименования «поминальники», то есть места для совершения поминок какого-то конкретного умершего человека. В литературе существует несколько определений понятия «поминки», более расплывчатых и описательных, нежели раскрывающих саму суть данного явления. Все они мало отличаются от первоначального, данного в словаре Брокгауза и Ефрона. Поминки — это «одно из проявлений древнего культа мертвых и состоят в особом торжественном столовании, имевшем некогда значение жертвоприношения умершему, которое и теперь еще встречается у так наз. диких племен» (Брокгауз и Ефрон 1898: 502). Насколько это соответствует условиям нахождения сосудов под специально сделанными для них курганными насыпями?

Несмотря на различия в способах размещения сосудов, связанных или несвязанных непосредственно с погребениями, вряд ли можно сомневаться в том, что мы имеем дело с намеренным их захоронением в определенном ритуальном контексте. Интерпретация таких сооружений как поминальных в прямом значении этого слова, то есть предназначенных для поддержания в течение какого-то срока временной связи с покойным, или способа кормления умершего, находящегося здесь же, в могильной яме, сильно ограничивает, если не искажает, их действительное предназначение.

Количество трудозатрат, необходимых для создания таких ритуальных объектов, часть которых достигает весьма значительных размеров, отсутствие следов многократного посещения, устойчивое размещение в них явно специально «захороненного» сосуда свидетельствуют о значении связанных с ними идеологических представлений, отнюдь не сводящихся к отправлению поминок по какому-то одному конкретному умершему человеку. Все наземные сооружения с захоронениями сосудов сделаны явно одновременно, с какой-то определенной целью и более не возобновлялись, что исключает возможность их многократного использования как следов поминальных действий в общепринятом значении данного понятия. Судя по всем имеющимся наблюдениям, их установка на площади кургана производилась одновременно с погребением человека в могильной яме; затем, если это совместные захоронения, они покрывались общей (курганной) насыпью (рис. 3). Основным объектом внимания при этом становится, прежде всего, сам сосуд. Отсюда закономерен вопрос: с какой целью и каким почитанием сосуд помещался отдельно под курганной насыпью?

Теоретическое обоснование подобного исследования заложено в известной книге А. ван Геннепа «Обряды перехода», начальный абзац которой, посвященный погребальному обряду, следует привести полностью: «На первый взгляд может показаться, что в похоронных церемониях самое главное место занимают обряды отделения, тогда как обряды промежуточные, наоборот, выражены слабо. Однако изучение фактов показывает, что дело обстоит иначе: обряды отделения немногочисленны и очень просты, а обряды промежуточные столь продолжительны и сложны, что иногда приходится признать за ними некую автономию» (Геннеп ван 1999: 134). К таким, по выражению А. ван Геннепа, автономным обрядам скорее всего относится все, связанное с отдельными захоронениями сосудов в так называемых поминальниках, в основном известных сейчас по археологическим исследованиям в Центральной Туве.

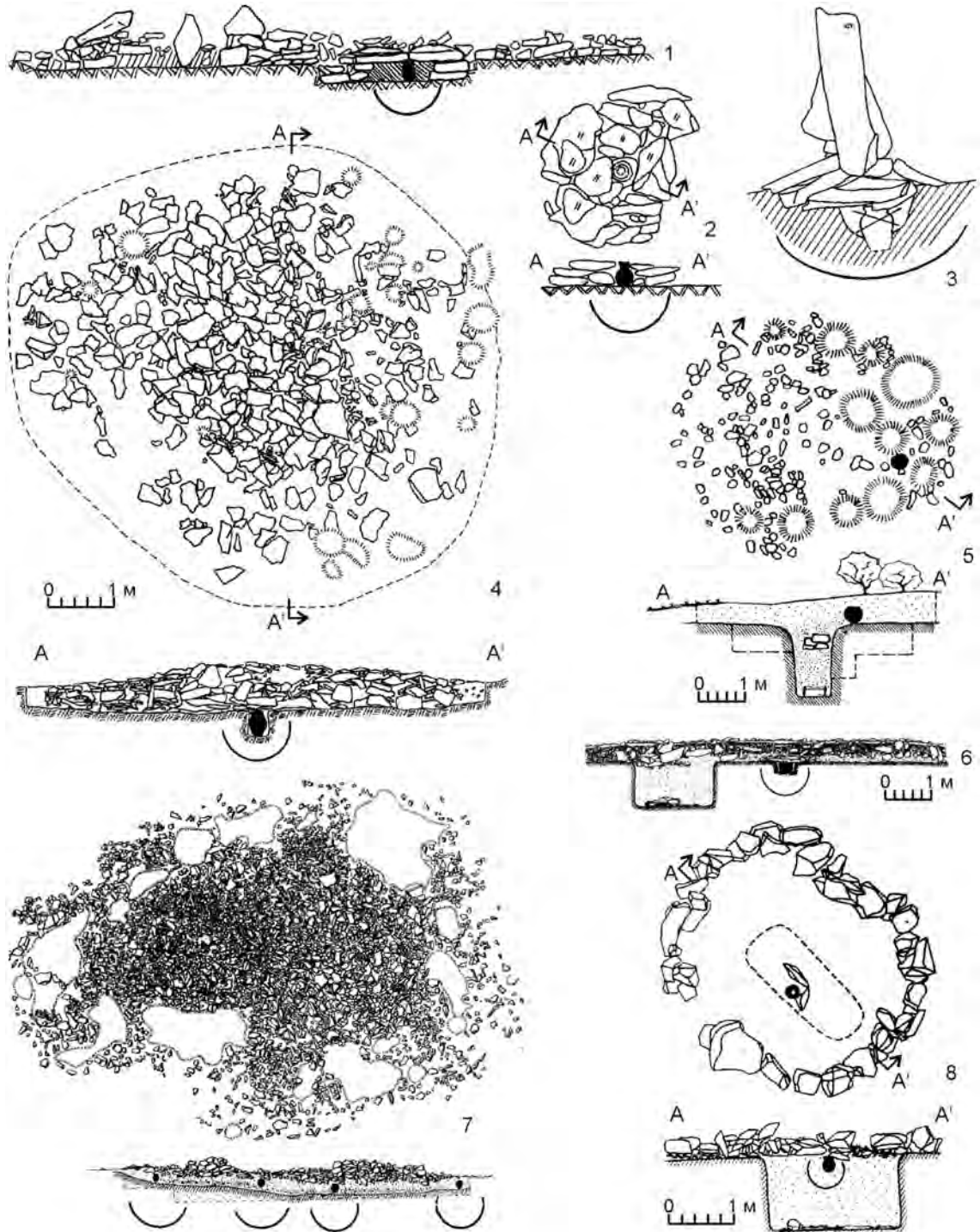

Рис. 3. Примеры отдельных захоронений сосудов и в пределах одного сооружения с погребением человека: 1-3 — могильник Даг-Аразы; 4 — могильник Улуг-Оймак II; 5 — могильник Чинге III; 6 — могильник Кара-Тал III; 7 — могильник Улуг-Оймак II; 8 — могильник Аргалакты XII (1-4 — группа А; 5, 8 — группа Б; 6 — группа В; 7 — группа Е) (по: Памятники кокзельской культуры Тувы... 2010)

Fig. 3. Examples of separate vessel burials and vessel burials found in one complex with human burials: 1-3 — Dag-Arazy cemetery; 4 — Ulug-Oimak II cemetery; 5 — Chinghe III cemetery; 6 — Kara-Tal III cemetery; 7 — Ulug-Oimak II cemetery; 8 — Argalakty XII cemetery. 1-4 — group A; 5, 8 — group B; 6 — group B; 7 — group E (after Памятники кокзельской культуры Тувы... 2010)

* * *

Отношение к сосуду как объекту особой сакрализационной сущности является одной из универсалий верований древних обществ. В работах, специально посвященных этой теме и написанных на разных источниках, рассматривающих самые общие, «космические», представления применительно к медиативным функциям сосуда (Балакин 2006), керамику ранних земледельцев Передней и Малой Азии (Антонова 1986), символику изображения сосуда в древнетюркском искусстве (Досымбаева 2007) и др., оказывается столько же много общего, сколь и различного.

По мнению специалистов в сфере изучения мировоззрения тюркоязычного населения Южной Сибири (а это наиболее близкая к возможностям ретроспективного исследования этническая среда), «сосуд — вместилище молочного напитка <...> воплощал сложный знаковый комплекс ритуально-мифологического характера. В спектр его значений входили идеи сакральной чистоты и оплодотворения, рождения и манифестации существующих социальных отношений, или приобщения к верховным божествам и космическим источникам жизни» (Львова и др. 1988: 134). Несмотря на витиеватость приведенного выражения, основной смысл определения сосуда как воплощения некоей некоего посредничества между людьми, идеей оплодотворения и близости к божествам в целом достаточно ясен.

В этом свете отдельные захоронения сосудов в сложных, специально сделанных для этого сооружениях приобретают вполне объяснимое назначение. Совершенно очевидно, что это не просто емкость для разового (или многоразового?) помещения в нем какой-то молочной пищи (или напитка), а особо одухотворенная субстанция, требующая определенного отношения со стороны живых и обеспечивающая «благополучие» ухода мертвых.

Какова была семантическая связь между компонентами одного ритуального сооружения — находящимся в центре подкурганной площади глиняным сосудом и вертикально установленными знаками — окончательно сказать трудно. Наиболее вероятно сочетание здесь двух основополагающих мифологем, соответствующих понятиям горизонтального и вертикального членения мира. Расположенный в месте их пересечения сосуд мог обладать сакральной сущностью, находящейся на Земле и одновременно обращенной к Небу. В этом смысле явно неслучаен устойчивый декор верхней части этих сосудов, имеющий в развернутом виде четко выраженную солярную символику или космограмму (рис. 4).

С каким кругом представлений может быть связана устойчивая практика создания подобных сооружений с находящимися в них отдельными захоронениями сосудов? Исходя из условий нахождения, их связь с погребениями (может быть, не прямая, а опосредованная) несомненна. В этом отношении важно замечание М. Ф. Косарева о том, что «даже авторитетные ученые использовали свои методические приемы, по существу, в полном отрыве от общей семантической основы погребальной обрядности — прежде всего, от трех ее главных смысловых ракурсов: структурного, мировоззренческого и функционального» (Косарев 2003: 319). Из них ближе всего к теме настоящего исследования функциональный ракурс, который, по определению того же М. Ф. Косарева, «по существу включает все элементы традиционного погребального комплекса, так или иначе направленные на обеспечение благополучного достижения (темной) нижней и светлой (верхней) „душами“ мест их загробного обитания — во имя будущих реинкарнаций» (Там же: 300).

Приведенные выше археологические материалы свидетельствуют, вероятно, что это и есть основная — функциональная — причина (или целеполагание) появления

отдельных подкурганых захоронений сосудов, в столь большом количестве исследованных в Центральной Туве. Скорее всего, эти и подобные им ритуальные сооружения, условно называемые поминальниками, следует рассматривать как места захоронения (или содержания) одной из душ умерших, сохраняющихся рядом с погребением (в непосредственной близости от него?) на период совершения «обрядов перехода» или возможного возрождения души в процессе реинкарнации.

Обращение к этому ракурсу определения смысла и назначения подкурганых захоронений сосудов в Туве предполагает, прежде всего, использование соответствующих этнографических источников. При этом диахронность сопоставляемых материалов — данных археологии и этнографии — заведомо подразумевает отсутствие буквальных совпадений. Однако непрерывность и преемственность культуругенеза, особенно в сфере духовной культуры, делают его достаточно обоснованным.

Приблизительно о том же писал один из лучших специалистов в изучении этих вопросов А. М. Сагалаев, реконструируя древние истоки саяно-алтайской мифологии. «В целом представляется, что проблема нижней границы (тех или иных этнографических явлений. — Д. С.) не столь актуальна, если речь идет об архаичном мировоззрении, доминанты которого, имеющие характер непреходящих ценностей, не могут быть строго соотнесены с той или иной эпохой. В отдельных случаях ретроспектива может оказаться довольно глубокой (если, например, удастся установить соответствие между данными археологии и этнографии)» (Сагалаев 1991: 12).

Именно такой случай, на наш взгляд, представляет интерпретация подкурганых захоронений сосудов в Туве, обычно определяемых как поминальники. Основывается она на представлении о множественности душ, в той или иной форме характерном для всех народов Сибири. Согласно этим представлениям, у тюркоязычного населения Южной Сибири выделяется несколько душ, связанных с тем, что принято называть «обрядом перехода» (Львова и др. 1989: 72–112).

Одна из них — *кут* — жизненная сила, «душа-зародыш». Появление у человека *кут* делает его самостоятельным членом общества. Другая душа — *тын* — «душа-дыхание». «С помощью этой лексемы обозначалось все живое на земле». Следующие две души (они иногда путаются терминологически) связаны уже непосредственно с обрядом. Первая из них — *ўзу́т* («душа-тень») — сопровождала покойного непосредственно в погребении. К ней относится все, что составляет сопроводительный инвентарь, как предназначенный самому погребенному, так и (возможно?) для передачи ранее умершим предкам. Вторая — *сўне* — «душа-двойник», пребывающая определенное время (обычно около года) рядом с местом захоронения человека. После этого *сўне* отправляется на Небо и может превратиться в *кут*. Если же не соблюдаются все связанные с ней

Рис. 4. Могильник Аргалыкты I, курган 7, глиняный сосуд с арочным орнаментом (раскопки Ю. И. Трифонова, 1965 г.)

Fig. 4. Argalakty I cemetery, barrow 7, clay vessel with arched ornamentation (excavations by Yu. I. Trifonov, 1965)

обряды и приношения, то *сўне* остается на Земле и, пока не «успокоится», может быть опасной для живых. Наконец, последняя душа — *сўр* («душа-образ») — своего рода заместитель умершего, действующий от его имени во время проведения ритуальных действий. Скорее всего, с представлениями об этой душе было связано изготовление различного рода статуарных изображений около места погребения (различного рода стелы, каменные изваяния и пр.).

Из приведенного перечня душ ближе всего с семантикой захоронения сосудов ассоциируется как вместилище для временного ее нахождения (и содержания) душа *сўне*. Отсюда внимание и тщательность к проведению соответствующих обрядов, а также, возможно, и устройство для этого специальных сооружений — временных «жилищ» для «наземного» существования *сўне* (?).

Изложенная выше алтайская модель представления о множественности душ и их предназначении является эталонной. Наиболее подробно (с различного рода вариациями) она освещена Л. П. Потаповым (1991: 27–64). Приблизительно такие же взгляды, но с другими наименованиями, существовали у обских угров (Косарев 2003: 98–133), эвенков (Анисимов 1958: 56–65) и других народов Сибири.

Те же представления о посмертных душах человека были у тувинцев, правда, в несколько иной, сглаженной, форме, что скорее связано с влиянием ламаизма. При этом из названных душ наиболее устойчивой оказалась душа *сўнезин* (аналог алт. *сўне*). По определению В. П. Дьяконовой, это «форма персонификации умершего по модели человека». Различного рода ритуальные действия, обеспечивавшие ее «земное» существование, продолжались около года, после чего *сўнезин* окончательно переселялась в мир умерших и становилась *ўзўт* («душой-двойником») — причиной всех болезней и опасной для живых (Дьяконова 1975: 43–49).

Представления о возможном переходе души *сўнезин* в *кут*, дающем начало новой жизни, здесь выражены менее отчетливо. При этом Л. П. Потапов отмечает, что «после смерти человека его *сўнезин* отправляется в страну умерших, которая у отдельных групп тувинцев называлась *сенегу кызыг* — „серебряная окраина“, или *рай*» (Потапов 1991: 56), что очень близко к представлениям о Верхнем мире. По В. П. Дьяконовой, у южных алтайцев это — «другая земля», а у теленгитов данное понятие выражается термином «*ада енези*», что значит «страна предков» (Дьяконова 1975: 49). Можно предположить, что частичная потеря представлений о возможном превращении души *сўнезин* в *кут* у тувинцев может отражать естественную трансформацию значения *кут*, также связанную с влиянием ламаизма, где имела своя концепция зарождения новой жизни.

* * *

Как долго существовали традиции одухотворения закопанных отдельно сосудов, можно сказать с достаточной степенью определенности. Судя по всему, идея захоронения сосуда как вместилища одной из душ умершего человека восходит к хуннускому времени. Как первые свидетельства этого можно рассматривать случаи подобного рода в Ноин-Уле — некрополе хуннуских шаньюев, где были открыты несколько каменных площадок-«жертвенников», обрамленных вертикально установленными плитками, в которых находились кости животных, отдельные вещи и глиняные сосуды. Еще более показательны раскопанные здесь же четыре кургана диаметрами 13, 15, 17 и 21 м с глубокими (в среднем по 1,5–1,7 м) могильными ямами, в которых не найдено никаких остатков человеческих захоронений, но во всех обнаружены глиняные сосуды; в двух случаях

(могилы 2, 4) — по несколько сосудов (Доржсурэн 1962: 36–39). Возможно, что в русле тех же представлений следует рассматривать захоронения сосудов в отдельных сооружениях «башенного» типа с так называемыми парциальными погребениями тесинских грунтовых могильников в Минусинской котловине (Савинов 2009: рис. 4 и др.).

К самому позднему периоду существования подобных сооружений в Туве, очевидно, относятся те, которые, по классификации Г. В. Длужневской, определены как поминальные сооружения Ч с ритуальными дополнениями. Таких памятников известно немного, но найденные в них предметы достаточно показательны. Это наконечники стрел, панцирные пластины, колчаные крюки, пропеллеровидные псалии (второй этап шурмакской культуры, по Л. Р. Кызласову — Кызласов 1979: 114–119). Особо следует отметить совместные находки положенных в виде «кладов» нескольких серпов, которым придавалось, очевидно, особое значение (Памятники кокэльской культуры в Туве 2010: рис. на с. 40). Найденные здесь сосуды имеют упрощенные формы, полностью исчезает арочный орнамент. По существующей археологической периодизации данный комплекс вещей может быть датирован предтюркским временем (условно IV–V вв. или несколько позже). Очевидно, тогда же (в период господства жуань-жуаней) заканчивается устойчивая традиция отдельных захоронений одухотворенных определенным образом сосудов, вмещающих на период перехода одну из душ умершего человека.

Отдельную группу ритуальных памятников образуют два археологических комплекса (группа Е, по нашей классификации): Бай-Тайга, курган 9 (Юго-Западная Тува) и Бертек 3–4 (Юго-Восточный Алтай), расположенные в относительной близости друг от друга в южной части Саяно-Алтайского нагорья. Несмотря на некоторые отличия, оба этих ритуальных сооружения, относящиеся к позднему этапу развития данной традиции, близки между собой. Тот и другой представляли каменные вымостки размерами 10 и 20 м и высотой около 0,5 м, по основной оси которых были вкопаны в ряд по четыре глиняных сосуда (Грач 1966: 99–105; Древние культуры Бертекской долины 1994: 94–104). Можно предполагать, что они относятся к другому, более южному ареалу подобных памятников, основная область распространения которых простирается на территорию соседней Северной Монголии, еще мало изученной в этом отношении.

На территории Горного Алтая (булан-кобинская культура), судя по имеющимся публикациям, подобных ритуальных сооружений с отдельными захоронениями сосудов (помимо Бертек 3–4) не обнаружено. Этому может быть два объяснения: или пока просто не найдены соответствующие материалы, или территории Горного Алтая в меньшей степени коснулось влияние хуннской культурной традиции по сравнению с Тувой и Минусинской котловиной. Открытие здесь мощного пласта ритуальных памятников раннетюркского облика (Серегин, Васютин 2021), одновременных с поздними захоронениями сосудов в Туве, скорее подтверждает второе предположение.

Наиболее близкие параллели тувинским сооружениям с захоронениями сосудов — это ритуальные памятники в Минусинской котловине, также называемые здесь поминальниками (тепсейский этап таштыкской культуры, IV–V вв. н. э.). Одним из первых на них обратил внимание М. П. Грязнов при исследовании таштыкских склепов у горы Тепсей на Енисее, разделивший их на более сложные сооружения со «стояками» и таксонимически более мелкие объекты, к которым «применимо традиционное русское назначение — помина» (Грязнов 1979: 128–142). Всего в таких тризнах на Тепсее, по подсчетам М. П. Грязнова, могли принимать участие не менее 250–300 человек. Именно такие объекты могли использоваться в качестве поминок в прямом значении этого

слова. Эти же данные приводит Э. Б. Вадецкая (1986: 136), однако правильнее было бы говорить не о числе людей, а о количестве посещений, хотя и в этом случае оно было весьма значительным.

Что касается более сложных, конструктивно оформленных объектов, сопровождающихся рядами «стояков» (или стелами), то их подробный типологический анализ, проведенный А. М. Поселяниным, показал, что среди них имеются сооружения, сделанные с особой тщательностью, с одним или несколькими захоронениями сосудов, очевидно, имевшие особое содержание и назначение (Поселянин 2009). По своим характерным особенностям они наиболее близки тувинским курганам с отдельными захоронениями сосудов. При этом, несмотря на явное соответствие основных составляющих их элементов (отдельно выделенное сооружение, стела, сосуд), различия в устройстве тех и других, количестве и видах глиняных сосудов, наборе костей животных и пр. довольно значительны. Минусинские сооружения более вариативны и, с точки зрения семантики, видимо, более разнообразны. Не исключено, что в этом сказалось наследие прежней, тесинской, традиции (так называемые парциальные или частичные погребения): возможно, также символические захоронения одной из душ умерших (?). Однако этот вопрос является темой специального исследования.

Литература

- Анисимов 1958 — Анисимов А. Ф. Религия эвенков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 233 с.
- Антонова 1986 — Антонова Е. В. К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев // Литвинский Б. А. (ред.). Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, Восточная литература, 1986. С. 35–65.
- Балакин 2006 — Балакин Ю. В. Сосуд в космическом измерении // Деревянко А. П., Молодин В. И. (отв. ред.). Современные проблемы археологии России. Мат-лы Всеросс. археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. II. С. 274–277.
- Брокгауз и Ефрон 1898 — Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1898. Т. 24А: Полярные сияния — Прая. С. 502.
- Вадецкая 1986 — Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 177 с.
- Вайнштейн 1958 — Вайнштейн С. И. Некоторые итоги археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1958 гг. // Ученые записки Тувинского НИИЯЛИ. Кызыл, 1958. Вып. 4. С. 217–237.
- Вайнштейн 1964 — Вайнштейн С. И. Тува в период разложения первобытнообщинного строя и возникновения классового общества // Потапов Л. П. (отв. ред.). История Тувы. М.: Наука, 1964. Т. 1. С. 35–52.
- Геннеп ван 1999 — Геннеп А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов [пер. с фр. Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской]. М.: Восточная литература, 1999. 198 с. (Этнографическая библиотека).
- Грач 1966 — Грач А. Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге. Из материалов полевого сезона 1959 г. // Тр. Тувинской комплексной экспедиции АН СССР. М.; Л.: Наука, 1966. Т. 2. С. 81–107.
- Грязнов 1979 — Грязнов М. П. Таштыкская культура // Грязнов М. П. (ред.). Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 89–146.

- Длужневская 1982 — *Длужневская Г. В.* Курганы-кладбища в Саянском каньоне Енисея // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 109–115.
- Длужневская 2010 — *Длужневская Г. В.* Памятники кокэльской культуры в Центральной Туве: опыт системного анализа // Савинов Д. Г. и др. (ред. кол.). Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб.: ЭлекСис, 2010. С. 97–118.
- Длужневская, Савинов 2007 — *Длужневская Г. В., Савинов Д. Г.* Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, СПбГУ, 2007. 198 с.
- Доржсурэн 1962 — *Доржсурэн Ц.* Раскопки могил хунну в горах Ноин-Ула на реке Хуни-Гёл (1954–1957) // Киселёв С. В. (отв. ред.). Монгольский археологический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 36–44.
- Досымбаева 2007 — *Досымбаева А. М.* О символике сосуда в тюркском прикладном искусстве и его связи с идеей сакрализации пространства // Невинский В. В., Тишкин А. А. (отв. ред.). Алтай-Саянская горная страна и история ее освоения кочевниками. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2007. С. 69–74.
- Древние культуры Бертекской долины 1994 — Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / Молодин В. И. (ред.). Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.
- Дьяконова 1975 — *Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 162 с.
- Килуновская и др. 2017 — *Килуновская М. Е., Боковенко Н. А., Лазаревская Н. А., Садыков Т. Р., Семенов Вл. А., Смирнов Н. Ю.* Исследования археологических памятников в урочище Бай-Булун в 2015 г. (Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН) // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). 2017. № 6. С. 151–182.
- Косарев 2003 — *Косарев М. Ф.* Основы языческого миропонимания. По сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 349 с.
- Кызласов 1958 — *Кызласов Л. Р.* Этапы древней истории Тувы (В кратком изложении) // Вестник МГУ, ист.-философ. серия. 1958. № 4. С. 89–98.
- Кызласов 1979 — *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 204 с.
- Львова и др. 1988 — *Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 224 с.
- Львова и др. 1989 — *Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск: Наука, 1989. 241 с.
- Овчинникова 2010 — *Овчинникова Б. Б.* Могильник Даг-Аразы как источник по истории племен Центральной Тувы в гунно-сарматскую эпоху // Савинов Д. Г. и др. (ред. кол.). Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб.: ЭлекСис, 2010. С. 118–163.
- Памятники кокэльской культуры Тувы 2010 — Памятники кокэльской культуры Тувы: материалы и исследования / Савинов Д. Г. и др. (ред. кол.). СПб.: ЭлекСис, 2010. 249 с.
- Поселянин 2009 — *Поселянин А. И.* Поминальные комплексы позднего этапа таштыкской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. 25 с.
- Потапов 1991 — *Потапов Л. П.* Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 319 с.
- Савинов 1995 — *Савинов Д. Г.* Ритуальные комплексы с захоронениями сосудов хуннского времени в Туве // Коновалов А. В. (отв. ред.). Ритуал и ритуальный предмет. СПб.: Изд-во Гос. музея истории религии, 1995. С. 48–59.

- Савинов 2009 — Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: ЭлекСис, 2009. 224 с.
- Сагалаев 1991 — Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск: Наука, 1991. 152 с.
- Серегин, Васютин 2021 — Серегин Н. Н., Васютин С. А. Раннетюркские археологические комплексы Центрального и Восточного Алтая (по материалам исследований А. С. Васютина). Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2021. 293 с.
- Садыков 2018 — Садыков Т. Р. «Сюнну-сяньбийское время» в Туве // Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ, 2018. № 1 (21). С. 95–106.

BARROWS WITH BURIALS OF VESSELS IN CENTRAL TUVA AS A DISTINCT KIND OF ARCHAEOLOGICAL SITES

D. G. SAVINOV

Keywords: *barrow, vessel, burial, arched ornament, interpretation, idea of the soul, rite, reincarnation.*

The paper gives a brief characteristic of one of the leading types of archaeological sites of Tuva dated to the first half of the I millennium BC — under-barrow burials of clay vessels decorated with arched ornamentation, including the cases when such vessels were found associated with human burials but, as a rule, separately from the latter. In the literature the burials of vessels of the kind are conditionally designated as “commemorative”, though their real character remains unclear. The ethnographic evidence serves as the basis for the conclusion about the sacral meaning of these vessels, which were intended for a short-time preservation of one of the deceased’s souls with the purpose of its future reincarnation. The author provides information about the roots of this tradition beginning from the Xiongnu time and a short overview of the Late Tashtyk ritual constructions of the Minusinsk depression which are also usually called “commemorative”.

ЖЕЛЕЗНЫЕ СТИЛИЗОВАННЫЕ НАЛОБНИКИ В КОМПЛЕКСАХ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА

Е. В. ВИЛЬДАНОВА¹

Ключевые слова: Южный Урал, хронология, ранние кочевники, конское снаряжение, узда, железные стилизованные налобники.

Статья посвящена железным налобникам с окончанием в виде крючка или петли, составляющим дополнительный функциональный и декоративный элемент конского снаряжения ранних кочевников Южного Урала. Проведены сбор данных и их обобщение, уточнение существующей типологии и хронологии. Данный тип налобников является самым многочисленным у ранних кочевников Южного Урала и бытовал в регионе с конца VI — V в. до н. э. до рубежа IV–III вв. до н. э.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-26-79-99

Введение, историография вопроса

В обществе ранних кочевников Южного Урала, как и в любой другой кочевнической среде, верховая езда являлась основой всех сфер жизни. Уздечный набор свидетельствует не только об уровне развития искусства управления конем, но также является важным источником для определения внешних связей. Многочисленную и разнообразную категорию погребального инвентаря составляет конское снаряжение, куда, помимо удила с псалиями, входят дополнительные функциональные и декоративные элементы. К числу таковых относятся металлические налобники или наносники различных типов, крепившиеся к ременному оголовью.

В погребальных памятниках ранних кочевников Южного Урала металлические налобники представлены экземплярами из железа, бронзы, серебра и золота. На основе сочетания нескольких признаков: формы, художественного оформления и размеров — выделены группы или типы налобников, при этом в один и тот же тип попали экземпляры, изготовленные из разных металлов (см.: Берлизов 2011: 106; Очир-Горяева 2012: 260–271; Мышкин 2018: 6–7; Сиротин 2019б: 224–225).

Самую многочисленную группу составляют налобники с загнутым и оформленным в виде крючка/петли навершием. На конце крючка может присутствовать шаровидное окончание или окончание в виде шишечки. Второй конец налобника может быть раскован в виде лопасти либо не раскован. В средней части имеется отверстие для продевания ремня (рис. 1). Все опубликованные налобники данного типа на Южном Урале выполнены из железа.

¹ Оренбургский государственный педагогический университет; Оренбург, 460000, Россия.

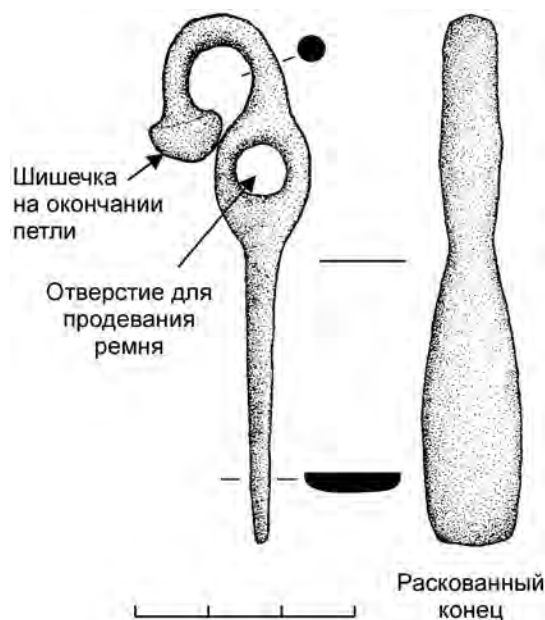

Рис. 1. Железный стилизованный налобник с загнутым в виде крючка/петли навершием
 Fig. 1. Iron headstall with a hook/hinge-shaped crest

Долгое время подобные экземпляры налобников в погребальных комплексах Южного Урала считались немногочисленными. Впервые такие налобники в южноуральском регионе были зафиксированы и описаны И. А. Зарецким, М. Г. Мошковой, К. Ф. Смирновым и В. Г. Петренко (Зарецкий 1941; Мошкова 1962; Смирнов, Петренко 1963; Смирнов 1964). Публикации этих находок продолжились во второй половине XX в. и в начале XXI в. (Пшеничнюк 1976; 1995; Стародубцев 2009; Яблонский 2013; Сиротин, Трейстер 2014; Сиротин 2015; 2019б). В качестве элемента конского снаряжения, маркирующего раннепрохоровский комплекс, приводил налобники В. Н. Васильев (2004). В группу налобников конца V — IV в. до н. э. относил крючковидные экземпляры М. А. Очир-Горяева (Очир-Горяева 2012). Исследователи не раз подчеркивали связь южноуральских налобников со скифской уздой V–IV вв. до н. э. (см.: Савельев 2007; Мышкин 2018; Сиротин 2015; 2019б).

Типология налобников из конского снаряжения ранних кочевников Южного Урала сделана В. Н. Мышкиным. На основе соотношения длины, ширины и высоты он включил интересующие нас налобники в отдельный стержневидный и стержневидно-пластинчатый тип (2.1). В его выборке учтены 19 изделий (Мышкин 2018: 6–7).

Налобники зафиксированы в семи курганных могильниках и трех одиночных курганах (табл. 1; рис. 2). За два последних десятилетия число опубликованных железных налобников с загнутым и оформленным в виде крючка концом значительно возросло и составило 28 экз. (табл. 2; рис. 3).

Таблица 1. Распределение железных стилизованных конских налобников в комплексах ранних кочевников Южного Урала (1–7 — курганные могильники; 8–10 — одиночные курганы)

№	Курганный могильник / одиночный курган	Кол-во налобников
1	Филипповка I, кург. 6, 10, 11, межкурганное пространство	10
2	Переволочан I, кург. 10, 11	6
3	Ивановские I курганы, кург. 5, 10	2
4	Авласовские курганы, кург. 3	1
5	Шиповские курганы. Группа I, кург. 7, 9	3
6	Мечет-Сай, кург. 2	1
7	Ново-Кумакский, кург. 7	1
8	Большой Климовский курган	1
9	Курган у хут. Веселый I, близ с. Ак-Булак	2
10	Яковлевка II	1

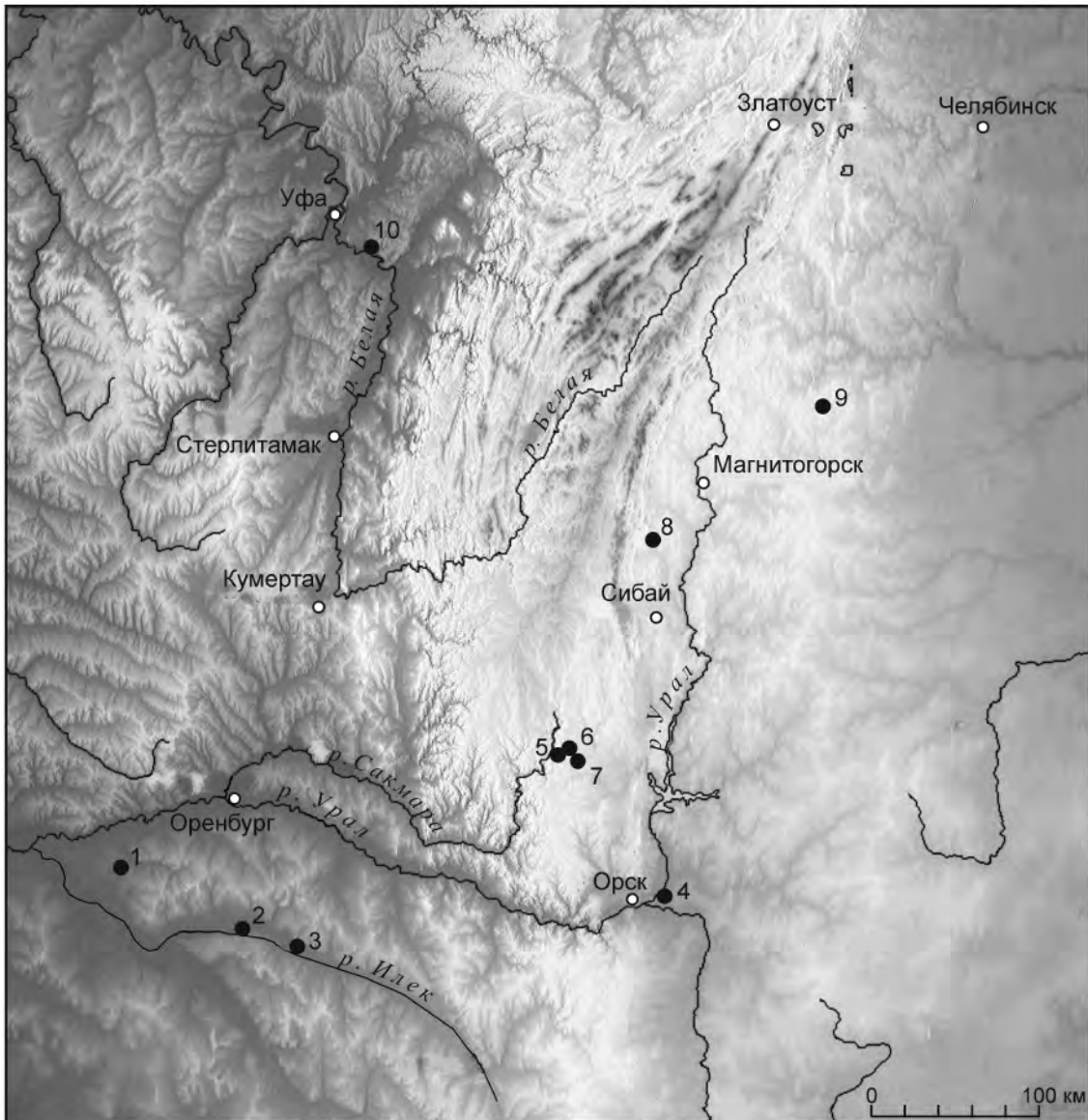

Рис. 2. Южноуральские комплексы с железными стилизованными налобниками (1, 2, 4, 5, 7, 8, 10 — курганные могильники; 3, 6, 9 — одиночные курганы): 1 — Филипповка I; 2 — Мечет-Сай; 3 — Ак-Булакский курган; 4 — Ново-Кумакский; 5 — Ивановские I курганы; 6 — Яковлевка II; 7 — Переволочан I; 8 — Авласовские курганы; 9 — Большой Климовский курган; 10 — Шиповские курганы, группа I

Fig. 2. South Ural assemblages with iron stylized headstalls (1, 2, 4, 5, 7, 8, 10 — barrow cemeteries; 3, 6, 9 — single barrows): 1 — Filippovka I; 2 — Mechet-Sai; 3 — Ak-Bulak barrow; 4 — Novo-Kumaksky; 5 — Ivanovka I barrows; 6 — Yakovlevka II; 7 — Perevolochan I; 8 — Avlasovo barrows; 9 — Bolshoi Klimovsky barrow; 10 — Shipovo barrows, group I

Таблица 2. Железные стилизованные конские налобники в комплексах ранних кочевников Южного Урала (1–18, 21, 22, 24, 26–28 — курганные могильники; 19, 20, 23, 25 — одиночные курганы)

№п/п	Комплекс	Размеры	Местонахождение	Публикации
1	Ивановские I курганы, кург. 5, насыпь	Длина до 8,5 см, сечение 0,5 см	В насыпи юго-западного сектора. В составе уздечного набора	Сиротин 2015: рис. 3, 7
2	Авласовские курганы, кург. 3, насыпь	Длина 7,2 см, лопасть 4,5 × 2,5 см, толщина 0,15 см, диаметр отверстия 0,6 см	В насыпи юго-западного сектора. В составе уздечного набора	Сиротин 2015: рис. 2, 6
3	Шиповские курганы, группа I, кург. 9, насыпь	Длина 8,3 см	В насыпи юго-восточной доли кургана. В составе уздечного набора	Пшеничнюк 1976: 46; Савельев 2007: рис. 1, 9
4	Шиповские курганы, группа I, кург. 9, насыпь	Длина 6,2 см	Там же	Пшеничнюк 1976: 46; Савельев 2007: рис. 1, 10
5	Переволочан I, 10/2	Длина налобника 8 см, высота щитка 5,5 см, максимальная ширина щитка 1,3 см, толщина щитка 0,5 см, диаметр отверстия 0,7 см, диаметр стержня 0,6 см	В сумке с другим конским снаряжением	Пшеничнюк 1995: рис. 14, 20
6	Переволочан I, кург. 10, насыпь	Длина налобника 7,5 см, высота щитка 4,3 см, ширина щитка 1,9 см, толщина щитка 0,9 см, диаметр отверстия 0,4 см, диаметр стержня 0,7–0,8 см	С южной стороны, в 2 м за пределами глиняного валика, на уровне древней поверхности, в 4–5 м слева от «входа» во внутреннюю площадку кургана — разрыва валика, который вел к началу дромоса, обнаружены остатки конского снаряжения, лежавшие в кучке	Там же
7	Переволочан I, кург. 10, насыпь	Длина налобника 8 см, высота щитка 5 см, максимальная ширина щитка 2,1 см, толщина щитка 0,67 см, диаметр отверстия 0,43 см, диаметр стержня 0,6 см		Там же
8	Переволочан I, 11/5	Длина 8,5 см		Сиротин 2010: рис. 6, 5
9	Переволочан I, 11/5	Длина 8,2 см	В юго-западной части могильной ямы погр. 5. В составе уздечного набора	Там же
10	Переволочан I, 11/5	Длина 8,6 см		Там же
11	Филипповка I, 11/1	Длина 13,2 см	Под северным бортом камеры, на ее дне (перемещен при ограблении погребальной камеры)	Яблонский 2013: № 1543, 1544, 1547-1, 1547-2, 1307
12	Филипповка I, 11/1	Длина 6,4 см, ширина лопасти 1,7 см	При скелете 2, непосредственно под северной стенкой камеры, к северу от зеркала	Там же
13	Филипповка I, 11/1	Длина 7,5 см, ширина лопасти 1,7 см	При скелете 2, непосредственно под северной стенкой камеры, к северу от зеркала	Там же

Таблица 2, окончание

№ п/п	Комплекс	Размеры	Местонахождение	Публикации
14	Филипповка I, 11/1	Длина 8,8 см, ширина лопасти 2,7 см	При погребенном при ограблении погребальной камеры мужском скелете 3	Там же
15	Филипповка I, 11/1	Длина 8,8 см, ширина лопасти 2,7 см	При погребенном при ограблении погребальной камеры мужском скелете 3	Там же
16	Филипповка I, жертвенный комплекс	Длина 6,7 см, диаметр отверстия 1 см, диаметр шляпки 1,3 см	В 150–160 м к западу от кургана I. В составе уздечного набора	Там же
17	Шиповские курганы, группа I, кург. 7, насыпь	Длина 7,5 см	В насыпи юго-восточной полы кургана. В составе уздечного набора	Пшеничнюк 1976; Савельев 2007
18	Филипповка I, 6/1	Длина 6,7 см, ширина 2,5 см	В составе уздечного набора	Коллекции... 2018
19	Большой Климовский курган, насыпь	Длина 8,2 см	В насыпи кургана, близ входа в дромос	Таиров 1987; 2000
20	Ак-Булакский курган, погр. 1	Длина 6,4 см	В составе уздечного набора	Зарецкий 1941; Смирнов 1961; 1964
21	Мечет-Сай, 2/2	Общая длина 5,4–5,7 см	Найден совместно с уздечным набором (удила и псалии)	Смирнов 1961; Смирнов, Петренко 1963
22	Филипповка I, 10/1, скелет 2	Длина 7,2 см	В составе уздечного набора	Коллекции... 2018
23	Яковлевка II, погр. 5	Длина 5,5 см. Лопасть 3,2 × 1,3 см, сечение 0,3 см	В заполнении ямы (4,47 м от нулевой отметки). Совместно с другим конским снаряжением	Сиротин, Трейстер 2014
24	Ново-Кумацкий, 7/1	Длина 7 см	Слева от костяка вдоль северной стенки с другими предметами конского снаряжения	Мошкова 1962
25	Ак-Булакский курган, погр. 1	Длина 7,4 см	В составе уздечного набора	Зарецкий 1941; Смирнов 1961; 1964
26	Филипповка I, 10/1, скелет 2	Длина 7 см	В составе уздечного набора	Коллекции... 2018
27	Филипповка I, 10/1, скелет 2	Сохраняющаяся длина 5,8 см	В составе уздечного набора	Коллекции... 2018
28	Ивановские I курганы, курган 10*, насыпь	Сохраняющаяся длина 5,1 см, ширина лопасти до 1 см, толщина 0,2 см	В насыпи, к ВСВ от условного центра кургана. Западнее уздечного набора 1, в составе уздечного набора 2	Сиротин 2019а

* Рисунок не опубликован.

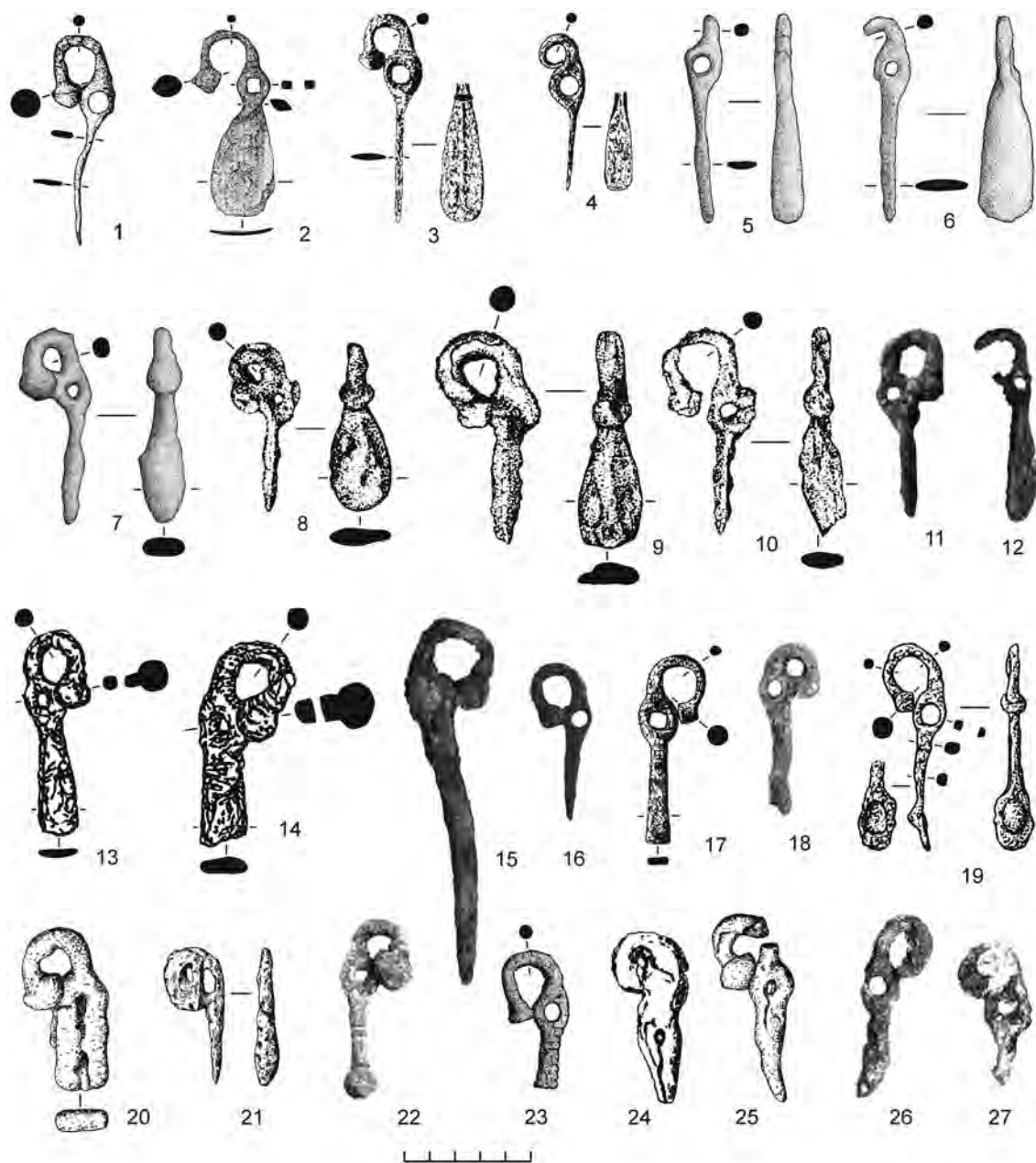

Рис. 3. Железные налобники с загнутым в петлю окончанием из комплексов ранних кочевников Южного Урала (1–18, 21, 22, 24, 26, 27 — курганные могильники; 19, 20, 23, 25 — одиночные курганы): 1 — Ивановка I, кург. 5, насыпь (по: Сиротин 2015: рис. 3, 7); 2 — Авласовские курганы, кург. 3, насыпь (Там же: рис. 2, 6); 3, 4 — Шиповские курганы, группа I, кург. 9, насыпь (по: Савельев 2007: рис. 1, 9, 10); 5 — Переволочан I, 10/2 (по: Пшеничнюк 1995: рис. 14, 20); 6, 7 — Переволочан I, кург. 10, насыпь (Там же); 8–10 — Переволочан I, 11/5 (по: Сиротин 2010: рис. 6, 5); 11–15 — Филипповка I, 11/1 (по: Яблонский 2013: № 1543, 1544, 1547-1, 1547-2, 1307); 16 — Филипповка I, жертвенный комплекс (межкурганное пространство) (Там же: № 3144); 17 — Шиповские курганы, группа I, кург. 7, насыпь (по: Савельев 2007: рис. 1, 8); 18, 22, 26, 27 — Филипповка I, 6/1 (по: Коллекции... 2018: рис. 991, 102); 19 — Большой Климовский курган, насыпь (по: Таиров 2000: рис. 4); 20, 25 — Ак-Булакский курган, погр. 1 (по: Смирнов 1961: рис. 58, 13, 14); 21 — Мечет-Сай, 2/2 (Там же: рис. 56, 7); 23 — Яковлевка II, погр. 5 (по: Сиротин, Трейстер 2014: рис. 2, 2); 24 — Ново-Кумакский, 7/1 (по: Мошкова 1962: рис. 6, 7)

Типология железных стержневидных налобников

Принимая во внимание степень раскованности стержня, в существующую типологию В. М. Мышкина необходимо внести некоторые уточнения. Кроме того, К. Ф. Смирнов отмечал зооморфность налобника из курганного могильника Мечет-Сай (рис. 3, 21) (Смирнов 1961: 96). Два налобника из кургана у хут. Веселый I близ с. Ак-Булак (Ак-Булакский курган) оформлены в виде головы хищного животного и головы птицы (рис. 3, 20, 25). Скорее всего, К. Ф. Смирнов имел в виду незагнутые концы изделий (Там же: 97, рис. 58, 13, 14). Противоположные концы налобников из Ак-Булакского кургана загнуты в виде массивных петель (крючков) и имеют шишечки на окончаниях. Данный прием на самом деле является стилизацией птицы, где загнутый конец представляет собой шею, а шишечка — голову птицы (см. далее).

Все налобники отличаются степенью раскованности незагнутого конца стержня. Окончание налобника может быть расковано в форме лопасти, слегка расковано или не расковано.

К *налобникам с раскованным окончанием* относятся 16 экз. из курганных могильников: Ивановские I (рис. 3, 1), Авласовские (рис. 3, 2), Шиповские (рис. 3, 3, 4), Филипповка I (рис. 3, 11–16) и Переволочан I (рис. 3, 5–10).

Налобники со слегка раскованным стержнем происходят из Большого Климовского кургана (рис. 3, 19), кург. 7 из группы I Шиповских курганов (рис. 3, 17), кург. 6 Филипповки I (рис. 3, 18). В эту же группу стоит отнести налобник из Ак-Булакского кургана (рис. 3, 20) и предмет из Мечет-Сая (рис. 3, 21).

К *налобникам с нераскованным окончанием* уверенно можно отнести только четыре изделия: Филипповка I, кург. 10 (рис. 3, 22), Яковлевка II, погр. 5 (рис. 3, 23), Ново-Кумакский, 7/1² (рис. 3, 24), Ак-Булакский курган (рис. 3, 25). Концы налобника из кург. 10 Филипповки I оформлены в виде шаровидных окончаний; нераскованный, округлый в сечении стержень имеет шесть опоясывающих его окружностей (Коллекции... 2018: рис. 102). Стержень налобника из Яковлевки II рифленый, с двух сторон на окончаниях присутствуют уплощенные шишечки (Сиротин, Трейстер 2014: 210, рис. 2, 2). Стержень налобника из кург. 7 Ново-Кумакского могильника круглый в сечении, один конец его закручен в спираль, а другой заострен (Мошкова 1962: 211). Сохранность еще трех налобников из кург. 10 Филипповки I (рис. 3, 26, 27) и кург. 10 Ивановских I курганов не позволяет с уверенностью говорить об их форме.

² Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем — номер погребения: Ново-Кумакский, 7/1 соответствует Ново-Кумакский курганный могильник, курган 7, погребение 1. Далее в тексте слово «могильник» и словосочетание «курганный могильник», как правило, опускаются.

Fig. 3. Iron haedstalls with henge-shaped ending from the early nomadic sites of South Ural (1–18, 21, 22, 24, 26, 27 — barrow cemeteries; 19, 20, 23, 25 — single barrows): 1 — Ivanovka I, barrow 5, mound (after Сиротин 2015: Fig. 3, 7); 2 — Avlasovo barrows, barrow 3, mound (Ibid.: Fig. 2, 6); 3, 4 — Shipovo barrows, group I, barrow 9, mound (after Савельев 2007: Fig. 1, 9, 10); 5 — Perevolochan I, 10/2 (after Пшеничнюк 1995: Fig. 14, 20); 6, 7 — Perevolochan I, barrow 10, mound (Ibid.); 8–10 — Perevolochan I, 11/5 (after Сиротин 2010: Fig. 6, 5); 11–15 — Filippovka I, 11/1 (after Яблонский 2013: Nos. 1543, 1544, 1547-1, 1547-2, 1307); 16 — Filippovka I, sacrificial assemblage (between-barrow space) (Ibid.: No. 3144); 17 — Shipovo barrows, group I, barrow 7, mound (after Савельев 2007: Fig. 1, 8); 18, 22, 26, 27 — Filippovka I, 6/1 (after Коллекции... 2018: Fig. 991, 102); 19 — Bolshoi Klimovskiy barrow, mound (after Таиров 2000: Fig. 4); 20, 25 — Ak-Bulak barrow, burial 1 (after Смирнов 1961: Fig. 58, 13, 14); 21 — Mechet-Sai, 2/2 (Ibid.: Fig. 56, 7); 23 — Yakovlevka II, burial 5 (after Сиротин, Трейстер 2014: Fig. 2, 2); 24 — Novo-Kumaksky 7/1 (after Мошкова 1962: Fig. 6, 7)

Контексты находок

Обстоятельства находок в комплексах различны. Большая часть конских налобников происходит из комплекта узды, включающего в себя как минимум удила и псалии (табл. 3). Из 28 находок только пять налобников в Филипповке I, 11/1 обнаружены отдельно, что, вероятно, могло явиться следствием неоднократного ограбления погребения (Яблонский 2013: 124). Этот же комплекс содержал и другие элементы конского снаряжения. Видимо, в погребении находилось несколько комплектов конского снаряжения.

В восьми случаях налобники обнаружены в составе уздечного набора в насыпи кургана: Ивановские I курганы (2 экз.) (рис. 3, 1), Авласовские курганы (1 экз.) (рис. 3, 2), Переволочан I (2 экз.) (рис. 3, 6, 7) и Шиповские курганы (3 экз.) (рис. 3, 3, 4, 17) (Сиротин 2015: 250; 2019а: 300; Пшеничнюк 1976: 46; Савельев 2007: 331). Налобник из Большого Климовского кургана найден при исследовании курганной насыпи (рис. 3, 19), в которой также обнаружены и другие элементы конского снаряжения (Таиров 1987: 123).

В одном случае налобник (рис. 3, 16) происходил из набора конской узды, найденного в жертвенном комплексе межкурганного пространства Филипповки I (Яблонский 2013: 226). В остальных 18 случаях находки сделаны в погребениях (табл. 2).

Изделия-хроноиндикаторы конского снаряжения

Для определения времени бытования налобников с загнутым в петлю окончанием важным обстоятельством является наличие других составляющих конского снаряжения. В составе комплектов узды можно выделить несколько элементов, имеющих определенную хронологическую позицию: прямые стержневидные железные псалии, S-видные псалии, псалии с лопастевидными (флажковидными/секировидными) окончаниями, псалий с ажурным окончанием, псалии с зооморфными окончаниями, Г-образные псалии, прямые стержневидные бронзовые псалии с гофрированным стержнем, пластинчатые налобники, строгаши (нахрапники), устражающая крестовидная насадка. Железные петельчатые удила имеют довольно широкие ареал распространения и хронологическую позицию, поэтому здесь они не рассматриваются в качестве хроноиндикатора (см.: Стародубцев 2012: 52–53).

Псалии

Прямые стержневидные псалии из железа с восьмеркообразным утолщением содержались в комплексах конского снаряжения в кург. 5 и 10 Ивановских I курганов (Сиротин 2015: 252, рис. 3, 6; 2019а: 298, рис. 1, 1). На концах псалиев присутствуют шишечки или утолщения. Восьмеркообразные утолщения стержневидных псалиев из кург. 7 Шиповских курганов (группа I) оформлены в виде больших ромбов, на концах которых присутствуют шишечки и утолщения (Савельев 2008: 125, рис. 5, 1). Комплекс Филипповка I, 11/1 содержал несколько уздечных наборов, в которых находились двудырчатые стержневидные псалии с грибовидными окончаниями и шаровидными утолщениями на концах. Еще один комплект псалиев был изготовлен из перевитого стержня (Яблонский 2013: 132–134). В Яковлевке II, погр. 5 находились стержневидные железные псалии без утолщений и шишечек на концах (Сиротин, Трейстер 2014: 209, рис. 2, 1). Прямые стержневидные бронзовые псалии обнаружены в Переволочан I, 10/2 (Пшеничнюк 1995: 35, рис. 14, 16). Стержни псалиев гофрированные, на одном из них присутствуют окончания в виде плоских шляпок. Аналогичные бронзовые псалии известны в комплексах Нижнего Дона (Пузикова 1964: 29; 2017: 148). Отметим, что в кург. 13 могильника Русская Тростянка

гофрированные стержневидные псалии находились в наборе со стилизованным налобником (Пузикова 2017: 154, рис. 59, 13).

Хронологически гофрированные псалии относятся к рубежу V–IV вв. до н. э. (Пузикова 1964: 29, рис. 10, 21; 2017: 79), IV в. до н. э. или к его второй половине (Васильев 2004: 155; Савченко 2009: 241–242). Е. И. Савченко относил появление во второй половине IV в. до н. э. стержневидных псалиев с плоскими шляпками в среднедонских комплексах к локальным особенностям этой группы скифских памятников (Савченко 2009: 250). Появление железных псалиев стержневидного типа на Южном Урале относится к IV в. до н. э. или второй половине IV в. до н. э. (Смирнов 1961: 86; Васильев 2004: 155).

Псалии с лопастевидными (флажковидными, секировидными) окончаниями встречены в комплексах из Авласовских курганов (Сиротин 2015: 250, рис. 2, 7), в кург. 11 Переволочан I (Стародубцев 2009: 31, рис. 1, 9, 10), в межкурганном пространстве Филипповки I (150–160 м к западу от кург. 1) (Яблонский 2013: 226, № 3145–3147). Прямые стержневидные двудырчатые псалии имели резко загнутые и раскованные в форме лопастей окончания. В жертвенном комплексе Филипповки I находились лопастевидный псалий и псалии, у которых загибался и расковывался только один конец, второй оставался прямым. Этот тип псалиев появился в комплексах южноуральских ранних кочевников в конце V в. до н. э., но наибольшее распространение получил в IV в. до н. э. (Мышкин 2019: 176). Псалии данного типа присутствуют в памятниках на Северном Кавказе (Лесков и др. 2005: рис. 172, 15), в курганах Посулья (лесостепное левобережное Поднепровье) (Ильинская 1968: табл. XXXV, 11; XLVII, 5; LIII, 4) и Крыма (Силантьева 1959: рис. 37, 2). Этот тип псалиев известен с конца VI в. до н. э. (Ильинская 1968: 117).

S-видные псалии находились в составе конского снаряжения в Переволочан I, 11/5 (Стародубцев 2009: 31, рис. 1, 8), Филипповке I, 11/1 (Яблонский 2013: 132, № 1545, 1546), Ак-Булакском кургане (Смирнов 1961: рис. 47, 6). Псалии из Переволочан I и Ак-Булакского кургана оформлены в зооморфном стиле. Верхние концы псалиев из кург. 11 Переволочан I выполнены в форме клювов хищных птиц, нижние же, вероятно, являются имитацией формы лошадиного копыта (Стародубцев 2009: 31, рис. 1, 8). Три псалия из Ак-Булакского кургана оканчиваются плоскими расширениями, по предположению К. Ф. Смирнова, имитирующими лошадиные копыта. Один псалий имеет вилкообразные концы. К. Ф. Смирнов относил Ак-Булакский комплекс к самому началу IV в. до н. э. (Смирнов 1961: 85). Найденные в кург. 6 Филипповки I S-видные псалии имели утолщенные концы в виде шариков с рельефным орнаментом; на концы одной пары псалиев надеты бронзовые наконечники, изображающие фаллос жеребца (Пшеничнюк 2012: 40, рис. 86). Такие S-видные псалии с зооморфными окончаниями на Южном Урале получили распространение в конце V — IV в. до н. э. (Мышкин 2020: 59).

Из Филипповки I, 11/1 происходят S-видные псалии без зооморфного оформления, но имеющие шаровидные или конические утолщения на концах (Яблонский 2013: 132, № 1545, 1546). Аналогии им известны в Сибири, на Северном Кавказе, в лесостепном левобережном Поднепровье и на Среднем Дону (Смирнов 1961: 84–85; Ильинская 1968: 117; Савченко 2009: 233). Псалии S-видной формы на Южном Урале встречены на памятниках конца VI — V в. до н. э. (Смирнов 1961: 85).

G-образные псалии происходят из Нового Кумака, 7/1 (Там же: 8), Мечет-Сая, 2/2 (Там же: рис. 45, 5), Переволочан I, кург. 10 (Пшеничнюк 1995: рис. 11, 9), Шиповских курганов, группа I, кург. 9 (Савельев 2008: рис. 5, 2), Филипповки I, кург. 6

Таблица 3. Элементы конского снаряжения ранних кочевников Южного Урала в комплексах с железными стилизованными налобниками (1-9, 12-15 — курганные могильники; 10, 11, 16 — одиночные курганы)

№ п/п	Комплекс	Псалии									С-видные с зооморфными окончаниями	Пластичные налобники	Крестовидные насадки	Строгачи (нахрапки)	Датировка комплекса (в. до н. э.)
		Прямые стряжневидные	Горфированный со шпикой	Лопастевидные	S-видные	S-видные с зооморфными окончаниями	Г-образные	Г-образные с зооморфными окончаниями	Ажурнолопастные	Г-образные					
1	Ивановские I курганы, кург. 5, насыпь	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Конец V — IV (Сиротин 2015)
2	Ивановские I курганы, кург. 10, насыпь	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	Конец V — IV (Сиротин 2019а)
3	Авласовские курганы, кург. 3, насыпь	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	V-IV — IV (Сиротин 2015)
4	Переволочан I, 11/5	-	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	Вторая половина IV — рубеж IV — III (Сиротин 2010; 2018)
5	Филипповка I, 10/1, скелет 2	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Рубеж V-IV — третья четверть IV (Яблонский 2013)
6	Филипповка I, 11/1	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Конец VI — V (Смирнов 1975; Васильев 2004)
7	Филипповка I, жертвенный комплекс	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	V-IV (Мошкова 1962)
8	Мечет-Сай, 2/2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	Конец VI — V (Смирнов 1975; Васильев 2004)
9	Ново-Кумакский, 7/1	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	V-IV (Мошкова 1962)
10	Большой Климовский курган, насыпь	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	Вторая половина VI — середина V (Таиров 2000)
11	Ак-Булакский курган, погр. 1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Конец V — начало IV (Зарецкий 1941; Смирнов 1961; 1964)

Таблица 3, окончание

№ п/п	Комплекс	Псалии									С-видные с зооморфными окончаниями	Пластинчатые налобники	Крестовидные насадки	Стрелы (нахрапки)	Датировка комплекса (в. до н. э.)
		Прямые стреловидные	Горизонтальный со шляпкой	Лопастевидные	S-видные	S-видные с зооморфными окончаниями	Г-образные	Г-образные с зооморфными окончаниями	Ажурнолопастные Г-образные	С-видные					
12	Переволочан I, кург. 10, насыпь	+	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-	Вторая половина IV — рубеж IV–III (Пшеничнюк 1995; Сиротин 2018; 2019а)
13	Переволочан I, 10/2	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	Вторая половина IV — рубеж IV–III (Пшеничнюк 1976; Савельев 2007; Сиротин, Трейстер 2014)
14	Шиповские курганы, группа I, кург. 7, насыпь	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	Вторая половина IV — рубеж IV–III (Пшеничнюк 1976; Савельев 2007; Сиротин, Трейстер 2014)
15	Шиповские курганы, группа I, кург. 9, насыпь	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	Вторая половина IV — рубеж IV–III (Пшеничнюк 1976; Савельев 2007; Сиротин, Трейстер 2014)
16	Яковлевка II, погр. 5	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	Вторая половина IV — рубеж IV–III (Пшеничнюк 1976; Савельев 2007; Сиротин, Трейстер 2014)
17	Филипповка I, 6/1	-	-	-	+	-	+-	-	-	-	-	-	-	-	Рубеж V–IV — третья четверть IV (Коллекции... 2018)

(Коллекции... 2018: 110, 113), Ак-Булакского кургана (Смирнов 1961: рис. 45, 2). Окончания новокумакского Г-образно изогнутого псаля не имеют зооморфного оформления и шишечек на окончаниях, один конец их лишь слегка загнут (Там же: 84). Псаля из кург. 9 Шиповских курганов также не имеют зооморфного оформления (Савельев, 2008: 124). Псаля из кург. 6 Филипповки I имеют шаровидные окончания (Коллекции... 2018: 110, 113). Концы одних Г-образных псаляев из Ак-Булакского кургана украшены в зверином стиле (Очир-Горяева 2012: 309). В зооморфном стиле оформлены и окончания псаляев из кург. 2 Мечет-Сая: верхние окончания представляют собой головы животного, а нижние — конские копыта (Смирнов 1961: 84; Мышкин 2020: 58). Хронологически Г-образные псаля с зооморфным оформлением включены В. Н. Мышкиным в раннюю группу второй половины VI — V в. до н. э. (Мышкин 2020: 62).

Редкой находкой на Южном Урале является фрагмент двудырчатого псаля из кург. 10 Переволочан I. Один конец этого псаля расположен под прямым углом к стержню. Г-образный загиб, вероятно, представлял собой ажурную пластину (Пшеничнюк 1995: 81). Аналогичные псаля происходят из Филипповки I, кург. 3 (Пшеничнюк 2012: 32, рис. 56, 4, 5), этот комплекс А. Х. Пшеничнюк датирует IV в. до н. э. (Там же: 88). Аналогичные псаля найдены в Прикубанье, в курганах у ст. Елизаветинской и Кужорской, где такие изделия с изображением птичьих лап датируются второй половиной IV в. до н. э. (Канторович, Яблонский 2009: 81–84). Г-образные псаля, на зооморфных пластинах которых изображены стилизованные рога и головы оленей, волков и грифонов, происходят из девяти погребений Прикубанского могильника в Краснодарском крае. Наличие в погребениях амфорной тары ограничивает датировку этих погребений второй — третьей четвертями IV в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2018: 102). Ажурный филипповский псаля, как и подобный ему переволочанский, был отнесен исследователями к IV в. до н. э. (Канторович, Яблонский 2009: 84; Васильев 2004: 155, 169). Из этого же комплекса Переволочан I происходит бронзовый двудырчатый псаля, один конец которого представляет собой плоскую бляху, расположенную над прямым углом к стержню, второй выполнен в виде головы лошади или лося (Пшеничнюк 2012: 81, рис. 11, 14).

С-видные псаля были встречены в кург. 7 Шиповских курганов (группа I). В двух скоплениях находились три пары С-видных псаляев. Один комплект имеет восьмеркообразные, гипертрофированно выделенные утолщения; окончания оформлены в виде стилизованной головы животного (лошадь?). Второй комплект имеет утолщения-шишечки на окончаниях. В третьем отсутствуют зооморфность и шишечки (Пшеничнюк 1976: 48, рис. 10; Савельев 2008: 124). К. Ф. Смирнов указывал, что псаля С-видной формы происходят от архаических роговых и бронзовых трехдырчатых псаляев Евразии (Смирнов 1961: 85). По материалам комплексов из кургана у с. Варна, кург. 8 Бис-Оба и кург. 6 Таксай I В. Н. Мышкин датировал С-видные псаля с зооморфными окончаниями второй половиной VI — V в. до н. э. (Мышкин 2020: 62). Псаля из железа и бронзы С-видной формы, оформленные конусовидными шишечками, появились на территории Скифии только в IV в. до н. э. (Савченко 2009: 240). А. Х. Пшеничнюк датировал группу I Шиповских курганов IV–III вв. до н. э., отмечая, что уздечные наборы более характерны для IV в. до н. э. (Пшеничнюк 1976: 74). Н. С. Савельев относил данный комплекс к середине / второй половине IV в. до н. э. — первой половине / середине III в. до н. э. (Савельев 2008: 133). Таким образом, С-видные псаля с зооморфным оформлением являются более ранними и датируются второй половиной VI — V в. до н. э., а С-видные псаля без зооморфного оформления получили распространение на Южном Урале не ранее IV в. до н. э.

Пластинчатые бронзовые налобники

В трех случаях стержневидные налобники с загнутым окончанием содержались в комплексах, в составе конского снаряжения которых присутствовали бронзовые пластинчатые налобники: кург. 10 Переволочан I (Пшеничнюк 1995: рис. 11, 15), Большой Климовский курган (Таиров 1987: 123) и межкурганное пространство Филипповки I (жертвенный комплекс в 150–160 м к западу) (Яблонский 2013: № 3131, 3150). Скорее всего, разные по типу налобники относились к разным комплектам узды. Пластинчатые налобники представляют собой пластины удлинённых форм различной конфигурации и редко встречаются в комплексах южноуральских ранних кочевников Южного Урала — на сегодняшний день известно чуть более 10 экз. (Мышкин 2018; Сиротин 2019б). С точки зрения функциональности пластинчатые налобники могли иметь как защитную, так и декоративную функцию и/или соединять различные ремни (Марченко, Лимберис 2009: 69; Савченко 2009: 251). В недавней работе С. В. Сиротин отнес пластинчатые налобники к хроноиндикаторам второй половины IV — рубежа IV–III вв. до н. э. (Сиротин 2019б: 231). Тем не менее бронзовые налобники в виде вытянутых ромбовидных пластин известны на территории лесостепной Скифии уже в V–IV вв. до н. э. (Ильинская 1968: 122). Южноуральские пластинчатые налобники по своей форме и оформлению тяготеют к налобникам из лесостепной Скифии и к экземплярам из Прикубанья.

Крестовидные насадки

Еще один редкий элемент конского снаряжения, встреченный в одном комплекте со стержневидным налобником, — крестовидные насадки, которые представляют собой дополнительный устрашающий элемент, состоящий из основы и ветвей (Стародубцев 2012: 56). Одна крестовидная насадка была надета на удила, происходящие из насыпи кург. 7 Шиповских курганов (группа I) (Пшеничнюк 1976: рис. 10, 7). На Южном Урале таких насадок в опубликованных комплексах известно немного, найдены они в основном в западных районах: М. В. Стародубцев приводит семь таких находок (Стародубцев 2012: 55, рис. 2). В Филипповке I крестовидная насадка происходит из жертвенного комплекса, расположенного в 100 м к ЮЗ от кург. 1 (Яблонский 2013: 223, № 3129).

Удила с крестовидными насадками хорошо известны в Прикубанье, на Северном Кавказе, в Северном и Северо-Западном Причерноморье, Крыму и в Приазовье (Марченко 1996; Зайцев 2005; 2009; Прокопенко 2005; Симоненко 2009; Лимберис, Марченко 2019). Хронология удил с крестовидными насадками остается дискуссионной. К. Ф. Смирнов датировал такие удила IV–II вв. до н. э. и не исключал их бытования в более поздний период (Смирнов 1953: 40). Для Северного Кавказа Ю. П. Зайцев называет дату IV–II вв. до н. э., для Северного Причерноморья — III — середина II в. до н. э. (Зайцев 2005: 92; 2009: 135). На территории Закубанья удила с крестовидными насадками известны в комплексе (грунтовый могильник IV Новолабинского городища), датированном концом IV в. до н. э. или рубежом IV–III вв. до н. э. (Беглова 2009: 12). Ю. А. Прокопенко дату появления насадок отодвигает к середине — второй половине V в. до н. э. (Прокопенко 2005: 179). В. Р. Эрлих относит появление крестовидных насадок на петельчатых удилах к V в. до н. э. (11 Ульский курган); в IV в. до н. э. железные петельчатые удила с крестовидными насадками в Прикубанье, степной и лесостепной Скифии являются единственным используемым типом удил (Эрлих 2010: 90). А. В. Симоненко северопричерноморские «странные комплексы», в которых содержались удила с крестовидными насадками, относил к концу II — началу I в. до н. э. (Симоненко 2009: 159).

Происхождение удил с такими насадками связывается с Северным Кавказом и Прикубаньем (Смирнов 1953: 37; Марченко 1996: 75; Симоненко 2009: 156; Лимберис, Марченко 2019: 171). Наибольшее количество насадок зафиксировано в меотских памятниках Прикубанья, где известно около 100 наборов удил со строгими насадками (Лимберис, Марченко 2019: 161). Хронологию меотских комплексов удалось установить по амфорной таре — самые ранние насадки типа А появились здесь в V в. до н. э. (Там же: 171).

Хронология большинства удил с крестовидными насадками на Южном Урале приходится на вторую половину IV — первую половину III в. до н. э. Такие удила в регионе происходят из насыпей кургана или из межкурганного пространства (Стародубцев 2012: 57, 58).

Строгачи (нахрапники)

К устрожающим элементам конского снаряжения относятся строгачи (нахрапники). Эта категория конского снаряжения содержалась в наборах узды из кург. 10 Ивановских I курганов и погр. 5 Яковлевки II (Сиротин 2019а: 300; Сиротин, Трейстер 2014: 209). Строгач из кург. 10 найден в наборе со стержневидными псалиями. Налобник из погр. 5 Яковлевки II также находился в комплексе со стержневидными псалиями и строгачом. Такие строгачи имеют дуговидную форму и зубчатую кромку по внутренней стороне (Стародубцев 2010: 183). Нахрапник (строгач) оказывал дополнительное давление на мягкие ткани носа и носовую кость лошади (Вальчак 2009: 129). Не исключено, что строгач и рассматриваемый тип налобников могли функционировать как деталь одного дополнительного механизма к стандартному удильному аппарату (Стародубцев 2010: 183). Хронологически строгачи на Южном Урале датируются второй половиной IV — рубежом IV–III вв. до н. э. (Сиротин 2020: 108). С. В. Сиротинным было учтено 11 находок нахрапников из южноуральских комплексов (10 железных, один бронзовый) (Там же: рис. 2). Этот элемент конского снаряжения также известен в скифских памятниках конца V — IV в. до н. э. (Вальчак 2009: 129; Савченко 2009: 243). С. Б. Вальчак в своей работе приводит нахрапники с Нижнего и Среднего Дона, лесостепной Украины, Южного Урала; он учел 12 изделий, изготовленных из кости, бронзы и железа. Вероятно, прототипами металлических нахрапников являются костяные изделия с двумя отверстиями по бокам, но без зубцов, они известны в лесостепи уже в VI–V вв. до н. э. (Вальчак 2009: 129).

Уточнение датировок железных стержневидных конских налобников Южного Урала

Основные датирующие элементы конского снаряжения позволяют определить период бытования железных стержневидных налобников на Южном Урале, тем не менее отдельные комплексы необходимо рассмотреть подробнее.

Один из самых ранних экземпляров железных налобников происходит из Мечет-Сая, который датируется исследователями по-разному. К. Ф. Смирнов придерживался более ранней атрибуции памятника: конец VI — первая половина V в. до н. э. (Смирнов, Петренко 1963: табл. 17; 29; Смирнов 1975: 90). Датирующим инвентарем у К. Ф. Смирнова выступают бронзовые наконечники стрел, конское снаряжение и голубая веретенообразная бусина из пасты. В. Н. Васильев отодвигает дату памятника ко второй половине V в. до н. э., подчеркивая его синхронность с Ново-Кумакским комплексом (Васильев 2004: 157). В качестве аргумента такой датировки он приводит пряжку

(чумбурный блок, по В. Н. Мышкину), верхняя хронологическая граница которой на памятниках Южного Урала приходится на IV в. до н. э. (Васильев 2004: 156, рис. 2). Этот же чумбурный блок из Мечет-Сая был включен В. Н. Мышкиным в 1-й вариант блоков, преобладающих в конце VI — первой половине V в. до н. э., со ссылкой на авторскую датировку комплекса (Мышкин 2015: 533). М. А. Очир-Горяева комплекс из Мечет-Сая датирует средней хронологической группой — V в. до н. э. (Очир-Горяева 2012: 271). Исходя из набора инвентаря и погребального обряда налобник из Мечет-Сая можно датировать широко в пределах конца VI — V в. до н. э.

Большой Климовский курган датируется автором раскопок второй половиной VI — началом/серединой V в. до н. э. (древнепрохоровский/обручевский этап, стадия B) (Таиров 2000: 6; 2004: 3). М. А. Очир-Горяева отнесла комплекс находок конского снаряжения (железный стержневидный налобник и бронзовые бляшки) из Большого Климовского кургана к третьей хронологической группе: конец V — IV в. до н. э. (Очир-Горяева 2012: 269–271, ил. 285; 319, 1). Дата сооружения Большого Климовского кургана — вторая половина VI — начало/середина V в. до н. э. (Таиров 2004: 3). Об этом свидетельствуют погребальный обряд и некоторые элементы конского снаряжения. Большой Климовский курган является одним из самых северо-восточных памятников с дромосным погребением. Дромос подходил к северо-восточному углу камеры, над ней зафиксирована сгоревшая деревянная конструкция (подквадратная могильная яма, размерами 10,4 × 9,5 м и глубиной 0,5 м, была ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ) (Таиров 1987: 123). Дромосные погребения на Южном Урале известны уже со второй половины VII в. до н. э. и относятся к сакскому времени (Таиров, Боталов 2010: 339). Ориентация дромоса на северо-восток сближает Большой Климовский курган с данными памятниками. Из набора узды в насыпи кургана обнаружены две округлые бляшки с выпуклым щитком и массивной дуговидной петлей на обороте и одна бляшка, оформленная в зверином стиле, а также упоминавшиеся выше налобники (Таиров 1987: 123). Конское снаряжение найдено в восточной поле кургана и необязательно составляло единый комплекс. Бронзовые пластинчатые налобники, вероятно, имеют более позднюю хронологическую позицию и могли попасть в насыпь кургана после его сооружения. Железный стилизованный налобник мог быть помещен в насыпь как во время сооружения кургана, так и в более позднее время.

Таким образом, самые ранние (конец VI — V в. до н. э.) образцы железных налобников происходят из кург. 2 Мечет-Сая и кург. 7 Ново-Кумакского могильника. К концу V — началу IV в. до н. э. относятся налобники из Ивановских I курганов, Авласовских курганов, Филипповки I и Ак-Булакского кургана. Конские налобники из Яковлевки II, Переволочан I и группы I Шиповских курганов датируются второй половиной IV — рубежом IV–III вв. до н. э.

Окончания налобников из ранней группы не раскованы. У налобников средней группы окончание расковано хорошо. В поздней группе окончания налобников имеют разную степень раскованности. Окончание в виде шишечки или полусферы (шара) характерно для налобников конца V — рубежа IV–III вв. до н. э. Степень раскованности стержня и шишечка на окончании сближают налобник из Большого Климовского кургана с экземплярами поздних групп (конец V — рубежа IV–III вв. до н. э.). Размеры налобников близки между собой (табл. 2). Самый крупный экземпляр зафиксирован в Филипповке I, 11/1 — 13,2 см. Из этого же погребения происходят налобники, имеющие длину 6,4–8,8 см. Длина налобников из Яковлевки II и Мечет-Сая не достигает 6 см. Какой-либо хронологической зависимости в размерности железных налобников

не наблюдается. Длина изделия может быть связана с индивидуальными параметрами лошади или объясняться иными причинами. Вероятно, функциональное назначение такого налобника заключалось в распределении/закреплении ремней на голове лошади.

**Железные стержневидные налобники на Южном Урале:
распространение и аналогии**

Железные стилизованные налобники зафиксированы во всех областях Южного Урала, причем самые ранние были найдены в Южном Приуралье (рис. 2). Три налобника происходят из одного из самых северных памятников культуры ранних кочевников Южного Урала — из Шиповских курганов (группа I). Они же — пока единственные из известных, найденных в западной части ареала распространения культуры ранних кочевников (область Башкирского Предуралья). В последние годы количество железных налобников, обнаруженных в южноуральском регионе, значительно возросло. Это связано с исследованием в конце XX и начале XXI в. элитных погребальных комплексов, сосредоточение которых наблюдается в юго-восточной части Южного Урала (рис. 2). На элитарность погребального памятника может указывать, в том числе, наличие конского снаряжения, его состав, разнообразие и фиксация в комплексе нескольких наборов.

Южноуральские железные налобники близки по форме к зооморфным серебряным, бронзовым и стилизованным железным налобникам Среднего Дона и лесостепной Скифии. Наибольшее сходство южноуральские экземпляры имеют с бронзовыми среднедонскими налобниками, представляющими собой изображение водоплавающей птицы, а также со стилизованными железными налобниками. Загнутый конец бронзового налобника представляет собой изгибающуюся шею с окончанием в виде рельефной птичьей головы, другой конец выполнен в виде перепончатой лапы. Такие налобники на Среднем Дону датируются IV в. до н. э. Железные стилизованные налобники Е. И. Савченко подразделил по форме щитка на пять групп. Щиток налобника переходит в округлую петлю (шея птицы) и оканчивается конусовидной шишечкой, символизирующей головку птицы. Появление железных стилизованных налобников на Среднем Дону относится к концу V в. до н. э. В IV в. до н. э. этот тип получил широкое распространение и в Северном Причерноморье (Савченко 2009: 259, 260, рис. 10). Е. И. Савченко также отмечал, что в комплексах на территории Днепровского правого и левого бережья подобные экземпляры не зафиксированы. Еще один тип фигурных налобников, характерный для Среднего Дона и лесостепной Скифии, имеет щиток и зооморфное изображение орла, грифона и других животных. Изготовлены эти налобники из бронзы, меньше известны экземпляры из серебра. Бронзовые налобники встречаются в лесостепной Скифии уже с конца VI в. до н. э., наибольшее распространение получают в V–IV вв. до н. э. (Ильинская 1968: 121; Савченко 2009: 252, 253). На Южном Урале такие налобники единичны (Яблонский 2013: 142, 177; Коллекции... 2018: 79). Форма и сюжетные мотивы этих налобников близки стилизованным железным налобникам Среднего Дона и Южного Урала.

Железные налобники из комплексов ранних кочевников Южного Урала, вероятно, также являются стилизацией изображения птицы (рис. 3) (Савченко 2009: рис. 10). Прототипами таких налобников, возможно, выступают схожие по форме фигурные зооморфные налобники из серебра и бронзы, распространенные на территории лесостепной Скифии и на Среднем Дону (Ильинская 1968: табл. V, 5, 17, 18; XVI, 5, 7, 9, 11; Пузикова 2017: рис. 55, 2–4).

Бытование стилизованных налобников с крючком не ограничено III в. до н. э. Такие налобники, помимо памятников Северного Причерноморья, Среднего Дона и Южного Урала, известны в Северном Причерноморье у поздних скифов в III–II вв. до н. э. Для налобников с крючком с территории Северо-Западного Причерноморья была предложена и более поздняя датировка — II–I вв. до н. э. (Полин 1992: 65). А. В. Симоненко полагает, что через поздних скифов эти налобники появились и у сарматов в первой половине I в. до н. э. (Симоненко 2009: 191). Известны экземпляры не только из железа, но из бронзы и серебра, а также обтянутые листовым золотом (Симоненко 2009: 188–189; Шаров 2009: 295). Значительно меняется и форма налобников, концы которых приобретают разную форму и становятся сильно раскованными, кроме того, на раскованной лопасти может присутствовать орнамент (Симоненко 2009: 188, 189).

Южноуральские экземпляры железных стилизованных налобников демонстрируют явное сходство с налобниками Среднего Дона и лесостепной Скифии. Помимо налобников в составе конского снаряжения находились и другие элементы, источник происхождения которых следует искать в западных регионах. К ним относятся пластинчатые налобники разных форм, S-видные, C-видные, Г-образные псалии, как с зооморфным оформлением, так и без него, псалии с секировидными окончаниями, крестовидные насадки, строгаши (нахрапники) и некоторые типы бляшек. Регионами-источниками являются Причерноморье, Прикубанье, Приазовье, Северный Кавказ, Средний Дон и область лесостепной Скифии. Все эти элементы конского снаряжения многочисленны и разнообразны на указанных территориях и получили распространение с VI — конца V в. до н. э.

Заключение

Таким образом, стилизованные налобники с загнутым в петлю навершием и шишечкой на окончании бытовали у кочевых народов в течение длительного периода времени. На Южном Урале известны только экземпляры из железа, появившиеся здесь в конце VI — V в. до н. э. Самые поздние находки относятся к рубежу IV–III вв. до н. э. Окончания налобников из ранней группы (конец VI — V в. до н. э.) не раскованы. У налобников средней группы (конец V — начало IV в. до н. э.) окончание расковано хорошо. В поздней группе (вторая половина IV — рубеж IV–III вв. до н. э.) окончания налобников имеют разную степень раскованности. Окончание в виде шишечки или полусферы (шара) характерно для налобников конца V — рубежа IV–III вв. до н. э.

Данный тип налобников чаще встречается в комплекте с другими элементами конского снаряжения, составляя полный набор. Полные комплекты узды зафиксированы в погребальных комплексах, относящихся к элитарным памятникам ранних кочевников. Аналогии южноуральским железным стилизованным налобникам известны в памятниках западных регионов Евразийской степи, которые выполнены не только из железа, но и из бронзы, серебра или обтянуты листовым золотом (Симоненко 2009: 186–188; Шаров 2009: 295).

Литература

Берлизов 2011 — Берлизов Н. Е. Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н. э. — V в. н. э. Ч. I. Краснодар: Краснодарский ГУ культуры и искусств; Парабеллум, 2011. 320 с.

- Вальчак 2009 — *Вальчак С. Б.* Об одной из функциональных деталей скифской уздечки Восточной Европы // Гуляев В. И. (отв. ред.). Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: М.: ИА РАН, 2009. С. 126–140 (Тр. Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг.).
- Васильев 2004 — *Васильев В. Н.* К хронологии раннепроторовского комплекса // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 153–172.
- Зайцев 2005 — *Зайцев Ю. П.* Крестовидные удила Северного Причерноморья // Марченко И. И. (отв. ред.). Четвертая Кубан. археол. конф.: Тез. и докл. Краснодар: б. и., 2005. С. 88–94.
- Зайцев 2009 — *Зайцев Ю. П.* Предметы конской упряжи III–I вв. до н. э. в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе (сравнительный анализ) // Марченко И. И. (отв. ред.). Пятая Кубан. археол. конф.: Мат-лы конф. Краснодар: б. и., 2009. С. 134–139.
- Зарецкий 1941 — *Зарецкий И. А.* Пос. Благодявенка и Ак-Булак, 1935 г. // Гольмстен В. В. (ред.). Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг.: краткие отчеты и сведения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 152–153.
- Ильинская 1968 — *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968. 268 с.
- Канторович, Яблонский 2009 — *Канторович А. Р., Яблонский Л. Т.* О северопричерноморских и северокавказских параллелях изображениям в скифо-сибирском зверином стиле на предметах из Филипповских курганов // НАВ. 2009. Вып. 10. С. 73–98.
- Коллекции... 2018 — Коллекции Филипповских курганов из фондов Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН: каталог / Мухаметзянова-Дуггал Р. М. (отв. ред.). Уфа: Китап, 2018. 400 с.
- Лесков и др. 2005 — *Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р.* Меоты Закубанья в середине VI — начале III века до н. э.: Некрополи у аула Уляп. Погребальные комплексы. М.: Наука, 2005. 192 с.
- Лимберис, Марченко 2018 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Хронология погребений с конской упряжью в зверином стиле из Прикубанского могильника // Вестник Волгоградского ГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23 (3). С. 99–113. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.3.9>.
- Лимберис, Марченко 2019 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Железные удила со строгими насадками из меотских могильников Прикубанья // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — IV в. н. э.). 2019. Т. 5. С. 161–174.
- Марченко 1996 — *Марченко И. И.* Сираки Кубани (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: Изд-во Кубанского ГУ, 1996. 340 с.
- Марченко, Лимберис 2009 — *Марченко И. И., Лимберис Н. Ю.* Пластинчатые конские налобники из Прикубанья // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2009. № 3 (39). С. 69–74.
- Мошкова 1962 — *Мошкова М. Г.* Памятники скифо-сарматской культуры. М.: Наука, 1962. С. 206–241 (МИА. № 115).
- Мышкин 2015 — *Мышкин В. Н.* Чумбурные блоки из кочевнических курганов скифского времени на Южном Урале // Известия Самарского НЦ РАН. 2015. Т. 17, № 3 (2). С. 532–536.
- Мышкин 2018 — *Мышкин В. Н.* Конские налобники из кочевнических курганов скифского времени на Южном Урале // НАВ. 2018. Т. 17 (2). С. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2018.2.1>
- Мышкин 2019 — *Мышкин В. Н.* Уздечные бляшки с зооморфными и антропоморфными изображениями у кочевников Южного Приуралья скифского времени // НАВ. 2019. Т. 8 (1). С. 57–73. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2019.1.5>
- Мышкин 2020 — *Мышкин В. Н.* Псалии с зооморфными изображениями у кочевников Самаро-Уральского региона в VI–IV вв. до н. э. // НАВ. 2020. Т. 19 (2). С. 56–73. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.3>

- Очир-Горяева 2012 — *Очир-Горяева М. А.* Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 486 с.
- Полин 1992 — *Полин С. В.* От Скифии к Сарматии. Киев: Изд-во АН Украины, Ин-т археологии, НПК «Археолог», 1992. 201 с.
- Прокопенко 2005 — *Прокопенко Ю. А.* Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. Ставрополь: Изд-во Ставропольского ГУ, 2005. 534 с.
- Пузикова 1964 — *Пузикова А. И.* Два кургана из могильника скифского времени у с. Русская Тростянка // КСИА. 1964. Вып. 102. С. 24–33.
- Пузикова 2017 — *Пузикова А. И.* Погребальный инвентарь курганных могильников скифского времени Среднего Подонья. М.: ИА РАН, 2017. 160 с.
- Пшеничнюк 1976 — *Пшеничнюк А. Х.* Шиповский комплекс памятников (IV в. до н. э. — III в. н. э.) // Трапезников Н. Д. (ред.). Древности Южного Урала. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1976. С. 35–149.
- Пшеничнюк 1995 — *Пшеничнюк А. Х.* Переволочанский могильник // Агеев Б. Б. (отв. ред.). Курганы ранних кочевников Южного Урала: Сб. ст. Уфа: Гилем, 1995. С. 62–96.
- Пшеничнюк 2012 — *Пшеничнюк А. Х.* Филипповка: некрополь кочевой знати IV века до н. э. на Южном Урале. Уфа: Гилем, 2012. 280 с.
- Савельев 2007 — *Савельев Н. С.* Конская узда IV–III вв. до н. э. из Шиповских курганов и лесостепи Южного Приуралья // Горбунов В. С. (отв. ред.). Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография: Сб. тр. конференции. Уфа: Китап, 2007. С. 330–339.
- Савельев 2008 — *Савельев Н. С.* Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины — второй половины I тысячелетия до н. э. // Яблонский Л. Т. (отв. ред.). Ранние кочевники Волго-Уральского региона: ММНК «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» (Оренбург, 21–25 апреля 2008 г.). Оренбург: Изд-во Оренбургского гос. пед. ун-та, 2008. С. 116–136.
- Савченко 2009 — *Савченко Е. И.* Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону, как археологический источник // Гуляев В. И. (отв. ред.). Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М.: ИА РАН, 2009. С. 221–325 (Тр. Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг.).
- Силантьева 1959 — *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея // Гайдукевич В. Ф. (ред.). Некрополи боспорских городов: Сб. ст. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 5–107 (МИА. № 69).
- Симоненко 2009 — *Симоненко А. В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Изд-во фак-та филологии и искусств СПбГУ, 2009. 328 с.
- Сиротин 2010 — *Сиротин С. В.* Курган № 11 курганного могильника Переволочан в Зауральской Башкирии // Герасимова М. М. (отв. ред.). Археология и палеоантропология евразийских степей и прилегающих территорий: Сб. ст. в честь 60-летия Л. Т. Яблонского. М.: Таус, 2010. С. 323–338 (МИАР. № 13).
- Сиротин 2015 — *Сиротин С. В.* Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // Таиров А. Д. (отв. ред.). Этнические взаимодействия на Южном Урале: Мат-лы VI Всерос. науч. конф. Челябинск: Челябинский гос. краеведческий музей, 2015. С. 247–255.
- Сиротин 2018 — *Сиротин С. В.* Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии // Носов Е. Н. (отв. ред.). Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей: Мат-лы межд. круглого стола. СПб.: ИИМК РАН; ГЭ, 2018. С. 192–200 (Тр. ИИМК РАН. Т. 47).

- Сиротин 2019а — *Сиротин С. В.* Об одной группе пластинчатых налобников в уздечных наборах ранних кочевников Южного Урала // Храпунов И. Н. (отв. ред.). Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. — V в. н. э.): Мат-лы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь: Салта ЛТД, 2019. Т. 5. С. 224–233.
- Сиротин 2019б — *Сиротин С. В.* Элементы конской сбруи из некрополя «Ивановские I курганы» на Южном Урале // Малышев А. А. (отв. ред.). SCYTHIA et SARMATIA: Сб. ст. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 297–304.
- Сиротин 2020 — *Сиротин С. В.* Дуговидные предметы (нахрапники) в составе конской сбруи ранних кочевников Южного Урала // НАВ. 2020. Т. 19 (1). С. 102–115. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.1.5>
- Сиротин, Трейстер 2014 — *Сиротин С. В., Трейстер М. Ю.* Погребение с ближневосточными (?) и центрально-азиатскими импортами из кургана Яковлевка II // Уфимский археологический вестник: Сарматы и внешний мир. 2014. Вып. 14. С. 207–217.
- Смирнов 1953 — *Смирнов К. Ф.* Северский курган. М.: Госкультпросветиздат, 1953. 50 с. (Тр. ГИМ. Памятники культуры. Вып. 11).
- Смирнов 1961 — *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 163 с. (МИА. № 101).
- Смирнов 1964 — *Смирнов К. Ф.* Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 376 с.
- Смирнов 1975 — *Смирнов К. Ф.* Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 176 с.
- Смирнов, Петренко 1963 — *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 39 с. (САИ. Вып. Д1-9).
- Стародубцев 2009 — *Стародубцев М. В.* Комплекс конского снаряжения Переволочанского курганного могильника (по материалам раскопок 2007 года) // Вестник Челябинского ГУ. 2009. № 32 (170). История. Вып. 35. С. 29–33.
- Стародубцев 2010 — *Стародубцев М. В.* О функциональном назначении некоторых элементов конского снаряжения у ранних кочевников Южного Урала // Тузбеков А. И. (отв. ред.). Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: Мат-лы IV Всеросс. науч.-практич. конф. молодых ученых. Уфа: Ин-т этнологических исследований Уфимского НЦ РАН, 2010. С. 181–183.
- Стародубцев 2012 — *Стародубцев М. В.* К хронологии двух типов петельчатых удилов у ранних кочевников Южного Урала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 51–60.
- Таиров 1987 — *Таиров А. Д.* Большой Климовский курган // Матющенко В. И. (отв. ред.). Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Ч. 2: Тез. докл. обл. науч. конф. по разделам: Скифо-сибирская культурно-историческая общность; Раннее и позднее средневековье. Омск: б. и., 1987. С. 123–124.
- Таиров 2000 — *Таиров А. Д.* Погребальный обряд ранних кочевников Южного Зауралья // Мышкин В. Н. (отв. ред.). Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Мат-лы IV МК «Проблемы сарматской археологии и истории». Самара: Изд-во Самарского НЦ РАН, 2000. Вып. 2. С. 5–14.
- Таиров 2004 — *Таиров А. Д.* Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья VII–II вв. до н. э. // Раев Б. А. (отв. ред.). Сарматские культуры Евразии: Проблемы хронологии: Докл. к V Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар: б. и., 2004. С. 3–21.
- Таиров, Боталов 2010 — *Таиров А. Д., Боталов С. Г.* Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Герасимова М. М. (отв. ред.). Археология и палеоантропология евразийских степей и прилегающих территорий: Сб. ст. в честь 60-летия Л. Т. Яблонского. М.: Таус, 2010. С. 339–354 (МИАР. № 13).

- Шаров 2009 — Шаров О. В. О конских погребениях Большого кургана Васюринской горы // Зинько В. Н. (отв. ред.). Боспорские исследования. Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Симферополь; Керчь: б. и., 2009. Вып. 22. С. 283–323.
- Эрлих 2010 — Эрлих В. Р. Узда Колхиды и Центральной Грузии античной эпохи: к проблеме выделения традиций // Герасимова М. М. (отв. ред.). Археология и палеоантропология евразийских степей и прилегающих территорий: Сб. ст. в честь 60-летия Л. Т. Яблонского. М.: Таус, 2010. С. 73–108 (МИАР. № 13).
- Яблонский 2013 — Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей: Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. М.: ИА РАН, 2013. Кн. 1. 232 с.

IRON STYLIZED HEADSTALLS FROM THE EARLY NOMADIC SITES OF SOUTH URAL

E. V. VILDANOVA

Keywords: *South Ural, chronology, early nomads, horse harness, bridle, iron stylized headstalls.*

The paper deals with iron headstalls having a hook-shaped or hinge-shaped ending constituting an additional functional and decorative element of early nomadic harness in South Ural. The summary of available evidence highlights the importance of the clarification of the existing typology and chronology. The considered type of headstalls prevailed among the early nomads of South Ural. It existed in the region from the end of the VI — V c. BC to the turn of the IV–III cc. BC.

**СЕЛИЩЕ КУАФО 6 — НОВЫЙ ПАМЯТНИК
АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В 2019 ГОДУ)¹**

О. В. КЛАДЧЕНКО, Б. А. РАЕВ, Д. Ф. БАБЕНКО²

Ключевые слова: Краснодарский край, эпоха средневековья, керамический комплекс, селище, отгонное скотоводство.

Авторы статьи вводят в научный оборот материалы раскопок селища Куафо 6, исследованного в 2019 г. в Абинском р-не Краснодарского края. Селище расположено на правом берегу р. Куафо и вытянуто вдоль ее русла. На исследованном участке фиксировались отдельные возвышения — так называемые жилые холмы, связанные с территориями хозяйственных и жилых комплексов поселения. В пределах такого холма были сосредоточены хозяйственные ямы, использованные впоследствии в качестве мусорных. С этим участком связаны основные находки, представленные фрагментами лепных и кружальных керамических сосудов, позволяющих уверенно датировать время существования селища XI–XIII вв. Кости домашних животных свидетельствуют о скотоводческом характере хозяйства жителей поселения. Расположение селища в равнинной степной части Прикубанья, вблизи легкодоступных горных котловин Северо-Западного Кавказа, позволяло жителям осуществлять перегоны скота на наиболее удобные сезонные пастбища.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-26-100-108

Летом 2019 г. археологический отряд ООО «Кубаньархеология» совместно с археологической лабораторией Южного НЦ РАН проводил раскопки селища Куафо 6 в Абинском р-не Краснодарского края (рис. 1, врезка). Исследовано около 7000 м² площади памятника, расположенной в зоне строительства и реконструкции трубопроводов Газпрома. На раскопе, заложенном в северо-западной части селища, обнаружены хозяйственные ямы, связанные с жизнедеятельностью его населения (рис. 1).

Селище Куафо 6 расположено примерно в 4,2 км к З–СЗ от западной окраины г. Абинск, на правом берегу р. Куафо. Территория памятника находится в 260–500 м к В от реки и вытянута вдоль ее русла (рис. 1). Селище занимает территорию слабо выраженного хребта, вытянутого по линии СВ–ЮЗ, имеющего плавное понижение

¹ Работа выполнена О. В. Кладченко и Б. А. Раевым в рамках государственного задания Южного НЦ РАН на 2021 г. (00-21-15, № госрегистрации АААА-А20-120122990111-9, направления программ ФНИ 2021–2030 гг.: 6.1.3. «Археология»).

² О. В. Кладченко, Б. А. Раев — Лаборатория археологии, Южный НЦ РАН; 344006, г. Ростов-на-Дону, Россия. Д. Ф. Бабенко — ООО «Кубаньархеология»; 350063, г. Краснодар, Россия.

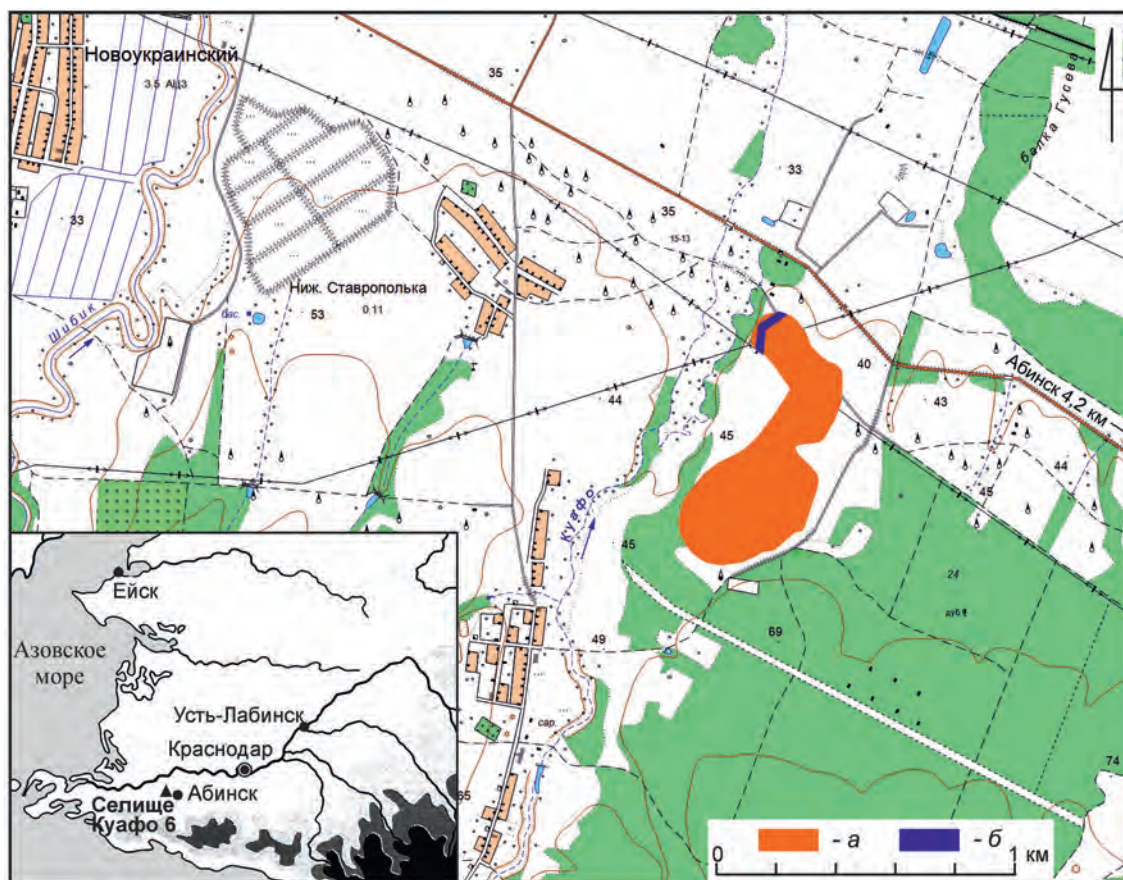

Рис. 1. Местоположение селища Куафо 6 (а — территория селища; б — раскоп)

Fig. 1. Location of the settlement of Kuafo 6 (a — the territory of the settlement; b — excavation)

в северо-восточном и северо-западном направлениях. На территории прослеживаются возвышенности, хорошо заметные при общем плавном понижении рельефа. Эти возвышенности — так называемые жилые холмы поселений — связаны с территориями хозяйственных и жилых комплексов поселения, в пределах которых шло наиболее интенсивное образование культурного слоя. Территория селища ранее подвергалась ежегодной сезонной распашке. В настоящее время его поверхность покрыта луговым разнотравьем: одна его часть служит местом сенокоса, другая заросла низкорослыми деревьями, кустарниками, травостоем и не используется много лет.

Вся площадь, подлежащая исследованию, была размечена на отдельные участки размерами 5 × 10 м (рис. 2, 1). В силу специфики участка раскопок: пересечения его несколькими кабелями связи, нефте- и газопроводами, с установленными охранными зонами, — часть площади была разбита линиями, применительно к перечисленным коммуникациям. В результате значительные участки размеченной территории приобрели самую разнообразную конфигурацию — от треугольных до неправильных пятиугольных (рис. 2, 2). Квадраты южной и восточных линий были слабо насыщены находками, большинство которых представляли собой небольшие окатанные непрофильные фрагменты стенок лепных сосудов. Находки концентрировались в верхней части плотного темно-серого глеистого суглинка на глубине от 0,20 до 0,45 м, что соответствует второму и самой верхней части третьего пласта культурного слоя.

По результатам раскопок выяснилось, что селище представляет собой однослойный памятник с простой стратиграфией.

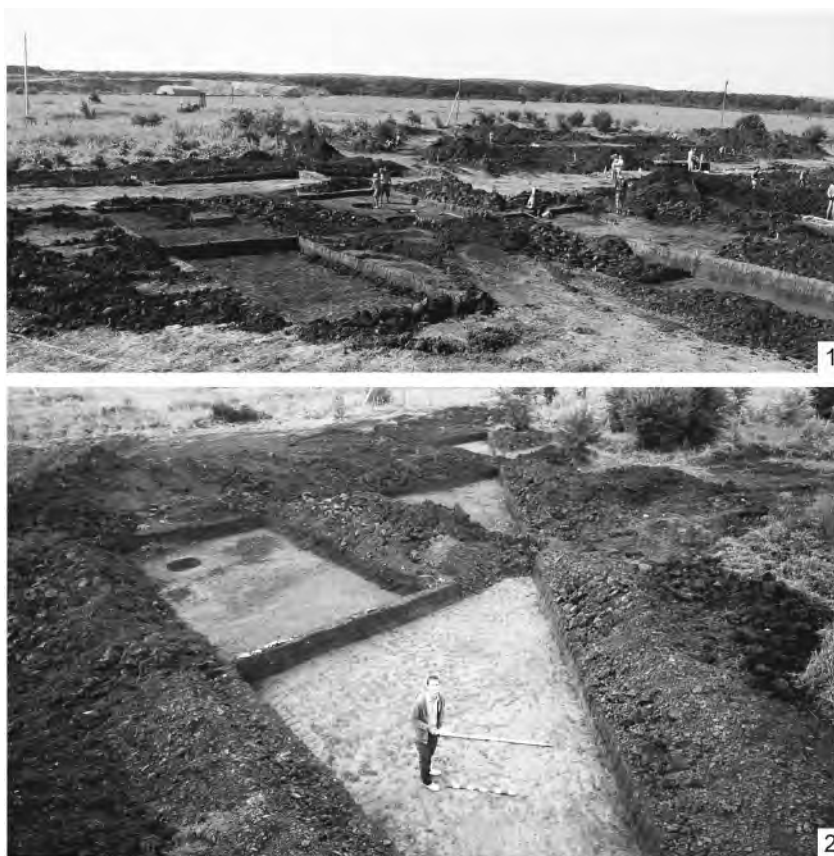

Рис. 2. Селище Куафо 6: 1 — центральная часть раскопа, вид с СЗ; 2 — разбивка южной части раскопа, вид с СЗ

Fig. 2. Settlement of Kuafo 6: 1 — central part of the excavated area, view from NW; 2 — laying of the southern part of the excavated area, view from NW

В южной части раскопа визуально прослеживалось возвышение — под ним были сосредоточены основные объекты хозяйственной деятельности населения. Это целая серия хозяйственных ям для хранения припасов, которые впоследствии использовались как мусорные. Ямы неглубокие, круглые, часто с расширяющимися к дну стенками. Заполнение состояло из чернозема со значительными примесями пепла, кусочков обожженной обмазки и бытового мусора — фрагментов керамики и костей животных. Ямы расположены широкой полосой по линии ЮЗ–СВ, параллельно береговой террасе р. Куафо. Относительно всей территории памятника эта серия ям определенно тяготеет к его северо-западной границе. В данном случае можно уверенно говорить о части хозяйственного и жилого комплекса, привязанного к водной артерии — руслу р. Куафо.

Обнаруженные материалы не отличаются большим разнообразием, однако имеются особенности. Значительная часть посуды на памятнике красноглиняная. Практически вся она изготовлена из одинакового теста, поверхность сосудов красная или красновато-коричневая, на изломе три слоя от красного до светло-серого с примесью мелких белых частиц (мергель?). Изредка встречаются фрагменты с примесью мелкого песка или бурыми включениями в виде зерен от 0,05 до 3,0 мм в диаметре. Вокруг них обычно имеется пустое пространство, что говорит о том, что такие включения образовались при обжиге.

Самую многочисленную категорию посуды составляют крупные красноглиняные кувшины с трилистным устьем. Поверхность их покрыта лощением, зачастую ниже

горла и до плеча — лощением в виде перекрещивающихся линий (рис. 3, 2–6). Некоторые кувшины снабжены носиком-сливом на воронковидном горле (рис. 3, 1). Единственная археологически целая форма сосуда, найденная на памятнике, — крупный красноглиняный кувшин с трилистным устьем и двумя ручками. Тулово кувшина украшено перекрестным лощением в центральной и вертикальным — в придонной части. Лощение в центральной части тулова утрачено в результате эрозии и сохранилось лишь на отдельных небольших участках поверхности сосуда (рис. 3, 8).

Достаточно много найдено фрагментов крупных пифосообразных сосудов с воронковидным горлом или с невыделенными горлом и треугольным в сечении венчиком (рис. 3, 7). Часть из них покрыта хаотичным или перекрестным лощением. Некоторые сосуды украшены налепными валиками с пальцевыми защипами или заостренными валиками (рис. 3, 9, 10). Скорее всего к таким же сосудам принадлежат фрагменты стенок с овальными в сечении короткими вертикальными ручками.

Фрагменты донцев кувшинов и прочих сосудов изредка имеют следы подсыпки песком для снятия с круга, но у большей их части такие следы отсутствуют. Характерной особенностью донцев сосудов, обнаруженных на памятнике, является украшение перегиба между дном и стенками косыми насечками или косыми вдавлениями круглого инструмента (рис. 3, 11–13).

Орнаментация сосудов не отличается большим разнообразием: перекрестное лощение, разделенные на сегменты налепные валики, а также имитация оттисков шнура (рис. 3, 10).

Вся лепная посуда представлена горшками с воронковидным горлом и округлым или покатым плечом (рис. 4, 1–7). Края венчиков примерно 30 % горшков украшены косыми вдавлениями палочкой. Плечо чаще всего орнаментировано многорядным волнообразным орнаментом и/или горизонтальными расчесами. Поверхность некоторых горшков гладкая. В единственном экземпляре встречен фрагмент крупного лепного сосуда с налепным валиком, украшенным пальцевыми вдавлениями и имитацией оттиска ткани, прочерченной острым инструментом (рис. 4, 8а, 8б). На одном фрагменте лепного сосуда сохранилась часть более сложного прочерченного орнамента или тамгообразного знака (?), воссоздать который по сохранившемуся фрагменту невозможно (рис. 4, 9а, 9б).

Небольшой процент горшков имеет следы обработки на круге, использовавшемся в качестве поворотного столика. Почти все горшки изготовлены из одинакового теста с примесью белых частиц и крупных белых комочков (мергель?). В тесте некоторых обломков встречаются значительные включения кварца.

Фрагменты амфор на памятнике немногочисленны: небольшой процент амфорных стенок, пять фрагментов ручек и одно целое горло с верхними частями ручек. Все фрагменты амфор относятся к «триллийской» группе византийской привозной тары, причем к тем формам, которые датируются временем не ранее середины XII в. С середины XII в. у «триллийских» амфор появляется мелкое гребенчатое рифление, которое покрывает 3/4 внешней поверхности тулова сверху, ручки крепятся к венчику с валиком снаружи и резко поднимаются над ним. Характерным признаком амфор XII в. также являются ручки, которые сделаны из формовочной массы, отличной от основной части сосуда. В тесте ручек присутствует значительная примесь навоза, что применялось для компенсации разницы в усадке при одновременном изготовлении ручек и тела сосуда (Волков 1996: 96). Фрагменты амфор именно с такой особенностью найдены в ходе работ на памятнике (рис. 5, 1).

Ассортимент прочих находок не отличается разнообразием. В коллекции представлены два вида пряслиц: колесовидные, изготовленные из плотных, хорошо обожженных стенок от гончарных сосудов (рис. 5, 3–6), и лепные конические (рис. 5, 2).

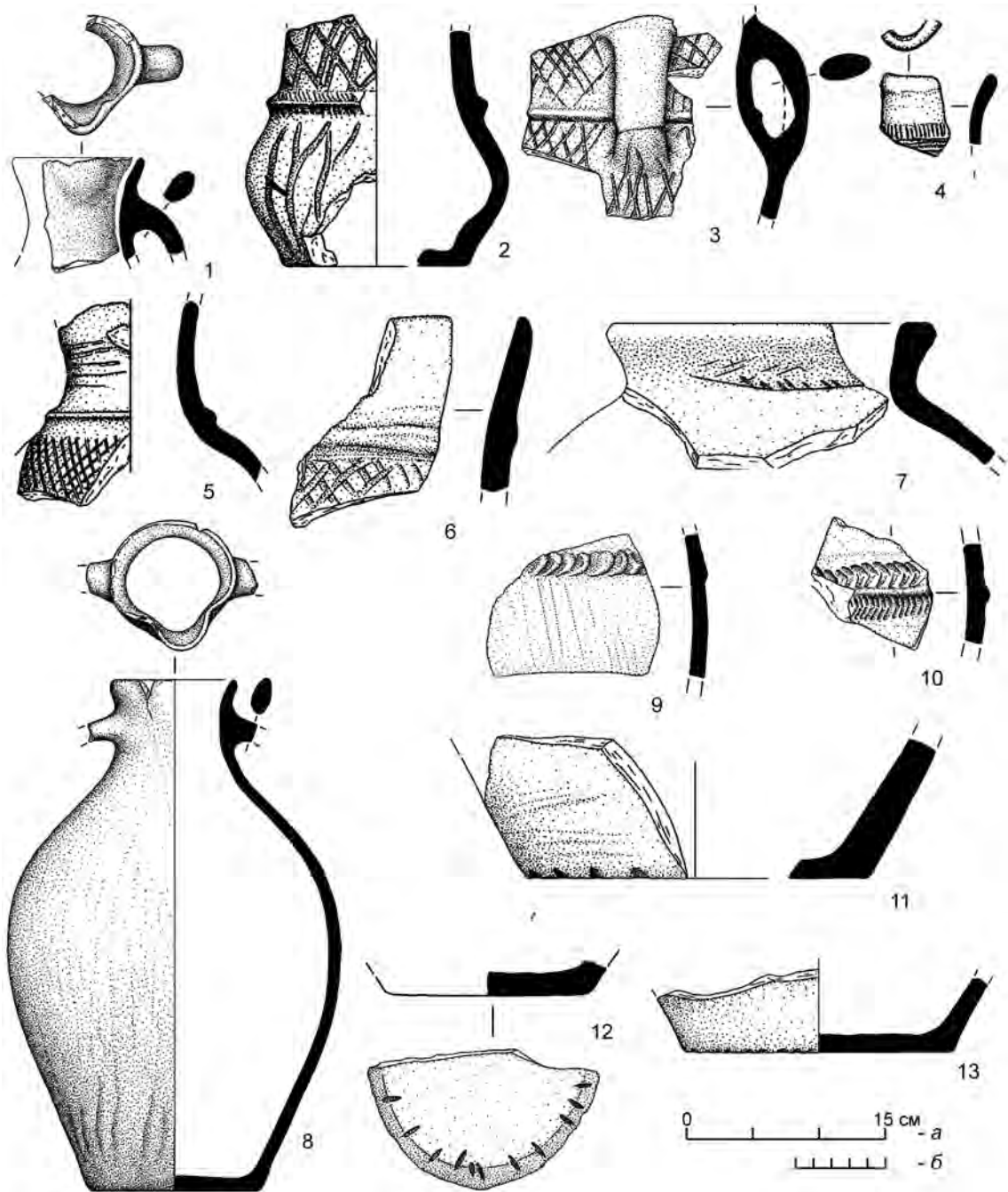

Рис. 3. Селище Куафо 6, фрагменты красноглиняных гончарных сосудов: 1— горло кувшина; 2 — нижняя часть тулова кувшина; 3 — стенка кувшина с ручкой; 4 — носик-слив кувшина; 5 — горло кувшина; 6 — фрагмент венчика кувшина; 7 — венчик корчаги; 8 — двуручный кувшин; 9, 10 — стенки сосудов с орнаментом; 11–13 — донца сосудов. Масштаб: *a* — 1, 7, 8, 11; *б* — 2–6, 9, 10, 12, 13

Fig. 3. Settlement of Kuafo 6, fragments of red clay vessels: 1— jug neck; 2 — lower part of a jug body; 3 — jug fragment with a handle; 4 — jug spout; 5 — jug neck; 6 — fragment of jug rim; 7 — rim of a massive pot; 8 — two-handled jug; 9, 10 — decorated vessel wall fragments; 11–13 — bottoms of vessels. Scale: *a* — 1, 7, 8, 11; *б* — 2–6, 9, 10, 12, 13

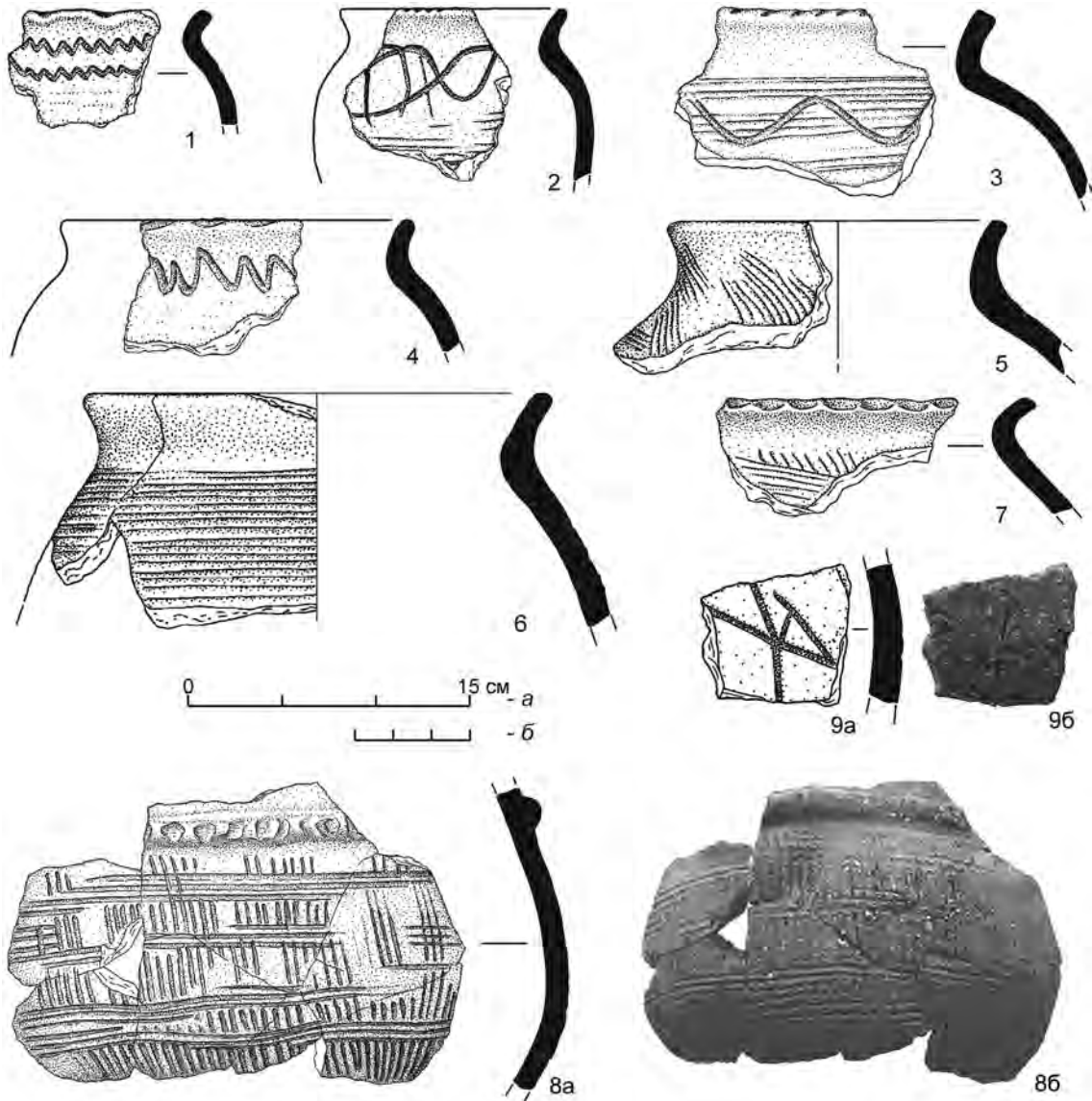

Рис. 4. Селище Куафо 6, фрагменты лепных горшков с орнаментом: 1-7 — фрагменты венчиков; 8а, 8б, 9а, 9б — фрагменты орнаментированных стенок (прорисовки и фото). Масштаб: а — 1-8, б — 9

Fig. 4. Settlement of Kuafo 6, fragments of ornamented hand-modeled pots: 1-7 — rim fragments; 8a, 8b, 9a, 9b — fragments of ornamented walls (drawings and photos). Scale: a — 1-8, б — 9

Объем остеологической коллекции невелик — 399 фрагментов, удалось определить 91,5 % костного материала³. Сохранность костей хорошая, на них отмечены только следы кухонной разделки (разрубы, поломы, порезы). Следы использования костей в быту отсутствуют. Все кости принадлежали млекопитающим. 97,5 % костного материала — остатки домашних животных, и только девять костей было от диких животных (табл. 1). Обнаружены верхний клык очень крупного дикого кабана и восемь обломков рогов оленя благородного: один отросток рога оленя со следами спила —

³ Авторы выражают искреннюю признательность заведующей отделом природы Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника Г. И. Тимониной за остеологические определения.

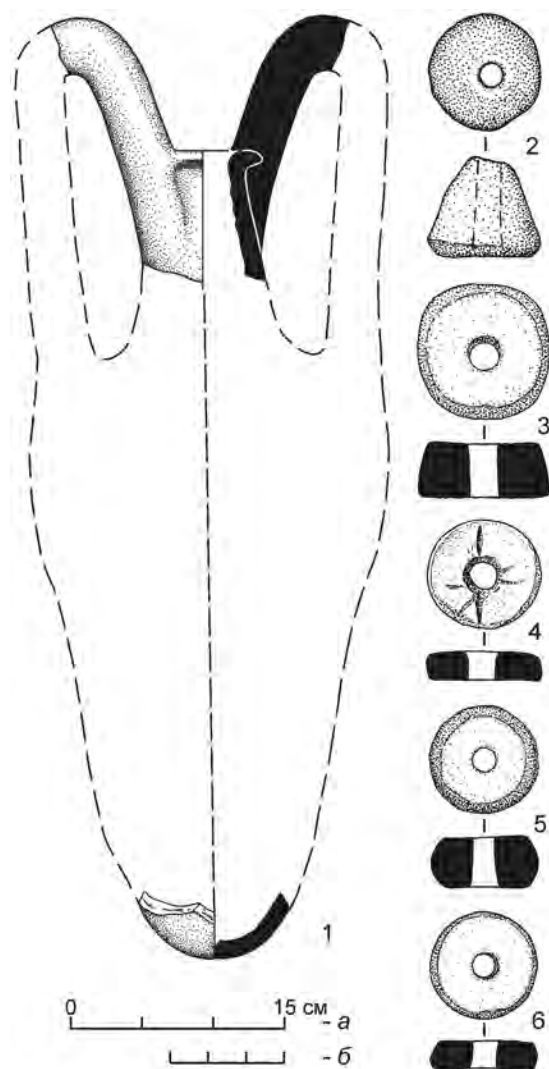

Рис. 5. Селище Куафо 6: 1 — фрагменты амфоры; 2 — лепное прясло; 3–6 — прясла из стенок керамических сосудов Масштаб: а — 1, б — 2–6

Fig. 5. Settlement of Kuafo 6: 1 — amphora fragments; 2 — handmade spindle whorl; 3–6 — spindle whorls out of ceramic sherds. Scale: a — 1, б — 2–6

заготовка или остаток косторезного производства, остальные семь обломков от одного сброшенного рога оленя.

Домашние животные представлены следующими видами: крупный рогатый скот (КРС), мелкий рогатый скот, лошадь, свинья, собака. От собак в коллекции было две кости от достаточно крупной не старой особи.

Копытным домашним животным принадлежали 354 кости, это абсолютное преобладание над иными видами животных. Малое количество изолированных зубов и нижних челюстей с зубами, по которым возможно оценить возраст животных, не дает возможности в количественном соотношении оценить схемы забоя, можно лишь отметить, что на поселении зафиксированы кости разновозрастных особей. Так, из десяти зубов КРС 60 % принадлежали особям от 3 до 6 лет, но были зубы и более молодых особей: телят от 3 до 8 месяцев (один зуб) и молодняка от 8 месяцев до 3 лет (два зуба). Из шести зубов свиней один принадлежал поросенку-сеголетку 6–9 месяцев (животное забито осенью), три зуба были от животных 12–15, 18–20 и 20–24 месяцев. Сезон забоя животных второго года жизни — весна, осень, зима; два зуба от взрослых особей 3–4 и 4–5 лет.

Любопытна находка большого количества нижних челюстей КРС и свиньи. Имеющиеся данные об использовании этой части скелета животных в ритуальных целях заставляют обратить на это особое внимание и выявить возможную закономерность в сохранении нижних челюстей для каких-то особых целей.

В связи с небольшим объемом исследуемой коллекции информация, отражающая структуру кухонных остатков на поселении,

предварительная и не отражает полную картину хозяйственной деятельности.

Полученные в ходе исследования материалы позволяют датировать поселение эпохой средневековья — XI–XIV вв.

Исследованное селище представляет интерес как источник для изучения не только материальной культуры аборигенного населения, но и как объект, сохранивший в археологических материалах определенные черты хозяйственной деятельности.

В последнее время выявлена целая серия поселений, причем не только средневековых, расположенных в предгорной зоне Северо-Западного Кавказа (Крутоголовенко, Токарев 2018: 119–123, рис. 1). Отсюда можно определенно говорить о том, что расположение раскопанного селища не случайное.

Таблица 1. Анатомический состав костей домашних копытных животных

Кости скелета	Крупный рогатый скот	Лошадь	Мелкий рогатый скот	Свинья
Череп	4	3	–	–
Роговые стержни	6	–	2	–
Нижние челюсти	21	5	4	12
Изолированные зубы	12	1	5	3
Ребра	11	6	1	–
Позвонки	6	7	1	1
Лопатка	11	2	1	1
Плечевая	23	4	3	9
Лучевая	19	6	3	1
Локтевая	9	3	–	2
Тазовые	10	10	2	1
Бедренная	13	1	2	1
Берцовая	15	5	5	4
Пяточная	3	2	–	–
Пястная	20	7	–	–
Плюсневая	24	4	2	–
1-я фаланга	4	2	–	–
2-я фаланга	–	1	–	–
3-я фаланга	1	–	–	–
Всего костей	212	69	31	35
Доля в общем количестве, %	61,1	19,9	8,9	10,1

Предгорья и средневысотные горы западной оконечности Большого Кавказа в рельефном отношении являются сильно расчлененными, представленными невысокими (от 100 до 200 м над уровнем моря) холмами и водоразделами, преимущественно вытянутыми с юга на север. Понижающиеся с юга на север хребты, идущие от Главного Кавказского хребта, выполняют роль водоразделов.

Предгорные межхребтовые котловины Северо-Западного Предкавказья, окруженные невысокими водораздельными хребтами, были сравнительно легкодоступны для ведения сезонного отгонного скотоводства. В летнее и осеннее время года они, в отличие от открытых степных районов Прикубанья, были достаточно обводнены, а открытость для теплых воздушных масс из степного пояса делала их наиболее удобными для выпаса скота в это время года.

Расположенные в 15–30 км к северу надпойменные террасы рек и пологие склоны бортов балок являются теми микротопографическими зонами, в которых формировались поселения. Последние зачастую располагаются на склонах или в долинах, защищенных от господствующего зимой северо-восточного ветра.

Экологическая ниша, сочетающая обе описанные зоны, при небольшом расстоянии между ними была оптимальна для ведения пастушеского хозяйства в форме отгонного сезонного скотоводства (Харитонов 2019: 102). Именно о таком характере хозяйственной деятельности населения свидетельствуют данные остеологии.

Широкие, открытые в сторону степных пространств горные долины позволяли вариативно, в зависимости от характера годовых осадков, использовать как горные котловины, так и области степного Прикубанья. В случае засушливого лета без особого труда и сравнительно быстро можно было отогнать стада в хорошо увлажненные поймы тех же рек, но в горных котловинах.

Возвращаясь к Куафо 6, судя по возможному времени забоя скота, скорее всего селище являлось сезонной, преимущественно зимней стоянкой. Невысокий снежный покров в подболоченных поймах степных рек позволял содержать скот в оптимальных условиях обеспечения кормами. Принимая во внимание находки костей свиньи (более 10 % стада копытных), можно предположить, что часть населения и в летнее время оставалась на месте зимней стоянки, т. е. селище могло быть обитаемо круглый год.

Литература

- Волков 1996 — Волков И. В. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // Янин В. Л. (отв. ред.). ННЗИА. 1996. Вып. 10. С. 90–104.
- Крутоголоуенко, Токарев 2018 — Крутоголоуенко В. А., Токарев В. А. Городища Западного Закубанья: к постановке проблемы // Схатум Р. Б., Улитин В. В. (отв. ред.). VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Мат-лы междунар. археол. конф. (Анапа, 30 мая — 1 июня 2018 г.). Краснодар: ИП Шлепнев М. В., 2018. С. 118–127.
- Харитонов 2019 — Харитонов А. М. Географические факторы расселения кочевых народов в Евразийских степях античности и средневековья // Базаров Б. В., Крадин Н. Н. (отв. ред.). Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: Сб. науч. ст. IV междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвящ. 100-летию российской академической археологии, Улан-Удэ, 16–21 сент. 2019 г. В 2 кн. Кн. 2. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского НЦ СО РАН, 2019. С. 102–104.

KUAFO 6 SETTLEMENT — A NEW MEDIEVAL SITE OF THE INDIGENOUS INHABITANTS OF THE NORTHWESTERN CAUCASUS (BASED ON THE RESULTS OF THE 2019 EXCAVATIONS)

O. V. KLADCHENKO, B. A. RAEV, D. F. BABENKO

Keywords: *Krasnodar region, Middle Ages, ceramic assemblage, settlement, distant-pasture cattle breeding.*

This is the first-time publication of the materials from the Kuafo 6 settlement excavated in the Abinsk district of the Krasnodar region in 2019. The settlement is located on the right bank of the Kuafo river. The studied area included a number of separately standing hills referred to as living hills and associated with economic and dwelling complexes. There were household pits for storing supplies that subsequently were used as garbage pits. The area with the pits yielded the most important finds represented by handmade and wheel pottery fragments which make it possible to confidently date the site to the XI–XIII cc. The bones of domestic animals are indicative of animal husbandry. The location of the settlement in the plain part of the Kuban region close to easily accessible mountain depressions of the Northwestern Caucasus was favorable for a pastoral economy in the form of distant seasonal cattle breeding.

ОПЫТ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КОЛЬЦЕВИДНЫХ ФИБУЛ С ОРНАМЕНТОМ В СТИЛЕ БОРРЕ ИЗ ГНЁЗДОВА

С. С. БОРТНИКОВ¹

Ключевые слова: *Гнёздово, скандинавские кольцевидные фибулы, украшения эпохи викингов, техника изготовления, химический состав металла.*

В статье представлено исследование трех фрагментов кольцевидных фибул, найденных в разные годы на территории поселения Гнёздовского археологического комплекса. Они относятся к скандинавским мужским украшениям и принадлежат к типам, широко распространенным на территории Северной Европы в IX–XI вв. В соответствии с конструктивными особенностями и вариантами орнамента стиля Борре гнёздовские фибулы относятся к типам 224 и 227 по классификации Я. Петерсена или к типу V, согласно типологии Л. Тюнмарк-Нюлен. Исследование техники изготовления и химического состава металла трех находок из Гнёздова показало, что все они являются изделиями невысокого качества. Фибулы выполнены литьем в разъемные формы, полученные по оттиску модели или готового изделия в глину, в соответствии со скандинавской ювелирной традицией эпохи викингов. Зафиксировано применение техники лужения, а также следы ремонта на одной из фибул, поврежденной в результате длительного использования. Две застежки выполнены из латуни, применение чистой меди для отливки фибулы с Западного селища указывает на местное изготовление украшения. Все фибулы соотносятся с напластованиями, содержащими круговую керамику, что вместе с другими находками косвенно указывает на середину — вторую половину X в.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-26-109-125

Кольцевидные фибулы с длинной иглой — специфические застежки плаща. Они бытовали в IX–XI вв. на всей территории, подверженной скандинавскому влиянию, число их находок исчисляется сотнями. Относительно происхождения данных фибул высказываются различные версии. Согласно одной из них, эти предметы первоначально являлись англо-ирландскими. Попав в VIII–IX вв. на территорию Скандинавии (прежде всего в Норвегию), они претерпели ряд изменений под влиянием местных ювелирной и художественной традиций: появились новые формы самих изделий и характерный для германских племен зооморфный орнамент. По другой версии, традиция ношения похожих фибул зародилась во времена поздней античности. Затем она была воспринята кельтскими народами, проживавшими на территории континентальной

¹ Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова; Москва, 119234, Россия.

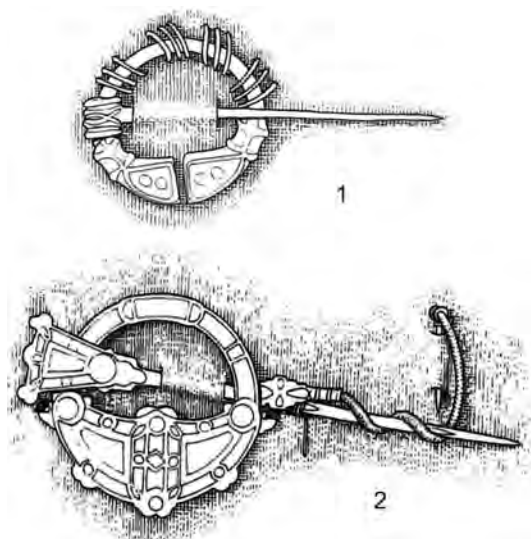

Рис. 1. Кольцевидные фибулы с орнаментом в стиле Борре, способы застегивания по N. Whitfield: 1 — игла на кольце, 2 — игла под кольцом (по: Whitfield 2004: 81)

Fig. 1. Ringed fibulae with Borre-type ornamentation, ways of fastening according to N. Whitfield: 1 — pin on the ring, 2 — pin under the ring (after Whitfield 2004: 81)

цом, после чего кольцо фибулы поворачивалось вбок для отведения разрыва в кольце от иглы. Фибулы с сомкнутым кольцом могли крепиться двумя основными способами, отличающимися положением иглы относительно кольца: над кольцом, аналогично вышеописанному способу, либо под кольцом. В первом случае ткань протягивалась внутрь кольца фибулы, протыкалась иглой, а затем опускалась обратно, чтобы игла могла лечь на кольцо. Во втором случае ткань просто протыкалась иглой, и для обеспечения надежности крепления мог применяться специальный шнурок, соединяющий кольцо и иглу (Whitfield 2004: 82–84) (рис. 1).

Представляется достаточно значимым то обстоятельство, что нахождение рассматриваемых фибул свидетельствует о пребывании на данной территории выходцев из Скандинавии (Янссон 1999: 27; Ениосова 2001: 88). В этом контексте особенно важно изучение фибул, обнаруженных за пределами Скандинавии: они позволяют судить о численности скандинавов, соотношении мужчин и женщин в рамках конкретных поселений, социальном положении владельцев и месте производства этих украшений.

На территории Гнёздовского археологического комплекса на данный момент найдено 20 экземпляров кольцевидных фибул из железа и медных сплавов разной степени сохранности. Половина из них имеет звериный или плетеный орнамент в стиле Борре на игле и/или на навершии булавы. 12 орнаментированных фибул обнаружено в погребениях, в основном в курганах Центральной группы Гнёздовского могильника, хотя есть находки из Лесной и Заольшанской групп. Одна находка происходит из раскопок Центрального городища, четыре экземпляра обнаружены на территории неукрепленного поселения: на участках селища к западу и востоку от ручья Свинец, а также к северу от железной дороги (табл. 1). Гнёздовские кольцевидные орнаментированные фибулы относятся к самым распространенным типам этих

Европы, откуда попала на Британские острова (Tsigaridas-Glørstad 2012: 31). В сложившемся к IX в. виде кольцевидные фибулы распространились практически по всей Северной Атлантике, в Северной Европе, а также в некоторых районах Восточной Европы (Носов, Хвощинская 2004: 227, 228). Данные фибулы — сугубо мужской аксессуар: есть лишь два примера из шведского могильника Бирка (погребения Bj504 и Bj642), когда застежки этого типа обнаружены в женских погребениях, одна из них превращена в подвеску, вторая также имеет следы вторичного использования (Arbman 1940: Taf. 43, Abb. 6; Taf. 42, Abb. 6; Thunmark-Nylen 1984: 14).

Этот тип фибул применялся для скрепления краев плаща различными способами (Thunmark-Nylen 1984: 10–12; Whitfield 2004: 84). Крепление кольцевидных фибул с разомкнутым кольцом осуществлялось следующим образом: ткань протыкалась иглой и пропускалась в кольцо так, чтобы игла с нанизанной тканью оказалась над коль-

Таблица 1. Каталог орнаментированных кольцевидных фибул из Гнёздовского археологического комплекса

№ п.п.	Год, автор раскопок	Место находки	Сохранность, материал	Тип по Я. Петерсену	Источник информации	Место хранения
1	А. С. Уваров	Кург. 14	—	227	Дедюхина 1967: 205	ГИМ, отдел археологических памятников
2	1874 г., М. Ф. Кушцинский	Кург. 8(2)	Обломок, медный сплав	237	Там же	Там же
3	1882 г. (1885?), В. И. Сизов	Кург. Ц-22	Обломок, свинцово-оловянистый сплав	227	Ширинский 1999: 144	Там же
4	1895 г., В. И. Сизов	Курган без номера	Обломок кольца, медный сплав	224	Там же	Там же
5	1895 г., В. И. Сизов	Курган без номера	Кольцо, медный сплав	227	Там же	Там же
6	1895 г., В. И. Сизов	Курган без номера	Полная, медный сплав	227	Там же	Там же
7	1896 г., В. И. Сизов	Кург. Ц-73	Обломок, медный сплав	227	Там же	Там же
8	1896 г., В. И. Сизов	Кург. Ц-65	Обломок, медный сплав	224	Там же	Там же
9	1896 г., С. И. Сергеев	Кург. Ц-72	Обломок, медный сплав	237	Там же	Там же
10	В. Д. Соколов	Кург. 67	Обломок, медный сплав	227	Там же	Там же
11	1960 г., Д. А. Авдусин	Кург. Ц-8	Кольцо, медный сплав	227	Там же	Смоленский ГМЗ, археологический отдел
12	1980 г., Д. А. Авдусин, Е. В. Каменецкая	Курган	Обломок иглы, медный сплав	227	Гнёздово-1980, Польш-62, описи находок, № 170	МГУ (музей кафедры археологии)
13	1970 г., В. А. Булкин	Западное селище, квадрат X-24	Обломок иглы, медь	227	Енисосова 2001: 90; Вешнякова, Булкин 2001: 47	Государственный Эрмитаж, ОАВЕС
14	1974 г., Т. А. Пушкина	Селище	Навершие, медный сплав	—	Гнёздово-1974, ВС-4, описи находок, № 94	МГУ, музей кафедры археологии
15	1983 г., Т. А. Пушкина	Селище	Обломок, медный сплав	224	Гнёздово-1983 г., ВС-4, описи находок, № 91	Там же
16	1989 г., Т. А. Пушкина	Городище	Игла, медный сплав	227	Гнёздово-1989, ЦГ-21, описи находок, № 63	Там же
17	1997 г., Т. А. Пушкина	Селище	Обломок, медный сплав	224 (?)	Гнёздово-1997, ЦС-2, описи находок, № 21	Там же
18	Е. А. Клетнова	—	Обломок иглы, медный сплав	227 (?)	https://www.smolensk-museum.ru/catalog/istoricheskiy_muzei/fotogalereya/vtoroj-zal-postoyannoje-ek/	Смоленский ГМЗ, археологический отдел

украшений — 227 и 224 по классификации Я. Петерсена, основанной на норвежском материале, или к различным вариантам типа V по классификации Л. Тюнмарк-Нюлен, предложенной для находок из раскопок могильника Бирка (Petersen 1928: 183–185; Thunmark-Nylen 1984: 9, 10).

Фибулы типа JP227 являются самыми распространенными на территории Древней Руси (Бортников 2021: 132), они были найдены как в погребениях (в Ленинградской обл.: в курганах Юго-Восточного (1 экз.) и Юго-Западного (1 экз.) Приладожья; в Вологодской обл.: Славынево (1 экз.); в Псковском некрополе (1 экз.); в Ярославской обл.: с. Михайловское (2 экз.), дер. Большое Тимерёво (5 экз.); в Киевском некрополе (1 экз.); в Днепропетровской обл.: дер. Надпорожье (1 экз.); в Ярославской обл.: с. Михайловское (2 экз.), дер. Большое Тимерёво (5 экз.); во Владимирских курганах (1 экз.); в Смоленской обл.: Гнёздово), так и на поселениях (в Ленинградской обл.: Старая Ладога (1 экз.); в Ярославской обл.: Сарское городище (1 экз.); в Московской обл.: Горки (1 экз.), дер. Хотяжи (1 экз.); в Смоленской обл.: Гнёздово). Есть также ряд случайных находок (в Курской обл.: окрестности о. Линево — 2 экз.).

Отдельно стоит упомянуть Рюриково городище в Новгородской обл., где было найдено 22 экз. кольцевидных фибул, из которых восемь относятся к JP227. Все они происходят из слоев поселения, что выделяет этот памятник из ряда прочих (Носов, Хвощинская 2004).

К типу JP224 относится 4 экз. из Гнёздова. Как и фибулы JP227, они принадлежат типу V по классификации Л. Тюнмарк-Нюлен, но их отличает в целом более скромное оформление кольца и иглы и такой признак, как симметричные диски в композиции орнамента кольца (рис. 2). Соответственно, в случае утраты кольца эти два типа кольцевидных фибул становятся неразличимы. На территории Древней Руси застёжки данного типа встречены на следующих памятниках: в Ленинградской обл.: Вихмес (1 экз., погребение), в Смоленской обл.: Гнёздово (4 экз., погребения и поселение), Новосёлки (1 экз., погребение); в Курской обл.: окрестности о. Линево (1 экз., случайная находка) (Бортников 2021: 132).

В Бирке, крупнейшем шведском торгово-ремесленном поселении и могильнике эпохи викингов, в погребениях было найдено девять орнаментированных фибул и два фрагмента во вторичном использовании (Янссон 1999: 28). Пять экземпляров с орнаментом в стиле Борре происходит из культурного слоя поселения Черная Земля. Все эти изделия отличает высокое качество работы. Они выполнены из серебра, медных сплавов или являются биметаллическими изделиями (медный сплав–железо). По дробной классификации Л. Тюнмарк-Нюлен фибулы в стиле Борре из Бирки можно разделить на шесть различных вариантов типа V, то есть практически все фибулы из могильника имеют специфические черты и практически каждый раз выполнены по индивидуальной модели (Thunmark-Nylen 1984: 10).

Внутри типа V по первому признаку выделяются два подтипа предметов. Подтип А характеризуется декорированным навершием, которое является частью иглы, а сама игла фиксируется на кольце без возможности ее скольжения. Подтип В отличает псевдо-навершие иглы, в действительности представляющее собой часть кольца. Игла в этом случае крепилась с обратной стороны кольца при помощи специального фиксатора. По второму признаку Л. Тюнмарк-Нюлен выделяет три подтипа в зависимости от характера орнаментации: декор только в нижней части кольца и в районе иглодержателя (подтип *a*); линейный (подтип *b*) или плетеный (подтип *c*) декор в части, неорнаментированной в подтипе *a* (Ibid.: 9).

Разнообразие орнаментальных композиций, конструктивные особенности и отсутствие аналогий некоторым вариантам в схеме Я. Петерсена не позволяют рассматривать все эти находки в рамках типов JP224 и JP227.

По сведениям Л. Тунмарк-Нюлен (*Ibid.*: 10, abb. 2, 2), фибулы типа V получили распространение в Восточной Швеции: единичные экземпляры известны в провинциях Даларна, Емтланд, Смоланд, Сёдерманланд и Эстергётланд. Более многочисленные находки происходят из Упланда (4 экз., не считая Бирки) и островов Готланд (8 экз.) и Эланд (3 экз.). В юго-западной Швеции и Дании они не были обнаружены.

На территории Норвегии фибулы типов JP224 и JP227 были найдены на юго-западе и в центральной части страны, в частности, на памятниках Валхейме (провинция Ругаланн) и Намдальсиде (провинция Трэнделаг) (Petersen 1928: 183, 185). Два экземпляра типа JP227 известны в финском могильнике Луистари (Lehtosalu-Hilander 1982: 109).

Работы, посвященные кольцевидным фибулам из Северной, Западной и Восточной Европы, практически не затрагивают вопросы, связанные с процессом их производства. На примере трех экземпляров JP227 из раскопок Гнёздовских поселений, доступных для комплексного изучения в музее кафедры археологии МГУ и фондах Государственного Эрмитажа, попытаемся реконструировать особенности технологии их изготовления². Все украшения, использованные для технологического анализа, сохранились фрагментарно.

Исследование фибул проводилось с применением трасологического метода на микроскопе Stemi 2000 Zeiss с целью изучения поверхности изделий, выявления следов инструментов и операций, а также дефектов, следов покрытия и других особенностей изготовления. Фотофиксация осуществлялась с помощью компьютерной программы Axiovision при увеличении от 7 до 34 раз.

Для определения химического состава металла фибул методом неразрушающего энергодисперсного рентгеновского флуоресцентного анализа (EDXRF) использован стационарный прибор ArtTAX-BRUKER AXS с молибденовой трубкой и полупроводниковым детектором. Применение коллиматора диаметром 0,3 мм позволяет детектировать химические элементы в концентрациях 0,001 % и выше путем точечного исследования небольшого участка поверхности предмета (Коновалов и др. 2008: 114, 115).

Рис. 2. Кольцевидные фибулы с орнаментом в стиле Борре. Примеры кольцевидных фибул типа V подтипа Aa из раскопок шведского могильника и синхронного ему поселения Бирка (по: Arbman 1940: Taf. 42, Abb. 2)

Fig. 2. Ringed fibulae with Borre-type ornamentation from a Swedish cemetery and the Birka settlement synchronous to it. Type V, subtype Aa (after Arbman 1940: Taf. 42, Abb. 2)

² Исследование фибул проводилось на кафедре археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством канд. ист. наук доцента Н. В. Енисовой.

Обломок кольца кольцевидной фибулы был найден на восточном участке террасной части селища (ВС-4)³ в сером гумусированном слое на глубине 70–80 см от поверхности раскопа. Он представляет собой нижнюю часть кольца фибулы с прикрепленным небольшим проволочным колечком. Остальная часть кольца и игла утрачены. Основываясь на сохранившейся части и конструктивных особенностях аналогичных изделий, можно предположить, что диаметр фибулы составлял примерно 41 мм, а сечение кольца — 4,2 мм. Фибула не подвергалась химической очистке, только механической, что позволило сохранить естественную патину и покрытие.

На лицевой стороне фибулы присутствует симметричное рельефное изображение (рис. 3, 1). Имеются две звериные личины, обращенные внутрь кольца, однако их рельеф довольно нечеткий. Нечетким рельефом отличается и треугольный выступ с четырьмя дисками, расположенный на конце фибулы. Возможно, он является рудиментом третьей звериной личины. Заметная деталь фибулы — два крупных рельефных диска с плоской поверхностью, расположенных симметрично относительно друг друга. В центре каждого из дисков имеется просверленное углубление конусовидной формы. Со стороны треугольного выступа диски обрамляют рельефные дуги, оканчивающиеся завитками (брови?). Вероятно, их стилистическим продолжением являются рельефные полосы, идущие вдоль дисков в сторону двух обращенных внутрь кольца звериных личин (нос?). Эти два элемента орнамента разделены перемычкой, соединяющей два рельефных диска между собой.

Все указанные выше стилистические особенности фибулы являются характерными признаками скандинавского орнаментального стиля Борре, что также свидетельствует в пользу скандинавского происхождения данного предмета (Hedenstierna-Jonson 2006: 313–315). Известны экземпляры застежек, полностью аналогичные рассматриваемой фибуле из раскопа ВС-4. Практически идентичный по стилистике обломок кольца был найден Н. Е. Бранденбургом при раскопках кургана 19.3 у с. Вихмес в Тихвинском р-не Новгородской обл. в 1878–1886 гг. (Бранденбург 1895: 48). Целиком сохранившаяся фибула с аналогичным кольцом была найдена при раскопках Е. А. Шмидта в кургане 4 у с. Новоселки в Смоленской обл. в 1963 г. (рис. 3, 2) (Шмидт 2005: 170; Дедюхина 1967: 205).

Качество фибулы нельзя назвать высоким. Рельеф в ряде мест (в частности, в области звериных личин) довольно нечеткий. Имеются следы дефектов литья, а именно — недолива (рис. 3, 3). После отливки кольцо дополнительно обрабатывалось при помощи зубила (для придания четкости орнаменту) и сверла (для создания углублений в центре рельефных дисков).

На обеих сторонах фибулы видны следы частично сохранившегося покрытия белым металлом — лужения (рис. 3, 4). Лужение — процесс покрытия поверхности металла-основы тонким (0,01–0,03 мм) слоем олова (Сарачева 2001: 387). Обычно эта техника применялась для имитации серебра. Помимо этого лужение защищало металл от окисления (Eniova, Murashova 1999: 1099).

Обратная сторона фибулы в целом гладкая, без какого-либо рельефа. Однако на изнанке рельефных дисков, расположенных на лицевой стороне, есть округлые углубления, повторяющие форму и диаметр самих дисков. В углублениях видны характерные следы работы напильником или другим абразивным инструментом, получившиеся, видимо, в результате устранения дефектов отливки. На оборотной стороне также име-

³ Раскопки Т. А. Пушкиной в восточной части Гнёздовского селища в 1983 г.

Рис. 3. Кольцевидные фибулы с орнаментом в стиле Борре: 1 — фрагмент кольца фибулы из Гнёздово (раскоп ВС-4); 2 — фибула с кольцом, аналогичным обломку кольца из раскопа ВС-4, из кург. 4 у пос. Новосёлки (1963 г.) (Шмидт 2005: 188, рис. 3, 3); 3–5 — фибула из раскопа ВС-4, макрофото (3 — следы недолива; 4 — следы лужения (белые участки); 5 — проволоочное кольцо). Масштаб. *a* — 1, *б* — 2

Fig. 3. Ringed fibulae with Borre-type ornamentation: 1 — fibula ring fragment from Gnezdovo (trench BC-4); 2 — fibula with a ring analogous to that from trench BC-4, barrow 4 near the Novoselki village, 1963 (Шмидт 2005: 188, Fig. 3, 3); 3–5 — fibula from trench BC-4, macro-photograph (3 — short-run casting; 4 — traces of tinkering (white areas); 5 — wire ring). Scale: *a* — 1, *б* — 2

ется небольшая подтреугольная петля с отверстием, в которое вставлено проволоочное подвесное кольцо (рис. 3, 5). Диаметр кольца (деформировано) приблизительно 14 мм, концы обвивают проволоку в противоположных направлениях, у одного 1,5 витка, у другого — 2. Кольцо из медного сплава изготовлено из проволоки со следами протяжки через фильерную доску, а такжековки на сужающихся концах.

В целом особенности изготовления данного обломка кольца позволяют сделать вывод о том, что литье предмета производилось в разъемную форму. Орнамент фибулы не был вырезан на восковой модели, а был создан при помощи более простого и дешевого способа — оттиска в глине готового изделия. На это указывает недостаточная проработанность орнамента, который в ряде мест приходилось дорабатывать инструментом — зубилом или штихелем — для придания ему нужной четкости. Еще одним свидетельством того, что это было более дешевое изделие по сравнению с иными фибулами данного типа, является применение технологии лужения на поверхности кольца. Для фибул типа P227 более характерно золочение — технология покрытия предмета-основы тонким слоем золота (Минасян 2014: 326–331).

Фибула из раскопок Центрального городища (ЦГ-XXI)⁴ представлена обломком иглы, найденным в горелом слое на глубине 60–70 см от поверхности раскопа. Кольцо, часть крепежа к нему и большая часть навершия иглы утрачены. На утрату части навершия, в частности, указывает характерная заглаженная поверхность краев сохранившейся части, определенная незаконченность орнамента, а также наличие аналогий среди других найденных кольцевидных фибул данного типа. Игла имеет форму длинного узкого цилиндра, который к концу постепенно сводится в слегка приплюснутый конус. Длина иглы с навершием составляет 17,90 см, без навершия — 16,15 см. Навершие имеет длину 1,75 см, ширину — 2,24 см, толщина составляет 0,2 см. Поверхность иглы со стороны острия имеет ряд насечек. На большей части длины иглы ее диаметр примерно одинаков и составляет 53–55 мм. Длина острия иглы с треугольным профилем — 5,37 см, его ширина — 0,27 см. На оборотной стороне иглы имеются следы починки: обломок скобы, припаянный к навершию иглы для фиксации кольца. Сохранилась также часть оригинального крепежа, изначально отлитого вместе с самой иглой. Механическая очистка фибулы позволила сохранить ее естественную патину.

Навершие данной иглы также обладает плетеным орнаментом в стиле Борре (рис. 4, 1). Особенности нижней части навершия иглы, непосредственно примыкающего к ней, наводят на мысль о том, что оно могло представлять собой маску некоего животного (вероятно, кошачьего хищника), которая обнаруживается на некоторых аналогичных фибулах, например, на фибуле P224 из раскопок Рюрикова городища (Носов, Хвоцинская 2004: 229) (рис. 4, 2). На это указывает характерная плетеная форма орнамента, напоминающая звериный нос, а также общий дизайн изображения, стилизованный под звериную голову. Качество орнамента невысоко, о чем свидетельствуют следы дополнительного прочерчивания отдельных линий, а также места, где орнамент прерывается нечетко, особенно в правой части навершия. Как уже было указано выше, на игле имеется ряд насечек — следов ликвидации пороков литья: 10 более крупных, шириной 0,3 мм, выполненных примерно на равном расстоянии в 12 мм друг от друга, и несколько более мелких (рис. 4, 3). Они представляют собой следы работы однорядным напильником и расположены с обеих сторон иглы, но лучше всего сохранились на ее наружной части. В месте соприкосновения фибулы и ткани насечки почти полностью стерлись. Вероятно, это свидетельствует о долгом сроке эксплуатации данной застежки (рис. 4, 4).

Наиболее интересной особенностью фибулы являются следы починки в виде фрагмента петли из медного сплава длиной 34 мм и шириной 53 мм у основания, припаянной к обратной стороне навершия (рис. 4, 5). Мастером был применен свинцово-оловянный припой с довольно высокой долей свинца (30,63 %), следы которого хорошо сохранились между петлей и навершием. Избыток использованного припоя привел к тому, что он частично вышел за пределы скобы. Сама петля также оказалась обломана, на что указывает характерное истончение края детали на ее отогнутой в сторону части. Учитывая, что петля заменяла ранее обломанный оригинальный крепеж, это обстоятельство также может свидетельствовать о длительном использовании фибулы даже после ее поломки.

Как и в случае с фибулой из раскопа ВС-4, литье фибулы из ЦГ-XXI было произведено в разъемную форму, о чем свидетельствуют аналогичные признаки. Также стоит отметить, что проделанный ремонт крепежа иглы был выполнен довольно грубо,

⁴ Раскопки Т. А. Пушкиной на Центральном городище в 1989 г.

Рис. 4. Кольцевидные фибулы с орнаментом в стиле Борре: 1 — игла фибулы с обломком навершия из Гнёздово (раскоп ЦГ-XXI); 2 — фибула типа JP224 из Рюрикова городища с иглой, аналогичной вышеприведенной из раскопа ЦГ-XXI; 3–5 — фибула из раскопа ЦГ-XXI, макрофото (3 — насечки на игле; 4 — заглаженный участок на оборотной стороне; 5 — обломок припаянной скобы — следы починки)

Fig. 4. Ringed fibulae with Borre-type ornamentation: 1 — fibula pin with a finial fragment from Gnezdovo (trench ЦГ-XXI); 2 — JP224 type fibula from Rurikovo Gorodische with a pin analogous to that from trench ЦГ-XXI; 3–5 — fibula from trench ЦГ-XXI, macro-photograph (3 — incisions on the pin; 4 — smoothed area on the reverse surface; 5 — fragment of a soldered rim — trace of repair)

на что указывает избыток припоя, который растекся по поверхности за пределами припаяваемой петли.

Фибула с западного участка Гнёздовского селища, найденная в перемешанном слое при разборе засыпки⁵, обладает явными производственными дефектами: литейными порами (на оборотной стороне) и литейными швами (рис. 5, 1). Некоторые детали орнамента навершия иглы не присущи характерному для фибул типа JP227 облику. Эти особенности фибулы обуславливаются комплексом обстоятельств: неудачным копированием образца в глиняной форме, применением неподходящего сплава, нарушениями в технологии литья (Енисова 2001: 89). Аналогичная игла фибулы (рис. 5, 2), отличающаяся более высоким качеством исполнения, происходит из раскопок курганов Е. А. Клетновой (комплекс не восстанавливается)⁶.

Данные по химическому составу металла трех гнездовских фибул представлены в таблице 2, в нее также были включены ранее опубликованные данные о химическом

⁵ Раскопки В. А. Булкина на западном участке селища в Гнёздове в 1970 г. ГЭ ОИПК 3201 (Вешнякова, Булкин 2001: 47).

⁶ Фибула хранится в фондах Смоленского музея-заповедника (СОМ 7/41 (4)).

Рис. 5. Кольцевидные фибулы с орнаментом в стиле Борре: 1 — фрагмент иглы из раскопа 3С-70; 2 — фрагмент иглы из раскопок курганов Е. А. Клетновой. 2 — без масштаба

Fig. 5. Ringed fibulae with Borre-type ornamentation: 1 — pin fragment from trench 3C-70; 2 — pin fragment from one of the barrows excavated by E. A. Kletnova. 2 — no scale

проволочного колечка, показал, что оно изготовлено из другого сплава — многокомпонентной латуни, содержащей, помимо цинка и свинца, около 2 % олова. В этом случае концентрация свинца дает возможность сделать вывод о производстве и деформации проволоки вхолдную. Высокое содержание свинца (Pb — 4,73 %), вызывая явление краснеломкости металла, препятствовало горячей обработке сплава (Мальцев и др. 1960: 130–134).

Отдельно стоит отметить полуду, покрывавшую кольцо целиком, судя по ее следам на оборотной стороне. Учитывая использование фибулы владельцем, длительное пребывание в культурном слое и механическую расчистку поверхности после обнаружения находки, трудно ожидать хорошей сохранности оловянного покрытия, толщина которого не превышала 0,01–0,03 мм (Сарачева 2001: 387). Анализ металла на одном из участков с остатками покрытия не отражает состава исходной полуды, но повышенное содержание олова, отсутствующего в основном металле (около 5 %), и высокая концентрация свинца (более 30 %) свидетельствуют о применении лужения с использованием легкоплавкого сплава. В средневековье полуду наносили окунанием покрытых флюсом предметов в расплавленное олово либо натиранием нагретого предмета палочкой олова при несильном нагреве (Сарачева 2001: 388, 390; Зайцева, Сарачева 2011: 162). К сожалению, малая площадь сохранившегося слоя лужения не позволяет сказать точно, какой из способов применялся в данном случае. Использование олова

в составе двух из них, выполненные по методу оптического эмиссионного спектрального анализа (ОСЭА).

В эпоху викингов для изготовления ювелирных украшений применялась как «чистая» медь, так и различные сплавы цветных и драгоценных металлов. Чаще всего использовались медно-цинковые сплавы — как двойные (CuZn), так и свинцовые (CuZnPb). Вопросы определения границ искусственного легирования сплавов и их классификации на основе количественного соотношения элементов в составе металла в отечественной и зарубежной литературе обсуждаются не одно десятилетие (Коновалов и др. 2008: 127–129). В данной работе будет применяться подход, предложенный Н. В. Ениосовой, Р. А. Митояном и Т. Г. Сарачевой и основанный на анализе выборки средневековых металлических изделий Восточной Европы (Коновалов и др. 2008: 131).

Для определения химического состава металла фибулы из ВС-4 было сделано три пробы на лицевой стороне и одна проба на оборотной. Основное кольцо было отлито из свинцовой латуни — металла, характерного для скандинавских ювелирных изделий, с примерно равными невысокими концентрациями цинка и свинца (Ениосова 2017: 229). Анализ, сделанный для

Таблица 2. Химический состав металла кольцевидных фибул типа P227 из Гнёздовского поселения

Место находки	Метод анализа*	Номер анализа	Участок изделия	Металл, %					
				Cu	Sn	Pb	Zn	Fe (?)	Ag
Гнёздово-83, ВС-4	EDXRF	–	Кольцо фибулы	86,24	0,49	6,96	6,24	0,06	–
		–	Подвесное колечко	85,74	2,04	4,73	7,43	0,06	–
		–	Участок с сохранившимся покрытием	61,58	4,50	31,49	2,38	0,05	–
Гнёздово-89, ЦГ-XXI/63	EDXRF	–	Основной металл	93,62	–	1,73	4,61	0,04	–
		–	Припой	27,00	41,41	30,63	0,84	0,12	–
		–	Припаянная петля	91,11	–	3,19	5,70	–	–
	ОЭСА**	2995	Основной металл	74,66	2,00	14,00	9,00	–	0,001
Гнёздово-70, ЗС, п/о 3201	ОЭСА**	2943	Основной металл	98,66	0,35	0,16	0,70	–	0,002

* EDXRF (Energy Dispersive X-ray Fluorescence) — энергодисперсный рентгенофлуоресцентный анализ, ОЭСА — оптический эмиссионный спектральный анализ; ** — анализы, выполненные Н. В. Енисовой (Енисова 2001: 91, табл. 3)

в сочетании со свинцом для полуды известно по археологическим материалам и практическим руководствам для ювелиров конца XIX — начала XX в. Добавка более дешевого свинца позволяла экономить олово и делала покрытие более прочным (Сарачева 2001: 390).

Для определения химического состава металла фибулы из ЦГ-XXI была проанализирована игла, также были взяты две пробы припаянной петли и две пробы использованного припоя. Игла фибулы отлита из свинцовой латуни с невысокими концентрациями цинка (4,61 %) и свинца (1,73 %). Припаянная к игле петля сделана из похожего сплава, но содержит большее количество цинка и свинца. В составе припоя зафиксированы олово (41,41 %), свинец (30,63 %), медь (27,00 %) и около 1 % цинка. В современной практике для соединения латунных деталей используют два вида припоя — мягкий (сплав олова и свинца) с температурой плавления до 400 °С или твердый, плавящийся при температуре, превышающей 550 °С, состоящий из серебра и меди. Латунни, имеющие высокую температуру плавления, могут растворяться в жидком металле с более низкой температурой плавления: жидкий припой проникает в глубь основного металла, между ними происходит взаимная диффузия (Флеров 2001: 221). Без проведения специальных исследований трудно установить, какой сплав использовали для соединения иглы и петли фибулы, однако можно предположить, что данные анализа свидетельствуют о мягком свинцово-оловянном припое, растворившем основной металл. Пайка мягким припоем происходила при незначительном нагреве соединяемых деталей и была достаточно простым способом, не требующим газовой горелки или электрического паяльника.

Анализ металла этой же фибулы, выполненный ранее методом оптического эмиссионного спектрального анализа (ОЭСА) в ГосНИИР, показал другие результаты (Енисова 2001: 91, табл. 3). В пробе, полученной с помощью кусачек на срезе обломанной

части навершия иглы, зафиксировано присутствие олова и более высокое содержание свинца и цинка, чем в результатах, выполненных по методу рентгенофлуоресцентного анализа (РФА). Разницу в содержании олова и свинца легко объяснить: в образце смешались основной металл и припой. Более высокое содержание цинка, зафиксированное ОЭСА, возможно, вызвано быстрым испарением этого летучего элемента под воздействием нагрева в пламени электрической дуги, однако расхождение в 3 % не выходит за пределы погрешности методов ОЭСА и РФА. Последний метод, как представляется, дает больше преимуществ для фиксации технологических особенностей изготовления фибулы с помощью точечных измерений.

Фибула из раскопа западной части селища (ЗС-70) представлена обломком иглы длиной 8,7 см. Длина самой иглы составляет 4,7 см, а длина навершия — 4 см. Сечение иглы круглое, диаметр — 6 мм. Кольцо фибулы утрачено. Навершие имеет подрубическую форму с расширением в центральной части до 2,35 см. Как и в двух предыдущих случаях, его орнамент выполнен в стиле Борре. Нижняя часть навершия, непосредственно примыкающая к игле, имеет форму звериной личины с выраженным «носом», «глазами» и оформленными «ушами», ориентированными по направлению к игле и расположенными перпендикулярно плоскости навершия. Основную часть навершия покрывает плетеный орнамент, имеющий осевую симметрию. Ленты плетения составлены из трех полос с углублениями между ними. Кромка края навершия сформирована пятью завитками орнамента. На оборотной стороне фибулы располагается крепеж для кольца, состоящий из двух скоб.

Данная игла являет собой пример довольно грубой, некачественной работы. По мнению Н. В. Ениосовой (Ениосова 2001: 89), ошибки в ее изготовлении были допущены еще на стадии восковой модели во время копирования образца. Также на фибуле видны многочисленные производственные дефекты. В частности, один из завитков орнамента навершия имеет выщербину в нижней части. Сам орнамент также отличается грубостью — рельефные линии нечеткие, следов доработки зубилом или штихелем не обнаружено. На игле отмечаются следы литейных швов по бокам, а также каверны и выщербины со всех сторон.

Метод ОЭСА использован и для определения химического состава металла фибулы JP227 из раскопок Западного селища. Она отлита из «чистой» меди (Cu — 98,66 %), а содержание легирующих добавок меньше 1 % (Там же: 90, 91).

Использование чистой меди для литья скандинавских рельефных фибул фиксируется в редких случаях, в основном за пределами Северной Европы. Большая часть изделий этого круга представлена свинцовыми латунями. В эпоху викингов латуни являлись самой распространенной группой сплавов в Восточной Пруссии, Прибалтике, в материковой Швеции, на Готланде, Британских островах и Северо-Западе Руси (Коновалов и др. 2008: 134). Как отмечает Н. В. Ениосова, гнёздовские украшения изготовлены преимущественно из латуней с добавлением олова и свинца в различных пропорциях. Изученные образцы ничем не выделяются из ряда характерных для Гнёздова сплавов с низкой и средней концентрацией легирующих компонентов. Во всех представленных образцах содержание цинка составляет менее 10 %, что характерно для металла Северо-Запада Руси и Гнёздова. Шведские, норвежские и шотландские образцы обычно содержат гораздо больше цинка — 15–25 % (Ениосова 2001: 90). Разница в содержании цинка обуславливается количеством переплавок, которым подвергается металл: с каждой переплавкой некоторое количество цинка улетучивается. Большее содержание цинка говорит об использовании мастером «свежей» латуни, меньшее —

об использовании переплавленного лома (Коновалов и др. 2008: 147). Н. В. Ениосова полагает, что свинцовая латунь попадала в мастерские Гнёздово в виде готового сплава, отмечая сильную корреляцию между медью и свинцом и более слабую — между медью и цинком. Возможно, при производстве латуни использовали загрязненную свинцом медь или медь, легированную свинцом (Ениосова 2016: 728). Латуни преобладают над другими сплавами в Гнёздово, а свинцовые латуни — самый частый выбор мастеров для изготовления фибул на этом памятнике (24 из 40 упоминаемых Н. В. Ениосовой экземпляров) (Там же: 729).

Изделия из «чистой» меди часто встречаются в Гнёздово — из нее изготавливали украшения, мелкие бытовые предметы, инструменты. В основном из «чистой» меди изготовлены детали ременной гарнитуры. Среди находок этой группы представлен и сырьевой металл (Там же: 726). Так как «чистая» медь не характерна для изготовления фибул в Скандинавии, факт ее применения может говорить о местном, гнёздовском, изготовлении скандинавских изделий (Ениосова 2001: 90).

В эпоху викингов Северная Европа являлась крупным центром производства ювелирных изделий. На территории ряда скандинавских памятников, в том числе таких крупных производственных центров, как Бирка (Швеция), Рибе (Дания) и Хедебю (Северная Германия), обнаружены массовые находки, свидетельствующие о местном производстве украшений: литейные формы, заготовки, кузнечные инструменты, абразивные орудия (Ениосова 2017: 227, 228). Основной технологией производства ювелирных украшений в Скандинавии было литье в составные глиняные формы, зафиксированное в этом регионе с VI в. н. э. С помощью этого метода предметы изготавливали не только по выплавляемой восковой модели, но и по оттиску моделей или уже готовых изделий, что позволяло массово воспроизводить украшения со сложным орнаментом. Помимо этого скандинавские ювелиры владели техникой чеканки, гравировки, тиснения и выколотки; они обрабатывали изделия на токарном станке и тянули проволоку с помощью волоочильной доски (Ениосова 2016: 728, 729).

Ювелирные изделия эпохи викингов украшались накладными деталями из серебра и свинцово-оловянных сплавов, покрывались позолотой и полудой. Украшения скандинавских типов, обнаруженные на древнерусских памятниках, по набору декоративных приемов не отличаются от аналогичных скандинавских (Там же: 728).

Технологические особенности изготовления кольцевидных фибул пока не являлись предметом отдельных исследований. Тем не менее из научной литературы можно почерпнуть общие аспекты производства скандинавских фибул и поэтапные реконструкции технологического процесса. Некоторые детали технологического процесса отливки фибул эпохи викингов являются дискуссионными — во многом из-за того, что изготовление моделей и литейных форм зачастую не отражается в находимом археологическом материале (Gustaffson 2011: 29). Ряд исследователей полагают, что для упрощения задачи по изготовлению множества литейных форм мастера применяли специальный глиняный оттиск, полученный с мастер-модели фибулы. Мастер-моделью могло быть готовое изделие либо модель, вырезанная из воска. После создания ее отпечатка в глине мастер-модель вынималась или выплавлялась, а отпечаток затем использовался для массового производства восковых моделей фибулы. После дополнительной обработки и устранения дефектов восковые модели применялись для изготовления окончательных литейных форм и отливки изделий (Jansson 1981: 5, 6; Ениосова 2001: 84).

Другие исследователи считают, что создание оттиска в глине для последующего воспроизводства восковых моделей было излишним и приводило к повышению издер-

жек производства (Nayeur Smith 2005: 84–86). В тех случаях, когда не предполагалось литья по утрачиваемой восковой модели, мастера могли применять одну мастер-модель фибулы из некоего твердого материала для изготовления ряда литейных форм. Однако в таком случае все получившиеся литейные формы были бы одинаковыми, что не подтверждается изучением готовых фибул. И. Янссон, рассмотревший парные овальные фибулы, пришел к выводу, что они были отлиты в литейных формах, созданных по разным моделям (Jansson 1981: 5, 6).

Р. С. Минасян полагает, что скандинавские мастера использовали несколько технологических схем, выбор между которыми осуществлялся в зависимости от степени рельефности фибулы. В случае фибул с низким профилем для создания нижней створки использовалась ткань, а в случае застежек с высоким профилем применялась полая модель, отлитая «навыплеск» (Минасян 2010: 261).

Характер производства фибул типов JP227 и JP224 на территории Древней Руси является предметом дискуссий. О наличии местного производства скандинавских украшений свидетельствует ряд находок: обломок кольцевидной фибулы из свинцово-оловянного сплава (возможно, мастер-модель для изготовления разъемных глиняных форм) (Ениосова 2001: 89, 90), а также находки обломков литейных форм для изготовления ювелирных украшений с территории городища на Ловати (Горюнова 2016: 44) и Рюрикова городища (Хвощинская 2007: 129). Хотя доказательства местного производства именно кольцевидных фибул отсутствуют, о его возможности косвенно свидетельствует находка неудачной отливки фибулы скандинавского облика на территории Рюрикова городища (Носов и др. 2017: 26).

Ни один из рассматриваемых обломков фибул из Гнёздова не был найден в закрытом комплексе, поэтому возможности их точного датирования ограничены. Я. Петерсен датирует фибулы JP224 и JP227 достаточно широко — концом IX — X в. (Petersen 1928: 185). При разборке комплексов IX–X вв. обнаружены шесть украшений этого типа с Рюрикова городища, одна фибула происходит из коричневого слоя с дендротатой, относящейся к рубежу IX–X вв. (Носов, Хвощинская 2004: 230, 231). В перемешанном слое раскопа ВС-4 на том же участке, где было обнаружено кольцо от фибулы JP224, были найдены наконечник стрелы, обломки круговой керамики, дирхемы и сасанидская монета. Наконечник стрелы относится к типу 62 по типологии, предложенной А. Ф. Медведевым, и датируется им IX — началом XI в. (Медведев 1966: 73). Однако наличие обломков круговой керамики с большой долей вероятности сужает хронологический диапазон попадания данной фибулы в культурный слой до периода середины — второй половины X в. В перемешанном слое ЦГ-XXI, в котором была обнаружена игла фибулы, было найдено несколько железных и костяных предметов, а также обломок серебряного дирхема. Характер находок не позволяет сузить хронологический диапазон относительно датировок, принятых для фибул типа JP227.

Итак, все три рассмотренные фибулы представляют собой типичные образцы скандинавской производственной традиции. На это указывает как состав использовавшегося металла (латунные сплавы, «чистая» медь), так и определенные технологические приемы (в частности, лужение). Типы фибул, JP227 и JP224, достаточно часто встречаются на памятниках Древней Руси и в Скандинавии и вполне могли быть изготовлены скандинавскими ювелирами на месте. Об этом, например, можно судить по игле кольцевидной фибулы из раскопок Западного селища, которая, очевидно, является бракованным изделием, произведенным на территории самого Гнёздова.

Литература

- Бортников 2021 — *Бортников С. С.* Скандинавские кольцевидные фибулы на территории Древней Руси: география находок // Родникова В. Е. (отв. ред.). Новые материалы и методы археологического исследования: Мат-лы VI конф. молодых ученых. М.: ИА РАН, 2021. С. 131–133.
- Бранденбург 1895 — *Бранденбург Н. Е.* Курганы южного Приладожья. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1895. 156 с. (МАР. № 18).
- Вешнякова, Булкин 2001 — *Вешнякова К. В., Булкин В. А.* Ремесленный комплекс Гнёздовского поселения (по материалам раскопок И. И. Ляпушкина) // Мурашева В. В. (отв. ред.). Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника: Сб. ст. М.: ГИМ, 2001. С. 40–53 (Тр. ГИМ; Вып. 124).
- Горюнова 2016 — *Горюнова В. М.* Городок на Ловати X–XII вв. (к проблеме становления города Северной Руси). СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 245 с.
- Дедюхина 1967 — *Дедюхина В. С.* Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия, 1967. Вып. 3. С. 191–206 (Тр. ГИМ. Вып. 43).
- Ениосова 2001 — *Ениосова Н. В.* Скандинавские рельефные фибулы из Гнёздова // Мурашева В. В. (отв. ред.). Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследования памятника: Сб. ст. С. 83–92 (Тр. ГИМ. Вып. 124).
- Ениосова 2016 — *Ениосова Н. В.* Химический состав цветного металла из Гнёздова // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 6 (36). С. 724–733.
- Ениосова 2017 — *Ениосова Н. В.* Технология производства ювелиров Гнёздова в X — начале XI в. по данным трасологии и металлографии // *Stratum plus*. 2017. № 5. С. 205–236.
- Зайцева, Сарачева 2011 — *Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г.* Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI — XIII в. М.: Индрик, 2011. 404 с.
- Мальцев и др. 1960 — *Мальцев М. М., Барсукова Т. А., Борин Ф. А.* Металлография цветных металлов и сплавов. М.: Металлургия, 1960. 364 с.
- Медведев 1966 — *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 184 с. (САИ. Вып. Е1-36).
- Минасян 2010 — *Минасян Р. С.* Литье викингских овальных фибул // Мусин А. Е. (ред.-сост.), Хвощинская Н. В. (отв. ред.). Диалог культур и народов средневековой Европы. К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова: Сб. ст. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 256–261.
- Минасян 2014 — *Минасян Р. С.* Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: Изд-во ГЭ, 2014. 472 с.
- Носов, Хвощинская 2004 — *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.* К вопросу о характере материальной культуры раннего этапа Рюрикова городища // Макаров Н. А., Чернецов А. В., Лопатин Н. В. (ред.). Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию В. В. Седова: Сб. ст. М.: Наука, 2004. С. 227–233.
- Носов и др. 2017 — *Носов Е. Н., Плохов А. В., Хвощинская Н. В.* Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 288 с.
- Сизов 1902 — *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. СПб.: Тип. Гл. Упр. уделов, 1902. Вып. 1: Гнёздовский могильник. 136 с. (МАР. № 28).
- Сарачева 2001 — *Сарачева Т. Г.* О технологии нанесения лужения на украшениях вятичей XI–XIII веков // Гнутова С. В., Зотова Е. Я., Шемаханская М. С. (ред.-сост.). Художественный металл России: Мат-лы конф. памяти Г. Н. Бочарова (Москва, 22–24 апреля 1998 г.). М.: Изд-во Российского гос. гуманитарного ун-та, 2001. 398 с.

- Коновалов и др. 2008 — *Коновалов А. А., Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г.* Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Восточная литература, 2008. 191 с.
- Флеров 2001 — *Флеров А. В.* Материаловедение и технология художественной обработки металлов. М.: Изд. В. Шевчук, 2001. 288 с.
- Хвощинская 2007 — *Хвощинская Н. В.* Бронзолитейное производство Рюрикова городища в IX–X вв. // Носов Е. Н. (отв. ред.). Северная Русь и народы Балтики: Сб. ст. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 123–141 (Тр. ИИМК. Т. 24).
- Ширинский 1999 — *Ширинский С. С.* Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнёздово в 1881–1901 гг. // Егоров В. Л. (отв. ред.). Гнёздовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ): Сб. ст. М.: ГИМ, 1999. Ч. 1. С. 87–146 (Тр. ГИМ. Вып. 36).
- Шмидт 2005 — *Шмидт Е. А.* Курганный могильник у пос. Новоселки // Модестов Ф. Е. (гл. ред.). Смоленские древности. Вып. 4: Курганные могильники VIII–X веков центральной части Смоленского Поднепровья. Смоленск: Смоленская обл. тип. им. В. И. Смирнова, 2005. С. 146–211.
- Янссон 1999 — *Янссон И.* Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Гиппиус А. А. и др. (редкол.). Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина: Сб. ст. М.: Русские словари, 1999. С. 18–38.
- Arbman 1940 — *Arbman H.* Birka I Die Gräber. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1940. Taf. 42:2
- Eniosova, Murashova 1999 — *Eniosova N., Murashova V.* Manufacturing Techniques of Belt, and Harness Fittings of the 10th century AD // *Journal of Archaeological Science*. 1999. Vol. 26. P. 1093–1100.
- Gustaffson 2011 — *Gustaffson N. B.* Beyond Wayland — thoughts on early medieval metal workshops in Scandinavia // *Historical Metallurgy*. 2011. Vol. 45, no. 2. P. 20–31.
- Hedenstierna-Jonson 2006 — *Hedenstierna-Jonson C.* Borre Style Metalwork in the Material Culture of the Birka Warriors: An Apotropaic Symbol // *Fornvännen*. Stockholm, 2006. Vol. 101. P. 312–322.
- Hayeur Smith 2005 — *Hayeur Smith M.* Breaking the Mould: A Re-evaluation of Viking Age Mould-making Techniques for Oval Brooches / R. O. Bork, S. B. Montgomery, C. N. De Vegvar, S. A. Walton, E. Shortell (eds.). *De Re Metallica. The Uses of Metal in the Middle Ages. Studies in the History of Medieval Technology, Science and Art*. Aldershot, Hants, England; Burlington, VT: Ashgate, 2005. 420 p.
- Jansson 1981 — *Jansson I.* Economic aspects of fine metalworking in Viking Age Scandinavia // D. M. Wilson, M. L. Caygill (eds.). *Economic aspects of the Viking Age*. London: British Museum, 1981. P. 1–18 (Occasional paper (British Museum). No. 30).
- Lehtosalo-Hilander 1982 — *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Luistari, II, the Artefacts. Helsinki, 1982. 197 p.
- Petersen 1928 — *Petersen J.* Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928. 222 s.
- Thunmark-Nylen 1984 — *Thunmark-Nylen L.* Ringnadeln // G. Arwidsson (ed.). *Birka II: 1 Systematische analysen der Gräberfunde*. Stockholm, 1984. S. 5–14.
- Tsigaridas-Glørstad 2012 — *Tsigaridas-Glørstad Z.* Sign of Times? The Transfer and Transformation of Penannular Brooches in Viking-Age Norway // *Norwegian Archaeological Review*. 2012. Vol. 45, no. 1. P. 30–51.
- Whitfield 2004 — *Whitfield N.* More Thoughts on Wearing of Brooches in Early Medieval Ireland // C. Hourihane (ed.). *Irish Art Historical Studies in Honour of Peter Harbison*. Dublin: Four Courts Press. 2004. P. 70–108.

**A TECHNOLOGICAL STUDY OF THE BORRE-STYLE RINGED-PINS
FROM GNEZDOVO**

S. S. BORTNIKOV

Keywords: *Gnezdovo, Scandinavian ringed fibulae, Viking age jewelry, manufacturing technique, metal chemical composition.*

The paper is devoted to the study of three fragments of ringed fibulae that were found in different years on the territory of the Gnezdovo settlement. The objects in question are Scandinavian men's adornments. They belong to three types which were widely distributed on the territory of Northern Europe in the IX–XI cc. According to their constructive characteristics and Borre-style ornaments, the Gnezdovo fibulae should be classified to Ja. Petersen's types 224 and 227 or L. Thunmark-Nylen's type V. The study of their manufacturing techniques and metal chemical composition have shown that all of them are objects of poor quality. They were made by casting in split molds obtained by printing models or finished products in clay, in accordance with the Scandinavian jewelry tradition of the Viking Age. There are signs of tinkering, and one fibula, damaged due to its long use, bears traces of repair. Two objects are made of brass. The use of pure copper to cast the fibula from the Western settlement testifies to the local production of the object. All the fibulae are associated with layers containing wheel-thrown pottery which, together with other data, indirectly points to the middle — second half of the X c.

ПОЯВЛЕНИЕ КУРГАННОГО ОБРЯДА НА ИЖОРСКОМ ПЛАТО И ДРЕВНЕРУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ¹

И. В. СТАСЮК²

Ключевые слова: *средневековье, курганный обряд, Новгородская земля, Ижорское плато, древнерусская колонизация.*

Распространение курганного обряда на Ижорском плато в историографии рассматривалось либо как свидетельство древнерусской земледельческой колонизации, либо как восприятие древнерусской культуры местными прибалтийско-финскими коллективами. Установлено, что имели место оба явления. Изучение обряда, вещевого набора, генофонда курганного и предкурганного населения показало как приток в регион новых групп, принесших курганный обряд, так и заимствование его автохтонными коллективами.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-26-126-138

Введение

В отличие от большей части Новгородской земли, где курганный обряд погребения в тех или иных формах фиксируется уже с раннего средневековья (культура псковских длинных курганов, сопки, курганы Юго-Восточного Приладожья) или даже более раннего времени (Молого-Шекснинские курганы), на Ижорском плато подкурганые захоронения распространяются не ранее рубежа XI–XII вв. (Лесман 2011: 398). Погребальные памятники предшествующего периода представлены здесь каменными и грунтовыми могильниками с сожжениями и труположениями (Михайлова 2015; Юшкова 2015; Стасюк 2017).

Стремительное и как будто внезапное распространение курганного обряда на Ижорском плато получило в историографии противоположные оценки. Российские исследователи, за редким исключением³, вслед за А. А. Спицыным считали его отражением древнерусской земледельческой колонизации. Появление курганов с труположениями и древнерусским («общерусским» по А. А. Спицыну) вещевым набором, согласно взглядам большинства отечественных археологов, маркировало приход нового населения — «славян», «новгородцев» — на земли, прежде либо пустовавшие (Кольчатов 1982: 64, 65; Носов 1982: 71, 72; Хвоцинская 2009: 306), либо слабозаселенные

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Совершенствование методики проведения охранно-спасательных археологических мероприятий и внедрение цифровых технологий в археологию» (FMZF-2022-0016).

² Отдел охранной археологии, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Критику взглядов А. А. Спицына см.: Третьяков 1970: 119–122. Ср. также: Шаскольский 1979: 46, 47.

финноязычными группами, не практиковавшими курганный обряд (Седов 1953: 208; Лебедев 1977: 153; Рябинин 2001: 15, 16, 106, 107).

Финские и эстонские исследователи, следуя парадигме Й. Р. Аспелина (Aspelin 1875; 1878; Salminen 2009), хотя и не отрицали древнерусского облика курганной культуры Ижорского плато, но полагали, что «корни ингерманландской и новгородской культур различны» (Tallgren 1928: 20). Согласно А. М. Тальгрёну, курганные могильники Северо-Запада Новгородской земли оставлены водью, родственной древнеэстонским племенам (Tallgren 1938: 101). Мысль о широком расселении воды в пределах исторической Водской пятины и, соответственно, водской принадлежности средневековых курганных некрополей неоднократно высказывал Х. Моора (Moora 1929: 282, 283; Моора Х., Моора А. 1965). Развивая их взгляды, П. Лиги полностью отверг построения, основанные на идее «славянской колонизации». Он отрицал сам факт сколь-нибудь значительной иммиграции новых групп населения в рассматриваемый регион в IX–XII вв. и полагал, что весь массив курганов не только на Ижорском плато и в Принаровье, но и на всем новгородском Северо-Западе оставлен автохтонной водью и родственными ей финноязычными группами, перенявшими древнерусскую культуру под влиянием городов Новгорода и Пскова (Ligi 1993: 174, 175).

Последние исследования показали частичную справедливость обеих гипотез, которые оказались взаимодополняющими. Появление на Ижорском плато в XII в. нового населения, хоронившего своих умерших в курганах, можно считать доказанным методами не только археологии, но и молекулярной генетики (Мустафин и др. 2021). Вместе с тем уже в начале XII в., одновременно с появлением первых типичных древнерусских курганов, имели место переход части автохтонных прибалтийско-финских коллективов к курганному обряду (Рябинин 1990: 197), заимствование элементов древнерусского погребального убора и инвентаря при сохранении целого ряда специфических местных черт и в обряде, и в материальной культуре. Опорными памятниками, позволяющими проследить этот переход, являются могильники Бегуницы и Ратчино.

Сближение прибалтийско-финского и древнерусского населения, смешение общеприбалтийского, североευропейского, эстонского и древнерусского компонентов материальной культуры в XII–XIII вв. привели к формированию своеобразной «областной культуры» Водской земли, «древнерусской по основным признакам, но обладающей определенными региональными особенностями» (Рябинин 2001: 110).

Начальный этап ее формирования на рубеже XI–XII вв. и в первые десятилетия XII в. представляет особый интерес, поскольку ставит перед исследователями вопросы как сугубо археологического, так и исторического плана, а именно: когда, откуда и по какой причине появилось здесь древнерусское население? Нуждаются в уточнении датировка и периодизация этого процесса (или акта?). Неясными остаются исходный регион и исторические обстоятельства миграции носителей курганного обряда на Ижорское плато.

В связи с этим особенно актуальной видится задача выделения горизонта древнейших курганов. Эту работу в разное время проводили А. А. Спицын, П. Н. Третьяков, Ю. М. Лесман, однако она объективно осложнена слабой документированностью массовых дореволюционных раскопок, по-прежнему составляющих бóльшую часть источниковой базы. Так, в числе древнейших обычно называют курган с сожжением Озертицы 10 из раскопок Л. К. Ивановского 1877 г. Однако информации ни об обряде, ни об устройстве насыпи в дневниках исследователя нет (Спицын 1896: 74), а особенности инвентаря позволяют предполагать, что под одним номером оказались произвольно сведены материалы нескольких кремационных захоронений X–XI вв., не обязательно

курганных, а возможно, перекрытых насыпью позднейшего кургана или вброшенных в нее вместе с грунтом при сооружении (ср.: Соболев 2014; Стасюк 2017). Кремации же в собственно курганах Ижорского плато, вопреки стереотипному восприятию, не образуют раннюю группу захоронений. Курганный обряд распространяется здесь уже в эпоху полного господства ингумации, а немногочисленные сожжения, как показал Е. А. Рябинин, встречены как в ранних (XII в.), так и в позднейших (XIII–XIV вв.) курганах и представляют собой редкую реминисценцию полузабытого обряда (Рябинин 1997).

Могильник Рекково

К числу древнейших курганных комплексов Ижорского плато может быть отнесен курган с труположением в дер. Рекково Волосовского р-на Ленинградской обл., раскопанный В. А. Кольчатовым в 1980 г. (рис. 1).

Высота кургана 1,25 м, диаметр — 9,5 м. Курган испорчен ямой диаметром около 1,5 м, впущенной в центр, доходящей до материка и заполненной мусором. Насыпь сооружена из суглинка, в ней встречены незначительные по площади и мощности золистые пятна. На уровне горизонта выявлен мощный золистый слой (до 0,3 м), заключенный внутри каменной обкладки. Под ним зафиксирована песчаная прослойка, перекрывавшая материк. Курган обложен сплошным каменным кольцом, в центре, почти от верха насыпи и до золистого слоя, выявлена сплошная закладка из мелкого булыжника.

Погребение (рис. 2, 1) располагалось к В от центра кургана на золистом слое, ориентировано ступнями на СВ. В непо потревоженном состоянии сохранились только нижние конечности ниже колена, остальное погребение разрушено ямой. Череп отсутствовал, остальные кости перемешаны. В 1,5 м к ЮЗ от берцовых костей найдена подковообразная фибула с маковидными головками, в области левого бедра — железный нож, в ногах — крупный фрагмент железной сковороды, ключ и наконечник стрелы; чуть южнее — гончарный горшок. Исследователь датировал курган первой половиной XII в.

Рассмотрим находки из этого погребения.

Гончарный горшок (рис. 2, 8) имеет S-образный профиль венчика, покатые плечики, тулово в форме усеченного конуса. Толщина стенки — 4–5 мм. Покрит многорядным линейно-волнистым орнаментом на 2/3 высоты. В соответствии с классификацией керамики Неревского раскопа (Смирнова 1956) этот горшок относится к типу IV виду В, который распространен в 25–21 ярусах (1006–1096 гг.). В соответствии с классификацией, разработанной для керамики Троицкого XI раскопа (Малыгин и др. 2001), относится к наиболее массовому типу VA, распространенному с рубежа X–XI вв. до второй половины XII в. Авторы отмечают сложность выделения хронологически значимых разновидностей внутри этого массового типа, однако сплошной орнамент от венчика до придонной части отмечают в качестве признака ранних форм. В соответствии с типологией керамики Десятинного I раскопа (Олейников 2019) рассматриваемый экземпляр принадлежит к типу 3, подтип 1, вид 2. Формы с аналогичным оформлением венчика встречаются с конца X и на протяжении всего XI в. В псковских материалах горшок из дер. Рекково может быть сопоставлен с типом I, который С. В. Белецкий и В. И. Кильдюшевский относят к XI–XII вв. (Кильдюшевский 2002: 10).

Железная сковорода (рис. 2, 7) — большая редкость в курганах Ижорского плато, найдены «лишь в нескольких экземплярах» в погребениях древнейшей группы (Спицын 1896: 33). В то же время сковородки составляют характерную черту инвентаря приладожских курганов X–XI вв.

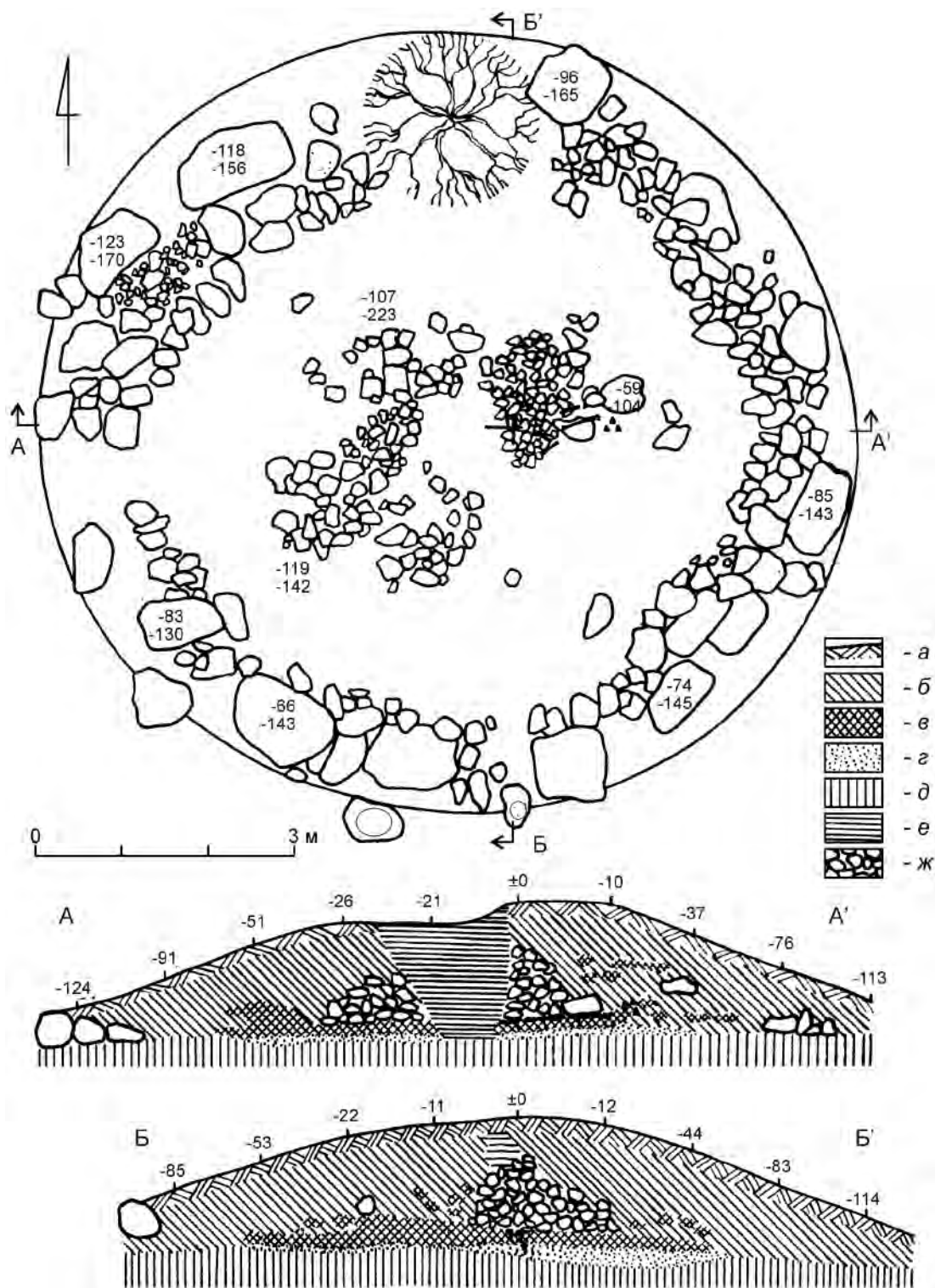

Рис. 1. План и профили кургана в дер. Рекково: а — дерн; б — суглинок; в — золистый слой; г — супесь; д — материк; е — поздний перекоп; ж — камни. Раскопки В. А. Кольчатова, 1980 г. (по: Кольчатов 1980: рис. 61)

Fig. 1. Plan and profile of the barrow in the Rekkovo village: а — turf; б — loam; в — ashy layer; г — sandy loam; д — natural ground; е — recent backdirt; ж — stones. V. A. Kolchatov's excavations, 1980 (after Кольчатов 1980: Fig. 61)

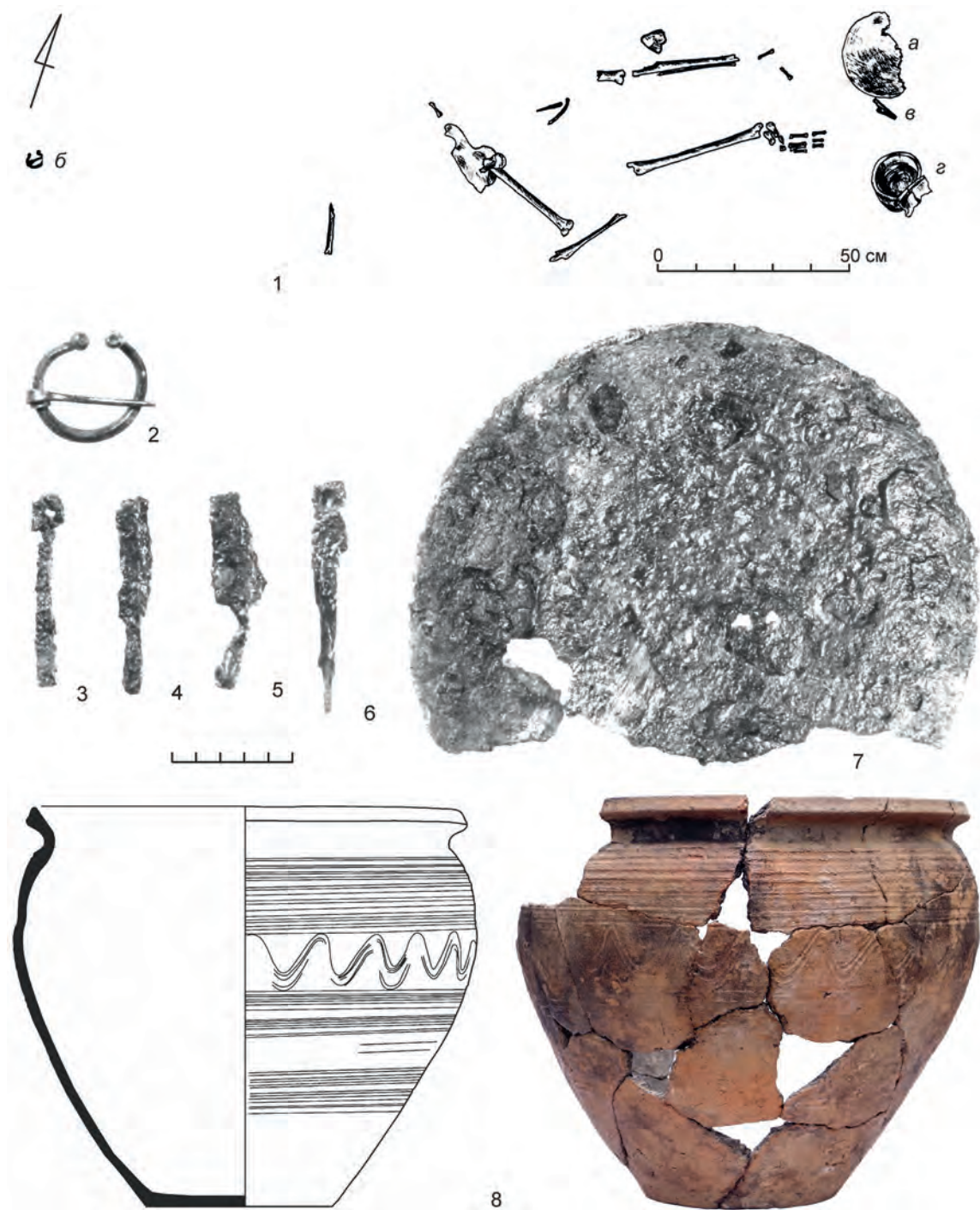

Рис. 2. Курган в дер. Рекково: 1 — план погребения (а — сковорода; б — фибула; в — ключ, фрагмент ножа и наконечники стрел; з — гончарный горшок); инвентарь: 2 — фибула; 3 — ключ; 4, 5 — наконечники стрел; 6 — фрагмент ножа; 7 — сковорода; 8 — гончарный горшок. 2 — медный сплав; 3–7 — железо; 8 — керамика (по: Кольчатов 1980: рис. 62, 63)

Fig. 2. Barrow in the Rekkovo village: 1 — plan of the burial (a — frying pan; б — fibula; в — key, knife fragment and arrowheads; з — pot); burial inventory: 2 — fibula; 3 — key; 4, 5 — arrowheads; 6 — knife fragment; 7 — frying pan; 8 — pot. 2 — copper alloy; 3–7 — iron; 8 — ceramics (after Кольчатов 1980: Fig. 62, 63)

Фибула с маковидными головками (рис. 2, 2). Этот тип имеет готландское происхождение и распространен в регионах, примыкающих к Балтийскому морю (Kivikoski 1973: 96; Tvauri 2012: 136). Большинство находок датированы XI в., отдельные экземпляры относятся к началу XII в. На территории Руси аналогичные фибулы немногочисленны и распространены преимущественно в северо-западных областях и на Верхней Волге (Мальм 1967: 163). В курганах Ижорского плато найдены всего три фибулы с маковидными головками (Спицын 1896: 25). В Новгороде известны также три находки в слоях середины X — середины XII в. (Седова 1981: 88; Покровская 1998: 7).

Ключ с квадратной головкой (рис. 2, 3) относится к типу А по Б. А. Колчину. Согласно его хронологии, такие ключи характерны для Новгорода X–XI и частично XII в.; во второй половине XII в. они полностью выходят из употребления (Колчин 1959: 80), хотя Ю. М. Лесман и отмечает находки замков и ключей данного типа вплоть до 15 яруса Неревского раскопа (Лесман 1984: 138). Навесные замки с кубическим корпусом и Т-образной прорезью, комплектовавшиеся ключами с квадратной головкой, на Руси в целом и в Новгородской земле в частности составляют архаичную группу изделий IX–XI вв., восходящую, видимо, к североевропейским прототипам (Кудрявцев 2016). На Ижорском плато до этого был найден единственный аналогичный ключ в упомянутом уже комплексе кургана с сожжением Озертицы 10 (Спицын 1896: табл. XVII, 17). Миниатюрный замок с кубическим корпусом и Т-образной прорезью найден в могильнике Ратчино (Стасюк 2017: 147).

Два наконечника стрел (рис. 2, 4, 5). В отчете упомянут один наконечник, однако в таблице находок присутствует пара черешковых наконечников: один имеет треугольное перо с низкими плечиками, второй — перо иволистной формы. Первый относится к массовой, чрезвычайно распространенной и широко датированной разновидности средневековых наконечников IX–XIV вв. Отнесение второго к конкретному типу затруднено из-за плохой сохранности. Возможно, он является разновидностью ланцетовидных раннесредневековых наконечников.

Фрагмент железного ножа (рис. 2, 6) по-видимому изготовлен в технике пакета и принадлежит к группе IV восточноевропейских ножей по Р. С. Минасяну (Минасян 1980) или раннему типу А по Б. А. Колчину (Колчин 1959). Характеризуется резким уступом при переходе обуха в черешок и плавным — при переходе черешка в лезвие. В Новгороде и Новгородской земле такой тип датируется X–XII вв. (Лесман 1984: 138).

Особенности инвентаря позволяют считать данное погребение одним из наиболее ранних на Ижорском плато, совершенных по обряду ингумации под курганной насыпью. Комплекс может быть датирован не позднее начала XII в., с вероятным смещением в XI в. От ранних курганов Ратчинского могильника (рубеж XI–XII — первая половина XII в.) он отличается наличием развитой кольцевой каменной обкладки, характерной и для позднейших древнерусских курганов Водской земли.

Два варианта курганного обряда рубежа XI–XII вв.

Рассматривая древнейший курганный материал как из старых, так и из современных раскопок, можно отметить, что начальная фаза развития курганного обряда на Ижорском плато (конец XI — первые десятилетия XII в.) распадается на два синхронных компонента.

I. «Пришлый» — обряд древнерусского населения, принесенный в регион уже в более-менее сформированном виде и обладающий определенными базовыми признаками: 1) регулярная каменная кольцевая обкладка в основании насыпи; 2) насыпь

кургана сравнительно крупная, высокая, конической или полусферической формы; 3) труположение совершенно на горизонте, погребенные ориентированы головой преимущественно на 3; 4) в инвентаре преобладают вещи «общерусских» и «новгородских» типов, имеющие достаточно массовые, серийные аналогии в слоях северорусских городов (ромбоцитковые височные кольца, пластинчатые и витые трехпроволочные браслеты, привески-лунницы, гончарная керамика древнерусского облика). При этом вполне закономерным будет наличие в захоронениях этого круга общебалтийской и североевропейской «вуали». Примером этого компонента является рассмотренное захоронение из дер. Рекково. Видимо, приход древнерусского населения на плато и появление курганов данного типа стали триггером для появления второго компонента, то есть для перехода местных финских коллективов к курганному обряду захоронения.

II. «Местный компонент» (курганы типа Ратчино), отражающий заимствование курганного обряда автохтонными финноязычными коллективами. Черты этого компонента следующие: 1) памятники демонстрируют топографическую и культурную связь с предшествующим горизонтом грунтовых сожжений X–XI вв.; 2) в основании насыпей отсутствует каменная обкладка; 3) курганные насыпи сравнительно низкие, уплощенно-полусферические, как бы расплывшиеся; 4) труположение совершенно на горизонте с преобладанием восточной и меридиональной ориентировки; 5) в погребальном уборе отмечается преобладание украшений, составляющих этнографический набор средневекового населения Эстонии и Финляндии и сравнительно малочисленных в Новгороде (массивные фибулы с призматическими головками, булавки с крестообразным навершием, широкие ленточные, спиральные и узкомассивные браслеты и др.) при наличии новгородских импортов — керамики и некоторых типов древнерусских украшений, а также достаточно многочисленных вещей общебалтийского и североевропейского облика.

Данные генетики

Отличия автохтонного и пришлого населения прослеживаются не только на культурном, но и на популяционном уровне. Так, при исследовании Y-хромосомы индивидов XII–XIII вв. из могильников Теглицы 1 и 2 («классические» древнерусские курганы), Ратчино (некрополь прибалтийско-финского населения, топографически связанный с могильником римского времени и имеющий в своем составе грунтовые кремации X–XI вв., и курганы с ингумациями XII в.), Великино (грунтовый могильник води XIII–XV вв., топографически также связанный с каменным могильником римского времени) выявляется следующая картина (подробнее см.: Мустафин и др. 2021).

Гаплотипы Y-хромосомы всех трех исследованных индивидов мужского пола из Теглиц 1 относятся к гаплогруппе E1b1b1(M35.1), всех четырех индивидов из Теглиц 2 — к гаплогруппе R1a1a1b1a(Z282). Вероятно, каждое из этих средневековых сельских кладбищ принадлежало общине, образованной из кровных родственников по мужской линии⁴.

⁴ Необходимо учитывать, что генотипированию подверглись далеко не все индивиды из исследованных погребений. В Теглицах 1 раскопано 38 курганов с 49 погребениями, в Теглицах 2 — семь курганов с девятью погребениями. Генетическое исследование проведено для четырех индивидов из Теглиц 1 (из них трое мужчин) и четырех индивидов из Теглиц 2 (все мужчины). Однако такое совпадение выявленных генетических вариантов весьма показательно.

Филогенетический анализ⁵ по гаплогруппе R1a при сравнении с древними и современными популяциями Восточной Европы и Прибалтики показывает, что гаплотипы индивидов из Теглиц 2 образуют общий «древний» кластер со средневековыми индивидами из Твери и Ярославля XII–XIII вв. и Москвы XIV в.

Гаплогруппа E1b в настоящее время сравнительно малочисленна в европейских популяциях, хотя ее различные субварианты географически распространены достаточно широко от Средиземноморья до Скандинавии. При этом наибольшая их концентрация отмечается в Южной Европе, в особенности на Балканах и в Карпатском регионе. В частности, концентрация носителей родственных гаплотипов субклады E1b-V13 фиксируется в Закарпатской низменности, вблизи современной границы Украины и Венгрии (исторические города Ужгород и Мукачево). Однако получаемые в последние годы данные показывают, что в период средневековья эта Y-хромосомная линия в Восточной и Северной Европе была представлена, вероятно, шире, чем в настоящее время. Поэтому делать выводы по ней, основываясь на современном состоянии генофонда, преждевременно. Следует дождаться формирования репрезентативной выборки по средневековым индивидам.

Гаплотипы, относящиеся к широко распространенной в популяциях прибалтийско-финских народов группе N1a1(M46), выявлены у двух мужчин из Великино и одного — из Ратчино. Кроме того, у одного мужчины из Ратчино идентифицирован близкородственный гаплотип группы N1a1a1a(CTS2929). На филогенетической сети гаплотипов группы N1a выделяется кластер, объединяющий образцы из Ратчино и Великино с современниками из популяций эстонцев, вепсов, карел и саамов.

Примечательно, что в Ратчино также выявлен один индивид с гаплотипом группы E1b1b1(M35.1). Это захоронение (кург. 2, погр. 1 — рис. 3) заметно выделяется на фоне прочих мужских подкурганых ингумаций Ратчинского некрополя. Прочие мужчины (все — носители гаплотипов группы N1a и, вероятно, родственники той или иной степени близости) погребены с богатым убором и инвентарем, включающим наборные пояса, фибулы, расшитую бронзовыми спиральками шерстяную одежду, в ногах помещено оружие и гончарные горшки, погребения ориентированы головой на В. Данный же индивид похоронен без вещей, ориентирован головой на Ю. Заманчиво было бы трактовать это захоронение как вхождение в местную финскую общину одного из древнерусских поселенцев. При этом его статус (социальный, религиозный или иной) с точки зрения людей, осуществлявших захоронение, явно был отличен от прочих погребенных, что проявилось в полном отсутствии предметов и иной ориентировке погребения.

Исторический аспект освоения Ижорского плато

Относительно причин масштабного древнерусского освоения Ижорской возвышенности среди исследователей давно сложился консенсус. Историки и археологи сходятся во мнении, что целью земледельческой колонизации плато стали плодородные дерново-карбонатные почвы. Заселение Ижорской возвышенности — один из первых на Руси опытов по освоению обширных водораздельных равнин. В докурганный период, на протяжении всего I и начала II тыс. н. э., на плато фиксируется несколько очагов освоения, приуроченных к «зоне родников» — окраине и пологим склонам

⁵ Филогенетический анализ выполнен канд. биол. наук И. Э. Альборовой, Лаборатория исторической генетики, радиоуглеродного анализа и прикладной физики МФТИ. Описание методики см.: Мустафин и др. 2021: 403.

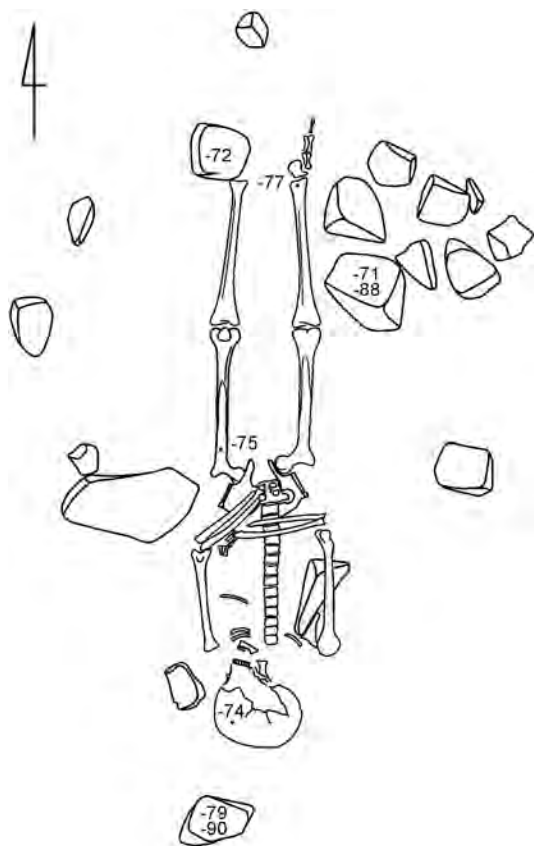

Рис. 3. Ратчино, кург. 2, план погребения. Раскопки автора

Fig. 3. Ratchino, barrow 2, plan of the burial. Author's excavations

века на окраине плато, вокруг могильников Кёрстово, Удосолово, в районе Копорья и др. Освоение этих почв, очевидно, было начато уже населением культуры могильников с каменными оградками. В могильнике Ополе (X–XII вв.) найдены два небольших, довольно примитивных нашошника (Стасюк 2008: 15, табл. III, 5, 6), что свидетельствует об использовании здесь легких пахотных орудий типа сохи. Представляется, что уровень развития земледельческих технологий позволял приступить к освоению Ижорской возвышенности на любом этапе древнерусской истории, начиная с сопочных или даже предсопочных времен. Поэтому, наряду с технической возможностью, следует рассмотреть соображения политической и экономической целесообразности данной акции.

В бассейне Верхней Луги и на окраинах Ижорского плато присутствует развитая гидросеть, что существенно облегчало их заселение. Но в центральной части Ижорского плато вопрос обеспечения людей и скота питьевой водой приобретал основополагающее значение. По этнографическим данным он решался при помощи колодцев, глубина которых достигала 20–30 м, причем прорубать их приходилось в известняковых и доломитовых толщах.

⁶ Автор вспоминает раскопки могильника на верхней Луге у дер. Ивня Батецкого р-на в 2007 г. под руководством К. В. Шмелёва. С трудом поддававшаяся раскопке и зачистке Лужская карбонатная морена по механической структуре, плотности, обилию обломочных пород практически неотличима от морены Ижорского плато.

возвышенности, где из ее недр прорываются воды Ордовикского водоносного горизонта, дающие начало многочисленным ручьям и мелким речкам (Стасюк 2019: 156). Распространение курганных могильников XII–XIII вв. показывает, что древнерусские поселенцы в короткое время освоили центральную часть возвышенности, наиболее засушливую и фактически лишенную водоемов.

В качестве предпосылки для освоения тяжелых суглинков Ижорского плато рассматривался прогресс сельскохозяйственных орудий и связанное с ним распространение пашенного земледелия (Кольчатов 1982: 64). Необходимо отметить, что освоению Ижорского плато предшествовала земледельческая колонизация другого плодородного региона — соседнего Верхнего Полужья, для которого, наряду с аллювиальными почвами речных долин, также характерны тяжелые дерново-подзолистые и дерново-карбонатные почвы, развитые на моренных суглинках и отягощенные обломочными карбонатами⁶. Опыт распашки тяжелых почв в Новгородской земле, таким образом, уже имелся. Имелся он и у местного финского населения. Тяжелые моренные карбонатные суглинки распространены в зонах освоения раннего железного

Представляется, что стремительное и массовое заселение, сопряженное с трудозатратным решением проблемы питьевой воды, едва ли могло быть стихийным процессом. Вряд ли оно объяснимо «ползучей» крестьянской колонизацией, когда расселение инициировалось и управлялось сельскими общинами⁷. Что-то заставило новгородцев на рубеже XI–XII вв. начать масштабные расчистки лесов, прокладку коммуникаций, рытье колодцев — то есть предпринять комплекс мер по освоению этого тяжелого для жизни пространства. Наиболее вероятной причиной был недостаток собственного хлеба в Новгороде.

Новгородская земля располагается в зоне рискованного земледелия. Даже в условиях средневекового климатического оптимума X–XIII вв. (Neukom et al. 2019) внезапные заморозки неоднократно становились причиной гибели посевов и, как минимум, дефицита хлеба, а иногда — катастрофического голода в Новгороде и Новгородской земле. В. Л. Янин и Е. А. Рыбина отмечают, что на рубеже XI–XII вв. фиксируется довольно длительная блокада южных торговых путей Новгорода. На нехватку хлеба указывает текст берестяной грамоты № 424, датированной рубежом XI–XII вв. (Янин 1982: 58). Видимо, именно хлебный дефицит заставил новгородцев изыскивать возможности расширения собственного сельскохозяйственного производства для достижения продовольственной независимости. В этом ключе и следует рассматривать земледельческую колонизацию Ижорского плато, масштаб и темпы которой исключают стихийность процесса. Вероятно, следует говорить о целенаправленной акции государственного характера, инициированной новгородскими властями.

Вторым важным аспектом является военно-политическая ситуация. Современные исследования показывают, что к рубежу XI–XII вв. Ижорское плато вовсе не было зоной археологической пустоты, каким оно виделось исследователям XX в. Его окраины к этому времени были освоены уже около тысячи лет и достаточно плотно заселены, причем обилие высококачественных предметов вооружения в захоронениях указывает на достаточно высокую милитаризованность местного финского населения. Хотя летопись не фиксирует военных конфликтов в регионе вплоть до 1069 г., очевидно, что позицией достаточно многочисленного и хорошо вооруженного местного сообщества нельзя было пренебрегать при попытках заселить их землю колонистами.

В 1069 г. вожане впервые попадают на страницы Новгородской летописи как сторона, понесшая наибольшие потери в битве на Гзени (НПЛ 2000: 17). Историки расценивают их выступление на стороне князя Всеслава Брючиславича против Новгорода как реакцию на изменение существовавших новгородско-водских даннических отношений (Гадзяцкий 1940: 102; Куза 1975: 183). Вполне вероятной кажется ситуация, когда именно это военное поражение окончательно закрепило зависимость вожан от Новгорода и открыло возможность для безопасного земледельческого освоения Ижорского плато.

Выделение горизонта древнейших курганов позволит также ответить на нерешенный до настоящего времени вопрос, откуда пришло на плато древнерусское население. В историографии высказывались на этот счет мнения, так или иначе ограниченные территорией Новгородской земли: гдовское Причудье, Верхнее Полужье, Верхнее Поволжье. Ни одно из этих предположений в настоящее время не может считаться убедительно доказанным. Представляется, что при поиске исходного региона миграции следует исходить из ряда базовых критериев. Во-первых, регион этот к концу XI в. должен был располагать достаточными демографическими ресурсами. Во-вторых, новгородские

⁷ Ср. прекрасно разработанный сюжет о формировании псковских губ в работах Б. Н. Харлашова (2004 и др.).

власти (боярство или же лояльный Новгороду князь, не опасавшийся усиления независимости города) должны были иметь возможность осуществить вывод населения с этой территории — возможно, силовым путем. В-третьих, на этой территории в конце XI в. археологически должен фиксироваться курганный обряд с труположением на горизонте, без могильных ям, с кольцевой каменной обкладкой основания насыпи и западной ориентировкой погребенных. Поиск этого региона, возможно, окажется перспективным за пределами Новгородской земли.

Литература и источники

- Гадзяцкий 1940 — *Гадзяцкий С. С.* Вотская и Ижорская земли Новгородского государства // Исторические записки. 1940. Т. 6. С. 100–148.
- Кильдюшевский 2002 — *Кильдюшевский В. И.* Керамика Пскова XII–XVII вв. // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья: Сб. ст. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 5–33.
- Колчин 1959 — *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). Тр. НАЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 2. С. 7–120 (МИА. № 65).
- Кольчатов 1980 — *Кольчатов В. А.* Полевой отчет Северо-Западного отряда за 1980 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 1980 г. Д. 126.
- Кольчатов 1982 — *Кольчатов В. А.* О времени заселения Ижорского плато // Столяр А. Д. (отв. ред.). Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья: Межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 61–65.
- Кудрявцев 2016 — *Кудрявцев А. А.* О появлении замков и ключей в Древней Руси // РА. 2016. № 1. С. 114–122.
- Куза 1975 — *Куза А. В.* Новгородская земля // Бескровный Л. Г. (отв. ред.). Древнерусские княжества X–XIII вв.: Сб. ст. М.: Наука, 1975. С. 144–201.
- Лебедев 1977 — *Лебедев Г. С.* Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1977. 231 с.
- Лесман 1984 — *Лесман Ю. М.* Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (проблема синхронизации) // Лебедев Г. С. (ред.). Археологическое исследование Новгородской земли: Межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 118–153.
- Лесман 2011 — *Лесман Ю. М.* Причудье, Ижорское плато и культурная специфика северорусского пограничья в XI–XII веках // Российский археологический ежегодник. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 2011. № 1. С. 396–420.
- Малыгин и др. 2001 — *Малыгин П. Д., Гайдуков П. Г., Степанов А. М.* Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // ННЗИА. 2001. Вып. 15. С. 82–97.
- Мальм 1967 — *Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевые застежки-фибулы // Рыбаков Б. А. (ред.). Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.: Сб. ст. М.: Советская Россия, 1967. С. 149–190 (Тр. ГИМ. Вып. 43).
- Минасян 1980 — *Минасян Р. С.* Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего Средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л.: Искусство, 1980. Вып. 21. С. 68–74.
- Михайлова 2015 — *Михайлова Е. Р.* Древности Западной Ингрии I тыс. н. э.: новые материалы // АВ. 2015. Вып. 21. С. 176–186.
- Моора Х., Моора А. 1965 — *Моора Х. А., Моора А. Х.* Из этнической истории води и ижоры // Янитс Х. А. (отв. ред.). Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений: Сб. ст. Таллин: Ээсти Раамат, 1965. С. 63–85.

- Мустафин и др. 2021 — *Мустафин Х. Х., Альборова И. Э., Стасюк И. В.* Средневековый генофонд Водской земли Великого Новгорода // *Stratum plus*. 2021. № 5. С. 397–410.
- НПЛ 2000 — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с. (ПСРЛ. Т. 3).
- Носов 1982 — *Носов Е. Н.* Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // Новгородский исторический сборник. Л.: Наука, 1982. Вып. 1 (11). С. 43–78.
- Олейников 2019 — *Олейников О. М.* Круговая керамика X — начала XIII в. Десятинного 1 раскопа в Новгороде (типология и хронология) // ТГЗСТЭС. 2019. Вып. 12. С. 6–37.
- Покровская 1998 — *Покровская Л. В.* Украшения балтского и финно-угорского происхождения средневекового Новгорода: систематизация, хронология, топография: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.: МГУ, 1998. 30 с.
- Рябинин 1990 — *Рябинин Е. А.* Этнокультурная ситуация на Северо-Западе РСФСР в эпоху Средневековья (проблема археологического изучения) // Денисова Р. Я. (отв. ред.). Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетические процессы: Сб. ст. Рига: Зинатне, 1990. С. 183–215.
- Рябинин 1997 — *Рябинин Е. А.* Курганы с трупосожжениями Водской земли // Кирпичников А. Н. и др. (ред.). Славяне и финно-угры. Археология, история, культура: Докл. Рос.-финлянд. симп. по вопр. археологии (1994 г., Выборг). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 139–145.
- Рябинин 2001 — *Рябинин Е. А.* Водская земля Великого Новгорода. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 261 с.
- Седов 1953 — *Седов В. В.* Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // СА. 1953. Т. 28. С. 190–229.
- Седова 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.
- Смирнова 1956 — *Смирнова Г. П.* Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951–1954 гг.) // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). Тр. НАЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 1. С. 228–248 (МИА. № 55).
- Соболев 2014 — *Соболев В. Ю.* Неизвестные раскопки С. А. Теплоухова на Ижорском плато // *Stratum plus*. 2014. № 5. С. 287–295.
- Спицын 1896 — *Спицын А. А.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб.: Тип. Гл. упр. Уделов, 1896. 123 с. (МАР. № 20).
- Стасюк 2008 — *Стасюк И. В.* Могильник у поселка Ополье: новые данные к изучению ранних этапов освоения Ижорского плато в древнерусскую эпоху // Исследование археологических памятников эпохи Средневековья: Сб. ст. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 3–24.
- Стасюк 2017 — *Стасюк И. В.* Раннесредневековые трупосожжения могильника Ратчино 1 // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2017. Вып. 32. С. 135–152.
- Стасюк 2019 — *Стасюк И. В.* Истоки формирования системы погостов на западе Новгородской земли // АИППЗ. М.; Псков: ИА РАН, 2019. Вып. 34. С. 153–165.
- Третьяков 1970 — *Третьяков П. Н.* У истоков древнерусской народности. Л.: Наука, 1970. 156 с. (МИА. № 179).
- Харлашов 2004 — *Харлашов Б. Н.* Погосты в Псковской земле и процесс сельского расселения // Макаров Н. А., Чернецов А. В., Лопатин Н. В. (редкол.). Восточная Европа в Средневековье. К 80-летию В. В. Седова: Сб. ст. М.: Наука, 2004. С. 59–63.
- Хвощинская 2009 — *Хвощинская Н. В.* Племя воль и его культура в составе Новгородской земли // Макаров Н. Я. (отв. ред.). Великий Новгород и Средневековая Русь: Сб. ст. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 300–312.

- Шаскольский 1979 — *Шаскольский И. П.* Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен юго-восточной Прибалтики в свете данных современной науки // Рыбаков Б. А. (отв. ред.), Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А. (ред.). Финно-угры и славяне: Доклады I сов.-финляндского симпозиума по вопросам археологии (Ленинград, 15–17 ноября 1976 г.). Л.: Наука, 1979. С. 41–48.
- Юшкова 2015 — *Юшкова М. А.* Новая группа памятников I–VII вв. на юго-западе Ленинградской области // АВ. 2015. Вып. 21. С. 187–198.
- Янин 1982 — *Янин В. Л.* Новгородский скрипторий XI–XII века. Лазаревский монастырь // Шмидт О. С. (отв. ред.). Археографический ежегодник за 1981 год. М.: Наука, 1982. С. 52–63.
- Aspelin 1875 — *Aspelin J. R.* Suomalais-ugrilaisen muinaistutkinnon alkeita. Helsingfors: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1875. 369 s.
- Aspelin 1878 — *Aspelin J. R.* Antiquités du Nord Finno-Ougrien. III. L'Age Du Fer. Antiquités Mordouines, Mériennes et Tschoudes. Helsingfors: G.W. Edlund, 1878. 142 p.
- Kivikoski 1973 — *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki: Weilin+Göös AB OY, 1973. 150 s., 147 taf.
- Ligi 1993 — *Ligi P.* Vadjarased kalmed Kirde-Eestis (9. — 16. sajand) // Muinasaja teadus. Tallinn, 1993. 2. S. 7–175.
- Moora 1929 — *Moora H.* Wotische Altertümer aus Estland // Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki, 1929. 4. S. 272–283.
- Neukom et al. 2019 — *Neukom R., Steiger N., Gómez-Navarro J. J., Wang J., Werner J. P.* No evidence for globally coherent warm and cold periods over the preindustrial Common Era // Nature. 2019. Vol. 571. P. 550–554. Available at: <https://doi.org/10.1038/s41586-019-1401-2> (accessed 10.02.2022).
- Salminen 2009 — *Salminen T.* Finland and Estonia in each other's images of prehistory: building national myths // Estonian Journal of Archaeology. Tallinn, 2009. Vol. 13, is. 1. S. 3–20.
- Tallgren 1928 — *Tallgren A. M.* Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du nord // Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki: K. P. Puromiehen Kirjapaino, 1928. T. 3. S. 3–24.
- Tallgren 1938 — *Tallgren A. M.* The Prehistory of Ingria // Eurasia septentrionalis antiqua. Helsinki: Societe Finlandaise d'Archeologie, 1938. Vol. 12. S. 79–108.
- Tvauri 2012 — *Tvauri A.* The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia. EA 4. Tartu: Tartu University Press, 2012. 384 p.

APPEARANCE OF THE BARROW RITE ON THE IZHORA PLATEAU AND THE OLD RUSSIAN COLONIZATION

I. V. STASYUK

Keywords: *barrow rite, Middle Ages, Novgorod Land, Izhora plateau, Old Russian colonization.*

The spread of the barrow rite on the Izhora plateau has traditionally been considered a consequence either of the Old Russian colonization or the adoption of Old Russian culture by local Baltic-Finnish groups. It turns out that both phenomena were happening. The study of the rite, burial goods and gene pools of the barrow and pre-barrow people has shown both the arrival of new settlers who brought the barrow rite and its expansion through adoption by autochthonous collectives.

БУЛАВКИ В КОСТЮМЕ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ XI–XVII ВЕКОВ

Ю. В. СТЕПАНОВА¹

Ключевые слова: *средневековье, Древняя Русь, Россия, костюм, ювелирные изделия, застежка, булавка, украшение.*

Находки булавок в комплексах домонгольского периода в Верхневолжском регионе единичны. Это крупные изделия из бронзы и железа в виде стержней с кольцом, в том числе с навершием в виде головы хищной птицы. В XIII–XIV вв. происходят изменения в составе костюма населения Руси — более широко используется одежда с пуговицами. Появляется новая форма булавок, которая входит в массовое употребление в XIV–XVII вв. Это небольшие изделия из бронзы в виде стержня диаметром 0,1–0,2 см, длиной до 5 см. Большинство булавок относятся к типу «пус-йеппи» — с шарообразной или дискообразной головкой. В традиционном костюме финно-угорских народов Поволжья XVIII–XIX вв. такие булавки использовали для скрепления частей головного убора. В женском костюме населения Южной Финляндии и Тверского Поволжья XVIII–XIX вв. подобные булавки служили для скрепления пучка волос с головным убором. В литературе распространение «пус-йеппи» на Руси рассматривается как результат влияния золотоордынской моды, но их внедрение могло происходить и под влиянием традиций финно-угров. Для Твери характерны булавки с миниатюрным навершием в виде птицы. Известны также булавки с навершиями, аналогичными фигурным лопастям височных колец, обнаруженные в материалах памятников Русского Севера, Суздальского Ополя, Верхневолжья, Поочья, бассейна р. Вятки и др. В женском уборе населения Верхневолжья XIV–XVII вв. булавки использовали преимущественно для скрепления прически и частей головного убора.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-26-139-146

В домонгольском костюме населения Руси широко использовались булавки различных форм. Это были относительно крупные булавки, которые предназначались для застегивания накидок. Употреблялись различные формы булавок, в том числе кольцевидные, характерные для костюма скандинавского населения (Носов, Хвоцинская 2006), и булавки с навершиями сложной формы (Седова 1981: 73–83; Покровская 1995). Некоторые типы булавок с фигурными навершиями продолжали употребляться и во второй половине XIII — XIV в.

В бассейне Волги, от ее верховьев до Углича, и на сопредельных территориях, в бассейнах ее притоков и на водоразделе Мологи и Мсты, исследованы раскопками сотни

¹ Кафедра отечественной истории исторического факультета Тверского ГУ; Тверь, 170100, Россия; e-mail: m000142@mail.ru.

погребений и десятки поселений, но находки одежных булавок единичны. Бронзовая булавка с навершием в виде головы хищной птицы происходит из слоя селища Холмово (Суходол) X–XII вв. (рис. 1, 1) (Дашкова и др. 1993: 93, рис. 3, 14). В курганном могильнике Глинники в кург. 50 в женском погребении в области пояса была найдена железная булавка (Жукова, Степанова 2010: 75). Назначение ее неясно. Лишь в одном погребении обнаружены, предположительно, парные булавки, характерные для балтского костюма: в материалах раскопок XIX в. кургана у дер. Гульцово (Ржевский уезд) описываются цепочки, соединенные с «двумя привесками в виде граненых острокопечных костыльков» (Плетнев 1903: 57, 58).

На поселении Митрошино-2 в Удомельском Поозерье в слое X–XIII вв. обнаружен железный стержень с кольцом из крученого дрота — возможно, булавка (рис. 1, 2) (Лагуткина 2018: 140, рис. 4, 9).

Из Торжка происходит булавка (рис. 1, 6), относящаяся к типу I варианту 3, по Л. В. Покровской (1995: 183, рис. 1). В Новгороде такие булавки происходят из слоев XIII в., в том числе начала и второй четверти. В Торжке булавка происходит из слоя усадьбы, погибшей в пожаре 1238 г. (Малыгин 2011: 35, 36, рис. 13, 4). Еще одна булавка из Торжка относится к типу с загнутым стержнем и навершием в виде крылатого зверя. Большинство таких булавок относится ко второй половине XIII — началу XIV в. По поводу назначения булавок с загнутым стержнем высказывались разные точки зрения. Предполагалось их применение для скрепления прически и головного убора либо в качестве обрядовых предметов (Седова 1981: 82). М. В. Седова указала на их сходство с булавками, использовавшимися в румынском костюме XVI в. Булавки с фигурными навершиями на относительно тонких стержнях служили для скрепления вуали и прически в женском уборе Трансильвании XVI–XVII вв. (Tătaru, Martin 2020: 107–118, рис. 2, 1, 2). Находки из Торжка относятся к булавкам новгородских типов (Покровская 2003: 309).

Единичны находки крупных одежных булавок и в комплексах и слоях XIII–XIV вв. Твери. В слое XIV в. обнаружены бронзовые булавки: кольцевидная, датируемая по новгородской шкале XII — серединой XIII в. (рис. 1, 3), и с уплощенной головкой (рис. 1, 4) (Лапшин 2009: 103). В слое конца XIII — XIV в. найдена железная булавка (кольцо утрачено) (рис. 1, 5) (Там же: 95).

В составе дореволюционной коллекции Тверского музея находилась «толстая медная булавка», найденная в Твери, с фрагментированным навершием, от которого сохранилось «полукружие из трех полумесяцев» (Архив ТГОМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 56. № 13431). Вероятно, предмет можно соотнести с булавками с геометрическими навершиями, оформленными мелкими лунницами (Покровская 1995: 186).

На городище г. Старица в предматериковом слое с керамикой XIII в. найден обломок бронзового изделия, который мог являться навершием булавки (рис. 1, 7) (Воронин 1949: Л. 13, рис. 45).

Булавки домонгольского периода и XIII–XIV вв. — относительно крупные изделия, длиной до 10 см, толщиной стержня до 0,4 см, которые могли служить для застегивания одежды либо иметь широкое назначение — закалывать и одежду, и элементы головного убора.

В XIV в. на смену крупным булавкам со сложными навершиями приходят небольшие изделия, количество находок которых значительно превышает число находок булавок в слоях XIII в. Наиболее распространенным типом булавок в городах и на сельских памятниках Тверского Верхневолжья XIV–XVII вв. являются булавки «пус-йеппи» —

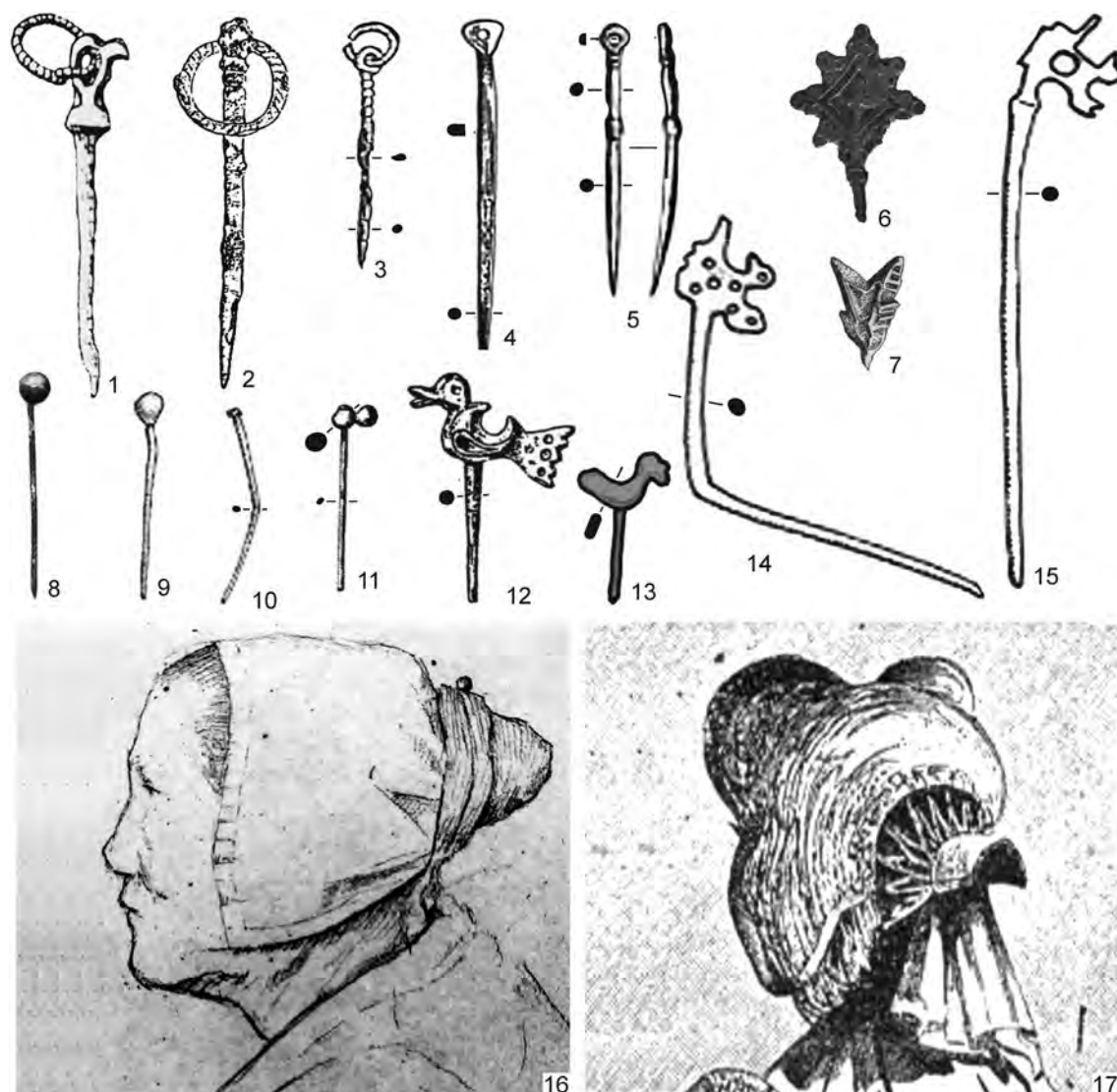

Рис. 1. Булавки из археологических памятников Верхневолжья XI–XVII вв.: 1 — селище Холмово (Суходол) (по: Дашкова и др. 1993: рис. 3, 14); 2 — поселение Митрошино-2 (по: Лагуткина 2018: рис. 4, 9); 3–5 — Тверь (по: Лапшин 2009: рис. 98, 4, 5; 67, 11); 6 — Торжок (по: Малыгин 2011: рис. 13, 4); 7 — Старица (по: Воронин 1949: рис. 45); 8 — поселение Беседы (по: Лагуткина, Степанова 2001: рис. 7, 5); 9, 10, 14, 15 — Тверь, Затымацкий посад (по: Солдатенкова 2008: рис. 1, 1–4); 11 — отливка булавки, Тверь, Затымацкий посад (по: Персов и др. 2011: рис. 5, 3); 12 — поселение Троица-1 (по: Лагуткина 2018: рис. 3, 3); 13 — Тверь (ТГОМ. КОФ 13373/62); 16 — использование булавки в головном уборе населения Южной Финляндии, рисунок Е. Нордстрём, 1880 г. (по: Lehtinen, Sihvo 2005: fig. 174); 17 — головной убор «каблучок с ряской» (по: Вершинский 1913: вклейка)

Fig. 1. Pins from archaeological sites of the Upper Volga region of the XI–XVII cc.: 1 — Kholmovo (Sukhodol) (Дашкова и др. 1993: Fig. 3, 14); 2 — Mitroshino-2 (Лагуткина 2018: Fig. 4, 9); 3–5 — Tver (Лапшин 2009: Fig. 98, 4, 5; 67, 11); 6 — Torzhok (Малыгин 2011: Fig. 13, 4); 7 — Staritsa (Воронин 1949: Fig. 45); 8 — Besedy (Лагуткина, Степанова 2001: Fig. 7, 5); 9, 10, 14, 15 — Tver, Zatmatzky faubourg (Солдатенкова 2008: Fig. 1, 1–4); 11 — pin mold, Tver, Zatmatzky faubourg (Персов и др. 2011: Fig. 5, 3); 12 — Troitsa-1 (Лагуткина 2018: Fig. 3, 3); 13 — Tver (Tver City Museum. КОФ 13373/62); 16 — way of using a pin in the headgear of South Finland, drawing by E. Norsström, 1880 (Lehtinen, Sihvo 2005: fig. 174); 17 — type of headgear called «kabluchok with ryaska» (Вершинский 1913: inset)

металлические стержни длиной до 5 см и диаметром 0,1–0,2 см с небольшим шарообразным или сплюснутым навершием. Наименование «пус-йеппи», буквально означающее «головные булавки», пришло в археологическую литературу из этнографии народов Поволжья и распространилось на все находки этого типа. В этнографическом костюме народов Поволжья так назывались булавки, скреплявшие между собой детали головного убора. Они служили для прикалывания масмака (начальника) или позатыльника к основной части головного убора либо скрепления сурпана — полотняного головного убора (Гаген-Торн 1960: 166–171). Иногда такие булавки в чувашском костюме имели отверстие в головке и соединялись между собой лентой или цепочкой. В XIX в. подобные булавки использовались в головном уборе финноязычного населения Южной Финляндии для скрепления шапочки, надеваемой поверх пучка волос (рис. 1, 16) (Lehtinen, Sihvo 2005: 139, fig. 174). Отметим, что булавками прикалывалась к пучку волос и надевавшаяся на него шапочка-«каблук» в составе характерного для Тверского Поволжья XVIII–XIX вв. головного убора «каблук с ряской» (рис. 1, 17) (Вершинский 1913; Русский традиционный костюм... 1999: 275). В костюме вепсов XIII–XVI вв. «пус-йеппи» служили для закалывания на затылке головного убора (платка?) (Васенина 2006: 42).

В Новгороде такие булавки встречаются в слоях XIV–XV вв. (Седова 1981: 158). Они найдены в большом количестве на памятниках Северо-Восточной Руси (Сарачева 2007: 84). Появление булавок на Руси в начале XIV в. связывают с модой, принесенной монголами с Востока (Седова 1981: 158; Козлова 2006), однако убор с булавками на Северо-Западе мог формироваться и под влиянием традиции, существовавшей у финно-угров.

В Твери найдено значительное количество таких булавок. Так, на Затьмацком посаде Твери в постройке, предположительно принадлежавшей княжескому дружиннику, найдены 47 булавок «пус-йеппи» (рис. 1, 9, 10) (Персов, Солдатенкова 2007: 358). Имеются находки на Загородском (Исланова 2003: 132, 133; Лагуткин и др. 2019) и Заволжском (Кобозева 2003) посадах Твери. В 2020 г. на Затьмацком посаде в раскопе по ул. Ефимова была найдена литейная форма из серого сланца для изготовления сразу 11 булавок «пус-йеппи»². Отливка булавки обнаружена на том же посаде в раскопе 7 (рис. 1, 11) (Персов и др. 2011: рис. 5, 3). Находки форм для отливки таких булавок известны в Новгороде и Москве.

В книгах поступлений Тверского музея XIX — начала XX в. имеются сведения о находках булавок с шарообразными головками, обнаруженных в Твери и Старице (Архив ТГОМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 4. № 1718; Д. 25. № 9362; Д. 26. № 11744–11765). В общей сложности из Твери происходит не менее 70 находок. «Пус-йеппи» найдена на поселении Беседы-2 в слое постройки XV–XVI вв. (рис. 1, 8) (Лагуткина, Степанова 2001: 134, рис. 7, 5).

По форме головки среди булавок выделяются виды с шарообразной головкой (рис. 1, 8, 9) и с приплюснутой дисковидной головкой, придающей булавке вид небольшого гвоздика (рис. 1, 10). Среди найденных булавок многие согнуты, что, вероятно, является следствием их использования. Обилие булавок «пус-йеппи» свидетельствует об их широком использовании в позднесредневековом костюме. Если пуговицы, в большом количестве встречающиеся в культурном слое XIV–XVII вв., служили для застегивания одежды, то булавки «пус-йеппи» в русском костюме позднего средневековья, по-видимому, использовались так же, как и в этнографическом костюме народов

² Благодарю автора раскопок А. В. Лагуткина за возможность ознакомиться с находкой.

Поволжья — для скрепления деталей женского головного убора. Они могли служить как для крепления позатыльников, так и для укрепления убруса (Жилина 2013: 160).

Вероятно, в XVI–XVII вв. появляются мелкие булавки с декором в виде углублений, заполненных эмалью. В Тверском музее хранилась подобная булавка длиной 1/8 вершка с тремя углублениями для эмали на навершии (Архив ТГОМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 17. № 3948).

Другим типом украшений, характерным для Твери, являются небольшие булавки с навершиями в виде птицы. Коллекция таких булавок существовала в Тверском музее еще в начале XX в. В. И. Колосов в «Кратком описании Тверского музея» указывает, что в витрине восемнадцатой музея было помещено «довольно большое количество медных птичек небольшой величины» с заостренными шпеньками, указывающими, что это навершия булавок (Колосов 1912: 117). В книгах поступления Тверского музея содержатся сведения о таких булавках. Например, булавка с навершием в виде «петуха» поступила в музей в 1889 г. (Архив ТГОМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 17. № 5108). В коллекции ТГОМ (хранение «Быт») имеется бронзовая булавка с плоским навершием, напоминающим утку (Книга основного фонда 13373/62) (рис. 1, 13). Булавка с навершием в виде птички была найдена на Загородском посаде Твери в 2007 г. (Лаврова 2010: 140). Бронзовая булавка высотой 3,5 см с навершием в виде птички с распущенным хвостом обнаружена на поселении Троица-1 в Удомельском Поозерье (рис. 1, 12). Скорее всего, ее можно отнести к XIV–XV вв., судя по обнаруженным в этом же слое перстню-печатке, пряжке трапециевидной формы, алмандиновой вставке (Лагуткина 2018: 136, рис. 3, 3).

Помимо мелких булавок с навершиями в виде птички, на Затьмацком посаде в Твери найдены необычные украшения, которые интерпретируются как булавки с плоским зооморфным навершием (рис. 1, 14, 15) (Солдатенкова 2008: 159, рис. 1, 1, 4). Зооморфные навершия тверских булавок аналогичны фигурным лопалям височных колец, обнаруженным на широкой территории в материалах памятников Русского Севера, Суздальского Ополя, Верхневолжья, Поочья, бассейна р. Вятка и других территорий. Этот тип украшений подробно рассматривается в работах С. Д. Захарова (2004: 170, рис. 51, 2–7), Т. Г. Сарачевой (2007: 82), Н. Н. Грибова (2018: 135). Возможно, тверские находки могли быть деформированными височными кольцами с фигурной лопастью.

Как видим, в costume населения Верхневолжья домонгольской эпохи булавки, характерные для costume прибалтийско-финского и скандинавского населения X–XII вв., использовались очень мало. По формам булавок прямые аналогии в Новгороде имеют предметы из Торжка, являвшегося пригородом Новгорода. В XIII–XIV вв. происходят изменения в составе costume населения Руси. Если в домонгольский период использовались крупные булавки, служившие наряду с фибулами для застегивания одежды, то в период после монгольского нашествия они постепенно выходят из употребления — вероятно, в связи со все большим внедрением застежек на пуговицы. В то же время наблюдается обилие мелких булавок, которые могли служить скорее для скрепления относительно небольших деталей costume, прежде всего частей женского головного убора. Соответственно, можно говорить о дальнейшем формировании сложного многосоставного головного убора, который достаточно полно характеризуют письменные источники периода средневековья. Большинство терминов берестяных грамот XII–XV вв., относящихся к женскому costume, обозначают детали головного убора: чело, убрус, повоец, привитка (Степанова 2010: 91). В XVI–XVII вв. вариантов головных уборов и их деталей становится больше. Кика, подубрусник, подзатыльник, волосник, головное покрывало должны были скрепляться между собой. В целом для costume периода позднего средневековья характерны съёмные, пристежные детали:

ожерелья, зарукавья, запястья, карманы. Сами булавки в русских письменных источниках обозначаются терминами «заноски (занозок)» и «репы» (Жабрева 2016: 392, 401). Ассортимент булавок, происходящих из памятников Тверского Верхневолжья XIV–XVII вв., характеризуется наличием не только широко распространенных «пус-йеппи» с шарообразной и уплощенной головкой, но и предметов с навершиями в виде птички.

Отметим, что в погребальном обряде XIV–XVII вв. на северо-востоке и северо-западе Руси булавки встречаются редко, как и другие металлические детали костюма. Однако отдельные находки все же есть. Например, в некрополе XVI–XVII вв. на Охтинском мысу, оставленном смешанным русским и прибалтийско-финским населением, булавки «пус-йеппи» найдены в женских и детских погребениях на теменной части черепа (Сорокин и др. 2013: 110, рис. 5, 1). Их местоположение подтверждает, что булавки «пус-йеппи» использовались для скрепления головного убора.

Литература и источники

- Васенина 2006 — *Васенина М. Г.* Женский убор финно-угорского населения Молого-Шекснинского междуречья раннего железного века и средневековья // Башенькин А. Н. (ред.-сост.). Вепсы: история, культура, современность: Мат-лы НПК 29 марта 2006 г. Вологда: Областной научно-метод. центр культуры и повышения квалификации, 2006. С. 37–47.
- Вершинский 1913 — *Вершинский А. Н.* Материалы по истории древнерусских одежд. Старинные наряды и головные уборы Тверской губернии // Тверская старина. 1913. № 1. С. 20–24.
- Воронин 1949 — *Воронин Н. Н.* Отчет о раскопках в 1949 г. в г. Старице // НОА ИА РАН. Р-1. № 358.
- Гаген-Торн 1960 — *Гаген-Торн Н. И.* Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1960. 228 с.
- Грибов 2018 — *Грибов Н. Н.* Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН, 2018. 589 с.
- Дашкова и др. 1993 — *Дашкова И. А., Дворников А. С., Хохлов А. Н.* Предварительные итоги исследования комплекса древнерусских памятников у деревень Холмово-Суходол в 1985–1987 годах // Арсланова Ф. Х. (ред.). Археологические памятники на Верхней Волге. Тверь: Изд-во Тверского ГУ, 1993. С. 89–142.
- Жабрева 2016 — *Жабрева А. Э.* Письменные и изобразительные источники по истории русского костюма XI–XVII веков. М.: Петербургское Востоковедение; БАН, 2016. 479 с.
- Жилина 2013 — *Жилина Н. В.* Русский женский головной убор XV–XVII вв. // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 154–174.
- Жукова, Степанова 2010 — *Жукова Е. Н., Степанова Ю. В.* Древнерусские погребальные памятники Верхневолжья. История изучения: Каталог исследованных памятников. Тверь: Научная книга, 2010. 362 с.
- Захаров 2004 — *Захаров С. Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.
- Исланова 2003 — *Исланова И. В.* Работы на городище Отмичи и в Твери // АО 2002 года. М.: Наука, 2003. С. 132–133.
- Кобозева 2003 — *Кобозева Е. В.* Охранные археологические исследования в Твери // АО 2002 года. М.: Наука, 2003. С. 135–136.

- Козлова 2006 — *Козлова А. В.* Восточные традиции украшений и предметов быта из цветных металлов в городах северо-западной Руси и сопредельных территорий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М.: МГУ, 2006. 22 с.
- Колосов 1912 — *Колосов В. И.* Краткое описание Тверского музея. Третья комната музея. Тверь: Губернская типография, 1912. 144 с.
- Лаврова 2010 — *Лаврова Г. А.* Исследования в Твери и Тверской области // АО 2007 года. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 138–140.
- Лагуткин и др. 2019 — *Лагуткин А. В., Лагуткина Е. В., Свирин К. М.* Работы Тверского госуниверситета в г. Твери и Тверской области // АО 2017 года. М.: ИА РАН, 2019. С. 54–56.
- Лагуткина 2018 — *Лагуткина Е. В.* Археология Удомельского Поозерья в контексте истории Новгородской земли (по материалам полевых исследований Тверского госуниверситета) // Вестник Тверского ГУ. Серия: История. Тверь, 2018. № 4. С. 127–146.
- Лагуткина, Степанова 2001 — *Лагуткина Е. В., Степанова Ю. В.* Комплекс археологических памятников у д. Беседы: предварительные итоги исследований // ТАС. 2001. Вып. 4, т. 2. С. 125–138.
- Лапшин 2009 — *Лапшин В. А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 540 с.
- Малыгин 2011 — *Малыгин П. Д.* Берестяные грамоты древнего Торжка (из раскопок 1985 и 1999–2001 гг.). Тверь: Творческая мастерская Л. Юга, 2011. 152 с.
- Носов, Хвощинская 2006 — *Носов Е. Н., Хвощинская Н. В.* Некоторые аспекты изучения кольцевидных булавок на территории Древней Руси // Кирпичников А. Н., Носов Е. Н., Сакса А. И. (ред.). Славяне и финно-угры (контактные зоны и взаимодействие культур): Доклады Российско-Финляндского симпозиума по вопросам археологии и истории (Пушкинские Горы, 7–10 октября 2004 г.). СПб.: Нестор-История; ИИМК РАН, 2006. С. 130–140.
- Персов, Солдатенкова 2007 — *Персов Н. Е., Солдатенкова В. В.* Некоторые итоги изучения одного из средневековых «кварталов» Затьмацкого посада г. Твери (по материалам раскопок 1992–2002 гг.) // ТАС. 2007. Вып. 6, т. 2. С. 345–368.
- Персов и др. 2011 — *Персов Н. Е., Сарачева Т. Г., Солдатенкова В. В.* Археологические свидетельства обработки цветных и драгоценных металлов на тверском Затьмачье в эпоху Средневековья // Археология Подмосковья. 2011. Вып. 7. С. 155–167.
- Плетнев 1903 — *Плетнев В. А.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии: к археологической карте губернии. Тверь: Тверская ученая архивная комиссия, 1903. 519 с.
- Покровская 1995 — *Покровская Л. В.* Булавки с головками сложных форм // ННЗИА. 1995. Вып. 9. С. 181–191.
- Покровская 2003 — *Покровская Л. В.* Финно-угорские украшения в Новгороде XIII века // Макаров Н. А. (отв. ред.). Русь в XIII веке: Древности темного времени: Сб. ст. М.: Наука, 2003. С. 304–314.
- Русский традиционный костюм... 1999 — *Русский традиционный костюм: иллюстрированная энциклопедия / Соснина Н., Шангина И. (авт.-сост.).* СПб.: Искусство, 1999. 400 с.
- Сарачева 2007 — *Сарачева Т. Г.* Ювелирные изделия второй половины XIII — XVI в. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. 2007. Вып. 221. С. 76–90.
- Седова 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 195 с.

- Солдатенкова 2008 — Солдатенкова В. В. Металлические детали одежды и украшения в городском костюме XV–XVI вв. (по материалам раскопа 56 на территории Затьмацкого посада г. Твери) // КСИА. 2008. Вып. 222. С. 153–169.
- Сорокин и др. 2013 — Сорокин П. Е., Андреева О. В., Иванова А. В., Лазаретова Н. И. Археологические исследования Охтинского некрополя // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 103–113.
- Степанова 2010 — Степанова Ю. В. Древнерусский костюм по письменным и археологическим источникам X–XV вв. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2010. № 4 (42). С. 84–92.
- Lehtinen, Sihvo 2005 — *Lehtinen I., Sihvo P. Rahwaan puku (Folk costume)*. Helsinki: Museovirasto, 2005. 280 p.
- Tătaru, Martin 2020 — *Tătaru C., Martin T. A. Pin jewelry pieces from an early 17th century hoard found near Vlădiceasca village, Călărași county* // Рабинович Р. А., Тельнов Н. П. (сост., отв. ред.). «На одно крыло — серебряная, На другое — золотая...»: Сб. ст. памяти С. Рябцевой. Кишинёв: Высшая антропологическая школа, 2020. С. 107–118 (Библиотека «Stratum plus»).
- Архив ТГОМ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 4: Книга поступлений за 1870–1883 гг. Ч. 1 (№ 1–2014); Д. 17: Книга поступлений Тверского музея за 1887–1890 гг. Ч. 3 (№ 3839–6032); Д. 25: Книга поступлений Тверского музея за 1875–1901 гг. Ч. 4 (№ 9017–10286); Д. 26: Книга поступлений археологических предметов в Тверской музей за 1895–1909 гг. Ч. 5 (№ 9017–11925); Д. 56: Отчет о работе и приобретениях Тверского музея за 1913 г.

PINS IN THE UPPER VOLGA COSTUME OF THE XI–XVII CC.

YU. V. STEPANOVA

Keywords: *Middle Ages, Old Rus, Russia, costume, jewelry, pins, adornments.*

The finds of pins in the pre-Mongolian assemblages of the Upper Volga are very rare. These are big bronze and iron objects in the form of rods with a ring, sometimes with a finial in the form of the bird of prey head. The XIII–XIV centuries witnessed changes in the composition of the Russian costume. In particular, clothes with buttons got a wider spread. A new form of pins appears and becomes widely distributed in the XIV–XVII cc. These are small bronze articles in the form of a rod with the diameter of 0,1–0,2 cm and up to 5 cm long. Most pins belong to the «pus-yeppi» type (with a globular or disc-shaped head). In the traditional costume of the Finnish-Ugric peoples of the Volga region such pins served to fasten parts of the headgear, while in the women's costume of South Finland and Tver region of the XVIII–XIX cc. they were used to fasten the topknot to the hair cover. In the literature the spread of the «pus-yeppi» in Rus is considered as a result of influence of the Golden Horde fashion, but in fact their introduction could be a result of the Finnish-Ugric influence as well. Pins with miniature finials in the form of a bird are characteristic of Tver. There are also known pins with finials analogous to the figured blades of temple rings from the sites of Russian North, Suzdal plains, the Upper Volga region, the basins of the Vyatka, Oka, etc. In the women's attire of the Upper Volga region of the XIV–XVII cc. pins were mainly used to fasten the hair to parts of the hair cover.

МАСТЕРСКАЯ КОСТОРЕЗА-БРОННИКА XVI–XVII ВЕКОВ ИЗ СМОЛЕНСКА¹

В. В. МИНЕНКО, К. В. ГОРЛОВ, И. Н. РАЗУМОВ²

Ключевые слова. Смоленск, мастерская бронника, кость, монеты, сырье, инструмент.

В 2004–2005 гг. при раскопках на территории Заднепровского посада Смоленска были выявлены остатки усадьбы XVI — начала XVII в., в границах которой действовала мастерская, осуществлявшая работы по изготовлению и ремонту металлических изделий, в том числе защитного доспеха и предметов из кости и рога. Анализ нумизматического материала показал, что монеты охватывают период со второй половины XVI в. до периода правления Бориса Годунова. Появление ремесленных мастерских, сочетавших в себе изготовление и ремонт доспеха, кузнечно-слесарное и косторезное производство, на этом участке Смоленска связано с присутствием здесь в XVI — начале XVII в. военно-служилого населения (семьи стрельцов?). Это свидетельствует о важности Заднепровской части посада в общей системе обороны города.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-26-147-164

В 2004–2005 гг. на территории Смоленска сотрудниками Деснинской экспедиции Института археологии РАН под руководством В. В. Миненко были проведены спасательные археологические раскопки на участке между современными ул. Желябова и Кашена (в настоящее время адрес участка — пл. Желябова, 1) (Миненко, Зоц 2007: 187–189). Район исследований располагался в правобережной части города, в 385 м к ЮВ от церкви Петра и Павла (1146 г.), к Ю от древней Петропавловской улицы.

В XII–XIV вв. этот участок находился на территории предположительно Городенского конца, а в период XV — начала XVII в. — Заднепровского посада (острога) Смоленска (Сапожников 2016: 57–65, 118, 119) (рис. 1). После осады Смоленска польскими войсками в 1609–1611 гг. эта часть городской территории приходит в запустение, что подтверждается данными археологии и сохранившимися картографическими материалами XVII в. .

В ходе проведенных спасательных раскопок на общей площади 1060 м² были выявлены и изучены участки городской усадебной застройки с жилыми, хозяйственными

¹ К. В. Горловым исследование выполнено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (FMZF-2022-0017).

² В. В. Миненко, И. Н. Разумов — Отдел сохранения археологического наследия, ИА РАН; Москва, 117292, Россия; К. В. Горлов — Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

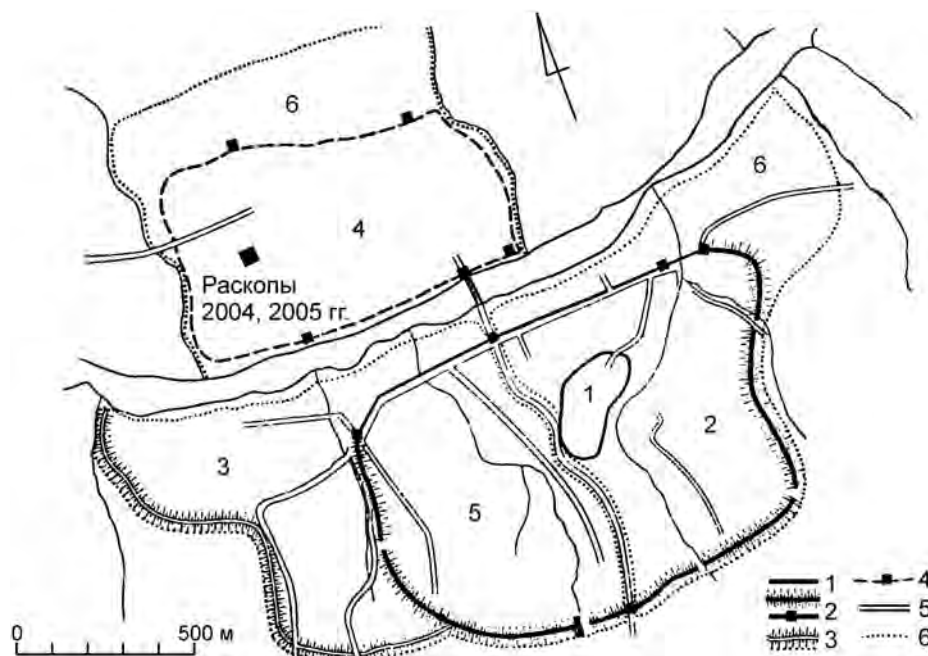

Рис. 1. План средневекового Смоленска с обозначением участка археологических исследований 2004, 2005 гг. на территории бывшего Городенского конца (XII–XIV вв.) и Заднепровского посада (острога) XV — начала XVII в.: 1 — Владычный двор на Соборной горе, с 1136 г.; 2 — «Старый город», не позднее начала XII в.; 3 — Пятницкий острог, вторая половина XII в. (до 1197 г.); 4 — Заднепровский острог, к началу XV в.; 5 — улицы; 6 — границы городских концов (по Н. В. Сапожникову)

Fig. 1. Plan of Medieval Smolensk with the 2004 and 2005 excavation areas on the territory of the former Gorodensky Konets (XII–XIV cc.) and Zadneprovsky faubourg (XV — early XVII c.): 1 — Vladychnyi Dvor on the Cathedral Hill, since 1136; 2 — «Old town», not later than the beginning of the XII c.; 3 — Pyatnitsky stockade, second half of the XII c. (before 1197); 4 — Zadneprovsky stockade, early XV c.; 5 — streets; 6 — boundaries of city districts (according to N. V. Sapozhnikov)

и производственными объектами XII–XIII вв. и XVI — начала XVII в. В результате получена богатая археологическая коллекция, характеризующая материальную культуру средневекового Смоленска (Миненко, Разумов 2019; Миненко и др. 2020; 2022).

На участке 6 раскопа I был обнаружен комплекс объектов (ямы 7, 8, 10), представляющий собой остатки производственного сооружения (рис. 2).

Яма 7 — углубленная часть наземной постройки прямоугольной в плане формы — была ориентирована по оси СЗ–ЮВ. Размеры ямы составляли 450 × 320 × 360 × 330 см. Заполнение ямы — многослойное. Нижнее заполнение четко отделялось от верхнего углистой прослойкой (рис. 2, 1, 2). Глубина ямы от уровня материковой поверхности — 118 см. Стенки ямы слегка наклонные, дно ровное, с углублением в центре. К юго-западной стенке ямы примыкали четыре столбовые ямки округлой в плане формы диаметром 8–18 см и глубиной 3–6 см с заполнением из серого суглинка (Миненко 2012: 109).

Яма 10 в плане имела неправильную, вытянутую форму и была ориентирована по оси СВ–ЮЗ. Размеры ямы: длина по оси СВ–ЮЗ — 360 см, ширина по оси СЗ–ЮВ — до 158 см. Заполнение ямы — многослойное. Нижнее заполнение отделялось от верхнего углистой прослойкой (рис. 2, 1, 3). Глубина ямы от уровня материковой поверхности — 149 см. Стенки ямы слегка наклонные, в южной части уступчатые, дно ровное.

Яма 10 также является углубленной частью наземной постройки, вместе с ямой 7 представляющей собой часть единого комплекса сооружений.

Яма 8 в плане имела прямоугольную форму и была ориентирована по оси СВ–ЮЗ. Размеры ямы составляли 253 × 218 × 289 × 210 см. Заполнение ямы также многослойное. Нижнее заполнение отделялось от верхнего углистой прослойкой (рис. 2, 1, 4). В средней части заполнения — развал печи в виде мощного пятна печины, прослоек золы, скопления крупных валунных камней со следами копоти, единичных включений рваного известнякового камня и обломков красноглиняного печного кирпича (рис. 3).

Глубина ямы 8 от уровня материковой поверхности — 125 см. Стенки ямы слегка наклонные, дно ровное с углублением в северо-восточной части. Внутри ямы по углам и частично вдоль стенок находилось семь столбовых ям.

С юго-восточной стороны к яме примыкал углубленный в материк выступ трапециевидной формы размерами 58 × 63 × 60 × 102 см. На его дне зафиксирована столбовая округлая яма диаметром 55 см и глубиной 29 см с заполнением из серого суглинка с обожженной глиной и тленом.

Яма 8 интерпретируется авторами как углубленная часть наземной постройки производственного назначения.

По итогам анализа материала, происходящего из ям 7, 8 и 10, эти объекты можно датировать XVI — началом XVII в. Кроме массового керамического материала, относящегося к данному периоду, наиболее характерными датирующими предметами в коллекции являются монеты. В ходе разборки заполнения ямы 7 было зарегистрировано шесть единичных нумизматических находок. Коллекция представлена медными маленькими пулами, выпущенными в Твери и Москве, а также изготовленными вне государевых денежных дворов подражаниями таким монетам (табл. 1)³.

К продукции Тверского денежного двора принадлежат три пула. Ранний экземпляр на лицевой стороне несет изображение птицы влево с цветком в клюве, на оборотной имеет частично читающуюся четырехстрочную надпись: ПОУ//ЛОТВЕ/РЬСК/ОЕ (рис. 4, 1; табл. 1, № 2). По систематизации П. Г. Гайдукова, монета принадлежит к типу 358⁴ (Гайдуков 1993: 193). Вероятно, выпуск таких пул начался еще в конце правления Василия III и продолжался в 40-е гг. XVI в. (Зайцев 2006: 42).

Следующий экземпляр, утративший часть монетного поля, на аверсе содержит рельеф в виде птицы влево с распростертыми крыльями. На реверс помещена частично читающаяся четырехстрочная легенда: ПУ//ЛОТВ/ЕРЬСК/ОЕ (рис. 4, 2; табл. 1, № 3). По систематизации П. Г. Гайдукова, монета принадлежит к типу 360 (Гайдуков 1993: 203). Выпуск таких денежных знаков предварительно можно ограничить второй половиной 30-х — концом 50-х гг. XVI в. (Гоняный, Зайцев 2021: 432).

Младшее тверское пуло на лицевой стороне несет изображение птицы вправо с распростертыми крыльями, на оборотной имеет трехстрочную легенду: ПОУЛ//ОТВЕР//СКОЕ (рис. 4, 3; табл. 1, № 6). По систематизации П. Г. Гайдукова, монета относится к типу 362 (Гайдуков 1993: 203). Подобные экземпляры принадлежат к завершающему этапу работы денежного двора в Твери и предварительно могут быть датированы 60-ми гг. XVI в. (Хухарев 2000: 145, 146).

³ Определение монет выполнено К. В. Горловым.

⁴ В. В. Хухаревым для пул типов Г-358, 360 и 362 выделено несколько вариантов, отличающихся между собой мелкими элементами рисунка, однако плохая сохранность рассматриваемого здесь и ниже экземпляров не позволяет отнести их к какой-либо разновидности (Хухарев 2000: 146).

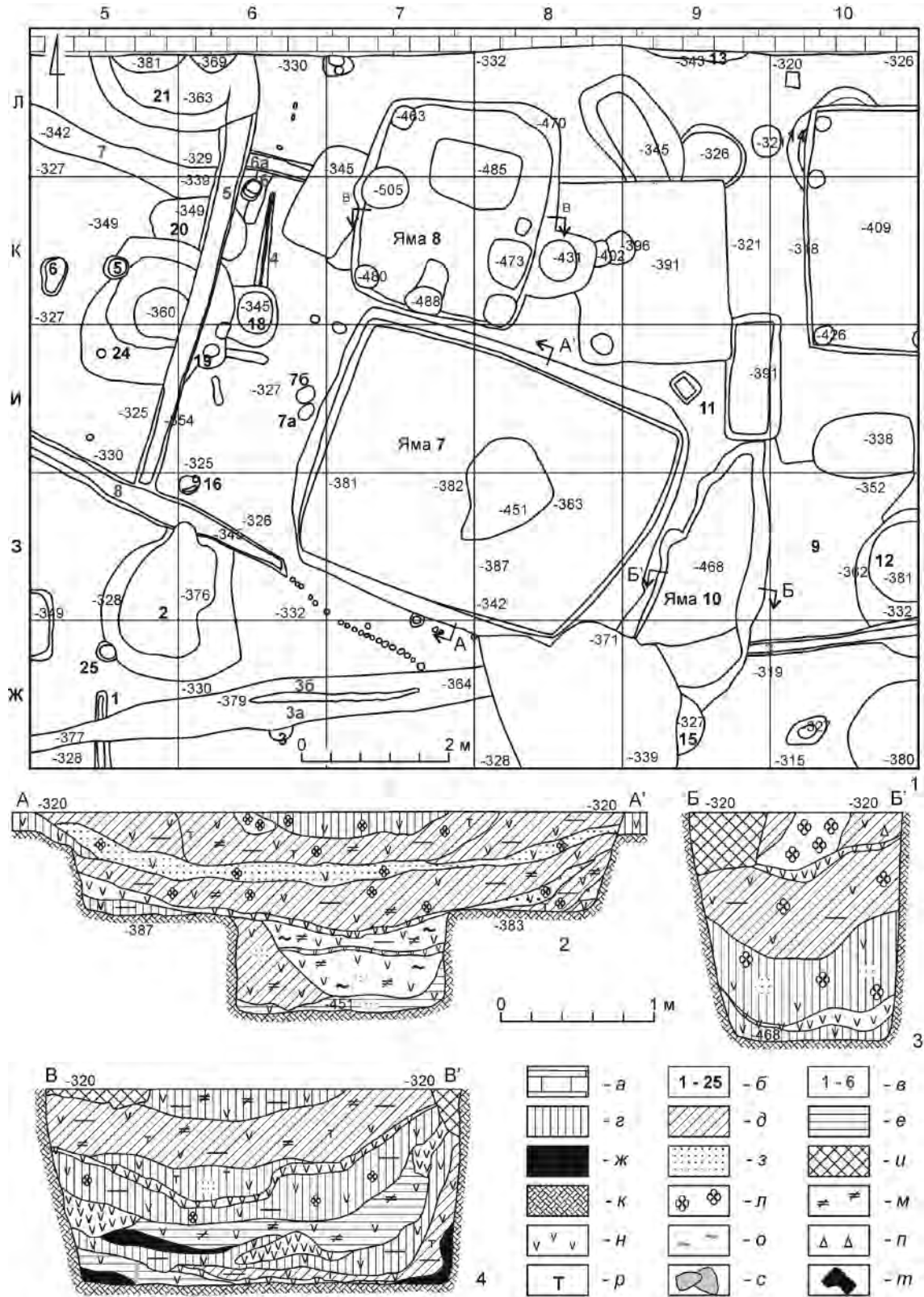

Рис. 2. Смоленск, раскоп I, участок 6. 1 — план зачистки на уровне материка после выборки заполнения объектов; 2–4 — разрезы ям (2 — № 7; 3 — № 10; 4 — № 8). Условные обозначения (для рис. 2, 3): *a* — кладка фундамента; *б* — номера ям; *в* — номера частокольных канавок; *г* — серый суглинок; *д* — темно-серый суглинок; *е* — желто-бурый суглинок; *ж* — черный углистый суглинок; *з* — песок; *и* — поздний перекоп; *к* — материк; *л* — печина; *м* — глина обожженная; *н* — уголь; *о* — зола; *п* — кирпичная крошка; *р* — древесный тлен; *с* — валунные камни; *т* — красный кирпич

Fig. 2. Smolensk, excavation I, area 6. 1 — plan on the level of the natural ground taken after the infill was removed; 2–4 — cross-sections of pits (2 — pit 7; 3 — pit 10; 4 — pit 8). Legend for figs. 2 and 3: *a* — foundation walling; *б* — numbers of pits; *в* — numbers of stockade ditches; *г* — gray loam; *д* — dark gray loam; *е* — yellow-brown loam; *ж* — black coaly loam; *з* — sand; *и* — recent backdirt; *к* — natural ground; *л* — indurated clay; *м* — fired clay; *н* — уголь; *о* — ash; *п* — crushed brick; *р* — wooden decay; *с* — boulders; *т* — red brick

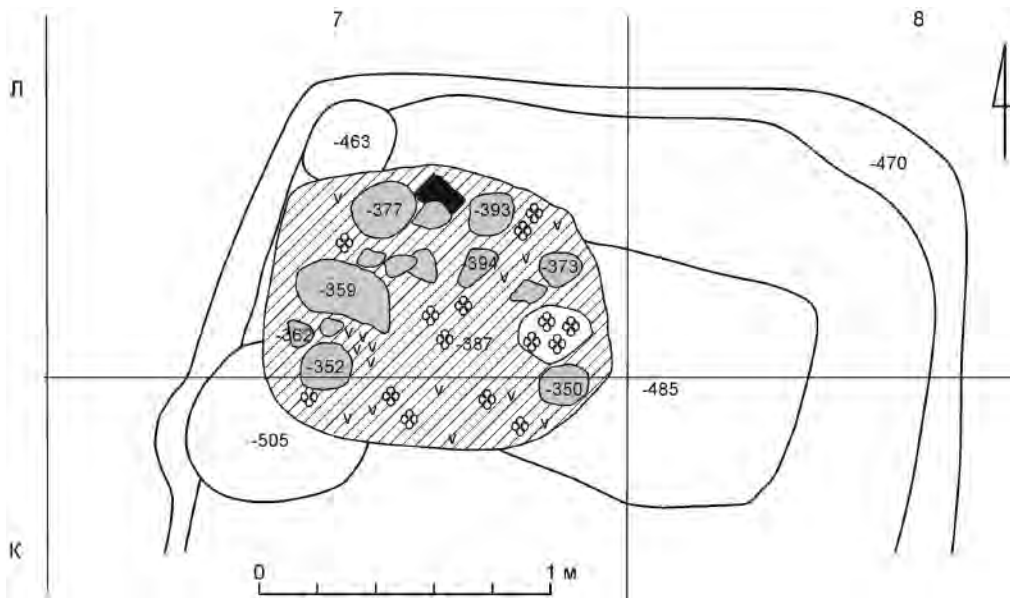

Рис. 3. Смоленск, раскоп I, участок 6, развал печи в заполнении ямы 8

Fig. 3. Smolensk, excavation I, area 6, remains of an oven in pit 8

С московской чеканкой связаны два пула одной разновидности с изображением крылатой сирены на аверсе и четырехстрочной надписью на реверсе: ПОУЛО/ОМОСК/ОВЬСК/ОЕ (рис. 4, 4, 5; табл. 1, № 4, 5). По систематизации П. Г. Гайдукова, оба экземпляра принадлежат к типу 406⁵ (Гайдуков 1993: 202, 203). Эмиссия таких монет началась, вероятнее всего, в середине 30-х гг. XVI в., вскоре после уменьшения весовой нормы серебряных монет (денежная реформа Елены Глинской), и продолжалась как минимум до конца 1560-х гг. (Зайцев 2019б: 179, 180).

Присутствующее в коллекции подражание маленьким пулам на условной лицевой стороне несет изображение двуглавого орла впрямь с распростертыми крыльями. На обороте читаются отдельные буквы многострочной надписи: М С О (рис. 4, 6; табл. 1, № 1). Данный экземпляр отчеканен на заготовке из предварительно

⁵ В. В. Зайцев предложил более дробную классификацию маленьких московских пул с изображением крылатой сирены на лицевой стороне, однако плохая сохранность рассматриваемых экземпляров не позволяет отнести их к какой-либо разновидности (Зайцев 2019б: 180, рис. 1, 10, 11).

Таблица 1. Смоленск, раскоп I, участок 6, медные нумизматические находки из заполнения ям 7 и 10

№	Эмитент	Номинал	Дата чеканки	Место чеканки	Вес, г	Тип*	№ в полев. описи	Кв.	Глуб., см
Яма 7									
1	Нет данных	Подражание маленьким пулам	XVI в.	–	0,300	–	457	И-8	-310
2	Русское царство / Иван IV	Пуло	1530–1540-е гг.	Тверь	0,245	Г-358	651	И-8	-322
3	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло**	Ок. 1535 — кон. 1550-х гг.	Тверь	0,055	Г-360	744	3-7	-337
4	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1536–1560-е гг.	Москва	0,265	Г-405	628	3-7	-357
5	Великое княжество Всея Руси. Русское царство / Иван IV	Пуло	Ок. 1536–1560-е гг.	Москва	0,500	Г-405	569	3-7	-357
6	Русское царство / Иван IV	Пуло	1560-е гг.	Тверь	0,240	Г-362	749	3-7	-366
Яма 10									
7	Нет данных	Подражание маленьким пулам	XVI в.	–	0,320	–	607	3-9	-368

* Типология монет указана на основании классификации Г. П. Гайдукова (1993).

** Часть монеты обломана.

расплющенного куска медной проволоки. Вероятно, прототипом для данного суррогата послужил один из типов московских пул с рельефом в виде двуглавого орла на аверсе и четырехстрочной легендой на реверсе. Выпуск монет с таким оформлением начался в Москве Иваном III во второй половине 1480-х гг. и продолжался при Василии III в 1520-е гг. (Там же: 177). Нельзя исключать возможность использования в качестве образцов для имитаций маленьким пулам продукцию Тверского, Новгородского и Псковского денежных дворов, в оформлении которой также использовался сюжет с двуглавым орлом, однако несколько позже и в меньших масштабах, нежели в столичной чеканке (Зайцев 2019а: 287–289; 2019в: 167).

Следует отметить, что в составе нумизматической коллекции, собранной в 2005 г. на раскопе I, присутствуют семь (включая экземпляр из заполнения ямы 7) подражаний маленьким пулам с одинаковым оформлением, содержащим изображение двуглавого орла на лицевой стороне и многострочную надпись на оборотной. Данные фальсификаты отчеканены на заранее расплющенных проволочных заготовках. Вероятно, эти денежные суррогаты были изготовлены в одной из смоленских мастерских, однако данный вопрос требует подробного дальнейшего рассмотрения, выходящего за рамки настоящей статьи.

По мнению В. В. Зайцева, во время правления Василия III чеканка пул в Москве была эпизодической, отчасти по причине присутствия в это время в обороте большого числа средств расчета, изготовленных вне государевых денежных дворов. На этом этапе

Рис. 4. Смоленск, раскоп I, участок 6, нумизматические находки из заполнения ям 7 и 10. 1–7 — медный сплав

Fig. 4. Smolensk, excavation I, area 6, coins from pits 7 and 10. 1–7 — copper alloy

денежные суррогаты не выбраковывались населением, а являлись полноправными участниками торговых сделок. В конце 1530-х — начале 1540-х гг. русское денежное обращение полностью очистилось от многообразных медных монет XV — первой трети XVI в., а также от всякого рода кустарных подражаний пулам (Зайцев 1995: 27; 2019б: 179).

Пула, имевшие низкую реальную стоимость, были в значительной степени востребованы в «мелочной» торговле, в связи с чем на протяжении XVI в. выпускались значительными тиражами, освобождая большое количество серебра для крупных финансовых операций (Гайдуков 1993: 74–76; Зайцев 2004: 78, 79; 2018: 181). По подсчетам П. Г. Гайдукова, после денежной реформы 1530-х гг. число пул в копейке составляло 60 или 70. К концу XVI в. это соотношение изменяется до 1 : 120 (Гайдуков 1993: 76). Низкая ценность пул делала возможным их частое выпадение из оборота, например, в виде обычных потерь, что в случае с серебряными полушками, денгами и копейками происходило гораздо реже⁶.

О месте медной монеты в русской денежной системе есть сведения в записках путешественников и дипломатов. Так, Д. Гесси под 1554 г. указывал: «Однако есть там медные монеты, служащие для облегчения московских бедняков и только для покупки кваса, воды и фруктов, например орехов, яблок и т. п.» (Там же: 74).

Присутствие пул на многочисленных селищах и мелких городищах позволяет изменить господствующее до недавнего времени мнение о них как о чисто городской монете.

⁶ Показательно соотношение количества находок серебряных копеек и пул, полученных при археологических раскопках Романова двора, когда в горизонте 2 на две серебряные копейки Ивана IV пришлось 86 пул, то есть 1 : 43 (Кренке и др. 2009: 103, 104).

Их массовая чеканка в конце XIV — первой половине XV в. и активное участие в денежном обращении на обширной территории русского государства могут свидетельствовать о высокой степени развития товарно-денежных отношений (Зайцев 2004: 78, 79).

Результаты археологических раскопок в Москве, Твери и других городах показывают, что в обращении маленькие пула сохранялись вплоть до конца XVI в.⁷ В культурном слое XVII в. они полностью отсутствуют по причине полного обесценивания в результате продовольственного кризиса и голода 1602–1603 гг.⁸ (Гайдуков 1993: 73; Зайцев 2018: 181, 182).

Все монетные находки были сосредоточены в верхней половине заполнения ямы 7, где также выделяется несколько прослоек. В нижнем слое темно-серого суглинка с угольками, печиной, обожженной глиной и тленом найдено младшее в коллекции тверское пуло Г-362, датированное 1560-ми гг. В этом же слое зафиксировано и московское пуло Г-405, чеканенное со второй половины 1530 до 1560-х гг. Аналогичная монета была обнаружена в прослойке песка с вкраплениями угольков и печины, разделяющей верхнее заполнение ямы на две части. В слое темно-серого суглинка, лежащего поверх песчаной прослойки, зарегистрированы два тверских пула, принадлежащих к типам Г-360 и Г-358, выпущенных в 1530–1550-е гг. На отметке –310 см в напластованиях, тесно связанных с заполнением ямы 7 (затек или заброс объекта культурным слоем уже после прекращения его функционирования), найдено подражание маленькому пулу с двуглавым орлом на лицевой стороне, датировку которого есть основания ограничить первой третью XVI в.

Обращение к особенностям стратиграфического положения нумизматических находок в верхней части заполнения ямы 7 позволяет отметить, что с самой нижней отметкой (–366 см) связана наиболее поздняя монета 1560-х гг. В верхних напластованиях найдены более ранние по времени чеканки монеты, представляющие, однако, одновременный круг денежного обращения 2-й половины XVI в. С этим коррелирует и отсутствие здесь больших московских пул, по классификации П. Г. Гайдукова, принадлежащих типам 401 и 403, эмиссия которых происходила в первой половине 1530-х гг. (Гайдуков 1993: 202; Зайцев 2019б: 179). В коллекции, полученной в ходе раскопок Смоленска в 2005 г. (раскопы I и II), присутствуют 20 таких монет. Верхняя дата рассматриваемого слоя может быть ограничена временем выхода из обращения пул, которое, вероятнее всего, приходится на период правления Бориса Годунова.

Расположение монет в слое в виде стройной цепочки от поздних экземпляров к ранним могло сложиться в ситуации засыпки котлована некогда существовавшей здесь постройки после ее гибели в пожаре грунтом, взятым в непосредственной близости от него, в результате чего образовалась «обратная стратиграфия». Аналогичные случаи неоднократно прослежены в ходе археологического изучения как городских, так и сельских памятников (Смирнов и др. 2018: 283–285; Сафарова и др. 2019: 196–200).

В ходе разборки заполнения постройки 10 была обнаружена только одна нумизматическая находка, представленная подражанием маленькому пулу с изображением двуглавого орла с распростертыми крыльями на лицевой стороне и строчной надписью на оборотной, аналог которого был найден при исследовании постройки 7 и описан

⁷ Мнение А. В. Быкова о том, что пулы, изготовленные в XVI в., оставались в обращении на протяжении всего следующего столетия, следует считать ошибочным (Быков 1988: 6–13; 2001: 146).

⁸ Цены на хлеб в центральных районах страны к 1603 г. выросли более чем в 20 раз (Зайцев 2018: 181, 182).

выше. На данном экземпляре оказались плохо прочеканенными рельефы как лицевой, так и оборотной сторон (рис. 4, 7; табл. 1, № 7).

Обнаруженные в ходе исследования постройек 7 и 10 маленькие пула принадлежат к одним из наиболее массовых типов, чеканенных в Твери и Москве. Находки таких монет часто встречаются при археологическом исследовании как городских слоев, так и сельских памятников. Часто пула включали в состав погребального инвентаря (Новиков, Хухарев 1999: 155; Быков 2001: 146; Ткаченко 2002: 252–255; Кренке и др. 2009: 101–109; Волков 2017: 151–157; Лазарев 2017: 158–165).

Следует отметить, что в рассмотренной коллекции наблюдается почти равное количественное соотношение продукции Московского и Тверского денежных дворов.

Комплекс ям 7, 8 и 10 привлек к себе внимание уже в ходе проведения раскопок, поскольку именно здесь была прослежена наибольшая концентрация предметов из кости и рога. В то время как на всей территории участка 6 было найдено 42 изделия, их фрагментов и заготовок из кости и рога (40 % от общего количества подобных изделий, найденных на раскопе I), в заполнении ям 7, 8 и 10 и в непосредственной близости от них было обнаружено 36 изделий, фрагментов или заготовок. Подобных скоплений на территории раскопок 2004–2005 гг. более не наблюдалось (рис. 5, 1).

В заполнении ямы 7 было найдено 40 костей животных, в том числе восемь опиленных, а также одно полное орнаментированное изделие из кости и 18 фрагментов и заготовок изделий (в том числе семь опиленных рогов, пять заготовок и шесть фрагментов изделий из кости). В заполнении ямы 10 найдено четыре кости животных, а также два опиленных рога, два фрагмента изделий и семь заготовок изделий из кости. Кроме того, в непосредственной близости от ям 7 и 10 в заполнении пласта 16 (гл. –300 / –320 см) были найдены орнаментированная костяная рукоять, четыре фрагмента изделий и фрагмент заготовки изделия из кости.

Следующей особенностью, которую отметили авторы настоящей статьи, была наибольшая концентрация кольчужных колец в ямах 7 и 8 участка 6 (в совокупности — 45 экз.), что составляет 42,9 % от всех подобных находок на раскопе I 2005 г. (всего было обнаружено 111 кольчужных колец, из них только шесть — на раскопе II) (рис. 5, 2).

Для сравнения, на втором по количеству находок кольчужных колец (41 экз.) участке 7 раскопа I их распределение более равномерное, при этом значительная часть происходит из культурного слоя (рис. 5, 3).

Кроме того, из общего числа (192 экз.) швейных игл, найденных на раскопах I и II, на раскопе I было обнаружено 147 иголок, и при этом 72 из них — на участке 6. Подавляющее их количество приходится опять же на комплекс ям 7, 8 и 10 (рис. 5, 4).

Подобная концентрация на небольшой территории изделий и их заготовок из металла, кости и рога позволила выдвинуть предположение о наличии в этой части Заднепровского посада средневекового Смоленска мастерской, специализирующейся на металлообработке и изготовлении изделий из кости.

Общими признаками производства, позволяющими на основе анализа археологического материала судить о его присутствии в конкретном месте, являются: наличие сырья, заготовок, полуфабрикатов, готовых и бракованных изделий (сюда же можно добавить и наличие отходов производства); массовый характер всех вышеперечисленных признаков; инструментарий; специализированные орудия; устойчивые приемы обработки (Бородовский 1997).

Рассмотрим наличие указанных признаков в археологическом материале из раскопок 2004–2005 гг.

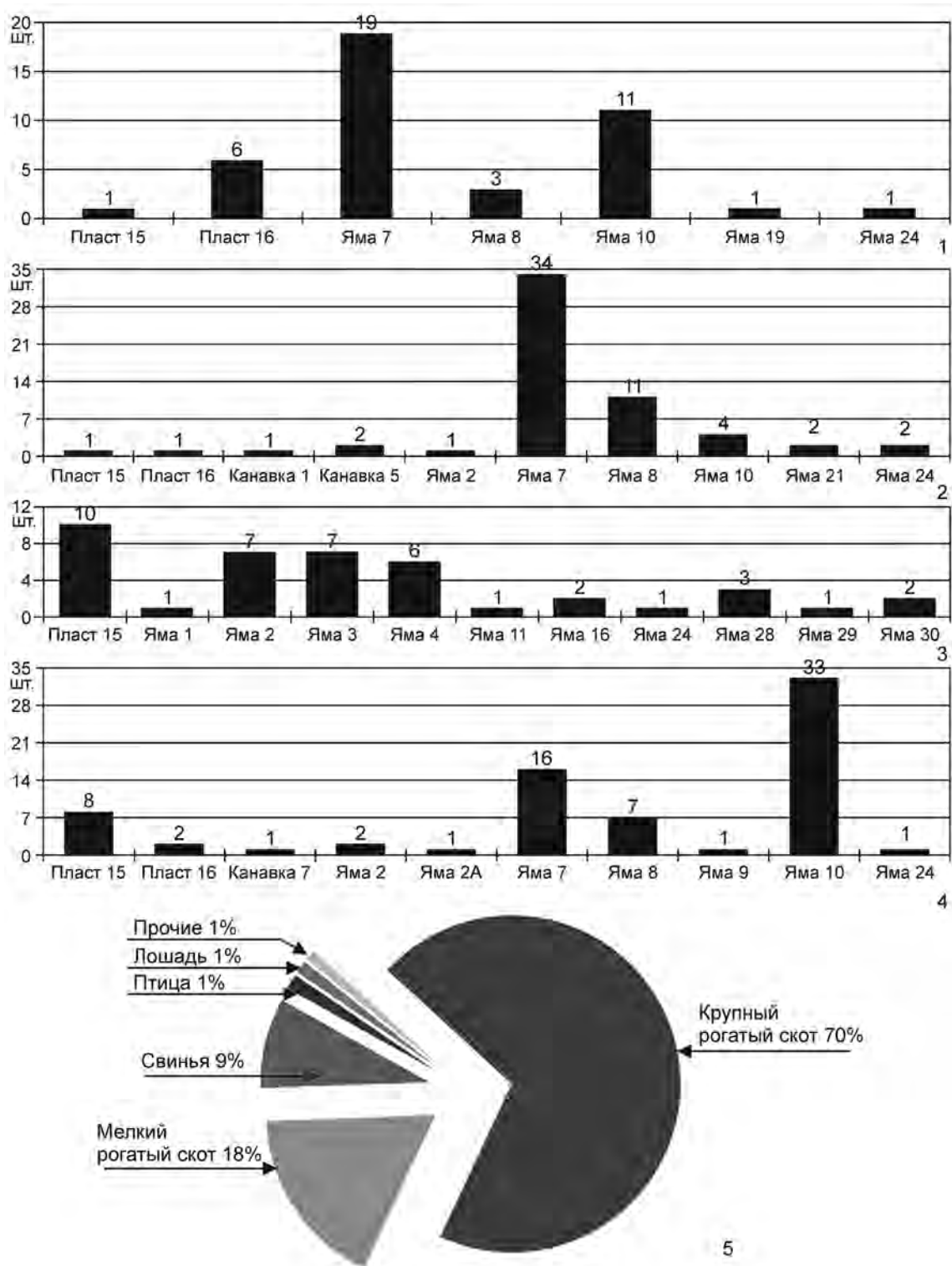

Рис. 5. Смоленск, раскопы 2004, 2005 гг. 1–4 — раскоп I, диаграммы распределения находок по пластам и объектам: 1, 2, 4 — участок 6 (1 — изделия из кости и рога; 2 — кольчужные кольца; 4 — швейные иглы); 3 — участок 7, кольчужные кольца; 5 — распределение остеологического материала

Fig. 5. Smolensk, excavation areas of 2004–2005. 1–4 — excavation I, diagrams showing the distribution of finds by layer and objects: 1, 2, 4 — area 6 (1 — bone and antler objects; 2 — armor rings; 4 — needles); 3 — area 7, armor rings; 5 — distribution of osteological materials

Анализ видового и количественного состава остеологического материала частично был опубликован ранее (Чубур, Миненко 2008: 42–52). На диаграмме приведено распределение остеологического материала из раскопок 2004–2005 гг. по видам животных (рис. 5, 5).

Основная часть изученных костных остатков (70 %) в коллекции принадлежит крупному рогатому скоту. Подобные высокие показатели в выборке объясняются тем, что значительная часть таких костей доставлялась сюда для последующей обработки, и не отражают структуру поголовья городского стада.

Вторая по численности группа костного материала (18 %) принадлежит мелкому рогатому скоту. В этой группе большинство костных остатков можно соотнести с овцой (не менее 10 особей), тогда как особей коз выявлено не более четырех. Следы обработки имеются на единичных фрагментах.

Все встреченные костные останки домашней свиньи (178 костей от девяти особей, включая четыре кости от одной особи из домонгольской постройки) носят исключительно кухонный характер. На некоторых костях прослеживаются следы скобления и срезания мяса.

Костные останки лошадей крайне малочисленны (25 костей, принадлежащих трем особям), автоподии были использованы для производства изделий. Птичьи кости в раскопах 2004, 2005 гг. принадлежали преимущественно домашним курам и уткам.

Среди прочих остеологических материалов — кости трех не очень крупных собак. Кости диких животных представлены рогами косули и лося.

Основным видом сырья для косторезного производства на изученном участке являлись трубчатые кости крупного рогатого скота, в единичных случаях использовались кости мелкого рогатого скота и лошади, в качестве рогового сырья — рога лося и косули. Полые рога, а также клыки и зубы животных, видимо, не применялись, во всяком случае в процессе работ они не были обнаружены.

Заготовки и полуфабрикаты изделий из трубчатой кости представлены преимущественно двумя типами: это цилиндрические предметы, полученные в результате удаления двух эпифизов, и крупные пластины, получаемые после удаления двух эпифизов и расчленения диафиза.

Среди готовых изделий, происходящих из ям 7, 8 и 10, стоит отметить детали наборных рукоятей — объемные обоймы или муфты (?) с нарезным линейным и циркульным орнаментом на боковой поверхности, а также изделия, которые можно условно отнести к рукоятям орудий или же игольникам. Между собой они различаются, как правило, размерами и типом орнамента. Рукояти орудий (?) округлого сечения с нарезным линейным орнаментом по своим размерам и конфигурации близки к рукояткам ножей. Однако они имеют большой внутренний диаметр, не позволяющий закрепить нож (рис. 6, 1–6). Тщательная выделка внутренней полости и богатая орнаментация поверхности не исключают возможности использования подобных изделий в качестве украшений, амулетов или футляров для хранения мелких предметов, в том числе игл (Флёрова 2001: 78–80). Составные рукояти орудий (?) округлого сечения с нарезным линейным, циркульным и точечным орнаментом имеют сквозную внутреннюю полость и могут трактоваться как навершия, но однозначно определить назначение этих предметов пока невозможно. Аналогичны им изделия, имеющие поперечные отверстия для подвешивания, что считается характерным признаком игольников (в пользу этой версии свидетельствует и обнаружение в ходе работ значительного количества железных швейных игл, о чем было сказано ранее).

Орнаментацию изделий можно разделить на несколько типов: 1) нарезной (прочерченный) орнамент в виде параллельных многорядных линий, нанесенный резцом или специальным зубчатым колесиком, покрывает не всю поверхность изделий, но чаще собран в отдельные зоны, орнаментированные и неорнаментированные участки чередуются; 2) резной точечный орнамент в виде треугольной фигуры; 3) резной орнамент в виде ромбов с циркульным орнаментом на вершинах ромбов; 4) циркульный орнамент в виде одинарной окружности с точкой в центре; 5) циркульный орнамент в виде нескольких окружностей, нанесенный двух- и трехзубым инструментом наподобие циркуля; 6) рельефный орнамент.

Бракованные изделия (рис. 6, 7–9) представлены фрагментами различных предметов всех рассмотренных выше типов.

Массовость материала подтверждается наличием в коллекции не только и не столько единичных находок, но нескольких десятков различных предметов.

Что касается инструментария и использования специализированных орудий, то анализ следов на изделиях из трубчатой кости свидетельствует о применении при их обработке ножей (для снятия щепы первичного стесывания), зубчатых пил и ножовок (для отделения эпифизов), свёрл (при необходимости удаления внутреннего губчатого костного вещества), столярного топора (для раскалывания кости на крупные пластины), токарного станка с резцом для обточки заготовки и нанесения орнамента на поверхность изделия.

Если говорить об использовании при производстве продукции устойчивых приемов обработки, то схему раскроя и расщепления исходного сырья (трубчатой кости) можно реконструировать следующим образом. Изначально выбиралась подходящая кость (как правило, в этой роли выступали плюсневые и пястные кости животных), с которой ножом снималась щепа первичного стесывания. Затем пилой или ножовкой отпиливались эпифизные части кости (характерен пропил не до конца изделия, а его слом в конечной стадии распиловки), а из мозгового канала центральной диафизной части удалялось губчатое вещество. Полученная в результате заготовка цилиндрической формы в дальнейшем обрабатывалась на токарном станке (изделию придавали нужную форму, обтачивая поверхность), на изделие наносился орнамент, и оно срезалось с заготовки. Либо центральная часть заготовки раскалывалась на крупные пластины подпрямоугольной формы, которые в дальнейшем или выпрямлялись и тоже обрабатывались на токарном станке, или использовалась первоначальная форма заготовки, а изделие обрабатывалось острым металлическим орудием (ножом) и шлифовалось абразивным материалом.

Таким образом, на основании полученного материала можно утверждать о наличии на исследованном участке позднесредневекового Смоленска восьми из девяти признаков косторезного производства. В ходе раскопок не обнаружены лишь специализированные орудия — детали токарного станка для нарезки и обточки изделий, тонкие металлические пилы, циркульные и другие виды токарных резцов.

В то же время на исследованном участке был обнаружен специализированный инструмент для обработки металла — железный молоток с клином, пробойники (воротки) и обломок зубила (рис. 7, 5–9).

Молоток (железная головка) относится к универсальному типу (Колчин 1953: 59), он мог применяться для работы с изделиями из черного или цветного металла. С одной его стороны расположена ударная часть — уплощенный боек прямоугольного сечения, размером 1,2 × 1,9 см, со следами сработанности рабочей поверхности. С противоположной стороны — задок-остряк, который имел расширяющееся лезвие

Рис. 6. Смоленск, раскоп I, участок 6, изделия из кости: 1 — обойма (муфта?) объемная с нарезным линейным и циркульным орнаментом; 2 — рукоять орудия (?) округлого сечения с нарезным линейным орнаментом; 3–5 — составные рукояти орудий и игольники (?) округлого сечения с нарезным линейным, циркульным и точечным орнаментом; 6 — игольник (?) округлого сечения с нарезным линейным и циркульным орнаментом и поперечным отверстием для подвешивания; 7–9 — бракованные предметы

Fig. 6. Smolensk, excavation I, area 6, bone articles: 1 — socket decorated with incised linear and circular patterns; 2 — handle of a tool (?) of round cross-section with incised linear ornamentation; 3–5 — composite handles and needle-cases (?) of round cross-section decorated with incised linear, circular and dotted patterns; 6 — needle-case (?) of round cross-section decorated with incised linear and circular patterns, transversely perforated for suspension; 7–9 — spoiled products

(шириной 5 см) с полукруглой рабочей частью. Вертикальная втулка — округлой формы диаметром 2,2–2,7 см, с расширением в верхней части. Для прочного крепления на деревянной рукояти и предотвращения соскальзывания во время работы головка молотка дополнительно фиксировалась посредством железного клина подпрямоугольного сечения. Вес железной головки — 338 г, клина — 10 г, что позволяет отнести этот инструмент к группе молотков-ручников (Колчин 1953: 59).

В качестве исходного сырья для металлообработки служила железная проволока, множественные обрезки которой были найдены в ходе работ, а также железные пластины, дошедшие до нашего времени в виде мелких фрагментов.

Располагавшаяся на исследованном участке мастерская специализировалась по меньшей мере на двух направлениях работы с металлом. Прежде всего это изготовление

Рис. 7. Смоленск, раскоп I, участок 6, фрагменты воинского оборонительного снаряжения и предметы вооружения (1–4) и кузнечно-слесарный инструмент (5–9): 1 — пластина от клепано-пришивного чешуйчатого доспеха; 2, 3 — обломки пластин от кольчато-пластинчатого доспеха (бекхтерец?); 4 — фрагмент широколопастного рассекающего наконечника; 5, 6 — пробойники (бородки); 7 — обломок зубила; 8 — клин для крепления деревянной рукояти молотка; 9 — молоток. 1–9 — железо

Fig. 7. Smolensk, excavation I, area 6, fragments of armor and weaponry (1–4) and blacksmith and locksmith tools (5–9): 1 — plate from riveted-attached scaly armor; 2, 3 — fragments of plates from ring-plate armor (bekhterets?); 4 — fragment of a broad-bladed spearhead; 5, 6 — puncheons (borodki); 7 — chisel fragment; 8 — wedge for installing a handle on a hammer; 9 — hammer. 1–9 — iron

и ремонт индивидуального защитного доспеха, поскольку среди найденных металлических изделий значительную часть занимают кольчужные кольца, а также пластины доспеха и их фрагменты.

Как было отмечено ранее, всего в культурных слоях раскопов I и II найдено 111 экземпляров кольчужных колец (рис. 8), из них 62 представлены во фрагментах, половина из которых сохранили детали крепления. Все кольца изготовлены из проволоки уплощенно-овальной формы. Диаметр кольца определяется по всем фрагментам и варьируется от 7,5 до 12 мм с толщиной дрота 1,0–1,5 мм. Целых просечных колец найдено восемь экземпляров. Целых колец с фиксируемым креплением — 15, целых колец разомкнутых (раскушенных) — 26 экземпляров. Диаметр 7,5 мм относится только к 5 % от общего числа колец, которые являются просечными по способу изготовления. Кольца с сохранившимися элементами крепления имеют в своей основе крепление «на шип», что может указывать на их отношение к панцирно-кольчатому доспеху.

С большой долей вероятности к элементам доспеха можно отнести три фрагментарные пластины шириной 15 мм и толщиной 1 мм с двумя отверстиями по краю,

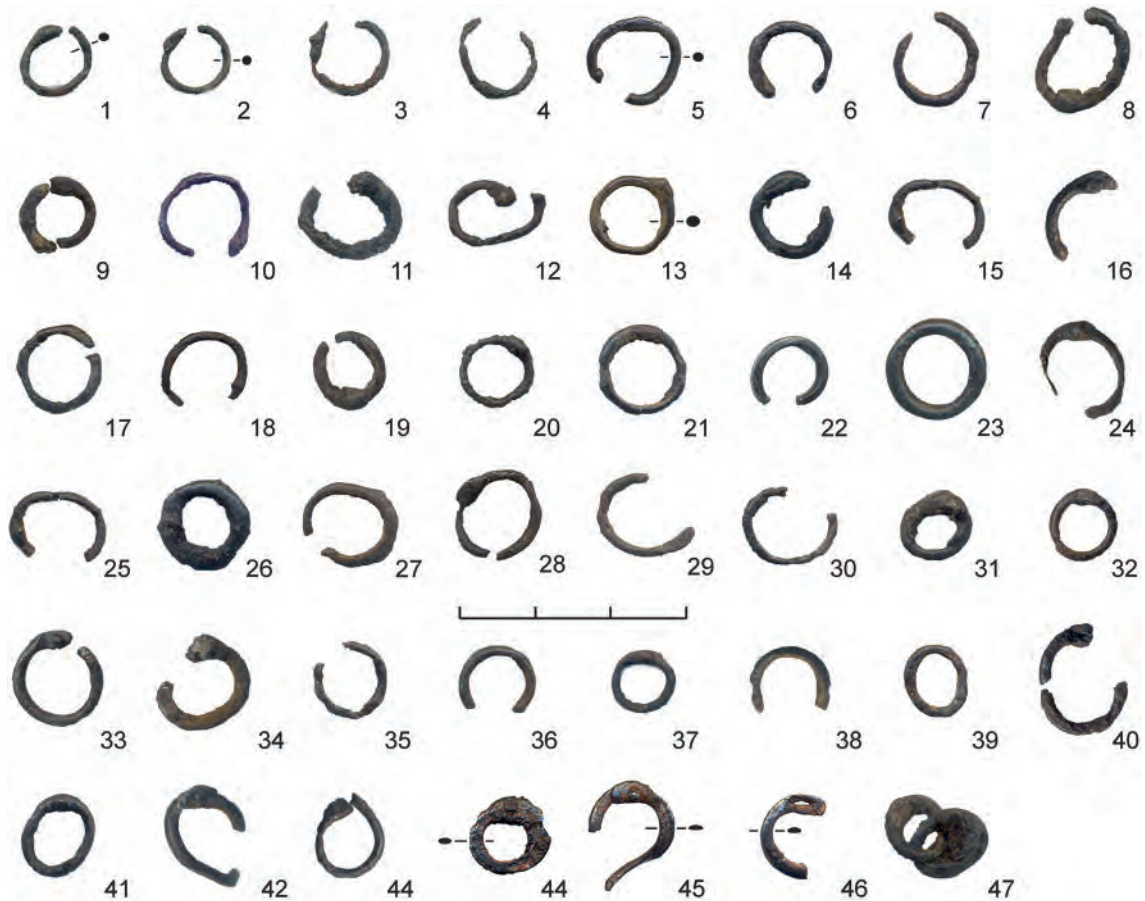

Рис. 8. Смоленск, раскоп I, участок 6, кольчужные железные кольца и их фрагменты
 Fig. 8. Smolensk, excavation I, area 6, iron armor rings and their fragments

диаметром 2–3 мм (рис. 7, 1–3). Они происходят из заполнения ямы 7. Не исключено, что это обломки кольчато-пластинчатого доспеха — бехтерца. Кольчато-пластинчатый доспех является сочетанием кольчатого плетения и включенных в него металлических пластин. Появляется он в XIV в. и вскоре становится доминирующим видом пластинчатых доспехов мусульманского Востока и Руси. В таком качестве он просуществовал до XVII в., когда употребление доспеха практически совсем прекратилось.

Второе направление металлообработки носило сугубо бытовой характер — это производство швейных игл, во множестве найденных на исследованном участке как в виде целых изделий, так и их фрагментов, о чем мы говорили ранее.

Из прочих предметов, непосредственно связанных с исследованным производственным комплексом, стоит отметить находку в яме 8 обломка копья (размеры сохранившейся части: длина 3,3 см, ширина 1,7 см; сечение овально-заостренное, толщиной 0,7 см; тип неопределим), а также фрагмента черешкового рассекающего широколопастного наконечника стрелы (рис. 7, 4). Длина сохранившейся части пера — 47 мм, ширина пера — 20 мм, длина черешка — до 35 мм; вес — 8,8 г. Наконечник стрелы ромбовидный с расширением в нижней трети, с упором (тип 15 по О. В. Двуреченскому) (Двуреченский 2007; 2015). Вероятно, эти предметы попали в мастерскую в качестве сопутствующих и не входили в «номенклатуру» изделий, производившихся в данном месте.

Кроме того, возможно, в данной мастерской производилась также отливка свинцовых пуль для огнестрельного оружия, несколько экземпляров которых были найдены в заполнении ям 7 и 10 (Миненко и др. 2020). Однако имеющегося в нашем распоряжении материала, к сожалению, недостаточно для подтверждения данной гипотезы.

Таким образом, анализ остеологического материала, металлических изделий и иных предметов, найденных в ходе раскопок 2004–2005 гг., позволяет утверждать, что в XVI — начале XVII в. в этой части Заднепровского посада средневекового Смоленска действовала мастерская по ремонту защитного доспеха, а также изготовлению бытовых изделий (швейных игл) и изделий кости и рога, ориентированная на массового потребителя. О рыночном, а не домашнем характере данного производства можно судить, с одной стороны, по отсутствию штучных предметов уникальной формы со сложными техническими приемами обработки (резьба) и индивидуальным орнаментом, а с другой — по наличию большого количества однотипных заготовок, готовых и бракованных изделий. Примеры совмещения разных видов ремесла (в первой половине XVI в. — ювелирного и косторезного) отмечены при раскопках на территории Смоленска (Асташова 1993: 78). Подобная мастерская «бронника» с элементами панцирного и кольчужного доспеха, обрезками железной проволоки, иглами и ремесленным инструментарием (правда, относящаяся к более раннему времени, XIII–XIV вв.) была найдена и при раскопках на посаде Можайского кремля в 2006 г. (Меншиков 2008: 146–151).

Возможно, появление ремесленных мастерских, сочетавших в себе изготовление и ремонт доспеха, кузнечно-слесарное и косторезное производство, на этом участке городской территории Смоленска связано с присутствием в XVI — начале XVII в. здесь военно-служилого населения (семьи стрельцов?). В свою очередь, это свидетельствует о важности Заднепровской части посада в общей системе обороны города, что подкрепляется не только данными письменных источников, но и археологическими находками.

Литература и источники

- Асташова 1993 — *Асташова Н. И.* Костяные изделия средневекового Смоленска // Недошивина Н. Г. (отв. ред.). Средневековые древности Восточной Европы: Сб. ст. М.: ГИМ, 1993. С. 69–78 (Тр. ГИМ. Вып. 82).
- Бородовский 1997 — *Бородовский А. П.* Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. — первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.
- Быков 1988 — *Быков А. В.* О содержании термина «пирог» в денежном обращении России XVII в. // Нумизматика: Материалы и исследования. Нумизматический сб. М.: ГИМ, 1988. Ч. 10. С. 6–13 (Тр. ГИМ. Вып. 69).
- Быков 2001 — *Быков А. В.* «Обол Харона» русских кладбищ второй половины XVII — первой половины XVIII в. (на примере подъемного материала из Вологды) // Калинин В. А. (отв. ред.). Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. (Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.). СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. Вып. 9. С. 145, 146.
- Волков 2017 — *Волков В. А.* Тверские монеты в денежном обращении Смоленской земли XV–XVI вв. // ТТЗСТЭС. 2017. Вып. 10. С. 151–157.
- Гайдуков 1993 — *Гайдуков П. Г.* Медные русские монеты конца XIV — XVI веков. М.: Наука, 1993. 293 с.
- Гоняный, Зайцев 2021 — *Гоняный М. И., Зайцев В. В.* Два монетных комплекса XVI в., обнаруженных на селище Спас-Купля 1 в Новой Москве // Зайцев В. В. (отв. ред.) и др.

- Средневековая нумизматика Восточной Европы: нумизматический сб. М.: Контраст, 2021. Вып. 9. С. 420–436.
- Двуреченский 2007 — *Двуреченский О. В.* Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII вв. // *Энговатова А. В.* (отв. ред.). Археология Подмосковья: Мат-лы научного семинара. М.: ИА РАН, 2007. Вып. 3. С. 277–331.
- Двуреченский 2015 — *Двуреченский О. В.* Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула: Куликово поле, 2015. 498 с.
- Зайцев 1995 — *Зайцев В. В.* Пула XV–XVI вв. из археологических раскопок в Москве 1993–1994 гг. // *Быков А. В.* (отв. ред.). Международный нумизматический альманах «Монета». Вологда: Ардвисура, 1995. Вып. 3. С. 22–30.
- Зайцев 2004 — *Зайцев В. В.* Русские монеты // *Энговатова А. В.* (ред.-сост.). Средневековое поселение Настасьино. М.: ИА РАН, 2004. С. 74–80 (Тр. Подмосковной экспедиции ИА РАН. Т. 2).
- Зайцев 2006 — *Зайцев В. В.* Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев: ЮНО-НА-монета, 2006. 206 с.
- Зайцев 2018 — *Зайцев В. В.* Денга Бориса Годунова и некоторые вопросы участия мелких номиналов в обращении в начале XVII в. // *Захаров Е. В.* (отв. ред.). Нумизматические чтения ГИМ 2018 года: Мат-лы докл. и сообщ. (Москва, 27, 28 ноября 2018 г.). М.: ГИМ, 2018. С. 179–184.
- Зайцев 2019а — *Зайцев В. В.* Медные монеты новгородской чеканки XV–XVI вв. // *Гулецкий Д. В.* (ред.). Русь, Литва, Орда в памятниках нумизматики и сфрагистики. Тула: Борис-Принт, 2019. Вып. 7. С. 284–292.
- Зайцев 2019б — *Зайцев В. В.* О датировке некоторых типов поздних московских пул // *Захаров Е. В.* (отв. ред.). Нумизматические чтения ГИМ 2019 года: Мат-лы докл. и сообщ. (Москва, 26, 27 ноября 2019 г.). М.: ГИМ, 2019. С. 174–181.
- Зайцев 2019в — *Зайцев В. В.* О датировке различных типов новгородских пул XV–XVI вв. // *Гайдуков П. Г.* и др. (ред. кол.). Двадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. (Великий Новгород, 16–20 апреля 2019 г.). М.: Новгородский гос. объединенный музей-заповедник; ГИМ; ГЭ; ИА РАН, 2019. С. 164–168.
- Колчин 1953 — *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М.: АН СССР, 1953. 259 с. (МИА. № 32).
- Кренке и др. 2009 — *Кренке Н. А., Гайдуков П. Г., Янишевский Б. Е., Беляев Л. А., Жуковский М. О., Молошникова М. А., Рыбина Л. А., Курмановский В. С., Мирясова А. А., Глазунова О. Н., Седлачкова Х., Смирнова И. П., Глазунова А. Н., Калякин В. Н., Ланцева М. Е., Цепкин Е. А., Александровский А. Л., Александровская Е. И., Спиридонова Е. А., Алёшинская А. С., Богаткина О. Г., Олейников О. М., Медведев П. В., Мельникова А. С., Елкина И. И.* Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН, 2009. 524 с.
- Лазарев 2017 — *Лазарев А.* Находки медных тверских пул в г. Костроме на раскопе «Мелочные ряды I» в 2014–2015 гг. // ТТЗСТЭС. 2017. Вып. 10. С. 158–165.
- Меншиков 2008 — *Меншиков М. Ю.* Мастерская «бронника» на посаде Можайского Кремля (по результатам раскопок 2006 года) // *Энговатова А. В.* (отв. ред.). Археология Подмосковья: Мат-лы науч. семинара. М.: ИА РАН, 2008. Вып. 4. С. 146–151.
- Миненко 2012 — *Миненко В. В.* Отчет о проведении охранных археологических раскопок на участке строительства комплекса рыночной торговли в г. Смоленске по ул. Желябова — ул. Кашена в 2005 году. Т. 1. 2012 // НОА ИА РАН. Р-1. № 30280–30282.
- Миненко, Зоц 2007 — *Миненко В. В., Зоц С. А.* Исследования Деснинской экспедиции ИА РАН в Смоленске // АО 2005 года. М.: Наука, 2007. С. 187–189.

- Миненко, Разумов 2019 — *Миненко В. В., Разумов И. Н.* Костяные и роговые изделия из раскопок Заднепровского посада средневекового Смоленска (по итогам работ 2004–2005 гг.) // ТТЗСТЭС. 2019. Вып. 12. С. 147–167.
- Миненко и др. 2020 — *Миненко В. В., Брусенцов О. А., Разумов И. Н., Бишутин М. А.* Снаряжение для огнестрельного боя (по материалам раскопок 2004–2005 гг. в Заднепровской части Смоленска) // ТТЗСТЭС. 2020. Вып. 13. С. 147–155.
- Миненко и др. 2022 — *Миненко В. В., Брусенцов О. А., Разумов И. Н., Бишутин М. А.* Элементы холодного наступательного вооружения и защитного доспеха из Смоленска (по материалам работ 2004–2005 гг. на Заднепровском посаде) // ТТЗСТЭС. 2022. Вып. 14. С. 206–220.
- Новиков, Хухарев 1999 — *Новиков А. В., Хухарев В. В.* Монеты из погребений некрополя у церкви Алексея — человека Божия в Твери // ТТЗСТЭС. 1999. Вып. 3. С. 155–165.
- Сапожников 2016 — *Сапожников Н. В.* Историческая топография древнего Смоленска. Смоленск: Свиток, 2016. 192 с.
- Сафарова и др. 2019 — *Сафарова И. А., Хохлов А. Н., Беляев Л. А.* Постройки XV–XVI вв., расположенные вблизи апсид собора Спаса Преображения в Тверском кремле (по материалам раскопок 2013–2014 гг.) // ТТЗСТЭС. 2019. Вып. 12. С. 196–220.
- Смирнов и др. 2018 — *Смирнов А. Н., Алексеев А. В., Двуреченский О. В.* Комплекс усадьбы вотчинника из раскопок селища Игнатьево 2 в окрестностях средневекового Звенигорода // ТТЗСТЭС. 2018. Вып. 11. С. 252–289.
- Ткаченко 2002 — *Ткаченко В. А.* Находки тверских медных пул в Калуге // ТТЗСТЭС. 2002. Вып. 4. С. 252–255.
- Флёрова 2001 — *Флёрова В. Е.* Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: Искусство и ремесло. По материалам Саркела — Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.
- Хухарев 2000 — *Хухарев В. В.* Тверской денежный двор в XVI в. при Иване Грозном // Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. (Москва, 17–21 апреля 2000 г.). М.: б. и., 2000. Вып. 8. С. 145, 146.
- Чубур, Миненко 2008 — *Чубур А. А., Миненко В. В.* Археозоология позднесредневекового Смоленска (по данным раскопок 2004–2005 гг.) // Наумов А. Н. (отв. ред.). Верхнее Подонье: Археология. История. Тула: Куликово поле, 2008. Вып. 3. С. 42–52.

BONE CARVER-ARMORER'S WORKSHOP OF THE XVI–XVII CC. FROM SMOLENSK

V. V. MINENKO, K. V. GORLOV, I. N. RAZUMOV

Keywords: *Smolensk, armorer's workshop, bones, coins, raw materials, tools.*

The 2004–2005 excavations on the territory of the Zadneprovsky faubourg of Smolensk revealed remains of a manor dating from the XVI — early XVII c. The manor included a workshop for producing and repairing metal objects, and specifically protective armor, as well as bone and antler articles. The analysis of the numismatic materials has shown that the coins date from the period spanning the second half of the XVI c. to the reign of Boris Godunov. The appearance of workshops combining the manufacture and repair of armor, blacksmithery, locksmithery and bone-carving in this part of Smolensk was caused by the presence here of service-men (Streltsy?) and their families.

СТАНОВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ В АБХАЗИИ (1920–1930-е годы)

Р. У. МАМАЦ-ИПА¹

Ключевые слова: Кавказ, Абхазия, археология, палеолит, памятники, местонахождения, орудия, Н. Я. Марр, С. Н. Замятнин, Л. Н. Соловьёв.

В публикации рассматривается процесс становления археологии в Абхазии в 1920–1930-е гг. Показана динамика развития молодой абхазской науки, ее первые шаги в различных направлениях, в том числе анализируются результаты полевых исследований.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-26-165-171

К концу XIX в. в Абхазии уже действовали культурно-просветительские общества: «Абхазская переводческая комиссия», «Сухумское общество сельского хозяйства», «Общество распространения просвещения среди абхазов» и ряд других. Эти общества в разные годы осуществляли издание журналов («Вестник Сухумского общества сельского хозяйства», «Черноморское сельское хозяйство», «Черноморский селянин», «Хутор», «Труды курортной комиссии») и газет («Сухумский вестник», «Сухумские вести», «Сухумский листок»), выпускали учебную литературу на абхазском языке, переводили и издавали отдельные богослужебные книги (Авидзба 2015: 2). В 1913 г. возник вопрос об организации в Сухуме общества, которое должно было объединить и привлечь местную интеллигенцию к работе по собиранию материалов для изучения края. В июне 1915 г. эта идея осуществилась — было создано «Общество любителей и исследователей природы и населения Сухумского округа» (Пачулиа 1968: 19).

Почти сразу после своего создания Общество взялось за организацию музея. В основу музея легли переданные в дар Обществу различные коллекции, собранные членами Общества и другими жителями Абхазии. Этот первый музейный фонд составил 610 экспонатов. Финансы организации были скудные, и потому музей ютился в сыром и неудобном помещении. В декабре 1916 г. все же удалось получить субсидию от Сухумского городского самоуправления. На эти средства были сняты две комнаты, и 17 мая 1917 г. в них открылся музей, который обслуживали члены Общества, на добровольных началах дававшие объяснения посетителям (Там же).

В январе 1916 г. Н. Я. Марр в Сухуме прочел лекцию на тему «Кавказоведение и абхазский язык», которая позднее была опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» (май 1916 г.). Именно в ней впервые появился термин «абхазоведение». Позднее, детализируя его, Н. Я. Марр писал: «В частности, в абхазской устной

¹ Кафедра археологии и истории древнего мира, Воронежский ГУ; 394006, Воронеж, Россия.

литературе и сейчас, когда работа только что начата собиранием ее памятников, мы находим, очевидно, давно сложившийся общий во многих отношениях литературный язык; что же касается содержания, то оно отражает древнейшую религию кавказских коренных народов, астральный культ с поразительной жизненностью... Вообще, абхазская живая старина, не только словесная, но и реальная, дает такую беспримерную полноту об этой древнейшей религии не одного Кавказа, а всего древнего Востока, колыбели европейской цивилизации, что одно это обстоятельство должно было бы обеспечить за абхазоведением самостоятельное существование в ряду исторических научных дисциплин, входящих в состав кавказоведения» (Март 1933: 59, 60).

Однако вплоть до революции 1917 г. в Абхазии не было ни одного научного учреждения, ни одного научного работника коренной национальности со специальной теоретической подготовкой, способных реализовать эту идею (Лакоба, Дбар 2021: 3). С установлением советской власти в Баку, Ереване, Тбилиси, Махачкале, Орджоникидзе и других национальных центрах были созданы научно-исследовательские институты и музеи, начавшие планомерную работу по изучению древнейшей истории Кавказа (Любин 1969: 14). В 1920-х гг. одновременно были сделаны первые шаги в области абхазской археологии (сборы В. И. Стражева, М. М. Иващенко) и истории. Один из первых декретов Ревкома Абхазии в 1921 г. касался вопроса развития науки. Вскоре последовали и практические мероприятия по организации научно-исследовательской работы в республике. В 1922 г. на базе Сухумского общества сельского хозяйства было образовано Абхазское научное общество (АБНО). Основной задачей, стоявшей перед АБНО, являлось «всестороннее изучение Абхазии и окружающих ее местностей, теоретическая разработка научных вопросов по всем отраслям знания, приложение науки к требованиям жизни и к использованию природных богатств края, а также распространение научных знаний в широких слоях населения» (Салакая 1982: 4–5). Оно привлекло представителей местной интеллигенции к научной деятельности, включая экспедиционную и издательскую работу. В печатных органах АБНО («Известия», а с 1927 г. — «Труды») публиковались статьи по вопросам истории, археологии, этнографии, по изучению фауны и флоры, производительных сил республики. В его ведении до 1928 г. находился и музей краеведения.

Трудно переоценить роль в становлении абхазского научного сообщества первых председателей АБНО Г. А. Фальборка (1922–1923), Г. П. Барача (1923–1931), глубокая и взвешенная оценка деятельности которых уже дана в недавней публикации (Лакоба, Дбар 2021: 9–14).

В состав общества входили секции: медицинская, сельскохозяйственная, техническая, географии и этнографии Абхазии. Но не было секции по изучению абхазского языка, фольклора, истории, археологии и этнографии. В ее создании деятельное участие принимает Н. Я. Март. Еще в 1924 г. он направил письмо председателю Совнаркома Абхазии Н. А. Лакоба, в котором писал: «Недостаточное знакомство с условиями работы и наличными сейчас планами самого общества (т. е. АБНО), поскольку я не имел случая встретиться с его председателем Барачем, не дает мне возможности быть полным хозяином вопроса, но одно могу утверждать: необходимо усилить исследовательскую часть общества, посвященную науке о человеке, о языке и эпосе, фольклоре, народных песнях, сказках, преданиях, верованиях и т. д., ровно как и памятниках материальной культуры. В этом смысле постановление... образовать секцию абхазского языка при АБНО должно быть по возможности немедленно осуществлено. Не беда, что нет ученых специалистов, пусть на первых порах будут любители и соревнователи,

при некоторой руководственной программе и они могут сделать большое дело (именно то, что сейчас нужно). Конечно, для будущего времени приливу собственных научных сил поспособствует командирование двух и более молодых абхазов к нам для занятий, а пока надо пользоваться всеми готовыми научными силами, которые могут быть использованы в этих целях вне Абхазии. Вообще, было бы хорошо абхазоведной секции АБНО обзавестись немедленно помещением для оборудования лаборатории по языковедной, этнографической и археологической работе» (Бгажба 1961: 197, 198).

Секция «абхазоведения» была организована при АБНО в 1925 г. Ее возглавил С. П. Басария. В том же году 11 октября была создана Академия абхазского языка и литературы (Бгажба 1961: 198)

Задачей секции являлось изучение духовной культуры абхазского народа. Для ее реализации «секция занимается собиранием и записью произведений устного творчества: былин, легенд, сказок, песен, сказаний, поверий и пр.; обращает особое внимание на собирание и запись распространенных среди абхазов сатирических устных творений; разыскивает, объединяет и проверяет весь фольклорный материал, напечатанный в разных изданиях; изыскивает возможности напечатания собранного материала абхазской народной словесности; обращает должное внимание на пропаганду идей фольклорного собирания путем вербования активных членов, устройств собеседований, докладов, вечеров художественного рассказывания с привлечением (по возможности) носителей устной народной поэзии: сказителей, певцов, сказочников, рассказчиков, музыкантов, сатириков; собирает и записывает разные сказания, связанные с памятниками старины, с географическими и историческими местами; занимается изучением живого абхазского литературного языка, разбирая на своих публичных заседаниях произведения новых писателей и поэтов; работает над переводами на абхазский язык научных и прочих необходимых терминов; изучает и исправляет новый письменный алфавит и шрифт» (Бюллетень Абхазского научного общества 1925: 15, 16).

В сентябре 1924 г. по инициативе АБНО в Сухуме состоялся I съезд деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа, в котором приняли участие не только местные научные краеведческие силы, но и видные ученые Кавказа и страны. Съезд, который проходил под председательством акад. Н. Я. Марра, заслушал большое число докладов и сообщений, посвященных различным вопросам краеведения, в том числе истории, этнографии, археологии и охране памятников старины. Съезд принял резолюцию по докладу проф. Г. Г. Григора «Об охране памятников старины и искусства на Черноморском побережье Кавказа», в которой, в частности, была отмечена необходимость сохранности и изучения памятников старины, популяризации сведений о них, составления соответствующих каталогов, вовлечения в дело охраны памятников различных организаций. На съезде была также отмечена необходимость упорядочения координации работ по охране памятников старины в Абхазии и Кубано-Черноморской области, изучения Моквского, Лыхненского, Пицундского, Сентийского, Хумаринского и Зеленчукского храмов, а также необходимость составления археологической карты Абхазии и научного путеводителя по Абхазии (Пачулиа 1968: 21–22).

В 1925 г. археологические изыскания в Абхазии были организованы АБНО на специальные средства, отпущенные Совнаркомом ССР Абхазии, под руководством проф. 1-го Московского университета, А. С. Башкирова. Изыскания носили характер широкой подготовительно-рекогносцировочной работы для составления плана систематического обследования памятников истории материальной культуры Абхазии. Археологические работы были сосредоточены, главным образом, на территории Сухума

и его окрестностей, Пицундского мыса, Гудаутского района с центром в Лыхнах и Ново-Афонского с районом Иверской горы (Башкиров 1926: 4).

В 1928 г. А. М. Чочуа в своей статье «5-летие Абхазского научного общества» писал так: «Деятельность общества представляет собой одно из замечательных достижений советского строительства в Абхазии. Прежде всего, оно явилось сильным организующим центром, которому удалось выявить, организовать и вовлечь в научно-исследовательскую деятельность научные и культурные силы Абхазии. Сейчас общество объединяет до 300 членов, созданы местные отделения в Гаграх, Гудаутах, Очамчирах и Гали, имеется сеть краеведов-корреспондентов в сельских местностях. Деятельность общества привлекла к себе внимание и интерес далеко за пределами Абхазии, в числе его членов — крупные ученые Ленинграда, Москвы, Тифлиса и ряда других городов Советского Союза. Кроме того, оно установило обширнейшие связи со всеми научными учреждениями СССР, со многими — в Германии и в Америке, находится с ними в постоянном обмене изданиями и взамен своих получает издания 153 научных учреждений СССР и 19 — из заграницы» (Чочуа 1987: 172).

С 1930-х гг. советская археология вступает в принципиально новую фазу развития. Начиная с этого периода, большевики приступили к решительной «марксизации» науки, по выражению М. А. Миллера, к «революции археологии». Этот единый для всего комплекса общественных наук процесс имел свою специфическую окраску в среде основного центра тогдашней археологии — ГАИМК, в первую очередь связанный с деятельностью руководителя учреждения — Н. Я. Марра. Начало 1930-х гг. — время коренной ломки традиционной структуры археологии. Меняется все — работа научных центров, система преподавания, музейные экспозиции. Новый облик приобретают археологические издания (Васильев 2008: 37).

Во избежание ненужного параллелизма и в целях концентрации научных сил Президиум ЦИКа Абхазии 5 августа 1931 г. принимает решение о слиянии АбНО с Научно-исследовательским институтом абхазского языка и литературы, получившим с этого времени новое наименование — Абхазский научно-исследовательский институт краеведения (АбНИИК). Были утверждены примерное положение, структура и штаты института. Наркомпросу предлагалось обеспечить новое учреждение необходимой площадью, а также представить предложение о руководящем персонале института. Перед институтом ставились следующие цели и задачи: организация единого направления в области научных исследований, проводимых в Абхазии; изучение с точки зрения диалектического материализма, марксизма-ленинизма вопросов и проблем, связанных с практическим разрешением задач социалистического строительства в Абхазии; объединение на базе краеведческого института всех научно-общественных организаций, существующих в Абхазии; приближение научно-исследовательской работы к широким трудящимся массам Абхазии; подготовка научных работников из местных националов Абхазии, а также повышение квалификации аспирантов и выпускников вузов; практическое разрешение лозунга партии — за овладение техникой и наукой широкими слоями трудящихся масс (Салакая 1982: 14, 15).

На 1933-й и последующие годы АбНИИК намечал обширный план работы, как по линии разработки новых тем, так и по линии издания готовой научной продукции. Интересно, как руководство института намеревалось выполнить этот план: «Всего для реализации планов работ Института необходимо 28 руководителей работ и 137 исполнителей. При условном коэффициенте нагрузки 2 темы на 1 исполнителя в год это составит 83 единицы, постоянно принимающих участие в работе. Эту потребность

намечено покрыть за счет: штатного кадра работников Института — 11 человек, кадра федеративных и союзных институтов — 11 человек и внештатного кадра научных сотрудников, вербуемых Институтом на месте, а также выделенных наркоматами и организациями для совместной проработки, не менее 60 человек» (Салакая 1982: 19).

На первые годы деятельности АБНИИК приходится и начало целенаправленного археологического изучения Абхазии. Абхазская археологическая экспедиция (1934–1935) Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР и АБНИИК под общим руководством академика И. И. Мещанинова осуществляла исследования в составе двух отрядов: по родовому обществу (С. Н. Замятнин, Л. Н. Соловьёв, М. М. Иващенко, П. И. Борисковский, М. З. Паничкина, А. Н. Каландадзе) и по родовому и античному обществу (И. И. Мещанинов, М. М. Иващенко, А. Л. Лукин, Б. А. Куфтин и др.). Таким образом, в сфере ее научных интересов находились памятники палеолита, мегалитическая культура эпохи меди-бронзы на Кавказе, культура типа Кобани и памятники, связанные с древнегреческой колонизацией края (Куфтин 1949: 1).

Главным итогом работы экспедиции по изучению родового общества стало открытие палеолита в Абхазии. В эти годы Л. Н. Соловьёв зафиксировал серию стоянок в Центральной и Южной Абхазии (Лечкоп, Гвард, Келасур, Апианча, Нижняя Лемса, Ягиш, Захаровка, Отап, Моква, Очамчира, Илор, Чай-Грузия, Ачигвара, Гал, Цхири, Чубурхиндж и др.), а С. Н. Замятнин — в Северо-Западной Абхазии (Гагра, Колхида, Отхара, Бармыш, Гудаута, Лыхны, Кюр-дере, Эшера и др.). Геологическое исследование этих стоянок тогда же проводили Г. Ф. Мирчинк, В. И. Громов и Е. В. Шанцер (Воронов 2014: 10). Совместная работа геологов и археологов дала весьма любопытные результаты. В районе Сухума, от Очамчиры к северо-западу вдоль побережья Черного моря до Сочи, прослеживаются более или менее хорошо выраженные террасы. Далее к Новороссийску наличие террас отмечается многими авторами, причем для некоторых мест указывается также и содержащаяся в них фауна беспозвоночных, позволяющих определить геологический возраст некоторых из этих террас. Для района Сухума и Очамчиры констатировано не менее пяти более или менее хорошо сохранившихся террас (Громов 1937: 190).

В 1933 г. одновременно в Армении А. П. Демехиным, в Абхазии Л. Н. Соловьёвым были найдены первые орудия эпохи среднего и нижнего палеолита. Исследователями абхазских, а позднее армянских стоянок этой эпохи стали научные работники ГАИМК АН СССР С. Н. Замятнин и М. З. Паничкина, которые, при участии Л. Н. Соловьёва в Абхазии и С. А. Сардаряна в Армении, провели большую работу по изучению и публикации этих, единственных в то время на территории СССР, доказательств человеческого обитания в столь ранние эпохи как шель и ашель (Соловьёв, Трапш 1961: 116).

С. Н. Замятнин отмечал: «В результате только работ 1934 г., таким образом, было обнаружено десять новых местонахождений остатков культуры четвертичного человека, что удваивает наши сведения для Кавказа, причем даже небольшого объема работы, развернутые на некоторых из этих местонахождений, дали много свежих и ценных данных» (Замятнин 1935: 123).

Тридцать три местонахождения остатков палеолитической эпохи, выявленных в Абхазии за время трехлетних работ (1934–1936) экспедиции, располагаются более или менее равномерно вдоль береговой линии, охватывая все ее протяжение. Хронологически по характеру каменного инвентаря все эти находения распадаются на три большие группы: 1) древнепалеолитические, домустьерские местонахождения (Ашель, Клектон) — 10; 2) мустьерские местонахождения — 23; 3) верхнепалеолитические — 9 (Замятнин 1937: 8).

Проблема изучения следов древнейшего человека в Абхазии была широко поставлена в 1935–1936 гг. центральными научными учреждениями Ленинграда и Москвы. Эти исследования помогли советским ученым создать собственную схему периодизации четвертичного периода и древнейших этапов человеческой культуры (Соловьёв, Трапш 1961: 116). В дальнейшем памятники нижнего палеолита были открыты в Южной Осетии и Адлерском районе, а стоянки эпохи среднего и верхнего палеолита в том же районе были обнаружены в ряде пещер и раскапывались С. Н. Замятниным, М. З. Паничкиной, Е. А. Векиловой, И. И. Коробковым и В. П. Любиным (Трапш 1970: 32).

В 1936 г. ГАИМК направила в Абхазию экспедицию под руководством А. А. Иессена, в которую от АбНИИК входил Л. Н. Соловьёв. Эта экспедиция обследовала ряд памятников на территории Абхазии (пос. Красный маяк, район Сухумгэса и др.). А. А. Иессен с тех пор на протяжении ряда лет являлся основным консультантом для местных исследователей бронзового века в Абхазии.

В 1936 г. Л. Н. Соловьёв зафиксировал две стоянки позднеашельского и ранневерхнепалеолитического времени в урочище Богаз (Цебельда 1 и 2). В те же годы он отметил наличие культурного слоя в гроте Кеп-Богаз, провел совместно с С. Н. Замятниным первые сборы кремневых орудий мустьерского времени в селах Боговешта, Анастасьевка, Верхняя Наа (Наа Армянская), Нижняя Лемса (Воронов 2009: 233). В 1936 г. В. И. Громов, И. В. Шанцер и Л. Н. Соловьёв нашли несколько орудий верхнепалеолитического облика в с. Захаровка (древн. Шакуран, совр. Амткел). В последующие годы Л. Н. Соловьёв отмечает также остатки эпохи мустье и верхнего палеолита в с. Планта, в гротах Багадской скалы, у с. Пал, Старо-Черниговка и Хумушкур, а в 1938 и 1940 гг. проводит шурфовку гротов Хупынипшахуа (Холодного) и Апианча (Кеп-Богаз), в первом фиксируя мезолитическую стоянку, а во втором — слои мезолитического и верхнепалеолитического времени (Воронов 2009: 234, 235). В 1940 г. Л. Н. Соловьёв расширил в гроте Апианча (Кеп-Богаз) разведочный шурф 1938 г., проследив около 5,25 метра накоплений, в которых исследователь выделил семь слоев (Воронов 2009: 235).

Таким образом, к началу 1940-х гг. произошли серьезные сдвиги в общем понимании исторической и археологической специфики региона: так, в частности, появились первые научные общества и учреждения, началась подготовка профессиональных квалифицированных кадров, производились систематические археологические исследования, которые помогли сформировать академическую абхазскую археологию.

Литература

- Авидзба 2015 — *Авидзба В. Ш.* Страницы истории центра абхазоведения. Абхазскому институту — 90 лет. Сухум: Изд-во АБИГИ, 2015. 41 с.
- Башкиров 1926 — *Башкиров А. С.* Археологические изыскания в Абхазии летом 1925 года // Известия АБНО. 1926. № 4. С. 3–60.
- Бгажба 1961 — *Бгажба Х. С.* К истории Абхазского института // Тр. Абхазского ИЯЛИ. 1961. Т. 32. С. 197–201.
- Бюллетень Абхазского научного общества 1925 — Бюллетень Абхазского научного общества. Сухуми: типо-лит. Высшего совета народного хозяйства, 1925. № 1–7. 20 с.
- Васильев 2008 — *Васильев С. А.* Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб.: ИИМК РАН, 2008. 179 с.
- Воронов 2009 — *Воронов Ю. Н.* Памятники каменного века Военно-Сухумской дороги. Научные труды. Т. 2. Сухум: АБИГИ, 2009. 610 с.

- Воронов 2014 — *Воронов Ю. Н.* История изучения археологии Абхазии (1975 г.). Научные труды. Т. 4. Сухум: АБИГИ, 2014. 408 с.
- Громов 1937 — *Громов В. И.* Некоторые итоги полевых исследований по палеолиту СССР в 1935 г. // Советская археология. 1937. № 2. С. 189–194.
- Дзидзария 1972 — *Дзидзария Г. А.* Абхазская АССР в братской семье советских народов. Сухуми: Изд-во Алашара, 1972. 149 с.
- Замятнин 1935 — *Замятнин С. Н.* Новые данные по палеолиту Закавказья // Советская этнография. 1935. № 2. С. 116–123.
- Замятнин 1937 — *Замятнин С. Н.* Палеолит Абхазии. Сухуми: Изд-во Института абхазской культуры АН СССР, 1937. 56 с.
- Куправа 2015 — *Куправа А. Э.* Материалы по истории Абхазии советского периода (1921–1931). Сухум: Изд-во АБИГИ, 2015. Т. 2. 472 с.
- Куфтин 1949 — *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды. Абхазская археологическая экспедиция 1934 года под руководством академика И. И. Мещанинова. Три этапа истории культурного и этнического формирования дофеодальной Абхазии. Тбилиси: Изд-во Техника да шрома, 1949. Т. 1. 360 с.
- Лакоба, Дбар 2021 — *Лакоба С. З., Дбар А. Я.* АБНО и его разгром. Сухум: Изд-во Дом печати, 2021. 296 с.
- Любин 1969 — *Любин В. П.* Изучение нижнего палеолита Кавказа: история исследований и проблема первоначального заселения // Краткие сообщения Института археологии. 1969. Вып. 118. С. 13–19.
- Марр 1933 — *Марр Н. Я.* Избранные работы в 5 томах. Т. I. Этапы развития яфетической теории. Л.: ГАИМК, 1933. 437 с.
- Пачулиа 1968 — *Пачулиа В. П.* Исторические памятники Абхазии, их значение и охрана. М.: Наука, 1968. 168 с.
- Салакая 1982 — *Салакая Ш. Х.* Центр абхазоведения. Сухуми: Изд-во Алашара, 1982. 38 с.
- Соловьёв, Трапш 1961 — *Соловьёв Л. Н., Трапш М. М.* Археологические исследования в Абхазии за 40 лет Советской власти // Тр. Абхазского ИЯЛИ. 1961. Т. 32. С. 115–128.
- Трапш 1970 — *Трапш М. М.* Основные результаты археологического исследования Абхазии за годы Советской власти. Научные труды. Сухуми: Изд-во Алашара, 1970. Т. 1. 212 с.
- Чочуа 1987 — *Чочуа А. М.* Избранные сочинения. 5-летие абхазского научного общества. Тбилиси: Мецниереба, 1987. 336 с.

FORMATION OF ARCHAEOLOGY IN ABKHAZIA (1920s–1930s)

R. U. MAMATZ-IPA

Keywords: *Caucasus, Abkhazia, archaeology, Paleolithic, archaeological sites, tools, N. Ya. Marr, S. N. Zamiatnin, L. N. Soloviev.*

The paper considers the process of formation of archaeology in Abkhazia in the 1920s–1930s. The author shows the dynamics of development of the young Abkhazian science, its first steps in various directions, and analyzes the results of fieldworks.

ТАМАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГАИМК: НАЧАЛО КОНЦА¹

Ю. А. ВИНОГРАДОВ, Е. Г. ЗАСТРОЖНОВА, М. В. МЕДВЕДЕВА²

Ключевые слова: *история археологии, ГАИМК, ГМИИ, Таманская экспедиция.*

Статья посвящена одному из главных научных проектов ГАИМК начала 1930-х гг. — Таманской экспедиции во главе с А. А. Миллером. Первый год ее работ (1930) носил разведочный характер, но уже тогда проявились серьезные разногласия между московскими и ленинградскими археологами. Результатом этих разногласий стало прекращение таманского проекта.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-26-172-187

Введение

История Таманской экспедиции ГАИМК, созданной в 1930 г. под руководством А. А. Миллера, изучена чрезвычайно слабо. По существу, ее изучение еще только начинается (Виноградов 2020а; 2020б; Виноградов и др. 2020; 2021). Столь же слабо мы знаем характер взаимоотношений Академии с центральными научными органами, а от этих взаимоотношений, конечно, зависело очень и очень многое. Первый год работ Таманской экспедиции был разведочным, но он во многом определил постановку археологических работ, направление их перспективного развития и пр. Неудивительно, что в 1930 г. обозначились и многие моменты, которые, как представляется, определили «короткий век» таманского проекта ГАИМК. Эти сюжеты прекрасно отражены в документах, находящихся на хранении в Научном архиве ИИМК РАН.

Важно отметить, что процесс организации Таманской археологической экспедиции совпал с событиями 1929 г., когда была провозглашена необходимость пополнения кадрового состава академических институтов историками-марксистами. В конце этого года в ГАИМК на должность заместителя председателя Н. Я. Марра приняли Ф. В. Кипарисова, бывшего ученика С. А. Жебелёва. Новым ставленником тут же был взят курс на централизацию всей археологической деятельности в стране в рамках ГАИМК. Летом 1929 г. из Академии в Главнауку поступила записка «О рационализации научно-исследовательских работ в области археологии СССР» (ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 9. Л. 300). В ней предлагалось признать ГАИМК центральным научно-исследовательским учреждением, которое должно контролировать всю археологическую работу, а также

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ «А. А. Миллер и Таманская экспедиция ГАИМК (история, исследовательская деятельность, значение для современной науки)» 20-09-00180 А.

² Ю. А. Виноградов и М. В. Медведева — Отдел истории античной культуры и Научный архив ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия; Е. Г. Застрожнова — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН; Санкт-Петербург, 196084, Россия.

считалось целесообразным передать в эту организацию все архивные материалы по археологическим раскопкам из Москвы и других региональных архивов. Вполне понятно, что такая инициатива не могла найти понимания у московских археологов.

Начало конфликта

Отрицательный ответ на документ, выработанный в ГАИМК, был сформулирован В. А. Городцовым на заседании Секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН 3 июня 1929 г. (ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 9. Л. 315, 316):

«Место хранения должно находиться в центре, который более богат археологическими силами и более посещается археологами провинций. Таким центром без сомнения является Москва. Перевоз архива в другой город сопряжен с неоправданными затратами средств на копирование материалов, планов и чертежей. Типография была учреждена в РАНИОН, публикация материалов видимо не входила в планы ГАИМКа. К тому же в ГАИМКе полностью отсутствует плановость и коллективные темы исследования. При случайной постановке археологических работ в зависимости различных интересов отдельных исследователей, бросающихся от археологии Египта к археологии Урала, а затем к исследованию Кольского полуострова, как могут возникнуть желания и умения для обобщения археологических достижений. ГАИМК ничего не сделал по созданию обобщающего труда по восстановлению общественно-экономических формаций, хотя располагает всеми формальными возможностями к этому, ясно, что археологический сектор ее импотентен для такой работы. Подобное положение дел внушает опасения, что передача государственного археологического архива ГАИМКу обречет этот архив на бесконечные годы погребения в недрах академии. ГАИМК является единственным из археологических учреждений в СССР ничего не сделавшим для приближения археологии к марксизму. Несомненно, что археологический архив должен остаться в Москве и стать общедоступным и располагаться к примеру в ГИМе».

Одного этого документа достаточно, чтобы понять, сколь серьезный раскол произошел между археологическими учреждениями Ленинграда и Москвы уже к 1929 г. Найти пути к сближению позиций в этом принципиальном споре было очень непросто, но складывается впечатление, что никто к этому и не стремился.

Н. Я. Марр, продолжая политику привлечения партийных работников в ГАИМК, в начале марта 1930 г. пригласил С. Н. Быковского (о нем см.: Академическая археология 2013: 51–52, 111, 119, 337). 17 мая 1930 г. он был назначен научным сотрудником I разряда и исполняющим обязанности заведующего разрядом русской материальной культуры, а 19 сентября 1930 г. — ученым секретарем ГАИМК. С. Н. Быковский рьяно подключился к проведению таких мероприятий Академии, как кадровые чистки, и активно участвовал во многих склоках и конфликтах, внутренних и внешних. Он же стал одной из ключевых фигур в определении судьбы Таманской экспедиции. Дело в том, что, как выяснилось, на Тамани работали две экспедиции (ленинградская и московская), а руководство ГАИМК допускать «конкуренции» не хотело.

Начать стоит с докладной записки, которую С. Н. Быковский направил Н. Я. Марру 2 августа 1930 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 174. Л. 21, 21об.):

«29/VII — 30 по Вашему поручению я вторично выяснял в Главнауке Наркомпроса РСФСР вопрос о Таманской экспедиции. Ввиду отсутствия тов. Канчеева переговоры я вел с его заместителем, тов. Костенко. Я обратился к тов. Костенке с просьбой

разъяснить мне, как могло случиться, что в один и тот же район, имеющий исключительное значение в археологическом отношении, направлены экспедиции различных учреждений, несмотря на то, что Главнауке было хорошо известно о предстоящих в ближайшие годы, начиная с текущего, работах ГАИМК'а. При этом я сообщил тов. Костенке, что в предыдущий мой приезд в Москву, при переговорах с тов. Канчеевым, последний твердо заявил, что никому, кроме ГАИМК, открытых листов выдано не будет. Тов. Костенко ответил мне, что существует утвержденный план Главнауки, в котором Таманской экспедиции ГАИМК на текущий год не значится, между тем в план внесена экспедиция Музея Изыщных Искусств. Я должен был возражать против представления права Музею Изыщных Искусств проводить работы на Таманском полуострове в нынешнем году, даже если бы почему-либо экспедиция ГАИМК'а в плане текущего года не значилась (тов. Костенко предъявил мне печатный экземпляр плана экспедиций Главнауки, ГАИМК'у не сообщавшийся), так как работы ГАИМК'а на Таманском полуострове предусмотрены на несколько лет, и раскопки Музея Изыщных Искусств нарушают принцип плановости не с точки зрения плана одного года, а плана многих лет одобренной Главнаукой работы ГАИМК'а. Далее я сообщил, что экспедиция ГАИМК'а на Таманский полуостров уже выехала. Тов. Костенко вновь подтвердил мне, что в плане Таманской экспедиции ГАИМК'а на текущий год нет, а если экспедиция уже выехала, то лица, отправившие эту экспедицию, должны быть подвергнуты дисциплинарному взысканию. Я выразил удивление, почему о незаконности Таманской экспедиции ГАИМК'а ничего не сказал мне тов. Канчеев. В ответ на это последовала реплика со стороны тов. Костенко, что тов. Канчеев „не в курсе дела“ (буквальные слова). После такого заявления я вынужден был дальнейшие переговоры с тов. Костенко прекратить.

Доводя об этом до Вашего сведения, прошу соответствующих распоряжений, так как открытый лист на Тамань в действительности Главнаукой выдан сотруднику ГАИМК А. А. Миллеру и экспедиция уже выехала на Тамань. Вместе с тем, от А. А. Миллера имеется извещение о присутствии на Таманском полуострове экспедиции Музея Изыщных Искусств».

Это письмо со всей очевидностью демонстрирует, что руководство ГАИМК не признавало на территории Таманского полуострова никаких археологических экспедиций, кроме своей, возглавляемой А. А. Миллером. Такая позиция Академии была провозглашена еще на заседании Главнауки, состоявшемся 28 ноября 1929 г., где обсуждался план проведения археологических раскопок на 1930 г. От ГАИМК на заседании присутствовали Н. Я. Марр и Ф. В. Кипарисов, от Музея изящных искусств (МИИ, МИЗИС) — директор В. П. Полонский и Л. П. Харко. А. А. Миллер представлял Русский музей. Н. Я. Марр и Ф. В. Кипарисов заявили, что все дело постановки и проведения плановых работ на Таманском полуострове берет на себя ГАИМК, что явилось для самого А. А. Миллера, по его свидетельству, «полной неожиданностью» (Архив УФСБ по СПб. и ЛО. П-74160. Л. 53).

Постановлением этого совещания было решено организовать в 1930 г. большую объединенную экспедицию РАИМК и МИИ с привлечением местных работников и немецких ученых. МИИ был нацелен на продолжение исследования Фанагории, которое было начато музеем совместно с РАНИОН еще в 1927 г. Первоочередной целью раскопок была Фанагория как источник для пополнения музейной коллекции МИИ. Заявка на проведение экспедиции на Таманском полуострове в 1930 г. была отправлена руководством МИИ в Главнауку 22 ноября 1929 г., и она была поддержана. Основной задачей исследований в 1930 г., как было констатировано в плане экспедиций Глав-

науки, должно было стать изучение «...периферийных городищ-селищ, окружавших Фанагорию в древности, которые были, по-видимому, государственными фермами, производившими зерновой хлеб. Это изучение даст ознакомление с экономикой древнегреческой колонии и подведет историческую базу под современное совхозное строительство» (Научные экспедиции Г.Н.К. 1930: 34). Предполагалось, что экспедиция МИИ должна была производить свои работы совместно с Керченским и Таманским музеями, достигнув с ними «устной договоренности по этому вопросу» (ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. 1930 г. Д. 41. Л. 1). По какой причине из этой системы договоренностей выпала ГАИМК, не вполне понятно. Ведь в итоге получилось, что Таманская экспедиция Академии, уже отправившаяся в поле, оказалась, по существу, незаконной. Она даже не числилась в плане Главнауки на 1930 г., хотя Северо-Кавказская экспедиция А. А. Миллера в нем была предусмотрена (Научные экспедиции Г.Н.К. 1930: 16).

Интересы ГАИМК были затронуты также в другом, сопредельном с Таманским полуостровом, районе. На Нижний Дон направлялась экспедиция Института археологии и искусствознания под руководством В. А. Городцова. Ее задачи были сформулированы следующим образом: «...исследования памятников скифской и сарматской культур с целью установить отношение этих культур друг к другу и к другим культурам народностей, входивших в теснейший контакт со скифами и сарматами. Решение вопросов об этих отношениях именно в настоящее время особенно актуально, так как ряд случайных археологических находок, сделанных на Нижнем Дону, указывает на древние поселения финнов, по-видимому, входивших в состав скифских и сарматских государственных организаций. Это совершенно неожиданное явление имеет большое влияние на обогащение исторических сведений и на решение старого вопроса в лингвистике о причине сходства многих финнов, в частности, вотякских слов с осетинскими. Для решения вопросов предполагается произвести раскопки преимущественно на городищах и в курганах» (Научные экспедиции Г.Н.К. 1930: 23). Заявка на исследования, конечно, составлена чрезвычайно коряво, но смущает и то, что на их проведение был отпущен срок всего в 10 суток. Руководство ГАИМК, однако, волновало не это. Дело в том, что Нижнее Подонье, где А. А. Миллер ранее проводил раскопки, должно было войти в сферу интересов Таманской экспедиции Академии (Виноградов 2020: 26).

Н. Я. Марр отреагировал на эту докладную записку письмом, направленным в очень высокие инстанции — самому народному комиссару просвещения А. С. Бубнову (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 174. Л. 22, 23). В нем в очень многословной и эмоциональной форме излагалась суть наметившегося конфликта. Свое письмо Николай Яковлевич закончил следующими словами:

«Считая такое положение дела, когда с одной стороны в течение года ведутся переговоры с руководителем и ответственными работниками Сектора Науки о работах Академии на Тамани, выдается Академии открытый лист на право производства этих работ, а с другой стороны утверждается, что экспедиция выехала самовольно и что на Тамани по плану Наркомпроса должна работать не Академия, а Музей Изящных Искусств, совершенно ненормальным, я прошу Вас лично оказать содействие тому, чтобы неналаженность и неорганизованность работы по организации археологических исследований в РСФСР наконец была изжита» (Там же. Л. 23).

Ф. В. Кипарисов тоже весьма недвусмысленно указал на возникший конфликт интересов. В своей речи о необходимости реорганизации работы Академии и системы

археологических изысканий на территории России, с которой он выступил на совместном собрании сотрудников ГАИМК и музейных работников в конце мая 1930 г., он, в частности, сказал (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 5. Л. 29):

«Сейчас экспедиции археологического порядка ведут Институт материальной культуры и Археологический институт в Москве, и, как это ни странно, музеи. Я ставил вопрос о том, что нужно ли музею, изучающему искусство, в Москве, который имеет определенную задачу, производить археологические раскопки на Таманском полуострове? Буквально это подходит к нему так, как к корове седло, и получается, что исследовательские институты сталкиваются в одном месте (в Крыму, в Судаке). Было время, когда эти работы велись двумя партиями на одном месте. <...>

Мне представляется, что экспедиции эти должны производиться научно-исследовательскими учреждениями, но отнюдь не музеями, у них совершенно иная задача. Все равно музеи получают все, что будет найдено; весь научный материал после обработки будет у них. Если же мы сумеем сконцентрировать все силы и средства в научно-исследовательских учреждениях, от этого будет, конечно, чрезвычайная польза».

Здесь стоит возвратиться несколько назад и остановиться на работах 1929 г., принятых в Фанагории Л. П. Харко, которые у руководства ГАИМК вызвали полное неприятие. На самом деле они были весьма незначительными и сводились к снятию топографических планов и проведению ограниченных спасательных раскопок в прибрежной части городища, в местах, разрушаемых морем (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 174. Л. 5–11). В принципе, отчет был составлен довольно грамотно и особых нареканий, как нам представляется, не заслуживал. Однако А. А. Миллер дал о нем в высшей степени критический отзыв (Там же. Л. 14):

«Рассмотрев отчет Л. П. Харко о произведенных им в 1929 г. исследованиях в городище у ст. Сенной, считаю необходимым дать Комиссии следующее заключение.

1). При обследовании таких городищ, как Сенное, не считаю целесообразным производить раскопки отдельных остатков построек в разных пунктах без предварительного изучения всей стратиграфической картины на протяжении существующих обнажений.

2). Что касается шурфа 2 × 1 × 3 м, сделанного у подножия С–В склона II холма в городище, то подобный прием разведки в данных условиях следует считать недопустимым.

3). Что касается просьбы Л. П. Харко о выдаче ему открытого листа на право производства археологических раскопок в районе ст. Сенной, то, помимо приведенных замечаний, свидетельствующих о малой подготовленности Л. П. Харко к полевым работам, следует иметь в виду и то, что в текущем году ГАИМК организует особую Таманскую экспедицию, целью которой послужит широкое обследование памятников старины на Тамани, включая и городище у ст. Сенной, с тем, чтобы с будущего года возможно было приступить к систематическим исследованиям с применением раскопок».

Третий пункт отзыва, конечно, надо признать главным: исследования Л. П. Харко никак не вписывались в планы ГАИМК. Отзыв на этот отчет был рассмотрен и признан неудовлетворительным на заседании Раскопочно-экспедиционной комиссии ГАИМК 3 июля 1930 г., тогда же было принято решение уведомить Сектор науки Наркомпроса о выезде Таманской экспедиции ГАИМК в район работ (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 52. Л. 30об.).

Неудивительно, что отзыв А. А. Миллера без всяких изменений, но за подписью С. Н. Быковского, был направлен в Сектор науки Наркомпроса 22 июля 1930 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 174. Л. 17). В тот же день С. Н. Быковский по тому же адресу направил пространное письмо (Там же. Л. 18):

«ГАИМК настоящим просит Сектор Науки обратить внимание на совершенно неудовлетворительное положение дела с планированием археологических экспедиций. В план работ и смету Академии на 1929/30 г. были внесены работы на Тамани, предполагавшиеся вначале совместно с немецкими учеными, от участия которых в работах в текущем году по известным Наркомпросу причинам пришлось отказаться, и работа на Тамани должна была быть проведена на средства Академии. После того, как вопрос об участии немецких ученых в экспедициях этого года отпал, но желательность участия немецких ученых в совместных с советскими научными учреждениями экспедициях в ближайшие годы была подтверждена соответственными инстанциями, Академией была организована в текущем году экспедиция на Тамань для разведочных работ в целях уточнения плана совместных с немецкими учеными работ в будущем году и был испрошен открытый лист для начальника экспедиции А. А. Миллера (отн. от 28/VI № 4206), каковой лист и был получен Академией. Однако в то же время в Академию поступил из Сектора Науки на заключение отчет Л. П. Харко о работах на Тамани в прошлом году и заявка на открытый лист на текущий год. Академией был дан телеграфный ответ о том, что работы на Таманском полуострове ведутся в текущем году Академией и что является неправильным производство в одном и том же районе несогласованно работ двумя учреждениями по тому же вопросу. Зам. предс. Академии т. Быковскому, командированному в Москву, было словесно разъяснено т. Канчевым, что Музей Изыщных Искусств открытого листа не получит и что никакая другая экспедиция на Тамань разрешена не будет. Между тем, из отношения Музея Изыщных Искусств от 11/VII № 1612, в копии посланного им в Сектор Науки, видно, что Музей отправил уже экспедицию на Тамань, не получив открытого листа.

Вместе с тем Академия считает необходимым отметить, что отчет Л. П. Харко, сданный в Главнауку, как помечено на присланном в Академию экземпляре, 22/XI-1929 г. в Академию выслан 28/VI-1930 г., т. е. через 7 месяцев после его поступления в Главнауку, причем отн. 28/VI-1930 г. № 51102 Сектор Науки просит, ввиду срочности вопроса, сообщить заключение Академии по телеграфу.

На основании изложенного Академия настоятельно просит уведомить, известен ли Сектору Науки факт отправки Музеем Изыщных Искусств экспедиции на Тамань для производства раскопок без получения открытого листа и что предполагает Сектор Науки предпринять для устранения возможности такого неорганизованного проведения раскопочных работ в будущем, противоречащего всяким принципам планирования и нарушающего нормальный ход работ».

В действительности же С. Н. Быковский глубоко заблуждался, экспедиция Музея Изыщных Искусств выехала в Фанагорию с открытым листом, но он был выдан не Л. П. Харко, а К. Э. Гриневичу. По этому поводу тот писал А. А. Миллеру 26 июля (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 174. Л. 26):

«Глубокоуважаемый Александр Александрович.

Очень сожалею, что не имею возможности лично повидаться с Вами и обсудить создавшееся положение, когда две экспедиции находятся на Таманском полуострове.

Я бы очень хотел устроить согласительное совещание для устранения ненаучного параллелизма. Я до последнего момента не знал, что АИМК посылает экспедицию, в Главнауке же на заседании Ваш представитель сообщил, что он сделает экспедицию АИМК, если она будет, согласованной с нашей экспедицией, которая работает здесь уже 4 года. Экспедиция МИЗИС имеет исключительно разведочный характер, хотя открытый лист я имею и на раскопки. Нашей задачей является установление границ Фанагории и изучение культурных слоев. Кроме того я хочу ознакомиться с сетью мелких городищ на полуострове Фонтан и в районе Бугаза. Последнее — для установления экономики. Очень хотелось бы повидаться в районе Сенной, куда я еду, и побеседовать более целно. Я хотел бы познакомиться и с Вашими задачами, так как несомненно одно, что обе экспедиции являются прелюдией для больших работ с немцами. А так как до последнего момента переговоры с немцами шли через Археолог. Секцию ВОКС, то все это меня интересует очень близко».

Руководство ГАИМК, однако, продолжало считать, что московские археологи открытого листа не имеют и их работы носят незаконный характер. Это явствует из письма, направленного А. А. Миллером в Ленинград 4 августа (Там же. Л. 24, 25об.):

«1-го августа я получил Вашу телеграмму с поручением принять меры в отношении производства т.т. Гриневичем и Харко раскопок у станции Сенной без открытых листов от Главнауки. В этот же день я обратился к уполномоченному по охране памятников старины в Таманском районе С. Ф. Войцеховскому, в данное время состоящему сотрудником Таманской экспедиции ГАИМК, с предложением выяснить вопрос с формальной стороны о работах, производящихся у станции Сенной т.т. Гриневичем и Харко. С. Ф. Войцеховский 2-го августа был на месте раскопок в Сенном городище, где и имел возможность убедиться в том, что К. Э. Гриневич имеет открытый лист Главнауки на право производства археологических раскопок в 1930 году как на Гераклеяском, так и на Таманском полуострове. Открытый лист датирован маем месяцем этого года и зарегистрирован в Таманском стансовете. При указанных условиях я не нахожу для себя иных мер в отношении раскопок у Сенной, кроме срочного оповещения ГАИМК.

Проездом из Темрюка в Тамань я имел возможность осмотреть раскопки, произведенные у станции Сенной, причем, будучи на месте работ в момент перерыва, я не встретился с руководителями экспедиции МИЗИС. Все раскопки, сделанные здесь до 31 июля, имеют незначительные размеры и не могут послужить причиной к дальнейшему сколько-нибудь серьезному разрушению береговых обнажений, однако вскрытие каменных кладок на малых участках в нижних горизонтах культурных слоев, не давая никакой целостной картины, в то же время может повлечь за собой большие повреждения в городище со стороны местных жителей, весьма нуждающихся в каменном строительном материале, организовать же надежную охрану у станции Сенной едва ли представится возможным. На это обстоятельство сделаны были указания производителям работ и со стороны уполномоченного С. Ф. Войцеховского. Мое главное возражение против работ МИЗИС на Таманском полуострове сводится к тому, что этот параллелизм, если не в методе, то в части объектов исследования — не останется тайной для местной научной общественности и несомненно будет расцениваться в качестве примера несогласованности планов экспедиционной деятельности центральных учреждений.

К этому должен прибавить, что я не нашел целесообразным вступить в переговоры с т. Гриневичем о согласовании работ двух экспедиций, к чему он приглашал меня в своем письме, по той причине, что над согласованием в данном случае

подразумевалось, может быть, некоторое территориальное размежевание или разделение городищ, на что я в данной обстановке согласиться не мог бы. Я не нахожу возможным строить производственный исследовательский план для Таманского полуострова на основании того мозаичного обследовательского материала, какой нам дают до сих пор работы, производившиеся здесь в последние годы. Есть одно условие, при соблюдении которого самая широкая кооперация ряда учреждений была бы не только возможной, но и желательной; это — единство в плане, методе и руководстве. Это именно тот исходный момент, который я положил в основу при переговорах в Ростове, Краснодаре и Таманском районе, стараясь подготовить почву для соглашения ГАИМК с рядом местных научно-исследовательских и музейных организаций для будущих систематических и всесторонних исследований. Переговоры эти дали удовлетворительный результат. Научным комитетом при Президиуме Краевого Исполкома в Ростове созвана будет ко времени моего приезда особая конференция, на которой мне придется сделать доклад как о работах Северо-Кавказской экспедиции, так и о результатах обследований на Таманском полуострове и о дальнейших планах. Комитетом мне поручено также представить к этому же времени и сметы (смету на таманские работы — на ряд лет). В сущности основные пункты соглашения были предложены Президиуму научного комитета мною же и Комитетом были признаны вполне соответственными. Единственное, что может вызвать на конференции некоторые трения, — это вопрос согласования в части пожеланий местных музеев по части передачи им после изучения в ГАИМК — типологических комплексов материалов из раскопок, но я полагаю, что и здесь можно предвидеть хороший выход в том обилии материала, которым ГАИМК будет располагать при окончательном разрешении этого вопроса. Разумеется, что на конференции я не приму никаких решений, да и работа этой конференции будет иметь задачей лишь точную формулировку предложений о совместной работе при соответствующих, заранее предусмотренных условиях, в числе которых будут и оговорки о финансировании этих предприятий из краевых средств. Однако окончательное соглашение на указанную конференцию я смогу дать лишь после соответствующих полномочий от ГАИМК и при уверенности, что научно-исследовательская деятельность ГАИМК на Северном Кавказе и Таманская экспедиция, прежде всего, имеют известную реальную перспективу. Обследовательские работы этого года начаты мною с Таманского городища и ближайших окрестностей и пока идут при вполне благоприятных условиях. Оба заведующих местными музеями (Темрюк и Тамань) принимают участие в работах в качестве научных сотрудников экспедиции. Вчера мы организовали из состава экспедиции особую ячейку для осуществления экскурсий на место работ. Это потребует особого внимания, т. к. сейчас здесь около 1000 человек приезжих пионеров и очень много молодежи, работающей в окрестностях по мобилизации для прополочной кампании на хлопковых полях».

Вполне можно понять, что ситуация, сложившаяся в это время в сфере планирования археологических исследований на Таманском полуострове, руководством ГАИМК была оценена, видимо, как своего рода заговор или даже начало враждебных действий против Академии со стороны московской научной бюрократии. Чтобы противостоять им, необходимо было дискредитировать «противника», показать всю его несостоятельность и антинаучность декларируемых им исследовательских программ.

ГАИМК против московских археологов

С. Н. Быковский проинформировал А. А. Миллера о позиции руководства ГАИМК в разразившемся конфликте специальным письмом. В нем он даже процитировал выдержки из брошюры «Научные экспедиции Г.Н.К. на 1929/30 год», касающиеся

экспедиций на Нижний Дон и в Фанагорию. Стремление руководства последней подвести «историческую базу под современное совхозное строительство» он назвал шарлатанством (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1932 г. Д. 111. Л. 78). Надо признать, что руководство ГАИМК тоже грешило декларациями об участии археологов в строительстве социалистической экономики (Март, Мещанинов 1933: 32; Мещанинов 1934: 24; 1935: 9, 10; 1936: 5), но правило двойных стандартов, конечно, придумано не в наше время.

А. А. Миллер в ответе на письмо С. Н. Быковского сообщал ему 28 августа 1930 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1932 г. Д. 111. Л. 56–58):

«Глубокоуважаемый Сергей Николаевич,

Я очень Вам признателен за Ваше письмо, которое в части сведений о кампании Городцова, Гриневича и других лишний раз подкрепляет мою собственную оценку действительного отношения этих лиц к научной работе. Если взять для образца работы Гриневича — Башкирова — Харко на Таманском полуострове (сужу по отчетам и по осмотру их раскопов) и снять с них блестящее покрывало звонких терминов („производство“, „экономика“, „исторический базис“ и проч., и проч.), то мы увидим во всей неприглядности то, что называется невежеством. Для меня понятно их раздражение против экспедиции ГАИМК, т. к. они чувствуют, что из этих работ может естественным образом назреть нечто похожее на обвинительный акт. Об этом теперь уже говорят как участники нашей экспедиции, так и студенты и заведующие местными музеями, не смотря на всю мою сдержанность и осторожность в отношении московских исследований на Тамани. Что касается плана донских исследований Городцова, то это тоже имеет свою скрытую сторону совсем иного характера. Небольшая группа лиц в Ростове, возглавляемая неким Луниным, приблизительно в 1924 году ведет кампанию против Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК. Собственно говоря, деятельность здесь проявляет главным образом Лунин, не останавливавшийся перед клеветой, плагиатом и проч. (В делах ГАИМК имеются некоторые свидетельства.) Причина — я не приглашал его в состав экспедиции, „не давал ходу“, в то время как с Городцовым можно „делать дело“, да и наука не такая строгая, можно и пофантазировать, перебросить финнов на нижний Дон или на Кубань (об этом Городцов говорил), поди потом — доказывай обратное. Но главное — газеты. „Городцов и Лунин приступили к работам“, „Замечательные открытия Городцова и Лунина“ и проч. Это все мне давным-давно известно, но каким образом план Городцова был <принят> Главнаукой вместо того, чтобы попасть на страницы „Крокодила“, это мало доступно моему пониманию».

Разгоравшийся конфликт быстро выплеснулся на страницы научной печати. С. Н. Быковский, как уже было сказано, не обошел вниманием брошюры «Научные экспедиции Г.Н.К. на 1929/30 год». По поводу заявки Музея изящных искусств на исследования в Фанагории он заметил, что коллективизация не нуждается в подведении такой «исторической базы» и более того — «марксистской политической вывеской не следует прикрывать своей убогой „методологии“, бессильной вывести авторов заявки на путь действительной увязки археологических работ с запросами социалистического строительства» (Быковский 1931: 21).

Однако вся критическая мощь интеллектуальных сил ГАИМК в это время была обрушена на В. А. Городцова, столкновения с которым начались задолго до этого, и приведенное выше мнение, что его сочинения надо бы печатать в сатирическом журнале «Крокодил», на этом фоне выглядит безобидной шуткой. С. Н. Быковский

в процитированной выше статье заявил, что цель экспедиции В. А. Городцова носит «более чем сомнительный характер». Он, естественно, подчеркнул, что «только с буржуазной точки зрения можно говорить о государстве скифов и сарматов, не желая считаться с классовой природой государства» (Там же: 20). А что касается поселений финнов на Нижнем Дону, то автору заметки рекомендовалось серьезным образом ознакомиться с трудами Н. Я. Марра. Общий вывод вообще звучал устрашающе: «Применяя формально-сравнительный метод и опираясь на расовую теорию, В. А. Городцов, очевидно, не подозревает о существовании усвоенных им политических установок в предпринятой им работе. А они далеко не так безвредны. Желая видеть финнов в тех районах, где финнов никогда не было, В. А. Городцов содействует панфиннистам, подводя „научную“ базу под их шовинистические политические идеи» (Там же: 21).

Настоящий разгром научных концепций В. А. Городцова устроил Е. Ю. Кричевский в статье «Буржуазная археология в советском музее» (Кричевский 1931). Анализируя организацию экспозиции в Государственном историческом музее, автор резко выступил против тех, кто считал его концепцию близкой историческому материализму. «Оценивать так концепцию проф. Городцова, — писал Е. Ю. Кричевский, — да еще на таком ответственном месте, как витрина массового музея, это значит пропагандировать примиренческое отношение к классово-чуждым и враждебным диалектическому материализму теориям, это значит отказаться от борьбы с буржуазной археологией, типичным представителем которой в Советском Союзе является проф. Городцов» (Там же: 65). Советский ученый, по его мнению, шел «по проторенной дорожке буржуазной археологии — дорожке миграций и заимствований». «Вся история первобытного общества на территории СССР сводится к бесконечным передвижениям различных племен и народов, к разнообразнейшим миграциям, фигурирующим в экспозиции под названием „завоеваний“». Антидиалектичность, неспособность понять имманентно-необходимое самодвижение общества, миграции и заимствования как единственный способ объяснения всех изменений в процессе развития человеческой культуры, — все это органически свойственно буржуазной археологии в силу ее классовой природы, и все это оказалось полностью воспроизведенным в экспозиции советского музея» (Там же: 68).

В. И. Равдоникас тоже отмечал, что буржуазную концепцию В. А. Городцова напрасно понимали как «нечто близкое историческому материализму» (Равдоникас 1932: 49). Да и некоторые московские археологи признавали его классификационные схемы идеалистическими (Арциховский и др. 1932: 47).

Московские археологи против ГАИМК

В начале статьи был приведен отрицательный отзыв В. А. Городцова на предложение ГАИМК «рационализировать» научно-исследовательские работы в области археологии, высказанный им летом 1929 г. Прошедшее время отнюдь не сгладило возникших противоречий, а даже напротив — усилило их. Московская школа археологов не могла игнорировать отмеченные выше обвинения, а равно и претензии ГАИМК на главенство в проведении археологических работ. В 1931 г. в пику Академии в Москве группой археологов во главе с К. Э. Гриневичем был выдвинут на обсуждение проект по созданию специальной структуры для планирования и организации археологических исследований на территории СССР.

В ответ на это С. Н. Быковский составил гневное письмо от лица ГАИМК, где вновь нещадно раскритиковал и В. А. Городцова и МИЗИС (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 1. Л. 145–148):

«В Сектор науки НКП РСФСР

17 февраля 1931 г. по инициативе ГАИС было созвано совещание по вопросу о планировании археологических исследований (экспедиций), связанных с большими строительными работами по пятилетнему плану. На совещании был оглашен (К. Э. Гриневичем) составленный заранее проект организации особого органа по планированию упомянутых исследований. Проект предусматривал его обособленность от сектора науки, а местонахождение — г. Москва — предопределяло и состав данного органа.

Государственная Академия истории материальной культуры в лице и. о. председателя С. Н. Быковского и члена Академии В. Б. Аптекаря в категорической форме высказалась против создания особого московского органа, обособленного от сектора науки, и настаивала на том, чтобы дело планирования было оставлено в секторе науки, хотя не возражала против учреждения при секторе науки какого-либо подсобного органа в виде постоянного бюро или периодически созываемого совещания.

Переходя к новым формам и методам работы, ГАИМК со своей стороны возбуждает ряд принципиальных вопросов, касающихся организационной и методологической стороны археологического дела. Практическое разрешение всех этих вопросов в значительной степени зависит от характера связи ГАИМК по данным вопросам с сектором науки. Только при наличии систематически организованной связи ГАИМК с сектором науки возможно будет правильное решение таких вопросов и практическое осуществление принятых решений. Нуждаясь в новых, более тесных связях с сектором науки, ГАИМК со своей стороны не может иметь возражений против учреждения при секторе науки особого органа по планированию экспедиций, при том не только связанных со строительными работами, но всех археологических экспедиций вообще. ГАИМК имеет основания настаивать лишь на том, чтобы в случае согласия сектора науки на учреждение такого органа этот орган был бы подсобным учреждением сектора науки, но не какой-либо обособленной или полуавтономной комиссией, или бюро и т. п. Во-первых, ГАИМК считает принципиально невозможным передачу каких-либо административных функций в руки органа, самостоятельно избираемого в научной среде, общественно-политически и методологически далеко еще не зарекомендовавшей себя в качестве вполне безупречной среды, которой могли бы быть присвоены соответствующие функции и полная самостоятельность. Во-вторых, ГАИМК не имеет оснований целиком полагаться на московскую школу археологов, оставляющих желать много лучшего в отношении степени близости к марксистской методологии, которой, само собой разумеется, обуславливаются и методы археологических раскопок.

До настоящего времени московская школа стоит на методах формально-типологического исследования, чем обусловлены и самые приемы раскопок. Случаи повреждения и гибели ценных материалов верхних культурных слоев в поисках палеолита (предметы из верхних слоев, например, просто выбрасывались) или бурение курганов сверху и т. п. приемы — не редки. Все это наглядно доказывает непонимание марксистской методологии на практике. Заявки московских археологов на 1929/30 г. в некоторых случаях носят вопиющий характер. Так, заявка В. А. Городцова включает исследования „древних поселений финнов, по-видимому, входивших в состав скифских и сарматских государственных организаций“. Почтенный исследователь находит, что „это совершенно неожиданное явление, — как он сам пишет, — имеет большое влияние на обогащение исторических сведений и на решение старого вопроса в лингвистике о причине сходства многих финнов, в частности, вотякских слов с осетинскими“ (Научные экспедиции ГНК под ред. Г. Костенко. 1930 г., стр. 23). В. А. Городцову, как очевидно, совершенно не известна марксистская концепция государства, поскольку

в применении к скифам и сарматам применяется упомянутая терминология. В. А. Городцову неизвестно, что сходство культур обуславливается не расовой или племенной принадлежностью, а одинаковым уровнем производительных сил, и что только при помощи формально идеалистического, глубоко враждебного марксизму, метода можно говорить о финских культурах в тех районах, где обнаруживается формальное сходство с финскими культурами. Политическое значение расовой теории, с которой связаны представления археологов старой школы, В. А. Городцову, очевидно, совершенно непонятно, как и роль археологических исследований в установках буржуазной школы в качестве „научного“ обоснования империалистических, пан-националистических и т. п. тенденций. В своем замысле В. А. Городцов исходит целиком из установок лингвистики XIX века, классовая сущность которой в основных ее чертах не нуждается ныне в специальном выявлении и уже достаточно ясна сама по себе. Между тем, достижения материалистической лингвистики, объяснившей „связи“ финнов с оссами (осетинами) без помощи расовой теории и вскрывшей социально-экономические корни этих „связей“, остались для В. А. Городцова даже неизвестными, как это вскрылось на совещании 17-го февраля в Москве. Заявка музея изящных искусств по работам на Таманском полуострове включает следующую мотивировку: „даст ознакомление с экономикой древне-греческой колонии и подведет историческую базу под современное совхозное строительство“ (упом. изд., стр. 34). Трудно сказать, является ли упомянутая мотивировка работ невежеством в области марксизма или нарочитой недобросовестностью составителя заявки, надо полагать, не представляющего себе самому, как археологическое исследование района подведет „базу“ под современное совхозное строительство. Заявка музея Восточных культур включает, между прочим, такую мотивировку, смысл которой не улавливается вовсе. <...>

Являясь компетентным учреждением в суждении о научной и методической стороне археологических исследований и спланивая вокруг себя марксистские силы не только г. Ленинграда, но и г. Москвы, имея коммунистическое руководство, ГАИМК и впредь берет на себя рассмотрение научно-методологической стороны всех заявок на археологические исследования (открытые листы), а также рассмотрение соответствующих отчетов».

Такие грозные обвинения, казалось бы, знаменовали смертный приговор В. А. Городцову, при этом отнюдь не только в сфере научных споров. Дальнейшее развитие событий, однако, показало совсем другое — жизни лишились ленинградские ученые, выступавшие против его концепций, — С. Н. Быковский, Е. Ю. Кричевский, из сталинских лагерей не вернулся А. А. Миллер. Но все эти события имели место несколькими годами позднее, пока же руководство Академии признавало, что в ее действиях имеются недостатки, которые некоторые недоброжелатели объясняли сохранением дореволюционных, имперских традиций. В ответ на эти обвинения С. Н. Быковский заявил: «В порядке самокритики следует заметить, что ГАИМК, дающая заключения на право получения открытых листов, должна строже относиться к заявкам, не ограничиваясь рассмотрением одних отчетов и не смущаясь истерическими выкриками „обиженных“, что, будто бы, „стены ГАИМК еще дышат духом императорской археологической комиссии“. „Старый дух“ там, где он действительно имеется, надо выколачивать до конца, невзирая на лица. Наука, которая должна быть наконец поставлена на службу социалистического строительства, от этого не проиграет» (Быковский 1931: 22).

Приведенная цитата не оставляет сомнения в том, что московские коллеги в разразившейся полемике не отставали от ленинградцев и не стеснялись высказываться

о деятельности ГАИМК весьма негативно. На страницах недавно опубликованного дневника В. А. Городцова неоднократно приводятся не самые лицеприятные характеристики работы Академии и ее сотрудников. Вполне понятным при этом становится, кого С. Н. Быковский считал «обиженными», — ясно, что главной фигурой в их рядах был именно В. А. Городцов. Вот некоторые наиболее характерные записи из его дневника.

«Государственная Академия истории материальной культуры была организована в первые годы революции Главмузеем Наркомпроса РСФСР как вспомогательный научный орган для ведения археологических исследовательских и охранных работ. В состав ГАИМК были введены все члены упраздненной Императорской Археологической комиссии, которая при царском режиме получала полностью государственные средства, отпускаемые на ведение археологических работ, и имела право бесконкурентного руководства в этих работах. По существу, это было весьма вредное для русской археологии учреждение, препятствовавшее развитию русской археологии. Войдя в ГАИМК, бывшие члены Императорской Археологической комиссии заняли высшие административные должности в Академии, повели дело так, как они вели его и в Археолог[ической] комиссии, т. е. эгоистически и с презрительным отношением к археологам, не входившим в состав Академии. Новая обстановка оказалась для этого благоприятной: в царское время русские археологи могли работать независимо от Археолог[ической] комиссии на землях собственников-землевладельцев; при новом строе таких земель не стало, для работ русских археологов, не вошедших в состав Ак[адемии] ист[ории] м[атериальной] к[ультуры], не осталось места: все зависело от усмотрения и произвола ГАИМК. Ненормальность такого явления скоро разразилась конфликтом Академии с Главмузеем: Академия не стала считаться с требованием последнего, ссылаясь на немного небрежно пропущенный Главмузеем устав Академии. Для устранения конфликта два раза дело разбиралось в особых заседаниях комиссий Наркомпроса под председательством замнаркома М. Н. Покровского, где разъяснялось, что Ак[адемия] ист[ории] м[атериальной] культуры является подчиненным органом Главмузея, а после — сменившей его Главнауки. Сам устав Академии было постановлено исправить и переиздать. Исполнено ли последнее, мне неизвестно, но, по-видимому, нет. Помнится, особенно одиозен был [пункт] 4. Стремясь захватить в свои руки средства и власть, Академия видела, что препятствие ее захватническим стремлениям могут составить только археологи г. Москвы; с археологами других городов Академия, по-видимому, совсем не считалась. Ввиду этого Академия поставила себе закулисной задачей во что бы то ни стало уничтожить московских конкурентов. <...>

Из приведенного можно видеть, насколько для русской археологии вредна Академия истории материальной культуры. В последнее время ее вред особенно увеличился благодаря тому, что во главе Академии стали люди, чуждые археологии и не признающие ее научного значения, таковы: Быковский, Кипарисов и Марр, хотя последний причисляет себя к археологам, так как производил раскопки в Армении, но по существу Марр никогда не был археологом-специалистом» (Городцов 2015б: 150–153). Эмоционально откликаясь на обиды, нанесенные ГАИМК К. Э. Гриневичу и ему самому, В. А. Городцов записал в своем дневнике 16 февраля 1932 г., что «это не Академия, а „сволочь“» (Городцов 2015а: 329). Не менее показательна и другая запись, сделанная через несколько лет после описанных событий, 29 февраля 1936 г., то есть незадолго до ликвидации ГАИМК: «...Ленинград (тогда С[анкт]-Петербург) решительно не давал мне никаких средств и так же решительно препятствовал моим раскопочным работам. Я не получил ни одной копейки от Имп[ераторской] Арх[еологической] ком[иссии],

которая, получая государств[енные] деньги, обязана была поддерживать таких ревностных работников, каким я был. Мало того, наследница Императорской Комиссии (черт бы ее подрал) Академия истории мат[ериальной] культуры, восприняв по наследству враждебность ко мне, еще более развернула гонение, пока не вступилась за меня Академия наук СССР. Пишу эти строки в глубоком возмущении и досаду, что подлость Комиссии и ГАИМК отняли и отнимают у меня много времени, необходимого для занятий археологией» (Городцов 2015б: 26, 27).

По прошествии стольких лет вряд ли стоит судить нашего выдающегося археолога слишком строго. Его суровые слова, надо думать, во многом объясняются травлей В. А. Городцова, развернувшейся в ленинградской научной печати.

Заключение

Завершая повествование, следует вернуться к одной из основных причин конфликта 1930 г. и выяснить, почему же заявка на проведение Таманской экспедиции ГАИМК не попала в Наркомпрос. Напомним, что с этим вопросом Н. Я. Марр обратился к народному комиссару просвещения А. С. Бубнову. У того, вероятнее всего, времени на ответ не оказалось, письмо в ГАИМК было составлено 18 августа А. Канчевым (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 174. Л. 30):

«Многоуважаемый Николай Яковлевич,

По содержанию переданного мне т. Эпштейном Вашего письма на имя т. Бубнова считаю нужным сообщить Вам, что я вполне согласен с Вами о необходимости наиболее полного и скорейшего археологического изучения Таманского полуострова. Ввиду исключительно научного значения этой работы, в согласии с указаниями ГАИМК, Сектор Науки отказал т. Харко в выдаче ему открытого листа для работ на Таманском полуострове. Выдан лишь один открытый лист, по ходатайству Института археологии и искусствоведения РАНИОН. Тов. Гриневиц руководит экспедицией Музея изящных искусств на Таманском полуострове, каковая экспедиция включена в план экспедиционных работ, потому что в поставленном Сектору Науки 26 февр. 30 г. № 2092 экспедиционном плане ГАИМК на 1930 г. экспедиция на Тамань не была включена вовсе, а Северо-Кавказская экспедиция ограничена пределами от Нальчика до р. Малки и Пятигорска. Все экспедиции ГАИМК были согласованы Сектором Науки.

Как только ГАИМК заявил ходатайство о выдаче откр. листа для работ на Таманском полуострове проф. Миллеру, то и это ходатайство было удовлетворено, и ГАИМК имеет полную возможность вести в настоящем году работу по Тамани.

Если пункты ГАИМК и Муз. Изящн. Искусств совпали, то целесообразно объединить эти работы, и тогда будет достигнут полный контакт в исследовательской работе двух организаций, преследующей те же научные цели.

В следующем же году, если ГАИМК включит в свой план работы на Тамани, таковые будут переданы ГАИМК».

Итак, мы вынуждены прийти к заключению, что Таманская экспедиция ГАИМК не была включена в план Наркомпроса на 1930 г. по той причине, что на нее попросту не была подана официальная заявка. Причину этого упущения сейчас вряд ли можно найти, но этот, казалось бы, пустяк стал поводом серьезного ухудшения отношений между московскими и ленинградскими археологами. В дальнейшем эти отношения только обострялись (Виноградов и др. 2020), что закономерно вело к преждевременному завершению для ГАИМК столь перспективного научного направления.

Литература и источники

- Академическая археология 2013 — Носов Е. Н. (отв. ред.). Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 416 с.
- Арциховский и др. 1932 — *Арциховский А. В., Киселёв С. В., Смирнов А. П.* Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» // Сообщения ГАИМК. 1932. № 1–2. С. 46–48.
- Быковский 1931 — *Быковский С. Н.* Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями? // Сообщения ГАИМК. 1931. № 4/5. С. 20–22.
- Виноградов 2020a — *Виноградов Ю. А.* Из истории Таманской экспедиции ГАИМК // Таврические студии. 2020. № 22. С. 25–30.
- Виноградов 2020б — *Виноградов Ю. А.* Из истории Таманской экспедиции ГАИМК // Схатум Р. Б., Улитин В. В. (отв. ред.). X «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте евразийских древностей: Мат-лы Междунар. археологической конф. Краснодар: ИП Смородин, 2020. С. 77–81.
- Виноградов и др. 2020 — *Виноградов Ю. А., Застрожнова Е. Г., Медведева М. В.* Таманская экспедиция ГАИМК: к истории создания // АВ. 2020. Вып. 30. С. 312–329.
- Виноградов и др. 2021 — *Виноградов Ю. А., Застрожнова Е. Г., Медведева М. В.* Таманская экспедиция ГАИМК и исследования Фанагории // Боспорские исследования. 2021. Вып. 42. С. 271–301.
- Городцов 2015а — Василий Алексеевич Городцов: дневники 1928–1944. Т. I, кн. 1: 1928–1935 / Гайдуков П. Г., Яновский А. Д. (отв. ред.). М.: Триумф принт, 2015. 687 с.
- Городцов 2015б — Василий Алексеевич Городцов: дневники 1928–1944. Т. II, кн. 2: 1936–1944. Приложения / Гайдуков П. Г., Яновский А. Д. (отв. ред.). М.: Триумф принт, 2015. 695 с.
- Научные экспедиции Г.Н.К. 1930 — Научные экспедиции Г.Н.К. на 1929/30 год / Костенко Г. (ред.). М.: Изд-во Главнауки, 1930. 37 с.
- Кричевский 1931 — *Кричевский Е. Ю.* Буржуазная археология в советском музее // Сообщения ГАИМК. 1931. № 9/10. С. 62–72.
- Марр, Мещанинов 1933 — *Марр Н. Я., Мещанинов И. И.* Гидротехническое строительство и история материальной культуры // Гидротехническое строительство. 1933. № 3–4. С. 32.
- Мещанинов 1934 — *Мещанинов И. И.* Археологические работы на новостройках // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 5. С. 24–28.
- Мещанинов 1935 — *Мещанинов И. И.* Предисловие // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг. М.; Л.: Гос. соц. экон. изд-во, 1935. С. 7–10 (Известия ГАИМК. Вып. 109).
- Мещанинов 1936 — *Мещанинов И. И.* Краткий осведомительный отчет о работе в Мильской степи экспедиции 1933 г. // Труды Азербайджанского филиала [АН СССР]. 1936. Т. 25. С. 5–31.
- Равдоникас 1932 — *Равдоникас В. И.* На новый этап // Сообщения ГАИМК. 1932. № 1–2. С. 49–60.
- ГАРФ. Ф. 4655. Оп. 1. Д. 9.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 5, 41, 174; 1931 г. Д. 1; 1932 г. Д. 111.
- ОР ГМИИ. Ф. 5. Оп. V. 1930 г. Д. 41.

**TAMAN EXPEDITION OF THE STATE ACADEMY OF THE HISTORY
OF MATERIAL CULTURE: THE BEGINNING OF THE END**

YU. A. VINOGRADOV, E. G. ZASTROZHNOVA, M. V. MEDVEDENA

Keywords: *history of archaeology, State Academy for the History of Material Culture, State Museum of Fine Arts, Taman Expedition.*

The paper is devoted to one of the main scientific projects of the State Academy of the History of Material Culture in the early 1930s — the Taman Expedition headed by A. A. Miller. Only prospecting works were conducted during the first year (1930), but it was then that serious disagreements arose between Moscow and Leningrad archaeologists. These disagreements led to the termination of the Taman project.

ИЗДАНИЕ НОИН-УЛИНСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ И ФОТОГРАФ И. Н. АЛЕКСАНДРОВ: НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ БИОГРАФИИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ПЕРИОДА¹

М. В. МЕДВЕДЕВА²

Ключевые слова: история археологии, ГАИМК, Эрмитаж, фотографии, Ноин-Ула, И. Н. Александров.

Фотограф И. Н. Александров широко известен историкам фотографии по замечательным снимкам русских памятников архитектуры и коронационных торжеств последнего российского императора. Дореволюционная деятельность мастера изучена намного лучше, чем последующий период его жизни. В архивах ИИМК РАН и Эрмитажа нашлись новые свидетельства, уточняющие биографию И. Н. Александрова. Документы демонстрируют тесную взаимосвязь его фотографических работ с археологией и изучением древностей в 1920-е гг. В стенах ГАИМК готовилась к публикации ноин-улинская археологическая коллекция, полученная в результате раскопок Монголо-Тибетской экспедиции 1924–1925 гг. И. Н. Александров стал одним из тех фотографов, которым доверили съемку уникальных древних тканей и других ценных находок.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-26-188-198

В современной российской историографии, как правило, хорошо известны имена исследователей, которые занимались и занимаются изучением того или иного археологического памятника. Результаты научной работы публикуются в статьях, а итог подводится в монографических изданиях, где археологические коллекции знаковых памятников вводятся в широкий научный оборот. Важную часть таких изданий составляет графическая документация и визуальная презентация сделанных находок, ведь от их детальности и точности во многом зависит объективность последующих аналитических работ, особенно в ситуации, когда сам предмет не сохранился. Судьба многих археологических объектов, изученных в XIX — начале XX в., и коллекций древностей, добытых раскопками, была трагической: они оказались утрачены, разрознены, депаспортизованы. Ныне для некоторых археологических коллекций публикации и архивные документы стали единственным источником в деле восстановления целостной информации о составе комплексов находок и о том, как выглядели артефакты сразу

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования, культуры, науки и спорта Монголии в рамках научного проекта № 20-59-44005.

² Научный архив, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

после обнаружения. Имена людей, принимавших участие в создании фотографий и рисунков археологических находок, часто остаются в стороне, несмотря на то, что их вклад во введение в научный оборот полученных археологами вещественных коллекций не менее значим. Благодаря сведениям из архивных документов Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) выяснилось, что альбомы иллюстраций для книг 1920–1930-х гг. часто готовились довольно известными художниками и фотографами, причем о такой грани их творчества практически ничего неизвестно.

Одним из примеров тому служит история создания корпуса иллюстраций уникальных находок из раскопок Монголо-Тибетской экспедиции под руководством П. К. Козлова в Ноин-Уле в 1924–1925 гг. Процесс организации экспедиции и результаты раскопок элитарных погребальных комплексов ноин-улинского могильника неоднократно рассматривались специалистами (библиографию см.: Елихина 2020; Полосьмак, Богданов 2016: 166–173). Археологов прежде всего волновали вопросы интерпретации происхождения обнаруженных предметов, их роль в погребальном обряде, техника изготовления, история использования, датировка, этническая принадлежность и многое другое. Несомненно, решение подобных задач — это самая важная часть в изучении материальной культуры прошлого, но вместе с тем никогда не стоит забывать и о тех людях, чьими усилиями все эти предметы запечатлены для нас, что позволяет сегодня увидеть в мельчайших подробностях, как они выглядели почти сто лет назад. Ценность выполненных тогда иллюстраций усиливается еще тем фактом, что запланированное полноценное издание ноин-улинской коллекции так и не состоялось в то время, а некоторые рисунки и фотографии до сих пор не опубликованы и доступны лишь как архивные источники.

Во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. в стенах Академии истории материальной культуры в Ленинграде сконцентрировались основные исследования ноин-улинской коллекции естественнонаучными методами (Сутягина 2020). В учреждении была создана специальная Комиссия по изучению и изданию комплекса древностей из раскопок Монголо-Тибетской экспедиции. Подготовка ценной монгольской коллекции к монографической публикации стала одной из приоритетных задач для сотрудников ГАИМК и Института археологической технологии, входившего в состав Академии (Медведева 2021). Из сохранившихся документов становится очевидным, что планировалось масштабное, богато иллюстрированное издание ноин-улинской коллекции, поэтому требовалось изготовить высококачественные фотографии и рисунки для последующей печати. К работе был привлечен блестящий состав художников и фотографов. Среди них находились опытные специалисты, к тому времени уже в течение многих лет работавшие в области археологии и охраны памятников, и молодые художники. Рисунки тушью и акварелью выполнены М. Ф. Фармаковским, В. Ф. Штейн, К. М. Назаровой, А. В. Ухановой, Н. М. Сунцовой, Н. Б. Эмлер, Л. А. Дурново, а фотографированием занимались Г. И. Боровко, И. Ф. Чистяков, С. М. Дудин, И. Н. Александров. Здесь важно отметить, что все они неоднократно бывали в археологических экспедициях и отлично знали специфику воспроизведения археологических находок.

Процесс изготовления изображений древностей из раскопок П. К. Козлова в Ноин-Уле в 1924–1925 гг. продлился несколько лет. С 1924 по 1928 г. был создан обширный корпус художественных рисунков и фотографий. В отчете ГАИМК за эти годы ученый секретарь Б. В. Фармаковский сообщал: «По поручению Совнаркома СССР продолжались исследования археологических материалов, полученных из раскопок экспедиции Козлова в Монголию. Материалы в значительной степени подготовлены к изданию.

Исполнены 24 акварельных рисунка, 100 рисунков тушью и пером, 238 фотографических снимков» (Фармаковский 1929: 5).

Фотосъемка составила важную часть этой подготовительной работы. Ко второй половине 1920-х гг. этот способ документации уже давно был признан всеми археологами наиболее объективным, быстрым и точным в деле фиксации вещевого материала в процессе раскопок и кабинетных исследований. Фотографирование ноин-улинских древностей производилось на стеклянные негативы, в основном широкоформатные: только они могли обеспечить необходимое полиграфическое качество при печати. Снимки детально отражают состояние предметов Монголо-Тибетской экспедиции во второй половине 1920-х гг. В тот момент находки хранились на Складе древностей ГАИМК, поэтому фотосъемка происходила в Мраморном Дворце, где тогда располагалось учреждение. Всего в фотоколлекции Монголо-Тибетской экспедиции, хранящейся теперь в фотоотделе Научного архива ИИМК РАН, насчитывается более двухсот снимков находок, сделанных в 1924–1928 гг. Все фотографии, так же как и рисунки, хранились сначала отдельным архивом (фонд Монголо-Тибетской экспедиции) и имели собственную особую нумерацию, которую до сих пор можно увидеть на паспорту отпечатков. В 1937 г. они единым комплексом поступили в Фотоархив ГАИМК, где их описание было составлено сотрудницей архива К. М. Назаровой. Первая фотосъемка предметов была произведена одним из непосредственных участников раскопок — археологом, сотрудником ГАИМК и Эрмитажа Г. И. Боровкой. Он осуществлял фотофиксацию во время полевых исследований в 1924 г. (Медведева, Кукина 2022), а также выполнил серию фотографий находок из курганов 6 и 24 (падь Суцзуктэ, Ноин-Ула, Монголия), уже после их поступления в ГАИМК. Далее фотосъемкой ноин-улинских древностей занимались мастера фотографии самой высокой квалификации — И. Ф. Чистяков (Длужневская 2007; Медведева 2015) и С. М. Дудин (Прищепова 2011; Кулакова, Кий 2021). К тому времени оба фотографа были хорошо известны в археологических и фотографических кругах своими многочисленными превосходными снимками памятников археологии и архитектуры.

Еще одним фотографом, снимавшим ноин-улинские вещи, в документах значится Иван Николаевич Александров. Имя этого русского фотографа стоит в одном ряду с такими знаменитыми фотохудожниками, как И. Ф. Барщевский, М. П. Настюков, О. И. Карелин, М. П. Дмитриев. И. Н. Александров оставил нам богатое фотографическое наследие, но о его биографии специалисты знают не так уж много (Мозохина 2010: 2; Рогозина 2014: 6).

В списках профессиональных фотографов И. Н. Александров появляется с 1890-х гг. Он активно фотографировал в Москве, и теперь представительная коллекция сделанных И. Н. Александровым снимков архитектурных памятников Москвы хранится в Музее архитектуры им. А. В. Щусева (Рогозина 2014). Некоторые его фотоработы, запечатлевшие памятники Москвы, есть и в Научном архиве ИИМК РАН. Все они, безусловно, могут быть отнесены к лучшим образцам художественной фотографии и показывают невероятный талант автора (НА ИИМК РАН. ФО. Альбомы Q 331, 332; рис. 1; 2). В 1896 г. И. Н. Александров получил аккредитацию на фотосъемку коронационных торжеств императора Николая II и императрицы Александры Федоровны и сделал несколько альбомов с фотографиями этого важного для России события (Мозохина 2010: 2; Рогозина 2014: 6, 7).

С археологией И. Н. Александров был связан уже в тот период. Фотоснимки объектов старины делались им в 1890-х гг. по заказу Императорского археологического

Рис. 1. Москва, Кремль, Архангельский собор. Фото И. Н. Александрова, 1890-е гг.
НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q 331-38

Fig. 1. Moscow, Kremlin, Archangel Cathedral. Photo by I. N. Alexandrov, 1890s.
Photographic Division of the SA IHMC RAS, print Q 331-38

Рис. 2. Москва, Кремль, Благовещенский собор. Фото И. Н. Александрова, 1890-е гг.
НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q 331-39

Fig. 2. Moscow, Kremlin, Annaciation Cathedral. Photo by I. N. Alexandrov, 1890s.
Photographic Division of the SA IHMC RAS, print Q 331-39

Московского общества, и именно оттуда более трех сотен негативов фотографа впоследствии поступили в ЦГРМ, а затем в Музей архитектуры им. А. В. Щусева (Рогозина 2014: 7). Исследователями истории фотографии отмечается высокое качество фоторабот И. Н. Александрова и прекрасное умение верно использовать композиционные приемы живописи, снимки фотографа сопоставляются с художественными картинами (Там же). Интересно, что в своей работе с самого начала он предпочитал использовать крупноформатные стеклянные негативы размером 24 × 30 см. При съемке монгольской коллекции в 1925 г. И. Н. Александров тоже выбрал крупноформатные стеклянные пластины размером 18 × 24 см.

В начале XX в. И. Н. Александров сотрудничал с Комитетом попечительства о русской иконописи, для которого снимал древнерусские фрески и иконы, затем — с Издательством Общины св. Евгении³, где занимался профессиональной съемкой древностей для печати на «Открытых письмах». В 1905 г. И. Н. Александров получил приглашение занять вакантное место заведующего фотографией при Русском музее, но проработал там недолго и позже основал собственное фотоателье в Санкт-Петербурге, где предлагал «трехцветное фотографирование икон, картин, старинных вещей, архитектур и пр.» (Мозохина 2010: 3, 4; Попов 2013: 30). В Издательстве Общины св. Евгении он познакомился с художником А. Н. Бенуа и впоследствии благодаря его помощи начал сотрудничество с художественными журналами «Аполлон» и «Старые годы». Высоко оценивал фотоработы И. Н. Александрова известный деятель науки и культуры И. Э. Грабарь. Он неоднократно обращался к услугам фотографа — привлекал его к работе в архитектурных экспедициях и пересъемке произведений искусств, в том числе и своих собственных работ, использовал снимки И. Н. Александрова в ряде своих публикаций (Грабарь 1977: 251, 256, 301; Рогозина 2014: 18, 19). В одном из писем И. Э. Грабарь упоминал, что снять его картину «чертовски трудно и под силу Александрову одному» (Грабарь 1977: 375).

В послереволюционные годы И. Н. Александров служил в Эрмитаже, куда он, возможно, тоже попал не без протекции А. Н. Бенуа. В июне 1920 г. И. Н. Александров обратился в Совет Государственного Эрмитажа с просьбой о приеме на работу: «Осведомившись о имеющейся вакантной должности фотографа Эрмитажа, предлагаю Вам свои услуги и прошу зачислить на должность фотографа Эрмитажа» (Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 15. Л. 1)⁴. По сведениям из личного дела фотографа, в тот момент он состоял фотографом Третьяковской галереи. Эрмитаж приветствовал предложение И. Н. Александрова и пригласил его на работу в штат музея, запросив для него высокий оклад в союзе работников искусства, аргументируя это тем, что «должность фотографа может быть замещена лишь высококвалифицированным сотрудником в этой области, основательно знакомым с техникой съемки предметов музейного собрания» (Там же: Л. 5). Окончательно фотограф перевез из Москвы свое оборудование лишь в 1922 г.

Все годы на службе в Эрмитаже И. Н. Александров подолгу находился в командировках в Москве, где фотографировал по заказу предметы из музейных собраний.

³ Здесь надо отметить, что Издательство Общины св. Евгении в 1920-е гг. продолжало свою деятельность в составе Академии истории материальной культуры и также вошло в структуру Комитета популяризации художественных изданий (КПХИ). Ныне в фотоотделе НА ИИМК РАН многие снимки Общины св. Евгении хранятся в фонде КПХИ.

⁴ Благодарю Н. А. Сутягину за возможность ознакомиться с личным делом фотографа И. Н. Александрова из Архива ГЭ.

Самым значительным проектом этих лет для него стало участие в подготовке к изданию иллюстрированного каталога Алмазного фонда (Алмазный фонд... 1924; 1925а; 1925б; 1925–1926) в рамках работы Комиссии по аттестации драгоценностей семьи Романовых, эвакуированных в начале Первой мировой войны в Москву. В Комиссию под руководством академика А. Е. Ферсмана входили специалисты Академии наук, Эрмитажа, Оружейной палаты, представители Гохрана, Совнаркома и ювелиры. На основании детального исследования вещей планировалось составить их научное описание и одновременно предпринять фотографирование главнейших изделий лучшими художниками-фотографами (Ферсман 1924: 14). В марте 1923 г. в Эрмитаж поступил запрос «о временном командировании фотографа тов. Александрова в гор. Москву на продолжительное время, для срочного производства снимков (автохромы)⁵ с бывших коронационных ценностей и других имеющих музейное и уникальное значение» (Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 15. Л. 10). В 1924 г. Комитет вновь обращается к директору Эрмитажа С. Н. Троицкому, который, впрочем, и сам входил в состав Комиссии А. Е. Ферсмана, с просьбой командировать фотографа И. Н. Александрова «вторично» для окончания фотографических работ ко второму, третьему и четвертому томам издания Алмазного фонда (Там же: Л. 22).

Академик А. Е. Ферсман так описывал фотографические работы Комиссии и участие в них И. Н. Александрова:

«Одновременно с изучением и оценкой начато было фотографирование изделий, причем 9/10 всех предметов были сняты художником-фотографом И. Н. Александровым, а 1/10 — фотографом П. А. Детиновым. Съемка производилась почти исключительно в натуральную величину, и только для некоторых изделий, не умещавшихся на пластинке 24 × 30 см., было допущено небольшое уменьшение.

Осенью того же года И. Н. Александровым было приступлено к съемке цветных фотографий на автохроматических пластинках. Одновременно с фотографированием был предпринят ряд попыток по воспроизведению изделий или пером, или акварелью в красках. Эта трудная задача не могла быть выполнена с достаточною художественностью и потому была оставлена» (Ферсман 1924: 15, 16).

В итоге всех предпринятых усилий был изготовлен роскошный иллюстрированный каталог «Алмазный фонд СССР». К сожалению, вместо того, чтобы служить цели сохранения уникальных предметов, имевших огромное историческое и художественное значение для России, каталог использовался в качестве рекламы во время кампании по продаже сокровищ Романовых за рубеж в 1920–1930-е гг. В настоящее время этот библиографический раритет является наиболее полным источником информации о составе драгоценностей Российской короны (Семенова 2000).

В мае 1926 г. фотограф И. Н. Александров уволился из Эрмитажа по собственному желанию (Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 15. Л. 33). Директор Эрмитажа С. Н. Троицкий дал ему блестящую характеристику для устройства на новое место работы:

«Настоящим удостоверяю, что фотограф Иван Николаевич Александров является совершенно исключительным мастером своего дела. И. Н. Александров не только является одним из лучших фотографов, но и отличается редкой добросовестностью, очень строго критикуя свою работу, благодаря чему от него получаешь только совершенно первоклассные снимки. Я знаю его работу в Эрмитаже в течение многих лет, по госхрану, где он исполнил ряд исключительно трудных в техническом отношении

⁵ Автохром — один из первых технологических процессов получения цветной фотографии, запатентованный братьями Люмьер в 1903 г.

снимков с предметов Алмазного фонда и антикварного серебра и по работе для различных художественных изданий (Старые годы и т. д.)» (Там же: Л. 35)⁶.

Видимо, зная высокую квалификацию И. Н. Александрова, в 1925 г. его привлекли и к фотографированию археологических находок в Академии истории материальной культуры, всегда тесно сотрудничавшей с Эрмитажем, где в тот момент работал фотограф. Сведения, что И. Н. Александров занимался пересъемкой древних предметов для издания ноин-улинской коллекции из раскопок Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова, не встречаются ни в одной публикации о нем, и таким образом документы архива ИИМК РАН открывают совершенно новую страницу деятельности русского фотографа.

Фотографирование археологических предметов требовало специальных знаний и навыков, и И. Н. Александров, несомненно, в совершенстве ими владел. Опыт и мастерство позволили ему сделать снимки ноин-улинских находок (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 2847–2885, III 2928–2929) прекрасного качества. На них великолепно переданы тип и структуры материала, из которого изготовлена каждая сфотографированная находка. Фотоизображения дают точное понимание орнаментальных композиций, любая деталь кадра характеризуется четкостью и ясностью (рис. 3–5).

Всего фотограф исполнил 41 изображение, используя стеклянные негативы крупного формата (18 × 24 см). Оригинальные негативы и отпечатки к ним хранятся ныне в архиве ИИМК РАН. Известно, что И. Н. Александров был знаком с техникой получения цветного изображения на автохромных пластинах. Неудивительно, что два снимка ноин-улинских находок сделаны именно в этой технике (рис. 3; 4), но они еще никогда не были опубликованы в цветном варианте, а печатались только в черно-белом.

Как уже упоминалось, в Академии истории материальной культуры была проделана огромная работа по подготовке к изданию ноин-улинской коллекции, но сама запланированная масштабная публикация не случилась. Фотографии частично напечатаны в различных статьях и монографиях.

Впервые результаты раскопок ноин-улинских курганов были кратко отражены в печатном отчете экспедиции по исследованию Северной Монголии в 1925 г. (Краткие отчеты... 1925). Приложенные в конце издания семь таблиц с фотографиями самых важных находок выполнялись фотографом И. Н. Александровым, о чем имеется соответствующая информация на контртитule. В дальнейших публикациях сведения об авторстве используемых фотографий часто упускались. В каталоге выставки китайского искусства, проводившейся в Берлине в 1929 г. (подробнее см.: Sutiagina, Kukina 2020), наряду со снимками немецкого фотографа были воспроизведены фотографии вещей из раскопок Ноин-Улы, сделанные русскими мастерами фотографии И. Н. Александровым, С. М. Дудиным и И. Ф. Чистяковым, но это не указано в выходных данных издания (*Ausstellung chinesischer Kunst...* 1929).

В работе К. В. Тревер 1932 г. (Trever 1932) представлены качественные снимки наиболее ценных в археологическом отношении предметов из ноин-улинских курганов. В начале книги приводится информация, что фотографии изготовлены Н. П. Тихоновым, но на самом деле они также принадлежат вышеупомянутым фотографам. Наибольшее количество иллюстраций включил в свою монографию С. И. Руденко

⁶ Дальнейшая судьба фотографа пока остается невыясненной. Отдельные упоминания фотографа И. Н. Александрова встречаются в различных документах научных учреждений до 1935 г. (Рогозина 2014: 19).

Рис. 3. Монголия, Ноин-Ула, падь Суцзуктэ, кург. 6, раскопки Монголо-Тибетской экспедиции, 1924–1925 гг., фрагмент шерстяной ткани с изображением всадников. Автохром, фото И. Н. Александрова, 1925 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 2863

Fig. 3. Mongolia, Noin-Ula, Sutszukte creek valley, barrow 6, excavations of the Mongol-Tibet Expedition, 1924–1925, wool fabric fragment with images of riders. Autochrome, photo by I. N. Alexandrov, 1925. Photographic Division of the SA IHMC RAS, negative III 2863

Рис. 4. Монголия, Ноин-Ула, падь Суцзуктэ, кург. 6, раскопки Монголо-Тибетской экспедиции, 1924–1925 гг., фрагмент полихромного шелка. Автохром, фото И. Н. Александрова, 1925 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 2857

Fig. 4. Mongolia, Noin-Ula, Sutszukte creek valley, barrow 6, excavations of the Mongol-Tibet Expedition, 1924–1925, polychromic silk fragment. Autochrome, photo by I. N. Alexandrov, 1925. Photographic Division of the SA IHMC RAS, negative III 2857

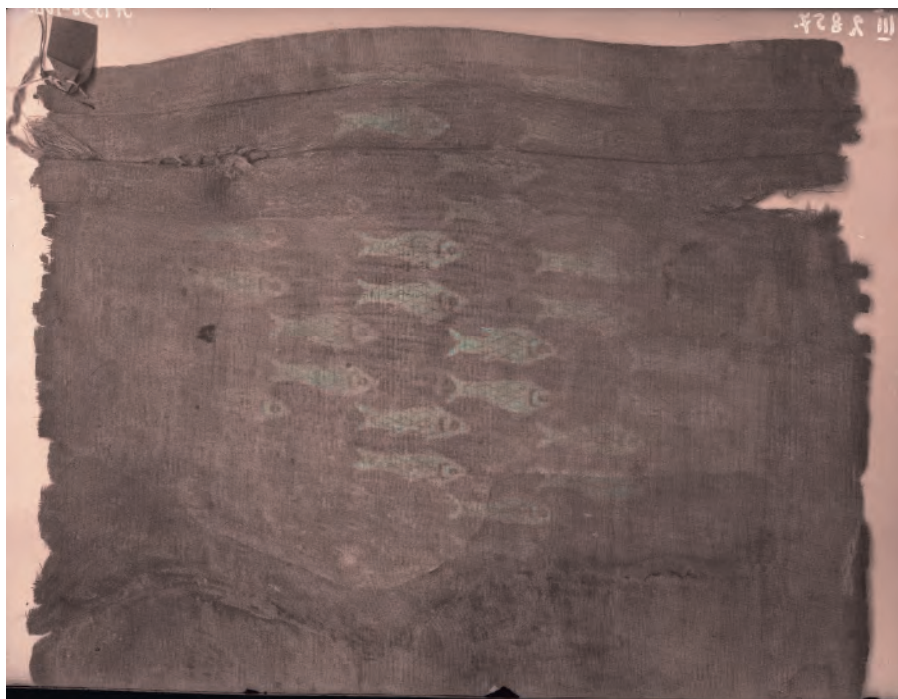

Рис. 5. Монголия, Ноин-Ула, падь Суцзуктэ, кург. 6. Раскопки Монголо-Тибетской экспедиции, 1924–1925 гг. Деревянная лакированная чашечка *эр бэй*. Изображение после ретуширования в процессе подготовки к полиграфическому воспроизведению. Фото И. Н. Александрова, 1925 г. НА ИИМК РАН. ФО. Нег. III 2873

Fig. 5. Mongolia, Noin-Ula, Sutszunkte creek valley, barrow 6, excavations of the Mongol-Tibet Expedition, 1924–1925, lacquered wooden cup *er bai* (image after retouching in the process of preparation for polygraphic reproduction). Photo by I. N. Alexandrov, 1925. Photographic Division of the SA IHMC RAS, negative III 2873

(1962), но он тоже не отметил авторов фотографий, хотя массово использовал снимки 1920-х гг., в том числе И. Н. Александрова.

В настоящее время в ИИМК РАН готовится к изданию весь комплекс оригинальных рисунков и фотографий археологических находок Монголо-Тибетской экспедиции П. К. Козлова 1920-х гг. с полной атрибуцией и указанием авторства каждого изображения. Комплексное введение в научный оборот архивного источника позволит назвать все имена художников и фотографов, принимавших участие в подготовке к изданию ноин-улинской коллекции во второй половине 1920-х гг., и таким образом показать не только информативное значение сделанных тогда иллюстраций для изучения археологических объектов, но и установить их собственную художественную и историческую ценность.

Литература и источники

- Алмазный фонд... 1924 — Алмазный фонд СССР / акад. А. Ферсман (ред.). М.: Издание народного комиссариата финансов СССР, 1924. Вып. 1. 38 с., 26 отд. л. ил.
- Алмазный фонд... 1925а — Алмазный фонд СССР / акад. А. Ферсман (ред.). М.: Издание народного комиссариата финансов СССР, 1925. Вып. 2. 30 с., 25 отд. л. ил.
- Алмазный фонд... 1925б — Алмазный фонд СССР / акад. А. Ферсман (ред.). М.: Издание народного комиссариата финансов СССР, 1924. Вып. 3. 46 с., 25 отд. л. ил.

- Алмазный фонд... 1925–1926 — Алмазный фонд СССР / акад. А. Ферсман (ред.). М.: Издание народного комиссариата финансов СССР, 1925–1926. Вып. 4. 38 с., 25 отд. л. ил.
- Грабарь 1977 — *Грабарь И. Э.* Письма 1917–1941 гг. / Евсина Н. А., Каждан Т. П. (ред.-сост., авт. введ. и коммент.). М.: Наука, 1977. 422 с.
- Длужневская 2007 — *Длужневская Г. В.* Фотографы Императорской Археологической комиссии // АВ. 2007. Вып. 14. С. 245–258.
- Елихина 2020 — *Елихина Ю. И.* Обзор исследований археологического памятника Ноин-Ула (Северная Монголия) // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2020. № 4 (19). С. 21–34. URL: <https://eurasia-art.ru/index.php/art/article/view/140>.
- Краткие отчеты... 1925 — Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П. К. Козлова. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 58 с.
- Кулакова, Кий 2021 — *Кулакова Л. Ю., Кий Е. А. С. М.* Дудин: Неизвестный архив в Отделе Востока, Приложение 1–2 // Тр. ГЭ: [Т.] 105: Эрмитажные чтения памяти В. Г. Луконина (21.01.1932–10.09.1984). 2013–2017. СПб.: Изд-во ГЭ, 2021. 500 с.
- Медведева 2015 — *Медведева М. В.* Иван Федорович Чистяков (1865–1935): к 150-летию со дня рождения // АВ. 2015. Вып. 21. С. 432–438.
- Медведева 2021 — *Медведева М. В.* Академия истории материальной культуры и издание Ноин-Улинской коллекции. 1920-е гг. // Археология Евразийских степей. 2021. Вып. 5. С. 123–130.
- Мозохина 2010 — *Мозохина Н. А.* Фотограф Иван Николаевич Александров и издательство Общины св. Евгении // Филокартия. 2010. № 2 (17). С. 2–4.
- Полосьмак, Богданов 2016 — *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С.* Ноин-улинская коллекция. Результаты работы российско-монгольской экспедиции, 2006–2012. Новосибирск: Инфолио, 2016. 176 с.
- Попов 2013 — *Попов А. П.* Российские фотографы (1839–1930): словарь-справочник. Т. 1. А–М (Мей). Коломна: Музей органической культуры, 2013. 815 с.
- Прищепова, 2011 — *Прищепова В. А.* К 150-летию со дня рождения С. М. Дудина — художника, этнографа (по материалам Музея антропологии и этнографии РАН) // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 608–649.
- Рогозина 2014 — *Рогозина М.* Фотограф Иван Александров. Видописец Москвы // Фотограф Иван Александров. Виды Москвы. Усадьбы. Особняки модерна. Коллекция музея архитектуры им. А. В. Щусева. Т. 2. М.: Гос. музей архитектуры им. А. В. Щусева, Кучково поле, 2014. С. 6–19.
- Руденко 1962 — *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
- Семёнова 2000 — *Семёнова Н.* По следам сокровищ Романовых // Проданные сокровища России. М.: Трилистник, Русский авангард, 2000. С. 26–55.
- Сутягина 2020 — *Сутягина Н. А.* Основные направления исследования археологической коллекции ноин-улинских курганов в 1924–1935 гг. // АВ. 2020. Вып. 30. С. 330–342.
- Фармаковский 1929 — *Фармаковский Б. В.* Отчет о деятельности Государственной Академии истории материальной культуры с 1 октября 1925 по 1 октября 1926 г. // Сообщения ГАИМК. 1929. Т. 2. С. 1–26.
- Ферсман 1924 — *Ферсман А. Е.* История Алмазного фонда / акад. А. Ферсман (ред.). Алмазный фонд СССР. М.: Издание народного комиссариата финансов СССР, 1924. Вып. 1. С. 13–16.

Ausstellung chinesischer Kunst... 1929 — Ausstellung chinesischer Kunst. Veranstaltet von der Gesellschaft für Ostasiatische Kunst und der Preußischen Akademie der Künste. Berlin: Würfel Verlag, 1929. 407 S.

Sutiagina, Kukina 2020 — *Sutiagina N., Kukina D.* Finds from the Noin-Ula kurgans at an exhibition in Berlin in 1929 (based on materials from the archive of the Russian Academy of Sciences, Institute of the History of Material Culture // Pankova S. V., Simpson St J. (eds.). *Masters of the Steppe: the Impact of the Scythians and Later Nomad Societies of Eurasia*. Proceedings of a conference held at the British Museum, 27–29 October 2017. 2020. P. 605–615.

Trever 1932 — *Trever K.* Excavation in Northern Mongolia (1924–1925). Leningrad: Fedorov, 1932. 76 p. (МАНМС. Vol. 3).

Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 15.

НА ИИМК РАН. ФО. Альбомы Q 331, 332; Нер. III 2847–2885, III 2928–2929.

**PUBLICATION OF THE NOIN-ULA COLLECTION
AND THE PHOTOGRAPHER I. N. ALEXANDROV:
UNKNOWN FACTS OF THE LENINGRAD PERIOD OF HIS BIOGRAPHY**

M. V. MEDVEDEVA

Keywords: *history of archaeology, State Academy for the History of Material Culture, Hermitage, photographs, Noin-Ula, I. N. Alexandrov.*

I. N. Alexandrov is well known to historians of photography, thanks to his wonderful pictures of Russian architectural monuments and of the coronation festivities of the last Russian Emperor. The pre-revolutionary activity of the master is studied much better than the subsequent period of his life. New documents shedding additional light on I. N. Alexandrov's biography have surfaced in the archives of the State Hermitage and IHMC RAS. It turns out that in the 1920s his photographic work was closely related to archaeology. When the Noin-Ula collection obtained as a result of excavations carried out by the Mongol-Tibet Expedition in 1924–1925 was being prepared for publication, I. N. Alexandrov became one of the photographers trusted to take pictures of unique ancient textiles and other valuable finds.

ГОЧЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК В ИССЛЕДОВАНИИ Д. Я. САМОКВАСОВА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ИИМК РАН)¹

А. Ю. КОНОНОВИЧ, Д. А. КУКИНА²

Ключевые слова: *средневековье, Д. Я. Самоквасов, Гочевский курганный могильник, «Атлас гочевских древностей», история исследования памятника, Императорская археологическая комиссия, К. П. Сосновский.*

В 1909 г. профессор Д. Я. Самоквасов произвел раскопки Гочевского курганного могильника: было исследовано 278 насыпей. Коллекция материалов впоследствии была разрознена между разными музеями и частично утеряна. Материалы исследований не были изданы в полном объеме, как задумывал Д. Я. Самоквасов. Уже после его смерти был издан «Атлас гочевских древностей» и частично «дневник раскопок», но это не единственные материалы, связанные с исследованиями Д. Я. Самоквасова. В статье рассмотрены архивные источники — переписка исследователя с Императорской археологической комиссией, неопубликованная первая часть рукописи, посвященной раскопаным курганам, с описью курганов, и фотографии находок.

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-26-199-206

В 1909 г. профессор Д. Я. Самоквасов произвел масштабные раскопки Гочевского курганного могильника: меньше чем за неделю было исследовано 278 насыпей (Дневник раскопок 1915: 5). Материалы этого исследования хранятся в Курском государственном областном музее археологии, дневник раскопок и «Атлас гочевских древностей» были изданы уже после смерти ученого в 1915 г. Дневник раскопок и приложение к нему в виде атласа с рисунками предметов являются ценными источниками для изучения Гочевского могильника, но это не единственные материалы, связанные с исследованиями Д. Я. Самоквасова. Не менее информативными оказываются и другие источники — архивные документы, хранящиеся в архиве ИИМК РАН. Это переписка исследователя с Императорской археологической комиссией (далее ИАК), первая часть рукописи, посвященной раскопаным курганам, с описью курганов и фотографии находок. Задача настоящей работы — введение двух последних источников в научный оборот.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (№ FMZF-2022-0015).

² А. Ю. Кононович — Отдел истории русской культуры, Государственный Эрмитаж; Санкт-Петербург, 190000, Россия; Д. А. Кукина — Научный архив, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Создание описываемых документов и попадание их в архив теснейшим образом связано с историей публикации материалов исследования Д. Я. Самоквасова. Известно, что 27 августа 1909 г. с места раскопок ученый увозит с собой в Москву материалы из 26 курганов, которые он посчитал наиболее информативными. Из письма исследователя от 10 октября 1909 г. мы знаем, что он планировал использовать находки для экспонирования на ежегодной выставке ИАК:

«Открытый лист за № 997, выданный одиннадцатого июня 1909 года Императорской Археологической комиссией Курской губернской ученой архивной комиссии и переданный мне ее председателем А. Н. Кобылиным одновременно с постановлением о поручении моему руководству раскопок в Курской губернии, Обоянского уезда, в окрестностях села Гочева. К открытому листу приложена перечневая опись предметам древности, найденным в двадцати шести курганах громадного могильника, прилежащего к Гочевскому городищу. Содержание этих курганов выбрано мной из двухсот семидесяти восьми могил, раскопанных в окрестностях села Гочева, как наиболее ценное, оригинальное и интересное в археологическом отношении, для выставки нашей Комиссии, обозреваемой Государем Императором. Подлинники ныне находятся в заведении г-на Никольского, бывшем Ренара, где будут изготовлены с них фототипические таблицы для предположенного мной издания, а затем будут доставлены в помещение нашей Комиссии» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1908 г. Д. 162. Л. 33–33об.).

Именно эти материалы были изучены и подготовлены к изданию самим Д. Я. Самоквасовым. Остальные предметы, оставшиеся в Курске, были обработаны, законсервированы и нашиты на планшеты К. П. Сосновским и О. П. Амелиным, членами Курской губернской архивной комиссии, которая была главным инициатором раскопок в Обоянском уезде.

Д. Я. Самоквасов планировал монографическое издание результатов своих раскопок, состоящее из трех частей. Первая часть должна была быть посвящена описанию погребений, форм насыпей и описанию находок, вторая — описанию и определению значения гочевских древностей, в третьей части планировалось установить время бытования гочевских древностей и определить народность, которая оставила могильник. О своих планах ученый сообщал ИАК в письме от 26 октября 1909 г.:

«Первую часть моей работы, долженствующей составить особый выпуск „Материалов по археологии России“, если таковой будет мне предоставлен Комиссией. Высылаемая часть работы посвящена описанию форм и содержания земляных насыпей, исследованных раскопками текущего года в окрестностях с. Гочева. Вторая часть, посвященная описанию форм и определению значения гочевских древностей, уже почти закончена мной и, по переписке набело, будет выслана в Комиссию через неделю. Третью часть, посвященную определению времени и народностей гочевских древностей, я надеюсь выслать в Комиссию через две недели, и тогда можно будет приступить к печатанию; к тому времени г-н Никольский обещал закончить изготовление фототипических таблиц, изображающих образцы гочевских древностей, характеризующих содержание песчаных россыпей и громадного курганного могильника, сопровождающего Гочевское городище» (НА ИИМК. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1908 г. Д. 162. Л. 33–33об.).

Д. Я. Самоквасов просил у Комиссии выделить для издания гочевских древностей (на примере 26 отобранных им курганов) отдельный номер «Материалов по археологии России»:

35

Перечневая опись предметам древности, доставленным

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ из раскопок, произведенных в 1909 г. в Курганской губернии, Свояцкой уезде, в курганах окруженной селом Угова

№ Дьяло 190 г. №

№	ПЕРЕЧЕНЬ ПРЕДМЕТОВЪ.	ПРИМЪЧАНІЯ.
	<u>Курганъ № I.</u>	
1.	Бронзовый массивный навагонимый деревянной ручки меча, с узорчатомъ бронзовомъ концевомъ и с узорчатымъ знакамъ въ круглахъ изъ двухъ линий, инкрустированномъ серебромъ на лицевой стороне.	Костякъ мужской, большого кургана. Въ ножнахъ лопатышныя, несовершенныя и обломанныя, въ единичномъ экземпляре: золотого на 3, серебрянаго на 5, съ обломками утолщеній на 3.3 и 4.3, обломкишныя и восточныя концы въ разныхъ формахъ; туркменские на стани, удерживающыя, но въ ножнахъ въ туркменскія; ручки въ разныхъ формахъ: восточныя по обломкамъ туркменскихъ, одна восточная, другая на туркменскія, съ на туркменскія въ разныхъ формахъ. Костякъ мужской.
2 и 3.	Два массивные бронзовые узорчатые дьяки, имевшія на и подъ остатками разломившейся деревянной ручки меча, которую она скрыта была съ помощью меча посредствомъ трехъ желѣзныхъ заклепокъ.	
	<u>Курганъ № II.</u>	
4.	Свинцовая прищипка для ловли рыбы, съ привѣскамъ въ нее бронзовыми крючкочкомъ-удиломъ.	
5.	Боевой желѣзный топоръ.	
6.	Желѣзный мечъ со слѣдами разломившейся деревянной рукоятки.	
	<u>Курганъ № III.</u>	
7.	Три головные серебряные концы, безъ стайки концевъ.	Костякъ молодого человека.
8.	Пять серебряныхъ и бронзовыхъ концевъ, безъ стайки, и одно кольцо съ закрученными въ чашку концами	

Рис. 1. Фрагмент описи материалов из гочевских курганов, отобранных Д. Я. Самоквасовым (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1908 г. Д. 162. Л. 35)

Fig. 1. Fragment of the inventory list of Gochevo materials selected by D. Ya. Samokvasov (Manuscript Division SA IHMC RAS. F. 1. Inv. 1. 1908. F. 162. L. 35)

Рис. 2. Фото планшета с находками из кургана X (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q 677-1)
Fig. 2. Board with finds from barrow X (Photo Division SA IHMC RAS. Print Q 677-1)

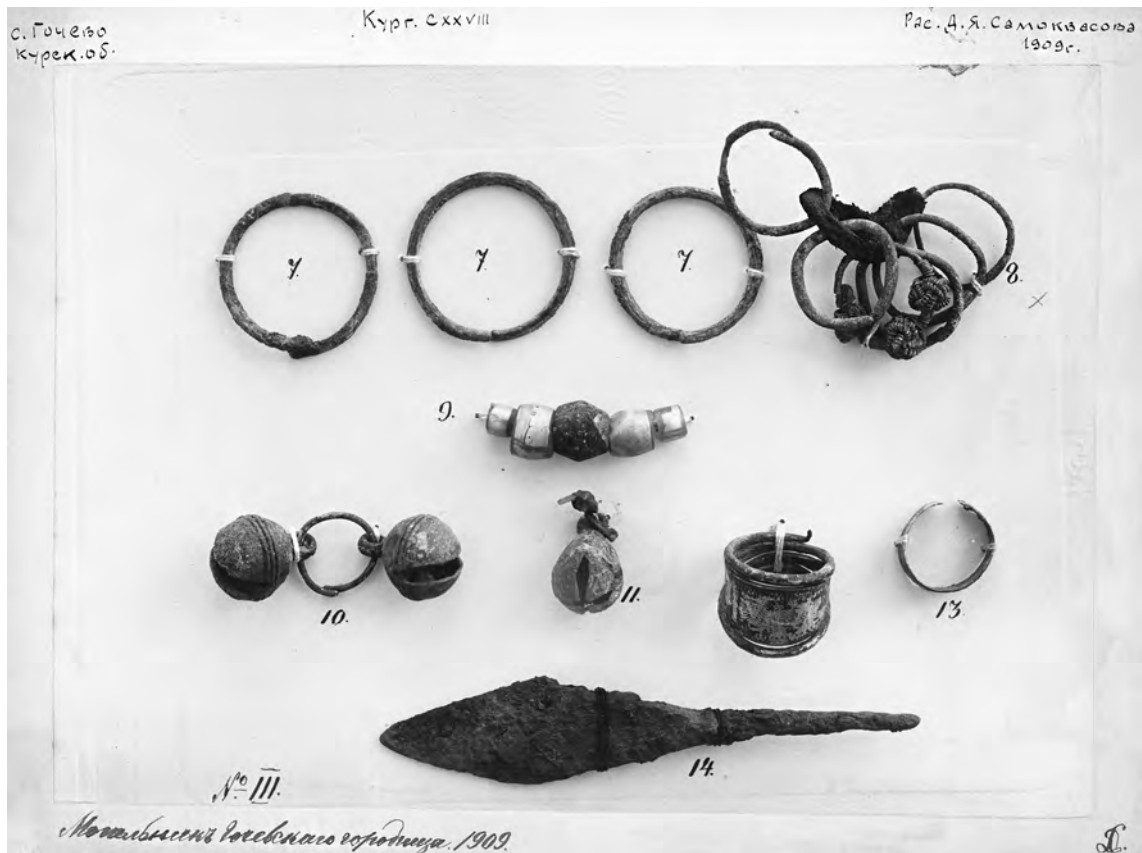

Рис. 3. Фото планшета с находками из кургана СХХVIII (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q 677-21)
Fig. 3. Board with finds from barrow CXXVIII (Photo Division SA IHMC RAS. Print Q 677-21)

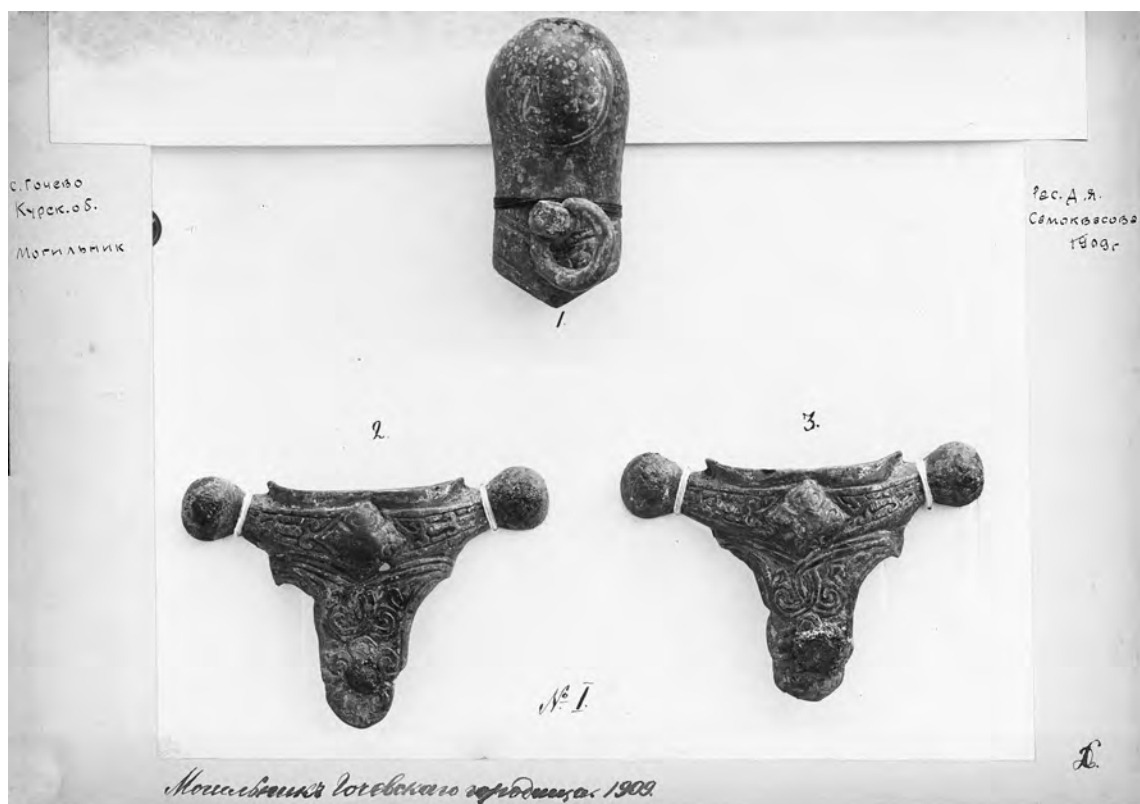

Рис. 4. Фото планшета с находками из кургана I (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q 677-26)

Fig. 4. Board with finds from barrow I (Photo Division SA IHMC RAS. Print Q 677-26)

«Ныне, получив возможность возвратиться к археологическим работам, я хочу сначала обработать и издать гочевские древности, ввиду настоятельной просьбы заинтересованной в этом деле Курской губернской ученой архивной комиссии, а затем уже возвратиться к работам по изданию северянских древностей.

Не найдет ли Императорская Археологическая комиссия возможным предоставить для издания гочевских древностей один выпуск „Материалов по археологии России“. По сметам г-на Никольского и Синодальной типографии издание этого выпуска с фототипическими таблицами всех предметов вышесказанной «перечневой описи» будет стоить около семисот рублей» (Там же: Л. 27–28об.).

Профессор готовит опись (рис. 1), составленную по комплексам из отобранных им 26 курганов, а также отсылает вместе с описью и рукописью фотографии предметов из них. Именно эти снимки удалось обнаружить в фотоотделе архива ИИМК РАН, в фонде А. А. Спицына (НА ИИМК РАН. ФО. Альбом Q 677) (рис. 2–4). Это 28 отпечатков, наклеенных на картон, на котором рукой Д. Я. Самоквасова написано «Могильник Гочевского городища, 1909», на отпечатках также присутствует монограмма «ДС». Сложно сказать, когда и как эти изображения попали к А. А. Спицыну. Известно, что именно этому ученому было поручено в 1909 г. составить проект ответа на предложение Д. Я. Самоквасова по их изданию. Однако они вполне могли быть позаимствованы ученым у ИАК и позднее, для научной работы, а затем, после смерти А. А. Спицына, оказаться среди вещей его кабинета и быть переданными в архив.

В рукописном отделе архива хранится, по-видимому, и первая часть упомянутой выше рукописи, присланная Д. Я. Самоквасовым на рассмотрение в ИАК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1908 г. Д. 162. Л. 45). В ней содержатся подробные сведения о ходе раскопок не только Гочевского могильника, но и двух прилегающих городищ, и ряда других памятников. Описание произведенных работ здесь более детальное, чем то, что в итоге было опубликовано К. П. Сосновским в «Дневнике раскопок». В документе содержатся сведения о 26 курганах — описание устройства погребений и состава погребального инвентаря: это именно то, что описывал исследователь как первую часть своей рукописи. Сохранились ли остальные части — неизвестно.

Не дождавшись ответа от ИАК, Д. Я. Самоквасов решает передать все свои материалы в Курск, где к тому времени К. П. Сосновский уже начал деятельность по подготовке к изданию дневников раскопок, а также рисунков добытого материала, о чем он сообщает в своем письме:

«Сегодня получил Ваше письмо от 30 ноября. По поводу предложения Московского Археологического института должен сообщить еще: я дал уже заказ фабрике на высылку $16 \frac{1}{2}$ стоп бумаги (в стопе 480 листов) по 14 рублей за стопу, всего на 231 рубль; да доставка ее обойдется 12–15 рублей; таким образом, я сделал уже затрату в 243–245 рублей; это количество бумаги рассчитано на 600 экземпляров издания по 52 таблицы, так как каждый лист будет разрезан на 4 части, за исключением плана.

Бумагу я выбрал после сношения с фабриками; образец ее прилагаю. Но я полагаю, что эту бумагу можно будет поместить в какую-нибудь типографию с небольшой уступкой, если Вы решите перенести печатание таблиц в Москву. Так что с этой стороны вряд ли будут затруднения; гораздо будет труднее с поручением исполнения работ другому лицу по нашим рисункам, так как тут могут быть многие неприятности и случайности. Но с ними еще можно было бы примириться! А вот с лишением удовольствия и наслаждения, которое мы испытываем в этом труде, ни я, ни мои ретивые сотрудники мириться не хотим. Мы все охотно работаем над изданием, сознавая, что выполняем идейное дело и желали бы довести его до конца, чтобы видеть результаты своего труда. Когда я прочитал им сегодня Ваше письмо, то понял их настроение; мне просто жалко было видеть, так они были огорчены! Поэтому я просил бы Вас, глубокоуважаемый Дмитрий Яковлевич, не изменять то решение, к которому мы пришли ранее. Если тут вопрос средств, то я готов принять участие в части расходов; но лишить моих милых сотрудников удовольствия самим выполнить работу до конца я не в силах. Я должен Вам сказать, что присланных Вами 300 рублей нам совершенно достаточно и не попрошу у Вас для этого дела ни копейки.

Теперь решайте сами, как поступить; мы же готовы подчиниться Вашему решению, каково бы оно ни было.

Для того, чтобы наши рисунки были лучше, я тоже по Вашему примеру фотографирую некоторые таблицы. Поэтому нашей работой Вы останетесь довольны. А затем прошу припомнить мое предложение об издании таблиц к „Могилам русской земли“. Вот если по окончании издания гочевских раскопок Вы увидите, что мы можем удовлетворить Вашему вкусу, то тогда мы могли бы придти к Вам на помощь и в этом атласе и он Вам будет стоить недорого. Подсчитаю расходы примерно: положим, таблиц будет 300, а издание в 600 экземплярах; тогда бумаги пойдет около 100 стоп ($600 \times 30: 4 \times 480$), то есть на 1400 рублей; фотографирование 300 таблиц — 450 рублей; да моему рисовальщику 200 рублей за два месяца жизни в Москве, для сверки фотографий с вещами — всего — $1400 + 450 + 200 = 2000$ рублей (так в оригинале. — *Авт.*). Если же таблиц будет 200, издание в 500 экземплярах.

Искренне преданный Вам К. П. Сосновский» (Щавелёв 2021: 331, 332).

После того как Д. Я. Самоквасов сообщает в ИАК о том, что перевез все материалы в Курск, А. А. Спицын просит его прислать в распоряжение Комиссии хотя бы самые типичные вещи из раскопок для издания в «Известиях ИАК», чтобы они стали доступны широкой общественности. Д. Я. Самоквасов отнесся к предложению с критикой, в ответном письме он выражал сомнения в целесообразности такой публикации: «Я не имею права „разрешить“ или воспретить Комиссии издание „типичных вещей“ из коллекции древностей, выкопанных в текущем году в окрестностях с. Гочева Курской губернии, но думаю, что субъективный выбор типичных вещей из могильного содержания, издания таких вещей и выводы, на них основанные, приносят русской археологии больше вреда, нежели пользы...» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1908 г. Д. 162. Л. 15–15об.).

В итоге Д. Я. Самоквасов и К. П. Сосновский условились подготовить труд, состоящий из двух больших частей: теоретического раздела, автором которого стал бы Д. Я. Самоквасов, и фактического (планы, дневники, рисунки), создание которого было задачей К. П. Сосновского. Этим планам не суждено было сбыться — материалы раскопок были изданы только после смерти Д. Я. Самоквасова в 1915 г. Подготовкой издания занимались К. П. Сосновский и его команда, однако ими были опубликованы далеко не все теоретические материалы, подготовленные профессором, а в «Атласе гочевских древностей» представлены материалы только из 180 курганов.

Гочевский курганный могильник изучается уже больше 100 лет, однако материалы исследований введены в научный оборот частично, а коллекция Д. Я. Самоквасова до сих пор известна только по воспроизведенным рисункам вещей в «Атласе». Увидеть часть коллекции своими глазами можно на экспозиции Курского областного музея археологии. Военные годы и последовавшее за ними непростое время негативно сказались на сохранности коллекции, так, например, был утрачен крест с так называемым грубым изображением распятого Христа из кургана 37. Ранее предмет был известен только по рисунку из «Атласа», теперь в нашем распоряжении имеется фотография креста, по которой мы можем судить о нем более объективно (НА ИИМК РАН. ФО. Отп. Q 677-3).

Таким образом, вновь открытые в архиве ИИМК РАН фотографии планшетов с вещами из гочевских раскопок Д. Я. Самоквасова и часть рукописи с подробным описанием работ в Обоянском уезде и устройства раскопанных курганов являются ценным источником для изучения памятника. В условиях, когда коллекция не сохранила своей целостности, а некоторые вещи из нее известны нам только по рисункам, эти документы позволяют существенно дополнить наши представления о найденных Д. Я. Самоквасовым вещах. Изучение переписки ученого с ИАК позволяет реконструировать непростую историю публикации его исследований, не менее интересных для нынешнего специалиста, чем для его современников.

Литература и источники

- Дневник раскопок 1915 — Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда, Курской губернии, произведенных проф. Д. Я. Самоквасовым в августе 1909 года / Курск. губ. учен. арх. комис. Москва: Синод. тип., 1915. 40 с.
- Щавелёв 2021 — *Щавелёв С. П.* Археология, история и архивное дело России в переписке Д. Я. Самоквасова (1843–1911). 4-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2021. 506 с.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1908 г. Д. 162; ФО. Альбом Q 677.

**GOCHEVO CEMETERY AS STUDIED BY D. YA. SAMOKVASOV
(BASED ON THE MATERIALS FROM THE SCHOLARLY ARCHIVE OF IHMC RAS)**

A. YU. KONONOVICH, D. A. KUKINA

Keywords: *Middle Ages, D. Ya. Samokvasov, Gochevo barrow cemetery, "Atlas of Gochevo antiquities", Imperial Archaeological Commission, K. P. Sosnovsky.*

In 1909 professor D. Ya. Samokvasov conducted excavations of the Gochevo barrow cemetery and studied 278 mounds. The collection obtained as a result of that work was later distributed between a number of museums and partly lost, no complete publication of the materials is available. The "Atlas of Gochevo antiquities" published after Samokvasov's death is not the only source of information about his research. The paper deals with archive materials stored in IHMC RAS, including the correspondence between Samokvasov and Imperial Archaeological Commission, and unpublished first part of his manuscript devoted to the Gochevo barrows and containing an inventory list and photographs of finds.

РЕЦЕНЗИИ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО РАННЕЙ ЛАДОГЕ

Рецензия на книгу: О. В. Орфинская, К. А. Михайлов.

«Текстиль Старой Ладogi эпохи викингов» / Отв. ред.

Н. И. Платонова. СПб.: ARS longa, 2020 (Тр. ИИМК РАН. Т. LVI).

372 с.: ил. ISBN 978-5-6041742-8-9¹

А. В. КУРБАТОВ²

DOI: 10.31600/2310-6557-2022-26-207-211

Недавно в «Археологических вестях» появилась небольшая рецензия на книгу двух петербургских исследователей о текстиле из древнейших слоев Старой Ладogi замечательного специалиста по истории и археологии Карелии С. И. Кочкуркиной (2021). Перу С. И. Кочкуркиной принадлежит совместная с О. В. Орфинской монография по текстилю Приладожской курганной культуры (Кочкуркина, Орфинская 2014). Это показывает давнее знакомство рецензента с предметом исследования. Однако в короткой рецензии уважаемая Светлана Ивановна основное внимание уделила оценке разнообразных историко-археологических связей Ладogi с Приладожьем и Карелией, тогда как по существу рецензируемой монографии она ограничилась констатацией важности работы по древним тканям и высокого уровня проработки материала. Поэтому представляется необходимым более детально оценить книгу О. В. Орфинской и К. А. Михайлова по древним тканям Ладogi.

Работа объемом 372 страницы включает разделы по планиграфии и хронологии текстильных находок (автор К. А. Михайлов), вещеведческому технологическому анализу всех находок (автор О. В. Орфинская), а также каталог с описаниями, фотографиями и техническими схемами выделки тканей, включающий 173 таблицы (написан авторами совместно). Эту основную часть дополняют приложения: список находок и их номеров по горизонтам (К. А. Михайлов), аналитические таблицы с технологической характеристикой тканей (О. В. Орфинская), а также обширный список использованных архивных источников и научной литературы. Можно отметить высокий уровень иллюстраций, включающих цветные фотографии каждой находки, макроснимки органических волокон и схемы текстильных плетений. Уже на стадии подготовки работы в нее были включены, кроме тканей, предметы и изделия из войлока и меха.

¹ Рецензия написана в рамках выполнения программ ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Данная работа продолжает серию публикаций материалов и исследований Старой Ладogi, начатую ИИМК РАН с целью формирования особого, Ладожского, корпуса археологических источников. В предисловии ответственный редактор выпуска д-р ист. наук Н. И. Платонова справедливо указала на трудности источниковедческой работы, которые успешно преодолели авторы исследования. Чтобы понять это, достаточно увидеть, что вошедшие в него материалы были получены за очень длительный период изучения памятника (с 1909 по 2013 г.), на протяжении которого методика полевых исследований сильно менялась. Кроме того, имеются неизбежные изменения и утраты части сведений, происходившие и на стадии полевой фиксации, и в ходе последующей музейной обработки. Редактор также справедливо отметила корректность анализа документации по каждому предмету и тщательность научной обработки всех находок на современном методическом уровне.

В книгу вошли все материалы, хранящиеся в Государственном Эрмитаже и Староладожском историко-архитектурном и археологическом музее-заповеднике. Это позволило авторам в абсолютной полноте представить специфический материал памятника — находки тканей, войлока и меха в слоях IX–X вв., а также немногочисленные находки позднего средневековья с Земляного городища.

Однако было бы неверным считать представленный в работе материал исчерпывающим для данного памятника. А именно, в ней показан не весь объем находок, полученных при раскопках 2009–2013 гг. на Земляном городище, на раскопах 4 и 5 у южной границы Земляного городища (рис. 1 в рецензируемом издании).

Например, на раскопе 3 в 2009 г. среди 68 предметов из кожи и меха присутствовал мешочек из меха бобра с завязкой. По полевым документам он найден в кв. М-XVIII на глубине 86 см (№ п/о 395). Поэтому неожиданным оказалось отсутствие этой находки в своде К. А. Михайлова и О. В. Орфинской, тем более что за последние годы предмет публиковался несколько раз (Курбатов 2015: 72; 2018: 303; 2020: 125). Но здесь важен не просто первый факт археологической фиксации в раскопах меха бобра, хотя он и имеет значение сам по себе, но и особое место бобра в средневековой культуре, раскрываемое в последней из указанных работ. Кроме того, летописное упоминание под 1241 г. «бобровых тул» (СлРЯ XI–XVII вв. 1975: 254) недавно стало основой интересного историко-археологического этюда (Мусин 2021: 224 и сл.).

Определенные нестыковки выявлены и по количеству войлока и меха. Из Приложения 1 рецензируемой работы видно, что в каталог не вошли находки 2011–2013 гг. из раскопа 5. Так, в 2012 г. были найдены четыре куска войлока и два обрывка тканей, один из которых был обмазан дегтем. В 2013 г. были находки куска меха, спрессованного животного волоса и двух фрагментов войлока (Кирпичников 2014: приложение; Курбатов 2018: 303–305, 308).

В рецензируемой работе были разобраны несколько композитных изделий, включающих деревянную основу и войлок или ткань, привязанные к такой основе. При этом один из авторов называет семь предметов (с. 21, раздел написан К. А. Михайловым), а второй — восемь (с. 54–56, раздел написан О. В. Орфинской). Из текста видно, что К. А. Михайлов не учитывает вещь под № 17 из каталога. Более того, в работе П. Е. Сорокина, которую отметил К. А. Михайлов (с. 22), также указано восемь находок лопаточек в Старой Ладoge.

В каталог рецензируемой работы не включена находка ткани, намазанной дегтем, на раскопе 4 в 2009 г. (Кирпичников 2010: Л. 9). Также здесь не рассмотрены упомянутые выше находки 2013 г. — два фрагмента войлока, которые являются накладками одной

деревянной лопатки для смоления лодок. Это был кусок *полсти* толщиной 1,0–1,3 см, сложенный вдвое и, вероятно, набивавшийся на деревянную лопатку. Размеры в сложенном состоянии — 11,3 × 9,5 см, что должно отражать размер рабочей части лопаточки. На обоих кусках войлока снаружи хорошо сохранился деготь с его специфическим запахом и цветом, что и сегодня прекрасно ощущается после 1200-летнего попадания в слой. При очистке находки автором настоящей рецензии было отмечено, что деготь плохо вымывался из войлока даже при использовании щелочей (хозяйственного мыла).

Краткая ссылка на работу П. Е. Сорокина (1997: 42) при оценке вероятного использования таких предметов в древности не помогает полностью раскрыть историко-культурное значение фактов массового применения однотипных изделий для смоления лодок в достаточно ограниченный период IX–X вв. на старолadoжском поселении. Этот феномен был рассмотрен в недавней коллективной монографии по Старой Ладогe (Новое в археологии... 2018: 304, 305, 308). Там отмечено, что название появляется уже в документах XVIII в. в форме *квачь* в значении «кисть, помазок»: «Для покрывания сего <дерева> употребляется большая кисть или квачь из самой тонкой щетины, таковая какою конопатят водоходных суда» (СлРЯ XVIII в. 1998: 28). В формах *квоch*, или *квач*, термин сохраняется в диалектах северо-западных областей России в XX в. как название инструмента в форме кисти для смоления лодок (СРНГ 1977: 162).

Вслед за С. Н. Орловым, упомянувшим кисти для смоления лодок в своей диссертации по деревянным изделиям Старолadoжской экспедиции, но уже в опубликованной статье такие лопаточки отметил Б. А. Колчин при описании техники уплотнения стыков между досками обшивки лодок, остатки которых найдены в средневековом Новгороде (Колчин 1968: 62).

Такая трактовка специфических предметов в Новгороде в последние годы получила отклик среди исследователей. Подводя итог своей многолетней работы по изучению сухопутного и водного транспорта средневекового Новгорода, Г. Е. Дубровин специально отмечал, что большинство корпусных деталей новгородских судов имеют следы смоления, и поэтому находимые в культурном слое кисти для смоления, иногда называемые факелами, следует связывать с водным транспортом. На всех раскопах в Новгороде он определил 77 деревянных кистей разной формы, в том числе в виде лопатки с расширенным рабочим концом, вокруг которого могли оборачивать войлок, ткань или мех и обвязывать веревкой. В других случаях в лопатке делались отверстия, куда продевалась веревка, крепившая материал, накрученный на лопатку (Дубровин 2000: 91, 92). В 2004 г. он же определил на Никитинском раскопе как вероятную еще одну кисть для смоления лодки (Дубровин и др. 2005: 26). Таким образом, мы видим в Новгороде самое большое собрание на одном памятнике столь специфических предметов.

В раскопках последних лет лопатки для смоления лодок были найдены в Старой Руссе и Твери (Колосницын 2009: 403; Шуреев 2010: 253; Лапшин 2009: 133). А ранее П. Е. Сорокин выделил одну подобную находку в материалах из крепости Орешек (Сорокин 1997: 42, табл. X).

В итоге нам в материальной форме открывается давняя техника смоления лодок, речных и морских судов, наиболее раннее проявление которой обнаружено в Старой Ладогe, где ограниченное время целенаправленно велось смоление лодок и судов. Это подтверждает более ранние оценки старолadoжского поселения не только как центра ремесла и торговли, но и как места стоянки и ремонта судов, а также перевалки грузов на торговом пути «из варяг в греки» (см. напр.: Кирпичников 1985: 25).

С учетом изложенного нам представляется неверной скупая оценка *квоchей* и в целом оценка специфики ладожского поселения, которую показали авторы последней

работы по тканям из Ладоги. Тем более что столь незначительный и частный сюжет уже нашел свое дальнейшее развитие. Недавние исследования двух ладожских *квочей* методом газожидкостной хроматографии с масс-спектрометрическим детектором показали, что темная пропитка предметов — это смола хвойных деревьев (живица), прошедшая термическую обработку, то есть вар (Сениченкова, Урюпов 2020: 389 и сл.).

За рамками книги остался и анализ сырья, хотя в работе сделана оговорка относительно анализа сырьевой базы для шерсти (с. 61). А отсутствие отсылок к работам последних лет выглядит определенной недоработкой авторов. Использование естественнонаучных методов для таких определений расширяется. В последние годы в ИИМК разрабатывался метод полиполяризации для определения источников сырья шерстяных изделий (Куликов и др. 2017: 259 и сл.). Анализу подверглись несколько десятков образцов шерстяной ткани и войлока из Новгорода, Старой Руссы и Польши, а также единичные предметы из Старой Ладоги, Ярославля и Беларуси. Предлагаемые выводы исследователей оказались очень неожиданны — все изученные образцы определяются как шерсть верблюда.

Для таких исследований сегодня используется и метод сканирующей электронной микроскопии, который, судя по публикациям, дает вполне достоверные результаты. Так, в захоронении ребенка раннескифского времени в могильнике Сарыг-Булун (Тува) был установлен видовой источник меха шубы — грызун из семейства тушканчиковых (Килуновская и др. 2020: 391, 393).

В целом, современные методы исследований природных материалов расширяют источниковую базу для культурно-исторических выводов о быте, ремесле, торговых связях и традициях древних коллективов. Все это было бы закономерно видеть и в работах по материалам Старой Ладоги.

Литература и источники

- Дубровин 2000 — Дубровин Г. Е. Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв. по археологическим данным. М.: ИА РАН, 2000. Т. 1. 444 с. Т. 2. 156 с.
- Дубровин и др. 2005 — Дубровин Г. Е., Козлова А. В., Федорук Н. С. Работы на Никитинском раскопе в 2004 г. // ННЗИА. 2005. Вып. 19. С. 22–29.
- Килуновская и др. 2020 — Килуновская М. Е., Семенов В. А., Бусова В. С., Мустафин Х. Х., Альборова И. Э., Мацвай А. Д. Уникальное захоронение ребенка раннескифского времени на могильнике Сарыг-Булун (Тува) // *Stratum plus*. 2020. № 3. С. 379–406.
- Кирпичников 1985 — Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Седов В. В. (отв. ред.). Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования: Сб. ст. Л.: Наука, 1985. С. 3–26.
- Кирпичников 2010 — Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2009 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 2009 г. Д. 28.
- Кирпичников 2014 — Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции Института истории материальной культуры РАН в с. Старая Ладога Волховского района Ленинградской области в 2013 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1. 2013 г. Д. 36.
- Колосницын 2009 — Колосницын П. П. Деревянные детали сухопутных и водных транспортных средств XI–XII вв. в материалах Борисоглебского раскопа в Старой Руссе // ННЗИА. 2009. Вып. 23. С. 397–405.
- Колчин 1968 — Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия. М.: Наука, 1968. 184 с. (САИ. Вып. Е1-55).

- Кочкуркина 2021 — *Кочкуркина С. И.* Новые исследования археологического текстиля Старой Ладogi // АВ. 2021. Вып. 33. С. 203–205.
- Кочкуркина, Орфинская 2014 — *Кочкуркина С. И., Орфинская О. В.* Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск: Изд-во Карельского НЦ РАН, 2014. 140 с.
- Куликов и др. 2017 — *Куликов В. Е., Медникова Е. Ю., Миняев С. С.* О верблюжьей и овечьей шерсти // АВ. 2017. Вып. 23. С. 259–264.
- Курбатов 2015 — *Курбатов А. В.* Кожаные предметы из раскопов 3–5 на Земляном городище Старой Ладogi // Кирпичников А. Н. (отв. ред.). Ладoga и Ладожская земля в эпоху средневековья. Вып. 5: Мат-лы МК «Ладoga и Северная Русь в первые века русской истории» (Старая Ладoga, 13 июня 2015 г.). СПб.: Нестор-История, 2015. С. 48–100.
- Новое в археологии... 2018 — Платонова Н. И., Лапшин В. А. (отв. ред.). Новое в археологии Старой Ладogi: материалы и исследования: колл. монография. СПб.: Невская книжная типография, 2018. 536 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. LIII).
- Курбатов 2020 — *Курбатов А. В.* Биоресурсы в древности: о месте бобра в материальной и духовной культуре древней Руси // ЗИИМК. 2020. № 23. С. 119–131.
- Лапшин 2009 — *Лапшин В. А.* Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Изд-во Факультета филологии и искусств СПбГУ, 2009. 534 с. (Тр. ИИМК РАН. Т. XXX).
- Мусин 2021 — *Мусин А. Е.* Бобровый тул или бобровая тула? Историко-археологический этюд // ЗИИМК. 2021. № 25. С. 224–233.
- Сениченкова, Урюпов 2020 — *Сениченкова Т. Б., Урюпов С. О.* К вопросу о древней технологии смолварения // Рабинович Р. А., Тельнов Н. П. (ред.). «На одно крыло — серебряная, на другое — золотая»: Сб. ст. памяти С. Рябцевой. Кишинёв: Высшая антропологическая школа, 2020. С. 389–394 (Библиотека «Stratum plus»).
- СлРЯ XI–XVII вв. 1975 — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 1: А–Б / Бахилина Н. Б., Богатова Г. А., Прокопович Е. Н. (сост.) [и др.]. М.: Наука, 1975. 371 с.
- СлРЯ XVIII в. 1998 — *Словарь русского языка XVIII в.* Вып. 10: Кастальский — Крепостца / Алексеев А. А. и др. (сост.). Л.: Наука, 1998. 256 с.
- СРНГ 1977 — *Словарь русских народных говоров.* Вып. 13: Калун–Кабза / Андреева-Васина Н. И. и др. (сост.); Филин Ф. П. (гл. ред.). Л.: Наука, 1977. 358 с.
- Сорокин 1997 — *Сорокин П. Е.* Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб.: Изд-во. СПбГУ, 1997. 208 с.
- Шуреев 2010 — *Шуреев А. В.* Новые материалы к классификации судовых деталей из раскопок в Новгороде // ННЗИА. 2010. Вып. 24. С. 248–258.

A NEW STUDY ON STARAYA LADOGA.

Review of: O. V. Orfinskaya, K. A. Mikhailov. The Viking Age Textiles of Staraya Ladoga / Ed. by N. I. Platonova. St. Petersburg: ARS longa, 2020 (Proceedings of IHMC RAS. Vol. LVI). 372 p.: ills. ISBN 978-5-6041742-8-9

A. V. KURBATOV

Keywords: Staraya Ladoga, Viking Age, textiles, leather, fur, beaver.

The review is devoted to the analysis of the book by O. V. Orfinskaya, K. A. Mikhailov *The Viking Age Textiles of Staraya Ladoga* and draws attention to some omissions of the authors in the analysis of materials from archaeological excavations.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АБИГИ — Абхазский институт гуманитарных исследований. Сухум
АБНИИК — Абхазский научно-исследовательский институт краеведения. Сухум
АБНО — Абхазское научное общество. Сухум
АВ — Археологические вести. СПб.
АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли: Семинар им. акад. В. В. Седова
АН — Академия наук
АО — Археологические открытия. М.
БАН — Библиотека Российской академии наук. Л./СПб.
ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей с зарубежьем
ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
Г.Н.К. — Главное управление научных, научно-художественных и музейных учреждений Народного комиссариата просвещения (Главнаука)
ГАИМК/
РАИМК — Государственная/Российская академия истории материальной культуры. Л./Пг.
ГАН — Государственные академии наук
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. М.
ГИМ — Государственный исторический музей. М.
ГМЗ — государственный музей-заповедник
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
Гохран — Государственное хранилище ценностей РСФСР. М.
ГУ — Государственный университет
ГЭ — Государственный Эрмитаж. Л./СПб.
ЗИИМК — Записки ИИМК РАН. СПб.
ИА — Институт археологии
ИАК — Императорская Археологическая комиссия. СПб.
ИАЭТ — Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск
ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН. Л.; М./СПб.
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- КИДИС — Кружок истории древнего мира и средних веков
КСИА — Краткие сообщения ИА АН СССР/РАН. М.; Л.
Л. — Ленинград
ЛГУ им.
А. С. Пушкина — Ленинградский ГУ им. А. С. Пушкина. Г. Пушкин.
ЛГУ/СПбГУ — Ленинградский/Санкт-Петербургский ГУ
л. н. — лет назад
М. — Москва
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
МГУ — Московский ГУ им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР — Материалы и исследования по археологии России
МИЗИС — Музей изящных искусств
МК — Международная конференция
ММК — Материалы международной конференции
МНК — Международная научная конференция
МОКНСМ — Министерство образования, культуры, науки и спорта Монголии
НА — Научный архив
НАВ — Нижневолжский археологический вестник
НАНУ — Национальная академия наук Украины
НАЭ — Новгородская археологическая экспедиция
НМЗ — Новгородский музей-заповедник
Нег. — негатив
НИИЯЛИ — Научно-исследовательский Институт языка, литературы и истории
НМЗ — Новгородский музей-заповедник
ННЗИА — Новгород и новгородская земля. История и археология. Великий
Новгород: Новгородский музей-заповедник
НОА — Научно-отраслевой архив
НПК — Научно-практическая конференция
НПЛ — Новгородская Первая Летопись
НЦ — Научный центр
ОАВЕС/
ОИПК — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири / Отдел истории
первобытной культуры, ГЭ
ОР — Отдел рукописей
Отп. — отпечаток
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РА/СА — Российская/Советская археология. М.
РАН — Российская академия наук
РО — Рукописный отдел
РФА — рентгенофлуоресцентный анализ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований. М.
САИ — Свод археологических источников. М.; Л.
Сб. — сборник
Сб. ст. — сборник статей
СО — Сибирское отделение
Совнарком — Совет народных комиссаров
СПб. — Санкт-Петербург
СТЭАН — Саяно-Тувинская экспедиция АН СССР
ТАС — Тверской археологический сборник
ТГОМ — Тверской государственный объединенный музей
ТДС — Тезисы докладов и сообщений
Тр. — Труды
Хохлов А. Н. (отв. ред.) Тверь, Тверская земля и сопредельные территории
ТТЗСТЭС — в эпоху средневековья. Тверь: Тверской научно-исследовательский историко-
археологический и реставрационный центр
ФНИ — Фундаментальные научные исследования
ФО — Фотоотдел
ЦГ — Центральное городище
ЦГРМ — Центральные государственные реставрационные мастерские
BAR — British Archaeological Reports
EDXRF — Energy Dispersive X-ray Fluorescence
ИНМС — Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg
IS — International series
RAS — Russian Academy of Sciences
SA — Scholarly Archive
SN — Serie Nova

Научное издание

**ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН № 26**

Главный редактор: В. А. Лапшин
Корректоры: Г. А. Седова, Л. Н. Образцова
Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, каб. 311
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; zapiski@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-36835 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ290 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 11.08.2022. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,65. Тираж 300 экз. Заказ 4125.
Дата выхода из печати 25.08.2022

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru

Цена свободная

